

№ 24 (143) 2012
Выпуск 16

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего проф-
фессионального образования «Белгородский
государственный национальный исследова-
тельский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук, профессор

О.В. Шевченко,
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,
декан факультета журналистики НИУ
«БелГУ», доктор филологических наук,
профессор

Заместители главного редактора:

И. А. Нагорный,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

О. Н. Прохорова,
профессор кафедры английского языка
и методики преподавания факультета
романо-германской филологии
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Сравнение как способ отражения образа космического пространства в поэзии начала XX века. **О. Н. Биль** 5

Определение объекта и предмета лингвоперсонологии.

Н. Г. Воронова 11

Основные принципы и тенденции в отношении к Западу в азербайджанской филологической мысли в конце XIX начале XX вв.

С. С. Зейналова 19

«И, в гроб сходя, благословил» (экзамен в Царскосельском лицее в оценке В. Ф. Ходасевича). **В. А. Черкасов** 23

Трансформация прецедентных феноменов в «антисказках»

В. С. Высоцкого как один из способов художественного отражения «советской действительности». **И. И. Чумак-Жунь, Д. А. Попкова** 28

Прагматика концепта «воровство» в русской языковой картине мира.

Г. М. Шипицына 35

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Австрийский вариант немецкого языка: внутренние факторы развития.

Е. В. Бондаренко, О. О. Чернова 40

Семантика существительных, номинирующих температурные ощущения (на материале русского, французского и английского языков).

Ж. А. Бубырева 44

Социолингвистический аспект заимствований в датском языке.

Э. В. Григораш 49

Прямое и переносное значение терминов ремесленного производства в пословицах английского языка. **Е. С. Данилова** 53

Кодирование как специфический способ образования лексики во французском молодежном социолекте. **Н. Н. Копытина** 61

О преимуществах представления ментальной структуры психических процессов (на материале английского языка). **И. А. Курьева** 67

Этический концепт «преданность»: актуализация в речи (на материале английского языка). **Ю. А. Курцова** 74

„...im Anfang war die Tat!“ – сегменты концептуального пространства, объективируемого лексемой «Tat», в творчестве И. В. Гёте.

Т. А. Нойгебауер 81

Непрозрачность аллюзии как проблема современного читателя (на материале английского и французского языков).

В. А. Нуриев 88

Фигуры речевого этикета на примере приветствия (на материале немецкого и русского языков). **А. А. Перкова, Ю. С. Блажевич** 96

Отражение процесса познания в языке: в поисках концептуальных оснований. **О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай, Ж. Багана,**

И. А. Курьева, Е. А. Сапронова 104

И. Ф. Исаев,
заведующий кафедрой педагогики
НИУ «БелГУ», доктор педагогических
наук, профессор

Н. И. Исаева,
профессор кафедры возрастной
и социальной психологии факультета
психологии НИУ «БелГУ»,
доктор психологических наук,
профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, г. Катовице
и Высшей гуманитарной школы,
Сосновец (Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиapedагогики

Консультант

Е. А. Кожемякин,
заведующий кафедрой коммуникатив-
стики, рекламы и связей
с общественностью факультета журнали-
стики Белгородского государственного
национального исследовательского
университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета, кандидат
филологических наук

Подготовка к печати *Т.Г. Лагутиной*
Оригинал-макет *И. И. Карпенко*,
Н.А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 28.12.2012
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 27,9
Тираж 1000 экз.
Заказ 387

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован
в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Структурно-семантическая характеристика немецких пословиц
с синтаксическими отклонениями. **Н. С. Цыбуля 111**

Семантика романских суффиксов в английском языке.
С. Я. Янутик 116

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

«Московские новости»: типологический и коммуникативно-
технологический аспекты. **Р. Арабият 124**

Словацкая периодическая печать в 1989 – 1992 гг. **М. А. Бондарь 130**

Сравнительный анализ образа Японии в творчестве В.В. Овчинникова и
В.Я. Цветова (на примере произведений «Ветка сакуры» и «Пятнадцатый
камень Сада Реандзи»). **И. Докучаева 137**

История не существующих ныне белгородских районных газет (на при-
мере газет «Ленинский путь», «Победа большевизма», «За большевист-
ские колхозы»). **Д. В. Зверева 141**

Газета «Bild»: тип издания, особенности функционирования, структурные
и содержательные характеристики. **В. В. Колесникова**,
И. И. Карпенко 146

Репрезентация процессов интеграции на постсоветском пространстве в
российской газетной периодике. **А. П. Короченский**,
Е. О. Труфанова 154

«Изгой» и «маргиналы»: изоляционизм информационной линии русских
националистических организаций в советской и постсоветской России (на
примере НПФ «Память»). **Д. Н. Нечаев, А. Е. Волкова 164**

Регулирование и саморегулирование журналистской деятельности: теория
и прагматика. **А. О. Панченко 170**

ПЕДАГОГИКА

Вопросы совершенствования оценки в современном учебно-образова-
тельном процессе (на примере преподавания музыки).
Л. П. Алешникова 176

Компьютерное сопровождение развития инновационного стиля профес-
сиональной деятельности будущего специалиста в процессе самостоятель-
ной работы. **О. В. Бойченко, Е. И. Ерошенкова**,
И. Ф. Исаев 182

Инновационная направленность подготовки будущего учителя к форми-
рованию целостной картины мира у школьников. **Н. Г. Медведева**,
Н. Л. Шеховская 188

Н.В. Особенности организации и содержания повышения квалификации
преподавателей в центрах дидактики высшей школы Германии на со-
временном этапе. **Т. А. Питерскова, И. В. Ирхина 194**

ПСИХОЛОГИЯ

К истокам «неклассической» психологии: попытка интерпретации пред-
ставлений о сущности психики в статье Л. С. Выготского «Методика реф-
лектологического и психологического исследования».
В. А. Карнауков 200

Влияние типологических особенностей саморегуляции на процесс соци-
ально-психологической адаптации городских и сельских студентов.
В. М. Кузьмина 206

Гендерные особенности переживания нестандартных профессиональных
ситуаций студентами гуманитарных вузов. **Е. М. Турок**,
Н. И. Исаева 210

Особенности самооценки людей пожилого возраста после выхода на пен-
сию. **Н. Г. Фирсова 218**

Психологические особенности развития конфликтологической компе-
тентности в подростковом возрасте. **М. Ю. Худаева 226**

Профессиональное развитие личности в изменяющейся перспективе.
Т. С. Чуйкова 230

Сведения об авторах **236**

Информация для авторов **239**

№ 24 (143) 2012
Issue 16

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin.
Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,
Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,
Faculty of Philology, Department of Russian Language and Teaching Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика
Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Comparison as the Way of Reflection of the Image of the Space in the Poetry of the Beginning of the XXth Century. **O. N. Bil 5**

Definition of Object and Subject Domain of Linguapersonology.
N. G. Voronova 11

The main Principles and Trends towards the West in Azerbaijani Literature (at the Turn of the XIX-XXth Century). **S. S. Zeynalova 19**

«... and blessed Us as He descended to the Grave» (the Examination in Tzar Village's Lyceum in V.F. Khodasevich's Opinion). **V. A. Cherkasov 23**

Transformation of precedent Phenomena in V. S. Vysotsky's «Anti-Fairy Tales» as one of Ways of Art Reflection of «the Soviet Reality». **I. I. Chumak-Zhun, D. A. Popkova 28**

The pragmatics of Larceny Concept in Russian Language Picture of the World. **G. M. Shipitsina 35**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

German Language Austrian Variant: inner Evolution Factors.

E. V. Bondarenko, O. O. Chernova 40

Semantics of Nouns nominated Temperature Sensations (on the Russian, French and English Language Material).

Zh. A. Bubyreva 44

Sociolinguistical Aspect of Loanwords in Danish. **E. V. Grigorash 49**

Direct and indirect Meanings of craftsmen professional Communities Proverbs and Sayings. **E. S. Danilova 53**

Encoding as a specific Way of Word Formation in French youth Socialect.
N. N. Kopytina 61

The positive Features of the psycho Processes mental Structure Study (on the English Language Material).

I. A. Kuprieva 67

The ethical (moral) Concept «Devotion»: Actualization in the Speech (on the English Language Material). **Y. A. Kuptsova 74**

„Im Anfang war die Tat!“ – Segments of the conceptual Space, represented by the lexical Unit «Tat», in Goethe's Works. **T. A. Neugebauer 81**

Opacity of the Allusion as the modern Reader's Problem. **V. A. Nuriev 88**

Greeting Speech Etiquette Formulas (based on German and Russian Languages Examples). **A. A. Perkova, Yu. S. Blazhevitch 96**

The Problem of Cognition Process Reflection in the Language Sphere: conceptual Basis Research. **O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai, J. Baghana, I. A. Kuprieva, E. A. Sapronova 104**

Structural and semantic Characteristics of German Proverbs with syntactic Deviation. **N. S. Tsybulya 111**

Semantics of Roman Suffixes in English Language. **S. Ya. Yanutik 116**

O. N. Prohorova,

Professor, Faculty of Roman and German Philology, Department of English Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I. F. Isaev,

Faculty of Psychology, Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

N. I. Isaeva,

Faculty of Psychology, Head of Department of Age and Social Psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,

Doctor of Humanities, professor of Silesian University, Katowice, professor of High School of Humanities, Sosnowiec (Poland)

X. Giro,

PhD, professor of Autonomous University of Barcelona, director of Department of Mass Media, Communication and Culture (Spain)

V. I. Lozovaya

Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov National University, member of Academy of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,

Doctor of Philology, professor of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,

Doctor of Philosophical Sciences, professor of Faculty of Journalism of Moscow State University

A. V. Fedorov,

Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector of Taganrog State Pedagogical Institute, president of Russian Association of Media Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,

Faculty of Journalism, Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Doctor of Philosophical Sciences, professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,

Associate Professor of the Faculty of Journalism (Belgorod National Research University)

Prepared for release *T.G. Lagutina*
Dummy layout by *I. I. Karpenko,*
N. A. Gaponenko
e-mail: *Korochensky@bsu.edu.ru*

Passed for printing 28.12. 2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 27,9
Circulation 1000 copies
Order 387

Subscription reference in Rospechat' agency catalogue – 81470

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

JOURNALISM AND PR

«Moscow News»: typological and communication-technological Aspects.

R. Arabyat 124

Slovak periodical Press in 1989 – 1992. **M. A. Bondar 130**

Comparative Analysis of the Image of Japan in V.V. Ovchinnikov and V.Y. Tsvetov's Works (based on the Books "Twig of Sakura" and "The 15th Stone of the reandzi Garden"). **I. Dokuchayeva 137**

History of already non-existing Belgorod District Newspapers (case of the Newspapers "Leninskiy Put", "Pobeda Bol'shevizma", "Za Bol'zhevistskiye Kolkhozy"). **D. V. Zvereva 141**

«Bild»: Publication Type, Features of Functioning, Structure and content Characteristics. **V. V. Kolesnikova, I. I. Karpenko 146**

The Representation of Integration Processes of Post-Soviet Republics in Russian Newspapers. **A. P. Korochensky, E. O. Troufanova 154**

"Rogue States" and "Marginals": Isolationism Information Line of Russian nationalist Organizations in Soviet and Post-Soviet Russia (the case of NPF "Memory"). **D. N. Nechaev, A. E. Volkova 164**

The Regulation and Self-regulation in Journalism: Theory and Pragmatics. **A. O. Panchenko 170**

PEDAGOGICS

Issues of evaluation development in modern teaching-learning process (on the example of music teaching). **L. P. Aleshnikova 176**

Computer Support of the Development of innovative Style of professional Activity of Students independent Work. **O. V. Boichenko, E. I. Eroshenkova, I. F. Isaev 182**

Innovative Orientation in future Teachers Training Aimed at forming integral Worldview at Schoolchildren . **N. G. Medvedeva, N. L. Shehovskaya 188**

N.B. The Features of the Teachers training Organization and Content at the higher Education Didactics Centers in Germany Today. **T. A. Piperskova, I. V. Irhina 194**

PSYCHOLOGY

To the Origins of the non-classic Psychology: the Attempt of Giving an Interpretation of the Notion "Psyché in the Artistic Reflexology and psychological Methodology" by L.S. Vygotsky

V. A. Karnauhov 200

Impact of the typological special Features of Self-Adjustment on the Process of the sociopsychological Adaptation of the urban and rural Students.

V. M. Kuzmina 206

Gender Aspects of experience of non-standard professional Situations by Humanities Universities Student. **E. M. Turok, N. I. Isaeva 210**

Self-image of advanced Age People after the Retirement.

N. G. Firsova 218

Psychological Characteristics of Development of conflictological Competence in Adolescence. **M. Y. Khudaeva 226**

Vocational Development of Person in modified Prospects.

T. S. Chuykova 230

Information about Authors **236**

Information for Authors **239**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ОБРАЗА КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

О. Н. Биль

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
bilol@yandex.ru*

В статье рассматривается сравнение как способ репрезентации космического пространства в поэзии начала XX века. В статье представлены лексические особенности структурных элементов сравнения, а также рассматриваются грамматические особенности данного тропа. Отмечены особенности функционирования сравнений в поэтических текстах указанного периода.

Ключевые слова: сравнение, образ сравнения, космический образ, образ космоса, космические номинации, космические наименования.

В поэтических текстах начала XX в. одним из основных средств формирования образа космического пространства является сравнение, направленное на выявление сходства или различия космических образов с другими реалиями окружающей действительности, в результате чего космическое пространство подвергается образному осмыслению художниками слова.

В научной литературе сравнение определяется по-разному: как «фигура речи» [1, с. 450 – 451], «образное словесное выражение» [2, с. 418], «художественное сопоставление» [3, с. 195], «вид тропа» [4, с. 1022], построенный на уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака. В нашей работе под сравнением понимается «образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета» [5, с. 280]. В поэтических текстах отношения подобия устанавливаются между объектами разных классов, в результате чего возникает образное сравнение [6, с. 277].

Структурные элементы, входящие в состав сравнения, в лингвистической литературе рассматриваются по-разному. В данном исследовании структура сравнения является трехчастной, состоящей из предмета сравнения – наименования, подвергающегося образному сопоставлению и соотносящегося с реалиями действительности, образа сравнения – наименования, дающего образное представление о реалиях действительности, основания сравнения, т. е. общего признака предмета и образа, лежащего в основе сопоставления.

В поэзии начала XX в. космическая лексика активно функционирует в составе сравнения, в структуре сравнения доминируют наименования ТГ «Небесные тела»: *луна, солнце, звезда, комета, планета*, ТГ «Небесная сфера»: *туча, облако, молния, гроза, гром, дождь, зарница*, ТГ «Небо и явления, связанные с ним»: *небо*.

Семантический анализ предмета сравнения в поэтическом творчестве начала XX в., в структуре которого актуализируются космические образы, показал многообразие номинаций, репрезентирующих предмет сравнения, среди которых наиболее представительными являются наименования отвлеченных понятий, состояний, культовой лексики, номинации растительного и животного мира, соматической лексики, являющихся наиболее важными для поэтического восприятия действительности поэтами начала XX века: *и тоска и упоенье, - точно искрится звезда* (Бальмонт); *глаза твои – как небо* (Бальмонт); *как Млечный Путь, любовь твоя* (Волошин); *но, как луна, всегда светла полночная любовь* (Гумилёв).

Предмет сравнения, в структуру которого входят космические номинации, в лирических произведениях начала XX века представлен наименованиями всех ТГ, однако наиболее частотными являются номинации ТГ «Небесная сфера» (*небо (небосвод, свод неба, простор небес,*

высь, звездная вышина и др.), облако, дождь, туча, зарница) и ТГ «Небесные тела» (солнце, луна (месяц), звезда, комета, закат, заря, луч, Млечный Путь, Южный Крест): висит, как полог, **свод небес** (Брюсов); **солнце**, как кровь (Бальмонт); как мертвое око, **луна** (Бальмонт); **зарница**, как синяя птица (Волошин); и **кометы**, как волки (Гумилёв); **небо**, как занавес (Волошин); **месяц** черный, как черный ад (Гумилёв).

В поэзии начала XX в. космические наименования, выступающие в качестве предмета сравнения, имеют устойчивое соответствие с номинациями, составляющими образ сравнения, характерное для поэтических текстов всех анализируемых поэтов. Самым распространенным способом сопоставления космических лексем с другими образами окружающего мира являются аналогии, отражающие перцептивные особенности астрономических единиц, в таких контекстах сравнение основано на зрительном сходстве образов. Зачастую на первый план авторы поэтических произведений ставят цветовую, «форменную», количественную характеристику сопоставляемых наименований или сочетание данных параметров. В данном случае можно отметить, что некоторые сближения в представлении космических образов обыденны, они отражают свойства и качества космоса, существующие в реальной действительности, например, параллели **небо** = синева, бирюза; **заря** = медь основаны на цветовом восприятии небесного свода, а также солнечных явлений, отражающем объективную колористическую характеристику образов космического пространства: *по **небу** желтому, как медь* (Гумилёв); и **небо**, *точно бирюза, не взлет девических качелей* (Гумилёв). В других контекстах образные соотношения берут истоки в народных представлениях об астрономических наименованиях (*солнце* = кровь, *заря* = кровь, *солнце* = шар, **небо** = арка, купол, свод): *я вижу **солнце, солнце, солнце, красное**, как кровь* (Бальмонт); и **неба** *свод, как купол, увенчавший храм* (Брюсов); *вечернее **солнце**, как алая рана* (Волошин); *за нею **зори** – словно кровь* (Гумилёв); *как арка, **небо** над мятежником* (Брюсов); ***солнце** красное, как рана* (Гумилёв). В некоторых фрагментах образные параллели основаны на соединении в одном образе нескольких перцептивных характеристик (цвет + форма, цвет + размер, цвет + количество), в результате чего возникают такие аналогии: *солнце* = красный шар, *облака* = серые громады, *звезды* = горсть жемчужин: ***облака** как серые громады уплывают, тая...* (Бальмонт); ***звезды** как горсть жемчужин горят* (Брюсов). Цветовое значение, положенное в основу сопоставления в поэтических текстах начала XX века, может сочетаться с оценочным значением, так, например, в соответствиях: «звезды = алмаз», «солнце = алмаз» соединяются такие признаки внешних параметров небесного тела, как «прозрачный, переливающийся, блестящий» и авторское отношение к данному небесным телам, отражающее исключительную ценность звезды: *пусть не каждый день **солнце** как алмаз* (Бальмонт); ***звезды** ярки как алмаза грани, в тверди слишком синей* (Брюсов).

Кроме традиционного сопоставления космических образов с реалиями окружающей действительности, в поэтических текстах художники слова в качестве предмета сравнения используют неожиданные ассоциации, передающие индивидуально-авторское видение образа космоса каждым анализируемым поэтом. В таких контекстах поэты реализуют субъективно-образное видение образов космического пространства, оригинальные аналогии, зачастую основанные на сопоставлении явлений, в реальной действительности не имеющих сходных признаков (например, *луна* = око, *луч* = песни, *закат* = улыбка, *облако* = дракон, *комета* = волки и др.), передают авторское представление об астрономических образах и позволяют открыть новые неожиданные стороны космического пространства: ***лучи**, как песни высшего хора* (Гумилёв); *как мертвое око, **луна** светит мне* (Бальмонт). При реализации подобных образных аналогий в поэтическом мире достаточно частотными являются соотношения космических единиц с зооморфными образами, причем в качестве сопоставления художники слова используют самых разнообразных представителей фауны, реально существующих и вымышленных (волк, дракон, паук, шмель, зверь) либо атрибуты представителей животного мира (кокон, паутина): ***луна** в туманах, точно кокон* (Волошин); *закатный **месяц** словно зверь* (Брюсов); *увидя в небе **облако**, распластавшееся, как дракон* (Гумилёв). В других контекстах, репрезентирующих сравнение космических образов, отмечаются параллели, основанные на традиционном-поэтическом сопоставлении (*луч* = первая любовь, *закат* = отблеск славы): ***лучи** как первая любовь... без горькой радости* (Брюсов).

Образ сравнения в поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева, в составе которого функционируют космические образы, представлен широким спектром номинаций, однако наиболее частотными являются наименования *луна*, *звезда*, *солнце*, *облако*, *туча*, каждое из которых имеет устойчивое семантическое воплощение в поэтическом творчестве анализируемых авторов в структуре сравнения.

ОБРАЗ СРАВНЕНИЯ – ЗВЕЗДА, ЛУНА (МЕСЯЦ). В поэтических произведениях начала XX века, в которых образом сравнения выступают лексемы *звезда, луна (месяц)*, поэтами создаются следующие ассоциативные связи: женский образ = *звезда, луна* (такое соответствие является доминирующим); эмоциональное состояние = *звезда, луна*; отвлечённое понятие = *звезда, луна: ваш образ – как звезда* (Бальмонт); *но, как луна, всегда светла полночная любовь* (Гумилёв); *ты была как месяц меж звезд* (Брюсов); *любовь, как месяц, просияла* (Волошин). В поэтическом мире начала XX в. соотношение женский образ = *звезда*, женский образ = *луна* функционирует на протяжении всего творчества поэтов этого периода, в то время как соответствие космических образов и эмоциональных состояний, отвлечённых понятий характерно в большей степени для поздних произведений анализируемых авторов.

ОБРАЗ СРАВНЕНИЯ – СОЛНЦЕ. В поэтических текстах, репрезентирующих сопоставление реалий действительности с дневным светилом, фиксируются такие соответствия, как: отвлечённое понятие = *солнце*, человек (чаще женский образ) = *солнце: какие-то грезы, как солнца, зашли* (Брюсов); *ты стал, как солнце, ослепил их грозный взгляд* (Брюсов); *гаснут, как солнца, мечты* (Гумилёв); *будем, как солнце, всегда молодое* (Бальмонт); *светлый Бальдер! Ты, как солнце, взносишь лик* (Брюсов); *будь, как солнце* (Волошин). В поэзии начала XX века подобные образные аналогии функционируют, в основном, в раннем творчестве, за исключением лирических произведений Н. Гумилёва.

ОБРАЗ СРАВНЕНИЯ – ОБЛАКО, ТУЧА. В поэтических контекстах, в которых образ сравнения представляет собой наименования небесных явлений (*облако, туча*), номинируются самые разнообразные тождества, основанные на эстетической оценке реалий действительности, а также на перцептивном восприятии образов окружающего мира: *его душа качается, как туча* (Бальмонт); *его слова, как облака, меняют форму каждый миг* (Брюсов); *он был прекрасен, как облако* (Гумилёв); *за большими, как туча, горами* (Волошин). Подобные аналогии в поэтическом мире начала XX в. эксплицируются в зрелом творчестве авторов.

Таким образом, в поэтическом мире присутствуют следующие соответствия, характерные для лирики всех поэтов: Ты КАК звезда, луна, мать КАК звезда, дева КАК луна, звезда, образ (твой, милый) КАК луна, звезда, одиночество КАК звезда, стыдливость КАК луна, истома КАК луна, тоска КАК звезда, печаль КАК звезда, любовь КАК звезда, месяц; проходить (-ят) КАК облака, кружиться (-атся) КАК облака, бегущие КАК туча, облака, качаться (-ются) КАК туча, большие (-ими) КАК туча, прекрасные (-ыми) КАК облако, красивые (-ыми) КАК облака; жизнь КАК солнце, мечта КАК солнце, равнодушие КАК солнце, мечта КАК солнце, грезы КАК солнце.

Кроме того, в поэзии начала XX в. функционируют специфические тождества, характерные для идиостиля каждого автора, причём особенностью таких соотношений является то, что в качестве предмета сопоставления здесь, как правило, выступают конкретные предметы, артефакты, явления окружающего мира, иногда сomatизмы, которые соотносятся в поэтическом творчестве с космическими единицами: *мертвый колос возрожден... и летит бескрылой тучей* (Брюсов); *мост вогнутый, как месяц яшмовый* (Гумилёв). Художники слова, сопоставляя в поэтическом пространстве наименования животного и растительного мира с космическими номинациями (яблоки = *луна*, тыква = *солнце*, морковь = *солнце*): *яблоки – как луны, и как солнца в облаках* (Бальмонт), обращают внимание на тождество цвета и формы образов, в других контекстах сопоставление может быть основано на количественной представленности объектов (травы = *звёзды*, водоросли = *звёзды*): *как звёзды многочисленные травы* (Бальмонт). «Световое», иногда «цветовое» значение космических номинаций также реализуется в сравнительных конструкциях в поэтическом мире начала XX в. (светлица = *солнце*, костры = *звёзды*): *костры светлы и ярки как ночные звёзды* (Брюсов). Традиционным, на наш взгляд, является соотношение маятник = *месяц* в некоторых авторах данного периода, поскольку маятник – это «колесо, регулирующее ход карманных и ручных часов равномерным движением вокруг своей оси» [7, с. 527, 8, с. 845], в народном сознании с фазами луны связывалась система счета времени: *и маятник, недвижный, как луна* (Гумилёв). Таким образом, в поэтическом мире начала XX века наблюдаются следующие соотношения: яблоки КАК луна, травы КАК звёзды, душа КАК звёзды, светлица КАК солнце (Бальмонт); скважины КАК звёзды, водоросли КАК звёзды, слова КАК облака (Брюсов); тыквы КАК солнце, морковь КАК солнце, лик КАК луна (месяц) (Волошин); город КАК солнце, маятник КАК луна (месяц), мост КАК луна (месяц), горы КАК тучи, облако, глаза КАК ТОЧНО звёзды, костры КАК ТОЧНО звёзды (Гумилёв).

В лирическом слове начала XX в. признак сходства, положенный в основу сопоставления, представлен широким спектром смыслов и значений. Он может быть словесно обозначен, иметь эксплицитно выраженный характер либо не иметь языкового выражения, в соответствии

с чем сравнение в поэтических текстах анализируемых авторов может мотивированным и немотивированным: как **солнце**, **равнодушие** (Гумилёв); **ты светла**, как **серп новолуний** (Бальмонт); в первом фрагменте общий мотив сопоставления вербально не выражен, во втором примере языковым средством обозначения основания сопоставления является прилагательное «светлый», указывающее на «световое» сходство образов.

Анализ поэтических текстов показал, что в поэзии начала XX в. доминируют сравнительные конструкции с эксплицитно выраженным основанием сравнения. В таких моделях присутствуют лексемы, номинирующие основание сравнения и выражающие общие для предмета и образа признаки, свойства, действия, информация в подобных фрагментах является открытой, содержащей однозначный смысл. Для репрезентации мотива, положенного в основу сопоставления, в поэтическом творчестве поэтов начала XX в. используются различные языковые средства. По лексико-грамматической принадлежности слов, представляющих основание сходства образов, можно выделить несколько групп:

1) в основу подobia двух образов положен признак, представленный многообразием имён прилагательных:

а) основание сравнения – перцептивный признак – реализуется посредством цвето-световых прилагательных: *и как **Месяц** бледны мы* (Бальмонт); *пред красными, как **заревом**, шатрами* (Гумилёв); *силы небесные... светлые, как **звёзды*** (Волошин), прилагательных, обозначающих место расположения: *душа душе далёкая, как для **звезды** звезда* (Бальмонт); *ты как **звёзды** – близок небу* (Брюсов), прилагательных, передающих размер, а также движение / состояние покоя образов космоса: *за большими, как **туча**, горами* (Гумилёв); *и маятник, недвижный, как **луна*** (Гумилёв).

б) признак, реализующий эстетическую оценку: *прекрасны, как **гроза...**, они (стихи) нахлынут вдруг* (Волошин); *она прекрасна... как юная **заря*** (Брюсов); *ты как **рассвет** хороша* (Бальмонт); *прекрасен, как **облако**, - вождь золотоносных Микен* (Гумилёв).

в) признак, реализующий эмоциональную оценку: *мы будем любить стебли трав, как **звёзды**, печальных* (Бальмонт); *и, как **месяц**, печальны напевы* (Гумилёв); *как **небо**, миг мрачен* (Брюсов).

2) словесным обозначением, репрезентирующим общий мотив сопоставления, может быть действие:

а) основание сравнения – глаголы движения: *а звуки летели, как **грома** раскаты* (Волошин); *его душа качается, как **туча*** (Бальмонт); *над жизнью дни проходят, крутятся, как небесные **тучи*** (Брюсов).

б) глаголы, обозначающие наличие / отсутствие чего-либо: *без жалобы угас, как **гаснет солнце*** (Бальмонт); *но, как **звёзды** небес исчезаешь ты.*

в) глаголы, передающие перцептивные особенности образов (звуковую и световую характеристику): *беспощадное «поздно» прозвучало, как **гром*** (Брюсов); *да возгремим, как **тучи*** (Бальмонт); *и он в руках слепца сверкает, как **молния*** (Волошин); *ты сияешь, как **луна*** (Гумилёв).

3) в поэтических текстах К. Бальмонта и В. Брюсова языковым средством выражения основания сравнения могут быть сочетания: «глагол + наречие», «прилагательное + существительное», «глагол + существительное»: *белым хороводом мы как **звёзды** за Луной* (Бальмонт); *его слова, как **облака**, меняют форму* (Брюсов).

В поэтическом творчестве начала XX века сравнения, включающие космическую лексику, имеют разнообразную функциональную нагрузку. В поэтическом слове космические номинации, входящие в структуру сравнения, активно используются художниками слова для реализации темы смерти: *меж демонов, как царь между рабами, красивый демон, в лунной полумгле, он спит, как спят сокрытые гробами, и всюду сон и бледность на земле – как льдины **облака** вверху застыли* (Бальмонт); *ты говорила: «Смерть сурово придет, как синяя **гроза**». Приблизит грустные глаза и тихо спросит: «Ты готова?»* (Волошин); *готов он вместе умереть за миг блаженства здесь, теперь... закатный **месяц**, словно зверь взглянул на них из низких туч* (Брюсов); ***луна** плывет, как круглый щит давно убитого героя, а сердце поет и стучит, уныло чужа роковое* (Гумилёв). В таких фрагментах реализуется мотив трагического существования и фатальности бытия, ассоциации, положенные в основу сопоставлений, всегда отражают в поэтических текстах тревожное предчувствие конца жизни. Художники слова стремятся воссоздать монотонность, однообразие окружающего мира, обречённого на гибель: *как пена морская, на миг возникая, погибнет, сверкая, растает **дождем**, - мы, дети мгновенья, живем для стремленья, и в море забвенья могилу найдем* (Бальмонт); *здесь цели нет... Струится мрак и шепчет что-то, легло молчанье как кольцо... и **солнце**, черное как ночь, вбирая*

свет, уходит прочь (Волошин); что наша жизнь? Несчастный случай! Напиток страсти, остро-жгучий, восторг пленительных созвучий, и ужас смерти, черной **тучей** висящей под рекой бегучей (Брюсов); я помню, я помню, неслись тучи по **небу** желтому, как новая медь, и ты мне сказала: «Да было бы лучше мне умереть» (Гумилёв). Для поэтических текстов, реализующим выразительно-образные сопоставления, характерен также мотив взаимопроникновения смерти, любви и страдания: срывать цветы, мгновенные, как маки, впивать **лучи**, как первую любовь, упасть и умереть, и утонуть во мраке (Брюсов); как **Млечный Путь**, любовь твоя во мне мерцает влагой звездной, в зеркальных снах над водной бездной алмазность пытки затая (Волошин). Зачастую в поэзии начал XX века сравнения используются для передачи эмоциональных состояний, основополагающими в таких произведениях являются мотивы грусти, печали, тоски, иногда сопряженные с темой смерти: *чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моление, и тоска... точно искрится звезда* (Бальмонт); как лиственный шелест, звучали укоры, как бледные **звезды**, за дымкою листьев, смотрели сквозь слезы, печальные взоры (Брюсов).

Позитивные коннотации в поэзии имеют контексты, реализующие мотивы любви, красоты, умиротворения, счастья посредством образных аналогий, содержащих наименования космоса: *душа... исполнена дум несказанных, тех чувств, для которых названия нет, и той красоты бесконечной, что, вспыхнув зарницью вечной, сияют потом* (Бальмонт); яркое солнце – без прежней мятельности, **дождь** – словно капли струящихся рос. *Запах в цветах доцветающих роз. В сердце родник успокоенной нежности, счастье – без ревности, страсть – без угроз* (Брюсов). В текстах, реализующих мотивы разнообразных эмоциональных состояний, как позитивных, так и негативных, сравнения, включающие космические наименования, помогают авторам словесно передать эмоциональное состояние человека, природы, раскрыть многогранность переживаний человека, связанных с окружающим миром, неоднозначные трактовки чувств передают сложность и полноту внутреннего мира, а также до конца не познанную сущность человека.

В поэтическом творчестве поэтов начала XX в. достаточно большое количество стихотворений, в которых сравнение используется для создания образа человека, в частности, в поэтическом мире авторов воссоздаются женские образы, образ лирического героя, детские образы, образ Девы Марии, однако доминирующими и наиболее яркими являются женские образы, имеющие в поэзии названных авторов неоднозначную интерпретацию. С одной стороны, в текстах поэтов отражена основополагающая роль женщины, в таких лирических фрагментах художники слова создают образ женщины-богини: *ты была как оазис в пустыне, ты мерцала стыдливой звездой, и тебе, недоступной богине, отдавал я мечту за мечтой* (Бальмонт); *жертвой будь же голубой, предрассветной... В тёмных безднах беззвучно сгори... И ты будешь звездой обетной, возвещающей близость зари* (Гумилёв). С другой стороны, женские образы наделены в языке поэзии начала XX века легкой мыслью, непостоянством, бесполезностью: *и над полем, и над бездной облака зарей горят. Будь же тучкой бесполозной, как она лови закат* (Брюсов); *ты небо нежила легко, ты тучкой рдела высоко, но в страшный час, но в бурный час ты вниз слезами пролилась* (Бальмонт). В поэтическом творчестве некоторых поэтов начала XX века посредством сравнительных конструкций, в которых функционируют образы космического пространства, возникает образ матери и образ Девы Марии: *нежная юная мать... пристанью станет, жемчугом глянет, яркой вечерней звездой* (Бальмонт); *о, Мария, ты – Стихия, ты – волна с венцом из пены!.. Созревшая, ты – живая, как простор небес окружённый! Ты – молитва голубая* (Бальмонт).

В поэтических текстах начала XX в. отчетливо намечаются две основные тенденции в функционировании сравнительных конструкций, содержащих космическую лексику: а) антропоморфизм, где посредством образных сопоставлений возникают яркие образы человека; б) зооморфизм: *да, в душе осыпаются розы, милый брат! Ты звездой серебристой заблестел над тропинкой росистой, ты внушил нам ненужные грёзы* (Брюсов); *в тихой и связной сказке побыв, вняв, что алмазный путь есть красив, стал я звездой, пал над водою...* (Бальмонт); *но за гранями многих пространств, где сияешь ты белой звездой, в красоте жемчужовых убранств, как жених, я явлюсь пред тобой* (Гумилёв); *в волокнах льна златится бледный круг жемчужных туч, и солнце, как паук, дрожит в сетях алмазной паутины* (Волошин); *солнце, как кошка, с небесной вербы лапкой золотую трогает мои волосы* (Есенин); *оренбургская зоря красношерстной верблюдицей роняет мне в рот молоко* (Есенин); *луна, как жёлтый медведь, в мокрой траве ворочается* (Есенин); *солнце разжиревшим боровом* (Маяковский).

Наименования космического пространства в поэтических начала XX в. активно функционируют в составе сравнения, что позволяет создать авторам лирических произведений оригинальные поэтические образы, направленные на детализированное воплощение аналогий, положенных в основу ключевых образов.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 576 с.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, М. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 268 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001, 2003. – 1600 с.
5. Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1966. – 376 с.
6. Аругюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – 1233 с.

COMPARISON AS THE WAY OF REFLECTION OF THE IMAGE OF THE SPACE IN THE POETRY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

O. N. Bil

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
bilolg@yandex.ru*

The article considers the comparison as a way of representation of a space in the poetry of the beginning of the XX century. The lexical and grammatical features of structural elements of comparison are presented in the article. The features of functioning of comparisons in poetic texts of the specified period are noted in the paper.

Keywords: comparison, comparison image, space image, image of space, space nominations, space names.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Н. Г. Воронова

Алтайская государственная педагогическая академия, г. Барнаул

e-mail:
ngvoronova@mail.ru

Статья посвящена определению объекта и предметной области лингвистической персонологии.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, языковая способность.

Антропоцентрическая парадигма, определяющая лицо современной лингвистики, по словам В. А. Масловой, «ставит на первое место человека, а язык считает главной его конституирующей характеристикой, его важнейшей составляющей» [1, с. 15], что позволяет утверждать: человека делает человеком в первую очередь язык – и стимулирует к изучению «человека в языке». В то же время Ю. С. Степанов отмечает, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [2, с. 15]. Человеческое «масштабирование» языка в настоящее время осуществляется в рамках социолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, политической лингвистики, лингвистической конфликтологии и других наук. Таким образом, современная лингвистика сосредоточила усилия на изучении «языка в человеке и человека в языке», обозначив сферу своих интересов термином «языковая личность». Не является исключением в этом ряду и лингвоперсонология – наука, предметную область которой формирует представление о ее объекте – языковой личности.

В современной лингвистике общепринятым является определение языковой личности, данное Ю. Н. Карауловым: «Под языковой личностью я понимаю совокупность **способностей** и **характеристик** [выделено мною – Н. В.] человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [3, с. 3]. В представляемом варианте лингвистической персонологии предметом внимания являются **способность** человека быть личностью и **характеристики** человека как личности в их соотносительности с языком – его устройством, функционированием и развитием.

Личность является объектом изучения целого ряда наук, но как интегральное образование она изучается персонологией. В 1980-х гг. XX в. А. В. Петровский и В. А. Петровский, опираясь на работы Л. С. Выготского о социогенезе сознания и А. Н. Леонтьева, положившего начало общепсихологической теории деятельности, создают в области социальной психологии теорию персонализации, ключевым понятием которой становится личность. Полагаем, что теория персонализации, наряду с теорией языковой личности, может стать тем основанием, которое позволит очертить предметную область лингвистической персонологии.

Согласно академику А. Г. Асмолову, понятие «личность» тесно связано с двумя другими – индивидом и индивидуальностью. Эта связь может быть передана формулой: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» [4, с. 34]. Идея становления личности предполагает, что способность стать личностью дана каждому человеку, но не каждый человек может ее реализовать, а реализовавший должен прилагать усилия к тому, чтобы личностью остаться.

По определению В. А. Петровского, «быть личностью – значит быть субъектом собственной жизни, строить свои витальные (в широком смысле) контакты с ми-

ром <...> уровень личности как «авторствования» человека, применительно к построению им собственной жизни может быть зафиксирован в термине индивидуум или индивидуальный субъект» [5].

Индивидом человек рождается, личностью (индивидуумом, индивидуальным субъектом) он становится, но только в том случае, если является частью человеческого коллектива – социальным субъектом. Если способность быть личностью изначально дана человеку, а субъектность является конституирующим свойством личности, то индивид может рассматриваться как предсубъект. У современных отечественных ученых биолога и философа Г. Ф. Хрустова и психолога В. С. Мухиной не вызывает сомнения тот факт, что «родившийся, живущий – уже субъект. Есть субъектность и у родившегося человека. Это сразу же проявится. Активность здесь – проявление сущностное. Это активность и предметного рода» [6, с. 44]; «Маркеры индивидуальности – гены, которые у разных людей действительно различны, – существуют». Это не то же, что личность. Личность социальна. Но это – предпосылка личности. Не исчерпывающая. Но все же значимая» [там же, с. 46]; «С первых лет ребенок начинает развиваться как личность – он учится отстаивать свою волю и свои уже присвоенные представления о том, как должно поступать в опознаваемых ситуациях. Но это детская личность» [7, с. 21].

Полагаем, что *индивид* (предсубъект), *социальный субъект*, *индивидуальный субъект* (индивидуум) – все это не что иное, как этапы персонализации человека. Индивид, будучи «продуктом», произведенным на свет родителями, как социальный субъект является продуктом «среды и обстоятельств», которые в качестве внешних факторов сложным образом взаимодействуют с факторами внутренними – врожденными (индивидуальными) задатками и способностями человека. Человек в качестве индивидуального субъекта (собственно личности) является продуктом «самого себя», и в этом смысле он «*causa sui*» – «причина себя». Персонализация, таким образом, это процесс, в результате которого происходит становление личности человека как субъекта собственной жизни.

Кроме того, персонализацию можно рассматривать как процесс приписывания индивиду личностного аспекта бытия. В. А. Петровский выделяет три типа личностной атрибуции индивида: «интраиндивидуальную», «интериндивидуальную» и «метаиндивидуальную». Первая из них «состоит в том, что личность индивида рассматривается как неделимое от него качество. Личностное оказывается погруженным в непосредственное пространство бытия индивида, а он сам выступает перед нами как единственный носитель своей личности» [8, с. 41]. Во второй атрибуции «областью определения и существования личности ... становится пространство межиндивидуальных связей, т.е. не сам по себе индивид, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида» [там же, с. 42]. При метаиндивидуальной личностной атрибуции, согласно В. А. Петровскому, «осуществляется вклад одного индивида в другого как эффект воздействия, изменение поведения и сознания другого» [там же, с. 44]. «Личность как системное качество индивида, – считает В. А. Петровский, – раскрывается в единстве трех указанных атрибуций» [там же, с. 45].

По мнению В. А. Петровского, «...быть личностью – это значит быть субъектом предметной деятельности. Последняя может быть раскрыта как производство человеком предметов духовной и материальной культуры и представлена в виде процессов опредмечивания и распрепредмечивания человеческих «сущностных сил» [9].

Быть личностью – значит быть субъектом общения. В определении В. А. Петровского, общение – «это производство индивидами их общего, что предполагает достижение взаимной идеальной представленности взаимодействующих сторон» [там же]. Петровский считает, что результатом этой деятельности является «отраженная субъектность», а продуктом тот «вклад», который общающиеся делают в жизнь друг друга [там же]. В. А. Петровский подчеркивает: необходимо различать собственно общение и коммуникацию, поскольку «последняя может иметь чисто служеб-

ный характер» [там же]. Кроме того, необходимо разграничивать категории «общения» и «предметной деятельности» [там же]. На наш взгляд, взаимное отражение субъектности коммуникантов происходит и в общении, и в коммуникации. Но результатом деятельности общения является «отраженная индивидуальная субъектность», в коммуникативной же деятельности (в том понимании, которое представлено в работах В. А. Петровского) происходит взаимное отражение сначала индивидуальной, а затем – социальной субъектности коммуникантов. Таким образом, быть личностью – значит быть субъектом общения / коммуникации, что невозможно без той или иной степени идеальной репрезентированности (отраженности, представленности) человека в человеке.

Наконец, согласно В. А. Петровскому, «быть личностью – означает быть субъектом самосознания», т. е. открывать собственное Я в процессе возрастного развития [там же].

Таким образом, становление личности, как и образование/становление языка, происходит в деятельности: предметной, когнитивной и коммуникативной для личности – речевой¹, когнитивной и коммуникативной для языка. Быть личностью означает быть субъектом предметной деятельности, субъектом общения и коммуникации, субъектом самосознания, т.е. быть активным субъектом.

Итак, конституирующей характеристикой личности человека в принятой нами трактовке этого понятия В. А. Петровским является ее субъектность. Данная характеристика выделяется при определении и описании личности человека и другими исследователями. (См., например, «Личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит с окружающим... Субъект существует реально, то есть является в то же время и объектом, Личность есть тождество субъекта и объекта, или иными словами, есть носитель субъекта и объекта» [10]; «при субъектном подходе признание социальной детерминированности индивида отнюдь не означает поглощения его социальностью. Индивид рассматривается как «субъект особого рода, специфика которого состоит в реализации своей общественной сущности» [11, с. 33]. Свойство субъектности характеризует не только общественного индивида, но и личность» [11, с. 131].) Становление личности происходит в деятельности: предметной, самосознания, коммуникативной. Становление личности осуществляется в три этапа: на первом личность персонифицируется в предсубъекте (индивиде), на втором – в социальном субъекте, на третьем – в индивидуальном субъекте (индивидууме). Каждой из персонификаций личности может быть приписано три типа атрибуции: интраиндивидуальная, интериндивидуальная, метаиндивидуальная.

Нельзя не отметить общности объектов лингвистики и персонологии. И язык, и личность являются базовыми атрибутами человека. Язык как объект лингвистики характеризуется рядом особенностей. Он существует в форме языковой способности, коллективного языка и индивидуального языка, реализуется в речи, которая, в свою очередь, осуществляется в составе деятельности. Весь целиком язык в форме речи не дан (т.е. дан всегда частично, всегда не полностью), но задан. В связи с чем в процессе онтогенеза человек решает задачу овладения языком как виртуальным феноменом, определяющим общую речевую практику, и реальным феноменом, т.е. в форме речи, производимой или воспринимаемой, устной или письменной. Овладение языком как виртуальным феноменом происходит в самом начале жизни благодаря активизации языковой способности человека вследствие естественного пребывания его в языковой среде и включенности в процессы речевой деятельности и коммуникации. Овладение речью на данном языке становится возможным благодаря формированию способности воспринимать и производить речевые произведения в устной и письменной формах и может быть представлено в виде речевой биографии человека.

¹ Речевая деятельность – речь (процессы говорения и понимания) в составе предметной деятельности.

Как и язык, который существует одновременно в трех формах, личность так же едина в трех лицах – предсубъекта, социального субъекта и индивидуального субъекта. Точно так же, как и язык, личность не дана, но задана: перед человеком стоит такая задача – стать личностью. И, наконец, становление личности, как и образование/становление языка, происходит в деятельности: предметной, когнитивной и коммуникативной для личности – речевой (речевая деятельность – речь (процессы говорения и понимания) в составе предметной деятельности), когнитивной и коммуникативной для языка. Быть личностью означает быть субъектом предметной деятельности, субъектом общения и коммуникации, субъектом самосознания, т.е. быть активным субъектом. Бытие языковой личности, согласно модели Ю. Н. Караулова, определяют речевая, когнитивная и коммуникативная деятельности. Это значит, что языковая личность может рассматриваться как личность, конституирующей характеристикой которой является субъектность.

В результате иницируемой языковым окружением активизации врожденной языковой способности человек начинает овладевать коллективным языком (языком своего языкового окружения), а, овладев, на его основе создает собственный вариант «общего» языка. В связи с чем могут быть выделены три этапа персонализации языковой личности. На первом из них языковую личность представляет индивид (предсубъект), являющийся носителем языковой способности определенного качества. На втором – социальный субъект, носитель и пользователь коллективного языка. На третьем – это индивидуальный субъект (индивидуум) как создатель индивидуального языка (индивидуального варианта «общего» языка). Языковой личностью человек становится только при условии речевой активности в сферах предметной деятельности, деятельности самосознания и коммуникативной деятельности. Языковая личность человека раскрывается в единстве трех ее атрибуций: «интраиндивидуальной», «интериндивидуальной» и «метаиндивидуальной». В первой своей атрибуции языковая личность владеет соответствующим, или, иначе, определяемым (предопределяемым) качеством ее языковой способности способом самоосуществления, что делает ее – языковую личность – субъектом конкретной речевой, когнитивной и коммуникативной деятельности. Во второй своей атрибуции языковая личность определяет (устанавливает пределы, очерчивает) сферы самоосуществления, в рамках которых, или по отношению к которым она утверждает себя в общем пространстве межиндивидуальных связей в качестве субъекта речевой, когнитивной и коммуникативной активности наряду с другими субъектами. Наконец, третья атрибуция языковой личности определяет тот вклад, который индивидуальный субъект (индивидуум) вносит в языковой быт и бытие всех членов языкового коллектива.

На основании вышеизложенного мы можем дать следующее определение языковой личности, являющейся объектом лингвоперсонологии: под языковой личностью мы, вслед за Ю. Н. Карауловым, понимаем «совокупность способностей и характеристик человека» как субъекта речевой, когнитивной и коммуникативной деятельностей, «обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) ...».

В созданной Ю. Н. Карауловым модели языковой личности ее структура «представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей» [12, с. 5]. Последний уровень в структуре – прагматический – «включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира» [13, с. 37]. Трехуровневое представление модели языковой личности, по словам ее автора, «поддерживается довольно

широко распространенными идеями о трехуровневости процессов восприятия и понимания, которые оказываются тем самым конгруэнтными самому устройству языковой личности» [там же, с. 51]. Полагаем, что модель языковой личности Ю. Н. Караулова может быть «поддержана» и развиваемой нами идеей, согласно которой языковую личность следует рассматривать как субъекта речевой деятельности (включенной в деятельность предметную), языкового самосознания и речевой коммуникации. Субъект речевой деятельности выступает реализующей инстанцией в «организме» языковой личности и очевидно должен рассматриваться на первом (нулевом) – вербально-семантическом – уровне. Субъект языкового самосознания, соответственно, может рассматриваться как формирующая инстанция, в ведении которой сбор, систематизация и оперирование личностно значимыми знаниями о мире (личностными смыслами). Наконец, субъект речевой коммуникации является побуждающим началом, мотивирующим «коммуникативно-деятельностные» потребности языковой личности.

Установление связи между уровнями, по мнению Ю.Н. Караулова, требует обращения к экстралингвистической информации, «поставляемой социальной составляющей языка и связанной с «историей» языковой социализации личности» [там же, с. 45]. Данная информация может быть дифференцирована путем введения в модель языковой личности этапов персонификации и типов личностной атрибуции.

Возможность соотнесения трех характеристик личности человека в персонологической концепции В. А. Петровского, на которую мы опираемся при описании языковой личности, с тремя уровнями модели языковой личности в теории Ю. Н. Караулова имеет для нас принципиальное значение. Прежде всего потому, что предлагаемое нами трехсубъектное представление языковой личности подтверждает мысль о том, что «языковая личность не является таким же частно-аспектным коррелятом личности вообще, какими являются, например, правовая, экономическая или этническая личность» [13, с. 38].

Введение в модель языковой личности Ю. Н. Караулова характеристик человека как личности, этапов личностной персонификации и типов личностной атрибуции определяет предметную область лингвистической персонологии. Попытаемся ее очертить.

Ю. Н. Караулов называет первый уровень языковой личности в своей модели «нулевым» и «в известном смысле бессодержательным», так как полагает, что на этом уровне индивидуальность ее не проявляется. «В крайнем случае, – отмечает автор теории языковой личности, – на этом уровне можно констатировать нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций, которые сами по себе еще не дают сведений о языковой личности, о более сложных уровнях ее организации» [13, с. 36]. В описании этого уровня для нас важно также и то, что Ю. Н. Караулов определяет его как структурно-языковой, отражающий степень владения обыденным языком [там же, с. 37]. Итак, источником сведений о языковой личности на данном уровне являются вербальные ассоциации. Именно они дают представление о «закономерности «присвоения» языка и владения им личности» [там же, с. 49]. Обратимся к первой из этих двух закономерностей.

В 2004 г. Н. Д. Голев выдвинул гипотезу, согласно которой «принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства, сформированного в данном языковом коллективе, и принципы системного устройства самого языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме» [14, с. 41]. Полагаем, что структурную организацию любого человеческого языка определяет, прежде всего, совокупность разнокачественных языковых способностей человеческого коллектива. Именно языковая способность носителя языка является организующим началом языка, его «меркой» и «масштабом». Будучи носителем «языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развиваемого в соответствии с заложенным в ней потенциалом» [15, с. 10], языковая личность овладевает языком, руководствуясь «чувством языка» и «языковым чутьем». Языковое чувство как способность к «предчувствию всей системы языка»

(В. фон Гумбольдт) активизирует в психике человека «ощущение формы», скрытое в языке, и кладет начало формированию нулевого уровня в структуре языковой личности общезыкового (например, общерусского) типа. Языковое чутье как способность к осмыслению и интерпретации «ощущения формы», скрытого в языке, актуализирует и закрепляет в психике человека определенную «формальную ориентацию» (Э. Сепир) его индивидуального языка как варианта общего языка. Именно эта определенная «формальная ориентация» индивидуального языка определяет и определяется качеством языковой способности индивида. В свою очередь, качество языковой способности обнаруживает себя (проявляется) в направленности речевой деятельности субъекта на определенный структурно-языковой тип вербальных ассоциаций: семасиологический или ономасиологический, парадигматический или синтагматический, диктумный или модусный.

Вторая закономерность имеет отношение к владению языковой личностью обыденным языком. Заключается она в следующем. Одной из первых работ, посвященных описанию языковой личности в аспекте владения языком является исследование Г. И. Богина. В нем под языковой личностью понимается человек, который рассматривается с точки зрения его готовности к использованию языка в своей деятельности – готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи [16, с. 3]. Суть владения человека языком заключается в том, что «в каждый момент своего развития индивид «уже что-то может» в области речевых поступков и в то же время «еще чего-то не может» [там же, с. 21], т. е. всегда демонстрирует относительно полное владение языком. Поскольку «речевая готовность может быть большей или меньшей, лучшей или худшей» [там же, с. 81 – 82], владение языком может быть описано в терминах объема и степени и представлено в виде двух векторов: интенсивности и экстенсивности, каждый из которых позволяет определять его – владения языком – качественно-количественные характеристики. Качественные характеристики связаны со степенью владения функциональной парадигмой языка. Количественные – с этно-социо-культурной адаптацией человека и могут быть представлены набором разного рода функциональных разновидностей языка, которыми человек овладевает в процессе социализации. Использование языка в качестве маркера той или иной сферы этно-социо-культурной активности, этнической, социальной, культурной страты или ситуации обуславливает его функциональную, стратификационную и ситуативную вариативность, в отношении которой субъект речевой деятельности может быть как активным, так и пассивным. Речь стратификационно активной языковой личности обнаруживает ее принадлежность к той или иной группе носителей языка: возрастной, гендерной, профессиональной, социальной, территориальной, классовой, сословной, этнической, национальной и другим. В этом случае мы говорим, например, о гендерной языковой личности и выделяем ее феминный и маскулинный варианты как совокупности ассоциативно связанных единиц языка. В случае же, когда речь явно не обнаруживает групповой принадлежности носителя языка, очевидно, мы имеем дело со стратификационно пассивной языковой личностью. Функционально активный субъект речевой деятельности, по-видимому, должен обнаруживать в своей речи владение всеми функциональными стилями коллективного языка, поэтому его можно также определять как полнофункциональный тип языковой личности и противопоставлять неполнофункциональному или частично функциональному, каковые являются следствием большей или меньшей функциональной пассивности субъектов речевой деятельности. Единицами ситуативного измерения коллективного языка являются языковые ситуации с их этно-социо-культурными ресурсами, в отношении которых субъект речевой деятельности также может быть активным и пассивным. Активность субъекта речевой деятельности в его интериндивидуальной атрибуции направлена на производство и воспроизводство совокупности вербальных ассоциаций, служащих цели этно-социо-культурной идентификации в той сфере самоосуществления, в рамках которой, или по отношению к которой он утверждает себя наряду с другими субъектами.

Схема языковой личности Г. И. Богина не позволяет учитывать «нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций» [13, с. 36], которые может демонстрировать языковая личность в речевой деятельности на «нулевом» уровне и которые могут становиться знаком ее индивидуальности в качестве атрибутов индивидуального стиля, который, в свою очередь, является внешним проявлением сложившейся системы индивидуального языка. В связи с чем полагаем, что третьей характеристикой владения языковой личности обыденным языком должна стать «ценность».

Данный термин является многозначным, и сфера его употребления достаточно обширна. Благодаря Ф. де Соссюру в начале XX в. этот термин был введен и в лингвистику. В настоящее время, как отмечает Л. А. Микешина, термин «ценность употребляется как параметр целеполагающей системы, в том числе биологической, вообще любой, осуществляющей процедуры оценки и выбора [17, с. 183]. Нами он вводится для описания закономерности владения языком, чтобы иметь возможность определять значимость личностных «вкладов» в систему, функционирование и развитие общего языка. В этом смысле речевая деятельность субъекта должна рассматриваться как «ценностно нагруженная активность» [там же, с. 186], соответственно, имеющая либо положительное, либо отрицательное, либо нулевое значение. И таковой она становится у индивидуального субъекта (индивидуума), создающего свой вариант коллективного языка. «Нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций» как следствие актуализации и, напротив, стандартность как следствие тенденции к автоматизации речевой деятельности позволяют выделять «стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка», и «нестандартную языковую личность, которая отклоняется от установленных языковых образцов» [18, с. 113].

В. П. Нерозник считает, что нестандартная языковая личность может принадлежать к разным «этажам речевой культуры – верхнему и нижнему» [там же, с. 114]. «К «верхам» языковой культуры», по мнению исследователя, могут быть отнесены мастера художественного слова, те, кто создает «тексты культуры» [там же]. По-видимому, эти языковые личности оказывают формирующее воздействие на язык², поскольку В. П. Нерозник подразделяет их на «архаистов» и «новаторов» и на «умеренных» и «экспериментаторов» [там же]. К «низам» речевой культуры исследователь относит «носителей, производителей и пользователей маргинальной языковой страты» [там же, с. 115]. Полагаем, что речевая деятельность данного типа языковой личности носит деформирующий характер, что выражается в примитивизации и оскудении языка.

Активность субъекта речевой деятельности в его метаиндивидуальной атрибуции направлена на производство и воспроизводство совокупности вербальных ассоциаций, которые для самого субъекта служат образом автора, а для других членов языкового коллектива – образцом организации речевой структуры.

Итак, владение языком может быть описано в терминах объема, степени и ценности и представлено в виде трех векторов: интенсивности, экстенсивности и остенсивности каждый из которых позволяет определять качественно-количественные и ценностные характеристики владения языком.

Таков далеко не полный и предварительный очерк предметной области лингвистической персонологии в том ее варианте, который создается нами с опорой на теорию языковой личности и теорию персонализации.

Список литературы

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
2. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований [Вступ. ст.] // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. – С. 9 – 16.

² Именно этим обстоятельством, очевидно, и объясняется возникновение у В. В. Виноградова идеи об истории литературного языка как истории индивидуальных стилей.

3. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. – С. 3 – 8.
- Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Печатается по вступительной статье в сб. *Язык и личность*. М., 1989. – С. 3 – 8. // http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm
4. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание человека. М., Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
5. Петровский А. В. Феномен субъектности в психологии личности // http://www.psycheya.ru/lib/avfpetr_g1.html
6. Хрустов Г.Ф. Личностная цивилизация // *Развитие личности*. – 2002. – № 2. – С. 32 – 55.
7. Мухина В. С. Эволюция личности сквозь призму механизмов развития и бытия (*продолжение*) // *Развитие личности*. – 2007. – № 3. – С. 15–48.
8. Петровский В. А. К пониманию личности в психологии // *Вопросы психологии*. – 1981. – № 2. – С. 40 – 46.
9. Петровский В. А. Феномен субъектности в психологии личности // http://www.psycheya.ru/lib/avfpetr_g1.html
10. Лосев А. Дерзание духа // http://odinvopros.ru/lib/los_o2.php?mode=o&id=2814
11. Чудновский В. Э. Проблемы личности в свете марксистско-ленинских идей // *Вопросы психологии*. – 1981. – № 2. – С. 130 – 136.
12. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. – С. 3 – 8.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
14. Голев Н. Д. Лингвоперсоналогическая вариативность языка // *Известия Алтайского государственного университета*. Серия «История, филология, философия и педагогика». 2004. – № 4. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 41 – 6.
15. Голев Н. Д. Языковая личность как носитель языковой способности // *Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография*. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
16. Богин Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Учебное пособие. Калинин, изд-во Калининского гос. ун-та, 1975. – 107 с.
17. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. – 464 с.
18. Нерознак В. П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // *Язык. Поэтика*. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. – М., МГЛУ, 1996. – № 426. – С. 112 – 116.

DEFINITION OF OBJECT AND SUBJECT DOMAIN OF LINGUAPERSONOLOGY

N. G. Voronova

*Altaj State Pedagogical
Academy, Barnaul*

e-mail: ngvoronova@mail.ru

The article is devoted to the definition of object and subject domain of linguapersonology.

Keywords: linguapersonology, linguistic personality, language ability.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ К ЗАПАДУ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВВ.

С. С. Зейналова

*Азербайджанский
университет языков,
г. Баку*

*e-mail:
mutarjim@mail.ru*

В статье исследуется тема Запада в азербайджанской реалистической литературе (на рубеже XIX – XX вв.) на основе творчества видных литературных и общественных деятелей. В своём творчестве авторы особенно остро выдвигают насущные проблемы, затрагивая тему европеизации. Литература этого периода отразила сложную историческую ситуацию начала столетия, остроту споров, зарождение новых творческих направлений и методов, идейно-эстетическую борьбу во всей ее сложности и противоречивости.

Ключевые слова: XIX – XX вв., пресса, реалистическая и романтическая литература, западноевропейские тенденции, азербайджанские писатели.

Исторической предпосылкой для формирования литературно-эстетических принципов в отношении к Западу в конце XIX – начале XX вв., безусловно, являлись пресса и публицистика. В условиях, когда общество, несмотря на начало реформ, было лишено возможности непосредственно участвовать в политической жизни, особое значение приобретала пресса. При небольшой численности читателей пресса, однако, имела возможность удовлетворить ряд существенных потребностей общества и стала важным средством самопознания новообразовавшейся интеллигентной мусульманской прослойки, создала возможность коммуникации между представителями различных социальных интересов.

Газеты «Зия» («Свет», 1879 – 1880) и «Зия Кафказиа» (1880 – 1884) были первыми прямыми наследниками «Экинчи». Из нового поколения же «Хаят» (Жизнь) (1905 – 1907), «Дабистан» (Начальная школа) (1906 – 1907), «Рехбер» (Вождь) (1906), «Фюзат» (Удовольствие) (1911 – 1920), «Молла Насреддин» (1906 – 1931), «Ени фюзат» (Новый фюзат) (1910), «Мектеб» (Школа) (1919 – 1920), «Иршад» (Путеводитель) (1906 – 1909), «Ени иршад» (Новый Иршад) (1909), первый женский журнал «Ишыг» (Свет) (1911 – 1912), «Шелале» (Водопад) (1913), «Дирилик» (Живой), «Куртулуш» (Спасение), «Зенбур», «Туги», «Бабаи-Эмир», «Гуммат», «Бакинский пролетарий», «Текамюл» (Эволюция), «Бакинский рабочий» и др. играли немалую роль в рождении новых веяний в общественно-политической жизни. В дальнейшем, во время Азербайджанской Демократической Республики (1918 – 1920), наряду с этими органами прессы образовались и начали выходить газеты «Ачыг сез» (Открытое слово), «Азербайджан» «Истиглал» (Независимость) и другие издаваемые мусаватистским правительством [1].

Вместе с развитием прессы, одновременно увеличилось число школ и центров просвещения. В старых религиозных школах и медресах по всему Азербайджану происходили быстрые преобразования. Совместно с шариатскими, религиозными уроками проводились занятия по светским и точным наукам. Открывались школы «Способы-джадид» (Школы нового стиля) с Европейской системой обучения. В то же самое время, приходящее на тот период непрерывное развитие нефтяной промышленности сыграло важную роль в становлении города Баку на путь капиталистического развития. Не только российский, но и часть иностранного капитала была вложена в нефтяную промышленность. Поэтому город Баку быстро увеличивался и расширялся [2].

Передовая интеллигенция, а особенно творческая часть, заимствуя от России и Запада прогрессивные идеи, были на пути их внедрения. Таким образом, наряду с индустриальным центром, Баку превращается в центр передовой общественной мысли. Сюда стекаются умы того периода, которые наряду с преподаванием, разворачивают активную литературную деятельность. В период 1891 – 1905 гг в Баку из-за рубежа (России, Европы), закончив образование, возвращаются А. Топчибашев, А. Агаев, А. Гусейнзаде и др. [2].

В последнее десятилетие XIX и в начале XX в. в литературе и в общественной мысли Азербайджана тема Запада занимает прочное место. В этот период развиваются просветитель-

ские идеология и движение, публицистика, перевод, поэзия, проза и драматургия. В XIX в. репертуар Азербайджанского театра, в основном состоявшийся из произведений М. Ф. Ахундова и Н. Б. Везирова, после 1905 года начал обращаться к переведенным на азербайджанский язык к некоторым и только в то время напечатанным пьесам русских, грузинских, западноевропейских драматургов, таких как Гоголь, Мольер, Шекспир, Шиллер, Толстой, Островский [3].

Литературная критика начала века не оставалась в стороне от социально-политической и культурной жизни, идейных разногласий и споров. Борьба между литературными течениями и группировками в критике выражалась в форме борьбы художественно-эстетических принципов и пристрастий в области литературы, политики, истории, философии, этики, воспитания, образования, языка, алфавита. Такие критики нового века, как Ф. Кочарли (1863 – 1920), С. Г. Казымоглы (1887 – 1937), М. Расулзаде (1884 – 1955), Гусейн Минасазов (1881 – 1923), в своих работах активно отстаивали прогрессивные демократические идеи и художественные традиции, ориентируясь на интересы широких народных масс. Они в основном пропагандировали реалистическую эстетику, проводили линию «Молла Насреддина». Особенно велика заслуга поэта, просветителя, писателя, педагога и попечителя школ Магомед Таги Сидги (1854 – 1909). Он сыграл важную роль в развитии Азербайджанской литературы и общественного мнения. Как писал академик Иса Габиббейли, его «всесторонняя, литературно-педагогическая и научная деятельность была продолжением национального просветительского движения и литературы, началом нового периода для нового поколения (творчества Абдуллы Шаига, Сулеймана Сани Ахундова)» [4, с. 123]. В 1899 г., как в ряде городов Азербайджана, так и в Нахичевани проводились мероприятия, связанные с 100-летним юбилеем великого русского поэта А. С. Пушкина 26 мая 1899 года. М. Т. Сидги прочел развернутый доклад о жизни и творчестве Пушкина перед педагогическим коллективом школы «Мектеби-тербие» и представителями городской общественности. В последующем текст этого доклада был подготовлен сыном М. Т. Сидги – Мамедали Сидги Сафаровым, знаменитым переводчиком и публицистом, в 1914 г. в Баку был напечатан под названием «Пушкин» в виде книги в типографии «Каспий» Иса бека Ашурбейли.

Безусловно, в развитии художественно-общественной мысли в Азербайджане принадлежит реалистической литературе Дж. Мамедулузаде и М. А. Сабира, романтической поэзии М. Хади, А. Шаига, драматургии Г. Джавида. В 1906 г. в Тифлисе началось издание на азербайджанском языке журнала "Молла Насреддин", редактором которого был выдающийся писатель и общественный деятель Дж. Мамедулузаде. В течение почти двадцати пяти лет этот журнал сыграл значительную роль в литературно-культурной и общественно-политической жизни.

Одновременно с этим изданием также выходил в 1906 – 1907 гг. редактируемый известным публицистом философом и общественным деятелем А. Гусейнзаде (1864 – 1940 гг.), журнал «Фиюзат», жизнь которого продолжилась всего в 32 выпущенных номерах и который служил интересам народа, просветительству, прогрессу нации. Наряду с одобрением и утверждением исторического своеобразия путей развития национальной литературы, с высокой оценкой ее классиков, они также выступали и с новыми требованиями относительно литературно-художественного прогресса, ратовали за преимущественно глубокое изучение традиций европейской и русской литератур. А. Гусейнзаде своей литературно-публицистической деятельностью создавал основу новой науки – тюркологии. В Турции, в Азербайджане, даже в европейских странах в основном знали его как знаменитого тюрколога [5]. А. Гусейнзаде в произведении «Кто такие тюрки и из кого они состоят» дал классификацию тюркских народов. Тезис, выдвинутый А. Гусейнзаде «Тюркизация, европеизация, исламизация», является главной идеей развития тюркского мира. Его вторым главным лозунгом является «Просвещение, объединение и свобода». Он думал что, «настоящее спасение-в этих трех силах» [5].

Идея расположенности к Западу, проявляющаяся в культурных отношениях, в том числе в литературе и публицистике конца XIX в. и в начале XX ст. находила в той или иной форме свое отражение в продолжении борьбы, начатой великим азербайджанским просветителем М. Ф. Ахундовым за создание нового алфавита.

Магомед ага Шахтаглы (1846 – 1931) всю свою жизнь, творчество, включая публицистическую деятельность в газете «Şərqi-Rus» (Русский восток), преследовал великие цели: принести в Азербайджан просветительские традиции Запада, спасти свой родной народ от восточного фанатизма и сблизить Запад с Востоком. Для европейцев он был знаменитым «политиком восточного происхождения», для русских был смелым защитником народа, а для Азербайджана он был сыном Востока с западным внешним видом [6].

В многосторонней, огромной творческой деятельности М. А. Шахтаглы один из моментов, привлекающих внимание, была его мечта перейти к новому типу алфавита для мусульман и

в том числе для азербайджанцев, с этой целью он привел примеры из жизни западных, европейских народов. М. А. Шахтаглы в 1879 г. в типографии Томсона, находившийся в городе Тбилиси, напечатал на русском языке книгу «Усовершенствованный мусульманский алфавит». Это был второй проект после проекта М. Ф. Ахундова, посвященного упрощению арабского алфавита. М. А. Шахтаглы даже после закрытия газеты «Шерги-Рус» продолжил свою научно-публицистическую деятельность и в ряде произведений постоянно затрагивал тему Запада и Европы. Например, в напечатанной на русском языке («Новое обозрение» 1905, № 234) статье «Мусульмани и конституция» он писал: «Конституция – это способ осуществления социально-политических идеалов европейских народов. Этот идеал примерно можно выразить так: «Человечество должно стремиться к счастью не отдельных лиц, тех или иных групп, и сословий, а всех без исключения членов большой человеческой семьи. Если народы будут хозяевами своей судьбы, будет возможным обеспечить жизнь каждого человека на земле» [6].

В этот период, одним из тесно связанных с русской и Западной общественной мыслью, литературой, культурой, продолжателем традиций Ахундова, являлся выдающийся литературовед, критик и просветитель Фирудун бей Кочерли (1863 – 1920). Он, еще учась в Горийской семинарии, перевел философическую книгу под названием «Талимати-Сократ» (Учение Сократа) (1881). Кочерли, занимаясь также художественным переводом, делал переводы из произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого, Кольцова и писал критические статьи к ним. Он был противником писателя и произведений, притупляющих сознание народа, призывающих к «терпению». Он осознавал, что народ, который хочет создать великую литературу, не может остаться неосведомленным о литературных достижениях человечества, не может не изучать их и не обогащаться ими. Как литературный историк Кочерли высказывал свое мнение о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Некрасове, Толстом, Чехове, Горьком и др., и некоторым посвятил отдельные статьи [7].

В лице Ф. Кочерли и других литераторов мы видим, что литературная критика того времени всегда держала в центре внимания вопросы русской и западной литературы. Эта тема затронута в исследованиях Камала Талыбзаде, выдающегося исследователя истории азербайджанской литературной критики.

После создания партии «Мусават» в 1911 г. в азербайджанской литературно-общественной мысли еще больше расширяется и национально-политическое самосознание. В 1913 году, вернувшись из политической эмиграции из Турции, Мамед Эмин Расулзаде играет исключительную роль в развитии мысли национальной независимости.

Тему Запада мы встречаем и в творчестве представителей Азербайджанской романтической школы. Выдающийся романтический художник-словесник, педагог и яркий представитель Азербайджанской детской литературы Абдулла Шаиг в статье «Состояние наших писателей и поэтов» («Хаят», 19 июня 1906, № 132) напоминает, что «развитие и прогресс каждой нации, а также распространение родных языков зависит от своих же писателей и поэтов». С этой точки зрения А. Шаиг, считал примером Западную Европу, призывал достойно оценивать и наших деятелей искусства и поэтического слова.

Один из литераторов Азербайджана того времени, чье творчество было связано с темой Запада, был выдающийся поэт, переводчик, романтик и просветитель Аббас Сиххат (1874 – 1918). Наряду с классической Восточной поэзией он переводил на азербайджанский язык примеры из русской и западно-европейской литературы.

Переводы А. Сиххата, собранные в двух книгах, были изданы под названием «Мегриб гюнешлери» (Западные солнца) в Баку в 1912 году. Как в образной форме говорил И. Габибейли, «Первые блестящие лучи совершенного поэтического перевода в нашей литературе излучались из «Западных солнц» Аббаса Сиххата. Эта книга играет важную роль как первый сборник переводов, напечатанный в Азербайджане [8].

Другой яркий представитель школы романтизма Магомед Хади (1879 – 1920), мысленно обращаясь к Солнцу культуры, спрашивал: «Почему твой красивый свет не освещает наш Восток?» В творчестве М. Хади тема свободы, культуры, новшества не ставится как отдельный вопрос в отрыве от национального просвещения. Он считает, что культурный мир-это свободный мир. Это исходило из того, что к западной культуре и европейскому быту поэт относился с особым восхищением.

Тематика Запада, в той или иной форме разветвляясь в печати и литературе, своеобразно отражалась в национально-идейных направлениях произведений просветителей-западников. Она продолжала развиваться в более обновленном виде (с новыми содержаниями и жанровыми новшествами). В начале XX ст. тема Запада стала важной и основной причиной развития и обогащения азербайджанской литературы, художественно-философической мысли.

Список литературы

1. Талыбзаде К. А. Азербайджанская литература [на рубеже XIX и XX веков] / История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983. Т. 8. С. 181 – 189.
2. История литературы Азербайджана, в 3х т., III т., с начала XIX в. по 1917г. Баку, Аз.ССР изд. АН 1960.
3. Мир Дж. Пашаев, Ф. Гусейнов. История Азербайджанской литературы XX в., Баку, «Просвещение», 1982.
4. Габибейли И. Исторически-литературная память и современность. Баку, «Нурлан», 1982 – 906 с.
5. Ельчин, «Правота моих мыслей», Классики и современники, Баку, Писатель, 1987 – 105 с.
6. Шахтаклы М. Избранные сочинения. Баку: Чашыюглу, 2006, 432с.
7. Мумтаз С. Сливки азербайджанской литературы. Баку: Писатель, 1986, 445с.
8. Михалевич Г. П. и Шойтов А. М. /З. Марагаи. Дневник путешествия Ибрахим-бека или Его злоключения по причине фанатической любви к Родине / Отв. ред. З. Я. Ворожейкина (М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – Литературные памятники)

THE MAIN PRINCIPLES AND TRENDS TOWARDS THE WEST IN AZERBAIJANI LITERATURE (AT THE TURN OF XIX-XX CENTURY)

S. S. Zeynalova

*Azerbaijan University
of Languages, Baku
e-mail: mutarjim@mail.ru*

This article deals with the creativity of progressive Azerbaijani public figures and writers as the decisive stage lying to the West. Western theme in the Azerbaijani literature reflected more in the second half of the nineteenth century. This was, primarily, due to the development of educational trends in Azerbaijan, including the leading role of educational literature in the lives of the people. In their works, the writers and public figures in an implicit way called upon the readers to modernize and accept more advanced Western social norms and practices.

Keywords: XIX-XX centuries, realistic and roman literature, Western european trends, azerbaijani writers.

«И, В ГРОБ СХОДЯ, БЛАГОСЛОВИЛ» (ЭКЗАМЕН В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ В ОЦЕНКЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА)

В. А. Черкасов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
cherkasov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается переосмысленная В. Ф. Ходасевичем в биографии «Державин» (1931) знаменитая встреча двух гениев русской поэзии Г. Р. Державина и А. С. Пушкина на экзамене в Царском Селе, состоявшемся 8 января 1815 года. В изображении участников этой встречи В. Ф. Ходасевич следует принципу «двупланности», заданному в пушкинском воспоминании, однако при этом существенно его трансформирует. Биограф распространяет указанный принцип, примененный А. С. Пушкиным в отношении Державина, на личность самого мемуариста, а также его близкого друга А. А. Дельвига. Он реинтерпретирует воспоминания А. С. Пушкина о встрече с Г. Р. Державиным, опираясь на творчество мемуариста в его полном объеме, прежде всего на его поэтическую версию.

Ключевые слова: житнетворческая модель, литературная личность, биографическая личность, иерархия русских писателей.

«Пушкин – наше все». Эта мысль была высказана очень давно, но только с течением времени постепенно выяснялась ее глубина и мудрость. Для почитателей А. С. Пушкина как-то само собой разумеется, что этим «всем», то есть нашим национальным символом, культурным и идеологическим маяком в океане мировых цивилизаций, оказывается не политический лидер, бизнесмен или, например, звезда шоу-бизнеса, не знаменитый ученый, которых у России тоже немало, не военачальник или спортсмен, словом, не представитель востребованных в наше время общественно значимых видов человеческой деятельности, а поэт. И это знаменательно, ибо означает бессмертие фундаментальной традиции русской культуры, самой ее души – ее литературоцентричности. Таким образом, в нашем представлении значимость Царскосельского лицея полностью определяется тем обстоятельством, что из его стен вышел величайший русский поэт А. С. Пушкин. И когда мы, пытаясь угадать причины его гениального явления, знакомимся с лицейскими учебными программами и курсами, с личностями преподавателей, наставников и воспитанников этого учебного заведения, мы с особым пристрастием изучаем именно те факты, которые так или иначе связаны с началом, формированием и развитием поэтической деятельности его самого знаменитого ученика. В этой связи одним из самых знаменательных событий является экзамен по «российскому языку», состоявшийся 8 января 1815 г., где в присутствии «первого поэта» того времени Г. Р. Державина А. С. Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», во многом навеянное творчеством старшего современника, и заслужил от того восторженную оценку. Именно после этого события А. С. Пушкин был по достоинству оценен ведущими поэтами, писателями и культурными деятелями того времени В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, А. И. Тургеневым, Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским и т. д. Он был принят в их круг как равный. Встреча двух великих поэтов, произошедшая на упомянутом экзамене, старшего, сходящего с поэтической сцены и передававшего свою «лиру», свое звание «первого поэта» младшему, давно стала одним из самых известных в русской культуре архетипов прежде всего благодаря самому А. С. Пушкину, неоднократно возвращавшемуся в своем творчестве к ее оценке как к судьбоносному моменту в своей биографии человека и поэта.

В послании «К Жуковскому», предположительно написанном в конце 1816 г., то есть уже через полгода по смерти Г. Р. Державина, А. С. Пушкин впервые трактует свою встречу с Г. Р. Державиным как мистический акт посвящения в поэты:

*И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной [1, с. 133].*

В 8-й главе «Евгения Онегина», написанной в Болдине осенью 1830 г., А. С. Пушкин с классической чеканностью сформулировал жест Г.Р. Державина как акт благословения, который оказался решающим для становления его музыки:

*И свет ее с улыбкой встретил;
Успеха нас первый открыл;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил* [2, с. 140].

Наконец, в конце 1835 года, за год с небольшим до гибели, А. С. Пушкин снова обратился к воспоминанию о знаменательном в своей жизни событии, на этот раз в прозаической форме: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 г., на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...» [3, с. 47].

Как заметил современный исследователь В. А. Кошелев по поводу портрета Г. Р. Державина, приведенного в данном воспоминании: «откровенная ироничность и «физиологичность» деталей не мешает торжественности целого» [4, с. 13]. И далее: «... детали эти не «снижают» облика Державина» [там же, с. 13]. По мнению В. А. Кошелева, «двупланность» образа Г. Р. Державина в воспоминании А. С. Пушкина была обусловлена неоднозначным отношением нового поколения поэтов, к числу которых принадлежал и мемуарист, к творчеству их старшего современника, продолжавшего сохранять звание «первого поэта» лишь благодаря своим прошлым заслугам, но отнюдь не своим новейшим творениям, с их точки зрения, совершенно неприемлемым.

Однако в нашей работе мы хотели бы познакомить читателей не с новейшей по времени интерпретацией пушкинского воспоминания о Г. Р. Державине, точнее говоря, не только с ней, а прежде всего с тем освещением значимой для всей последующей судьбы русской поэзии встречи двух ее величайших гениев, которое предложил замечательный пушкинист XX в. В. Ф. Ходасевич в своей художественной биографии «Державин» (1931).

В изображении участников приведенной сцены экзамена из пушкинского воспоминания В. Ф. Ходасевич следует указанному принципу «двупланности», однако при этом существенно его трансформируя. Во-первых, он переосмысливает ироничный домысел А. А. Дельвига по поводу «прозаического» вопроса Г. Р. Державина в коде приписываемого А. С. Пушкину четверостишия:

*За ужином обѣлся я,
А Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно* [1, с. 348].

Эти стихи были опубликованы П.И. Бартевым со следующим пояснением: «Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер; я и остался дома». Это рассмешило Пушкина, и он стал преследовать поэта стихами «За ужином» и т. д.» [1, с. 348]. В данном четверостишии А. С. Пушкин шутит над графоманскими стихами своего лицейского приятеля В. К. Кюхельбекера за их неудобоваримую тяжеловесность и ученое занудство (Кюхля, как звали Кюхельбекера его лицейские товарищи, увлекался немецкими поэтами XVIII – XIX вв., а самого глубокомысленного из них Ф.-Г. Клопштока буквально боготворил). При чтении плохих стихов В. К. Кюхельбекера арбитр изящного вкуса нового поколения поэтов В. А. Жуковский, в изображении А. С. Пушкина, испытывает чувство эстетиче-

ской тошноты. Однако в письмах из Кишинева и Михайловского А. С. Пушкин употребляет изобретенный им неологизм «кюхельбекерно», чтобы определить испытываемое им чувство экзистенциальной тошноты, вызванной тяжкими условиями пребывания в ссылке.

По В. Ф. Ходасевичу, накануне экзамена «Дарья Алексеевна <супруга Г. Р. Державина – В. Ч.>, должно быть, не доглядела, и Гавриил Романович за ужином опять съел лишнее» [5, с. 376]. В результате, тот плохо спал ночью, а, чтобы успеть к экзамену, вставать нужно было очень рано. По дороге в Царское, по словам В. Ф. Ходасевича, «...Державина стало укачивать. Он жалел, что перед отъездом не разбудил Максима Фомича, доктора, и не принял рвотного. Когда, уже белым днем, миновали первые дома Царского и въехали под лицейскую арку, Державину сделалось невтерпеж» [5, с. 377]. То есть Г. Р. Державин, по Ходасевичу, терпел тошноту, а не иную физиологическую нужду, как полагал А. А. Дельвиг в передаче А. С. Пушкина. К физическим мукам, согласно В. Ф. Ходасевичу, добавилась мука нравственная, когда поэт в числе прочих почетных гостей вынужден был выслушивать поверхностные (и заранее подготовленные) ответы лицеистов, того же В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина. В данном эпизоде В. Ф. Ходасевич прямо цитирует воспоминания последнего, однако при этом сильно ретуширует его портрет Г. Р. Державина, выдвигая на первый план «парадные» детали, заимствованные у В. Л. Боровиковского, и устраняя всякий намек на упоминаемые мемуаристом «колпак» и «халат» в исполнении А. А. Васильевского. Сравнить: «Экзамен очень утомил Державина. В красном мундире украшенном орденами, сияя бриллиантовою короной Мальтийского креста, сидел он, подперши рукою голову и расставив ноги в мягких плюсовых сапогах. «Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы». Он дремал все время, пока лицеистов спрашивали из латинского языка, из французского, из математики и физики» [5, с. 377]. На наш взгляд, В. Ф. Ходасевич в данном эпизоде своего повествования как бы внушает читателю вопрос: кто же довел этого заслуженного человека до столь «кюхельбекерного» состояния? Ведь, когда начали читать его собственные стихотворения, гениальность которых уже в то время была несомненной, по словам самого А. С. Пушкина, которые полностью цитирует В. Ф. Ходасевич, «...он оживился: глаза заблестали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной» [5, с. 377]. Конечно, здесь А. С. Пушкин иронизирует над тщеславием вставшего в детство маститого старца. Однако, в передаче В. Ф. Ходасевича, подобный живой отклик Г. Р. Державина на поэзию *per se* говорит о жизненности его гениальных способностей, а сама его реакция напоминает о поведении пушкинского поэта, полностью и мгновенно преображаемого чудом «Божественного глагола».

Во-вторых, В. Ф. Ходасевич распространяет принцип «двупланности», примененный А. С. Пушкиным в отношении Г. Р. Державина, на личность самого мемуариста, а также его близкого друга А. А. Дельвига. В изображении В. Ф. Ходасевича последний предстает перед читателем в фарсовом образе «круглого, подслеповатого лицеиста с белобрысой круглою головой» [5, с. 377] в силу своей нравственной и мировоззренческой близорукости, привязанности к «земной» системе координат и ценностей, обреченного на искаженное восприятие явлений и, следовательно, на их превратное истолкование. А. С. Пушкин же изображается В. Ф. Ходасевичем как «проказливый сочинитель» [5, с. 375], не слишком разбирающийся в средствах для удовлетворения своего поэтического тщеславия; как малосведущий в русском языке и логике стихотворец. В этой связи В. Ф. Ходасевич реконструирует историю появления того рукописного варианта «Воспоминаний в Царском Селе», который предназначался автором в дар Г. Р. Державину. В этой версии, по В. Ф. Ходасевичу, стремясь соблюсти правила хорошего тона и не нарушить при этом правила рифменного созвучия, Пушкин заменил первоначальное обращение к Жуковскому – «Как наших дней певец, Славянской Бард дружины» – на следующее обращение к Державину: «Как древних лет певец, как лебедь стран Еллины» [5, с. 376]. Поводом для критики этого пушкинского стиха для В. Ф. Ходасевича послужил неологизм «Еллина», сомнительный, на его взгляд, как с точки зрения правил словообразования, требующих от сочинителя исчерпывающего представления о называемом им предмете или явлении, так и с точки зрения элементарных законов здравого смысла, предполагающих уместность в употреблении вновь образованного слова. «Что значит Еллина, – рассуждает В. Ф. Ходасевич, – он <А. С. Пушкин – В. Ч.> сам не знал; ее никогда не существовало. Если даже честь ее за Элладу, то почему же Державин – лебедь Эллады? Допустим, это намек на анакреонтические стихи. Но к стати ли обращаться к Державину-Анакреону, когда речь идет о военных подвигах? Но выхода не было, Пушкин решил, что сойдет и так. Вся строфа была довольно туманна» [5, с. 376]. Таким образом, В. Ф. Ходасевич направляет в сторону А. С. Пушкина известную негативную оценку Г. Р. Державина как поэта, которую тот дал в письме к А. А. Дельвигу, датированном июнем

1825 г.: «Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка – (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии – ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. <...> читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом. <...> Гений его можно сравнить с гением Суворова – жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом» [3, с. 185].

Образ А. С. Пушкина-«проказливого сочинителя» в освещении В. Ф. Ходасевича трансформируется в «истинного поэта», когда тот начинает читать свои стихи, посвященные Г. Р. Державину. С А. С. Пушкиным происходит чудо преображения, о причинах которого можно только догадываться. Сам мемуарист со свойственной ему лаконичностью упоминает о необычно малом расстоянии в два шага между ним и Г. Р. Державиным, а также о стихах, в которых упоминается имя Г. Р. Державина, как о возможных источниках снизошедшего на него вдохновения. ИВ. Ф. Ходасевич буквально следует за пушкинскими формулировками, «от себя» фиксируя только момент исчезновения «земных» чувств А.С. Пушкина, которые как бы расплавились под воздействием высшей поэтической правды, исходящей от личности и творчества Г. Р. Державина: «Сердце его было так полно, что самый обман, совершенный им, как бы исчез, растворился, и читая последнюю строфу, он уже воистину обращался к сидящему перед ним старцу:

*О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой воспламенной
Взгреми на арфе золотой;
Да снова стройный глас Герою в честь прольется,
И струны трепетны посылят огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца!» [5, с. 378].*

И Г. Р. Державин, по В. Ф. Ходасевичу, откликнулся на обращение юного поэта, даже не усомнившись в подлоге. Кому же как не ему было знать, что подобные понятия, подлежащие ведению юридических законов и правовых норм, попросту не существуют в мире чистой поэзии; что в этом мире действуют совсем, совсем другие законы. А что до сих пор неведомый ему А. С. Пушкин оказался истинным поэтом, то есть глубоко родственным ему существом, Г. Р. Державин, как показал В. Ф. Ходасевич, осознал бесповоротно, раз и навсегда, и передал это свое мистическое знание *ogbi et urbi*, благословив того на поэтическое служение. Описывая поведение потрясенного Г. Р. Державина, вставшего в полный рост навстречу открытому им гению и попытавшегося его обнять, В. Ф. Ходасевич добавляет очень важный штрих, отсутствующий в воспоминании А. С. Пушкина, однако зафиксированный в уже цитированной чеканной формулировке из «Евгения Онегина»: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил». На наш взгляд, жест благословения со стороны Г. Р. Державина в изображении В. Ф. Ходасевича можно усмотреть в поднятии его рук над головою А. С. Пушкина: «И Державин вдруг встал. На глазах его были слезы, руки его поднялись над кудрявою головою мальчика, он хотел обнять его – не успел: тот уже убежал, его не было» [5, с. 378].

Таким образом, В. Ф. Ходасевич реинтерпретирует воспоминания А. С. Пушкина о встрече с Г. Р. Державиным, опираясь на творчество мемуариста в его полном объеме. Ироничные и прозаизированные мемуары подвергаются существенной ретушировке введением поэтического, то есть идеалистического по своей природе, плана. Лирические «мемуары» из «Евгения Онегина» оказываются, по В. Ф. Ходасевичу, «истиннее» более подробных, детализированных мемуаров эпических, если речь идет о встрече в замкнутом пространстве трех измерений двух великих поэтов, существ по своей природе духовных, если не сказать больше.

К теме «Пушкин и Державин» В. Ф. Ходасевич не один раз обращался в своем историко-биографическом творчестве, полагая ее ключевой при решении проблемы эволюции всей русской литературы. По В. Ф. Ходасевичу, явление А. С. Пушкина оказалось в конечном итоге роковым для всего ее последующего хода, для судеб русских поэтов и писателей XIX – XX вв., ввиду его сознательного отказа от традиционных взглядов на соотношение жизни и творчества поэта, последним значительным носителем которых являлся Г. Р. Державин, и культивирования принципов жизнотворческого поведения, предполагающих построение поведенческих стратегий по законам собственного творчества. В этой связи бегство А. С. Пушкина от благословения Г. Р. Державина приобретает в освещении В. Ф. Ходасевича глубоко символический смысл, выяснение которого потребовало бы дополнительных исследований.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. – Т. 1. – М.: «Правда», 1981. – 416 с.
2. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. – Т. 4. – М.: «Правда», 1981. – 432 с.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. – Т. 9. – М.: «Правда», 1981. – 448 с.
4. Кошелев В. А. «Но, ах, почто так долго жить?» (О феномене «Старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник. – Новгород: Изд-во НГУ, 1995. – С. 12 – 25.
5. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. – Т. 4. – М.: Согласие, 1997. – 744 с.

**«... AND BLESSED US AS HE DESCENDED TO THE GRAVE» (THE EXAMINATION
IN TZAR VILLAGE'S LYCEUM IN V.F. KHODASEVICH'S OPINION)****V. A. Cherkasov*****Belgorod National
Research University******e-mail:
cherkasov@bsu.edu.ru***

The article considers the famous meeting of the two geniuses of the Russian poetry – G. R. Derjavin and A. S. Pushkin, which is represented by V. F. Khodasevich in his biography «Derjavin» (1931). V. F. Khodasevich follows the principle «two plans», which is characteristic for A.S. Pushkin's memoirs, but at the same time he transforms it largely. The Biographer uses this principle in respect of A. S. Pushkin's and A. A. Delvig's personalities. He re-interprets A.S. Pushkin's prosaic memoirs taking into account their lyrical version.

Keywords: life-creating pattern, literary personality, biographic personality, the hierarchy of Russian writers.

УДК 81.42

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В «АНТИСКАЗКАХ» В. С. ВЫСОЦКОГО КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ «СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

И. И. Чумак-Жунь
Д. А. Попкова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
Chumak@edu.bsu.ru
Dashuni44ka@mail.ru

В статье рассматривается сущность конфликта дискурса власти и поэтического дискурса В. С. Высоцкого. Анализ внутритекстовых ситуаций, представленных в сказках поэта, дает основание утверждать, что в сказках (антисказках) В. С. Высоцкого реализуется своеобразная проекция внешней политической ситуации на ситуацию внутритекстовую. Лингвистические трансформации прецедентных «сказочных» феноменов являются одним из способов критического отражения советской действительности.

Ключевые слова: поэтический дискурс, внутритекстовая ситуация, антисказка, прецедентные феномены.

Для понимания сущности конфликта дискурса власти и поэтического дискурса В. С. Высоцкого целесообразно обратиться к понятию «внутритекстовая ситуация», так как именно специфика изображенной в поэтическом тексте Высоцкого ситуации нередко провоцировала названный конфликт. Уникальная и неповторимая событийность поэтического текста соотносима с ситуацией обычного общения. Понятие «ситуация» достаточно амбивалентно, обладает множеством самых разнообразных толкований в современной лингвистике (детальный обзор см., напр., в [1, с. 113 – 131]). Для нашего исследования важно, что ситуация может пониматься и как внутритекстовый феномен – фрагмент объективной действительности, с которым соотносено референциальное содержание высказывания (ситуация в данном случае интерпретируется с позиции семантики), и как феномен коммуникативный (если ситуация рассматривается с точки зрения прагматики). Для того чтобы разграничить эти подходы, имеет смысл использовать термины внутритекстовая (референтная) ситуация и внешняя коммуникативная (дискурсивная) ситуация [2, с. 37 – 38].

С точки зрения дискурсивного анализа поэтического текста, внутритекстовая (референтная) ситуация как фрагмент объективной действительности, с которым соотносено референциальное содержание высказывания, является одним из параметров внешней коммуникативной ситуации [3]. Так, референтные ситуации, отраженные в стихотворениях В. С. Высоцкого (*Если друг оказался вдруг И не друг и не враг, а так... Если сразу не разберешь, Плох он и ли хорош, или – Ох, какая же ты близкая и ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя!*), являются составляющими стандартной дискурсивной ситуации речепорождения и речевосприятия этих текстов. Предметом изображения внутритекстовой ситуации может являться и внешняя коммуникативная ситуация. Ср. в стихотворении «Я к Вам пишу»: *Найдя стократно вытертые ленты, Вы хрип мой разбирали по слогам, Так дай же бог, мои корреспонденты, И сил в руках, да и удачи вам!*

Следует заметить, что для поэтического текста с его конкретно-обобщенным значением характерна своеобразная референциальная отнесенность к действительности. «Стихотворная форма речи постулирует понимание истинности относительно модуса собственно языкового существования, лишая прагматические переменные высказывания внешней семантической соотнесенности и переводя конкретно-референтный статус ситуации на уровень обобщения, сопоставимый с научной формой представления о мире, но при этом сохраняющий условия конкретности» [4].

Тексты В. В. Высоцкого так же, как и любые поэтические тексты, обладают множественной референциальной соотнесенностью, т.е., каждый из этих текстов можно отнести как к конкретной ситуации, так и к классу ситуаций. Однако в отличие от большинства лирических миниатюр других поэтов, в которых абстрактный герой изображается в абстрактном же континууме («Я Вас любил...» А. С. Пушкина, «Вот опять окно, там опять не спят...» М. И. Цветаевой и т.д.), вполне узнаваемый герой В. С. Высоцкого существует во вполне конкретном времени и пространстве. И маркируется это пространство чаще всего как время и

пространство, в котором живет поэт, то есть время и пространство Советского Союза. Его описания действительности лишены тех черт, которые пропагандировались советской идеологией, и именно это свойство поэтических текстов поэта было неудобно политическому дискурсу.

В текстах Высоцкого реализуется своеобразная «проекция» внешней ситуации на ситуацию внутритекстовую. Это особенно отчетливо проявляется на примере такого популярного в поэзии В. Высоцкого жанра, как сказка.

Сказка является особого типа текстом, в котором реализуется связь мифического и сакрального. Она обладает рядом специфических – композиционных и стилистических – особенностей, свойственных только этому типу текста, как он сложился исторически, и определявших устную форму распространения и бытования сказки. К числу неповторимых, своеобразных особенностей относятся: употребление традиционных стилистических тропов, стандартных зачинов и концовок, повторяемость эпизодов. Волшебные сказки строятся, как правило, по схемам, особенности которых выделил В.Я. Пропп: «Это тот жанр сказок, который начинается с нанесения какого-либо ущерба или вреда (похищение, изгнание и др.) или с желания иметь что-либо (царь посылает сына за жар-птицей) и развивается через отправку героя из дома, встречу с дарителем, который дарит ему волшебное средство или помощника, при помощи которого предмет поисков находится. В дальнейшем сказка дает поединок с противником (важнейшая форма его – змеборство), возвращение и погоню» [5, с. 114].

Сказка обязательно предполагает сказочного героя, особое сказочное время и сказочное пространство. Большинство сказок является прецедентными текстами, хорошо известными читателям с детства. Эти прецедентные тексты в поэзии трансформируются, из-за чего сказка в творчестве В. С. Высоцкого превращается в антисказку. Его сказка облечена в стихотворную форму, причем некоторые стихотворения поэта прямо маркированы как сказки (Песня-сказка о нечисти; Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате; Лукоморья больше нет. Антисказка; и др.), другие включают аллюзии к сказкам: *Лежит камень в степи; Дурачина-простофиля; Песня Соловья-разбойника* и др.

Трансформации в поэзии Высоцкого претерпевают все типы прецедентных феноменов, которые выделяют современные исследователи (прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации).

1. Трансформации на уровне прецедентного текста.

«Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; он хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу которого входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [6, с. 83].

Одной из самых известных трансформаций прецедентных текстов является антисказка «Лукоморья больше нет». Читатель знает оригинал, на который опирался В.С.Высоцкий, – фрагмент из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Описание внутритекстовой ситуации у В. С. Высоцкого строится на приеме отрицания. Уже в первых строках дважды повторяется отрицательное слово *нет*: *Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след. – Дуб годится на паркет, – так ведь нет*. Отрицание в различных грамматических формах (отрицательное слово *нет*, отрицательная частица *не*, слова с приставкой *не*) неоднократно встречается в тексте: *Каждый взял себе надел – Кур завел – и в ем сидел, Охраняя свой удел **Не у дел**; И Русалка – вот дела! – Честь **недолго** берегла – И однажды, как могла, родила, – Тридцать три же мужука **Не желают** знать сына, – Пусть считается пока – сын полка*. Отрицание выражено и имплицитно (*от дубов простыл и след, дом спалил, цепь золотую снес в торгсин*).

Завершается стихотворение фрагментом, в котором отрицательные формы нагнетаются и позволяют сделать вывод – *Все, о чем писал поэт – это бред*:

*И невиданных зверей,
Дичи всякой – **нету** ей:
Понаехало за ей
егерей...*

*В общем, значит, **не секрет**:
Лукоморья больше **нет**, –
Все, про что писал поэт,
это – бред.*

*Ты уймись, уймись, тоска, –
Душу мне не рань!
Раз уж это присказка –
Значит, сказка – дрянь.*

Последнее четверостишие, наряду с повторяющимися рефреном четверостишиями *Ты уймись, уймись, тоска у меня. Это только присказка, сказка впереди*, предает мысль о разрушении идиллии и гармонии в реальном мире

Еще один прием, разрушающий сказочные каноны в тексте В.С.Высоцкого, условно можно назвать «вульгаризацией». Назовем основные способы, при помощи которых реализуется этот прием:

1. Пушкинские номинации героев не используются вообще (*прекрасные витязи, морской дядька*), в антисказке используются грубо-просторечные отрицательно-коннотированные формы (*здоровенные жлобы*) или уточняющие лексемы соответствующей окрашенности: *ученый кот – это ученый сукин сын, который цепь золотую снес в торгсин*.

2. Номинации пушкинских сказочных героев используются, но если персонажи пушкинского текста – сказочные, романтические герои, а их имена в тексте Высоцкого те же персонажи приобретают вполне человеческие, но очень неприятные черты, а имена, соответственно, под влиянием контекста, коннотированы отрицательно.

3. Текстовая ситуация приобретает пространственно-бытовые характеристики своего времени, причем конкретный хронотоп текста маркирован не только эксплицитно (*дача под Москвой, торгсин – всесоюзное объединение по торговле с иностранцами*), но и через косвенные лингвистические признаки. Так, лексемы *дуб* и *избушка на курьих ножках* в пушкинском тексте – яркие приметы сказочного хронотопа, в тексте Высоцкого эти же слова используются во множественном числе, что в данном случае меняет абстрактное время и пространство на конкретное: *Порубили все дубы на гробы; Распрекрасно жить в домах на куриных на ногах* (ассоциация с масштабными строительными работами в советское время, когда возводились именно такие строения). Переводит читателей из сказочного мира в мир современности и история ученого кота: *Как-то раз за божий дар получил он гонорар: В Лукоморье перегар на гектар. Но хватил его удар. Чтоб избежать божьих кар, Кот диктует про татар мемуар*. Ставшее устойчивым выражение *перегар на гектар* заставляет вспомнить алкогольную проблему в Советском Союзе и последовавшие за ней антиалкогольные кампании.

4. Использование просторечной и бранной лексики: *перегар, подпоить, загнуть анекдот, ихний, тикать* (в значении убежать), *запрошлый* (год), *понаехало, издаля, жлоб, дрянь, старый хрыч, ах ты тля*.

Все эти способы указывают на намеренное опрощение стиля у В.С. Высоцкого, а изменения прецедентной ситуации в сравнении с прецедентным источником отражают изменения во внешней дискурсивной среде. Таким образом, трансформация прецедентного текста как самодостаточного и сформированного в сознании адресата продукта дает возможность завуалировано выразить неприятие нового уклада жизни и тем самым провоцирует дискурсивный конфликт.

2. Трансформации на уровне прецедентного имени.

Основным маркером прецедентности в стихотворении В.С. Высоцкого является прецедентное имя. Используя прецедентные имена, поэт апеллирует к читателю, к его знаниям сказок и представлениям о них. Как показывают исследования, в когнитивной базе читателя хранится, во-первых, сам вербальный феномен (прецедентное имя); во-вторых, то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его прецедентным, т. е. совокупность дифференциальных признаков и атрибутов.

Прецедентные имена сказочных героев имеют однозначно маркированную коннотацию (положительную или отрицательную). Для того чтобы определить специфику употребления и понимания этих имен в текстах В. С. Высоцкого, имеет смысл обратиться к схеме прецедентного имени, которую предлагают в своей работе В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков. Ученые отмечают, что прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро инварианта восприятия прецедентного имени составляют дифференциальные признаки, а его периферию – атрибуты. Таким образом, восприятие прецедентного имени происходит по следующему схеме [6, с. 89]:

I. Дифференциальные признаки:

- 1) внешность;
- 2) характер;
- 3) прецедентная ситуация.

II. Атрибуты.

III. Потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени.

В творчестве В. С. Высоцкого трансформация прецедентного имени происходит на всех указанных уровнях и выполняет функцию развенчания сказочного мифологического героя, «опрошение» его до бытового уровня, соотносимого с существующим советским укладом. Так в «Песне-сказке про джина» герой *Вспомнил детский детектив - старика Хоттабыча...* В когнитивной базе адресата Старик Хоттабыч – это герой одноименной сказки Л. Лагина. Прецедентное имя Старик Хоттабыч в сознании читателя имеет следующие дифференциальные смыслы: внешность – «старичок с бородой», возможности – «могущественный», характер – «добрый», ситуация – «джин возникает из бутылки и помогает пионеру Вольке». В стихотворении В. Высоцкого трансформируется внешность – *А оно зеленое, пахучее, противное – Прыгало по комнате, ходило ходуном; возможности – И кроме мордобитиев – никаких чудес; ситуация появления героя – Я решил попробовать, бутылку взял открыл – Вдруг оттуда вылезло, что-то непотребное – Может быть зеленый змий, а может крокодил.* Положительное восприятие героя сказки Лагина меняется на крайне отрицательное восприятие джина Высоцкого, которое обусловлено использованием в его описании лексики, имеющей в контексте отрицательную коннотацию (*противное, нечто непотребное, зеленый змий, крокодил*). В финале стихотворения Старик Хоттабыч попадает *из бутылки в Бутырку* (самую крупную тюрьму в столице), причем увозит его милиция *на Черном воронке*, совсем не сказочном средстве передвижения. Советские реалии подчеркивают полное отсутствие в реальном времени-пространстве возможности волшебного и сказочного. Вся окружающая героя действительность – замкнутое пространство, невозможность выхода из которого подчеркивается (пусть и в шуточной форме) сложноподчиненным предложением с придаточным условия *И если был у меня времени хотя бы час Я бы дворников позвал, с метлами, а тут...* Такое описание «светлой советской действительности» не могло вызвать положительной оценки дискурса власти.

3. Трансформации на уровне прецедентной ситуации.

Под прецедентной ситуацией мы понимаем ситуацию-эталон, связанную с определенными представлениями и эмоциями [6, с. 83]. Так, в стихотворении «Лежит камень в степи» В. С. Высоцким используется традиционная сказочная ситуация распутия, узнаваемая уже по первой строчке через словосочетание *камень в степи*, под который, по заявлению автора, *вода течет*. То есть уже в начале текста сказка позиционирована как антисказка. В. С. Высоцкий выражает этот переход сюжета через трансформацию известного фразеологизма «под лежащий камень вода не течет», означающего невозможность получения результата без приложения определенных усилий. В антисказке В. С. Высоцкого, где вода течет под лежащий камень, законы народной мудрости не действуют. Видимо, именно поэтому сказочный дурак у Высоцкого *«Долго ль, коротко ль шагал – И совсем не страдал, Пил, гулял и отдыхал...»*. В сказке такая внутритекстовая ситуация просто невозможна, а вот в современном мире, где дураку открыты все дороги, даже к власти, такие события, к сожалению автора, обычны.

Лежит камень в степи, а под него вода течет.

И на камне написано слово:

Кто направо пойдет - ничего не найдет,

А кто прямо пойдет - никуда не придет,

Кто налево пойдет - ничего не поймет

И ни за грош пропадет.

Дифференциальные признаки данной прецедентной ситуации можно обозначить следующими лексемами: *развилка, выбор*. Для создания антисказки поэт разрушает сюжетный канон, используя уже отмеченный нами выше прием отрицания: **ничего не найдет, никуда не придет, ничего не поймет**. Причем герои у В. С. Высоцкого *стоят без коней и без мечей*, традиционных атрибутов сказочного воина, попавшего в ситуацию распутия.

Дискурсивный конфликт, вызванный «замаскированным» в пространстве антисказки несогласием поэта с политикой дискурса власти, обнаруживается и в особом приеме

соединения двух тематических групп – «сказочный мир» и «идеологический мир». Рассмотрим этот прием на примере «Песни-сказки о нечисти». В тематическую группу «сказочный мир» входят как отдельные лексемы, представленные и собственными, и нарицательными именами существительными (*Змей Горыныч, нечисть, Вампир, бесы, ад*), так и словосочетания (*дремучий лес, заколдованное болото, буйный пир*). В тексте В. С. Высоцкого происходит контаминация этих групп, вплоть до их слияния. Например,

*Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
А от них был Змей трехглавый
и слуга его - Вампир, -
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!*

Имена собственные *Змей трехглавый, Соловей-разбойник, Вампир*, словосочетание *буйный пир*, лексема *зелье* несомненно относятся к тематической группе «волшебный мир». В контексте же самой прецедентной ситуации «обмена опытом», традиционной для русского читателя еще с петровских времен, но особенно популярной в советские времена, а также в ситуации приема иностранных делегаций, данные лингвистические средства становятся частью тематической группы «идеологический мир», хоть и переносятся туда ассоциативно. Принадлежность героев текста к идеологической жизни Советского Союза подчеркивается и лексемой *богохульники*, ведь атеизм в СССР был неформальным элементом государственной идеологии. Известно высказывание Ленина о борьбе с религией: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» [7, с. 418].

Антинаправленность сказок В. С. Высоцкого проявляется и лингвистически: в тексте появляются лексемы с разговорной окраской, такие как *ошиваться, волочь, зверюга*, просторечие *убег*, а также лексемы, которые находятся за пределами литературной нормы – глагол *победю* (в литературном языке глагол победить не имеет формы будущего времени), *матерь вашу*. Тот же просторечный стиль использует поэт при описании пропавших в дремучих лесах людей, которое в сознании читателя может соотноситься с событиями недавнего сталинского прошлого, когда люди пропадали без следа: *И мужик, купец и воин - попадал в дремучий лес, - Кто зачем: кто с перепояю, а кто сдуру в чащу лез. По причине попадали, без причины ли, - Только всех их и видали - словно сгнули. Страшно, аж жуть!*

Таким образом, внутритекстовая прецедентная ситуация в антисказках заполнена приметам и реалиями советского быта. Пересечение лексических групп позволяет автору создать уникальный хронотоп своих произведений – это соединение в одном тексте мифологических и советских пространственно-временных ориентиров. Финал произведений (в отличие от традиционных сказочных сюжетов) намеренно изменяется автором, как бы приспособливается к новым условиям. Используя фольклорные начала, Высоцкий не только обогащает язык своих текстов, но и выражает определенную идею через вековые представления русского народа, через его менталитет, который как нельзя лучше выражен в произведениях народного творчества.

4. Трансформация на уровне прецедентного высказывания.

Под прецедентным высказыванием мы, вслед за группой ученых, понимаем репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [6, с. 83].

Замечательным примером трансформации прецедентного высказывания из сказки является стихотворение «Странная сказка».

В стихотворении используется два оборота, которые являются прецедентными высказываниями, обозначающими особое сказочное пространство (*В тридевятом царстве, В тридесятом царстве*). Использование этих оборотов предполагает сказочную ситуацию. Текст строится как своеобразная загадка, разгадать которую должен читатель: обозначения сказочного пространства трансформируются в обозначения времени, причем числа передают достаточно точные даты (трижды девять двадцать семь; трижды десять тридцать). В этом сказочном пространстве и достаточно точном времени существуют два государства, которые при внешних различиях имеют очень много сходного. В частности, сходные ситуации

передаются фразами 1) *В тридевятом государстве <...> Все держалось на коварстве, Без проблем и без систем.* 2) *В тридесятом государстве <...> Тишь да гладь, да спокойствие там, Хоть король был отъявленный хам.* В соответствии с данными толкового словаря Д. Н. Ушакова [8], *Коварство* – это ‘наружная доброжелательность’ + ‘злость’ + ‘хитрость’, что, собственно, можно передать и описанием *Тишь да гладь, да спокойствие там, Хоть король был отъявленный хам.* Прямое указание на выход из пространства сказки содержится в трансформированном прецедентном высказывании *В триодиннадцатом царстве...* Можно предположить, что неологизм *триодиннадцатое* использован для того, чтобы передать какую-то информацию, важную для читателя. Числительное *Тридцать третий* в соседстве с существительными *милитарист* и *вандал* связаны с представлением о фашистской Германии, которая именно в тридцать третьем году получила неофициальное название *Третий рейх* и стала нацистской Германией. В контексте сказочного описания интересно, что слово *Reich* в немецком языке также употреблется мистически в значении «царство»: *Dein Reich komme* – «Да придет Царствие Твое» [9]. Именно эта информация заставляет читателя по-новому воспринимать описания соседних государств: *Нечем в двадцать седьмом воевать, А в тридцатом полководцы Все утоплены в колодце, И вассалы восстать норовят.* Здесь числительные выступают, скорее, не в темпоральном, а в локальном значении (государство двадцать семь, государство тридцать), но это не меняет восприятия соседнего (соседних) государств как Советского Союза 30-х годов, ведь именно в 1927 г. была разбита Объединенная оппозиция во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, именно 27 год определяют как отправную точку сталинских репрессий, которые в 1930-х гг. достигли кульминации. Здесь уместно вспомнить слова Маршала Советского Союза А.М. Василевского: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел» [10].

Таким образом, во внутритекстовой ситуации отражается ситуация внешняя – репрессии 30-х годов в Советском Союзе и агрессия гитлеровской германии. Информация о репрессиях была закрытой, поэтому для власти стихотворение Высоцкого было неудобным.

Итак, внутритекстовая ситуация, созданная поэтическим дискурсом В. С. Высоцкого, содержит подтекст, выступающий как антитеза государственной идеологии. Это доказывают и те параллели, которые намечены автором почти в каждой антисказке и которые выявляются при лингвистическом анализе текстов.

1. Сказочное государство, представления о котором складываются через негативно маркированную лексику, через номинации советских реалий и через четко обозначенный хронотоп произведений в поэтическом дискурсе В. С. Высоцкого, – Советский Союз.

2. Антигерои в сказочных текстах В. С. Высоцкого преимущественно олицетворяют высший состав управления государством в современном автору мире – это чиновники разных рангов, предстающие вниманию читателей как всякая нечисть. Герои сказочных текстов В. С. Высоцкого имеют те же имена, что и в знакомых всем сказках: *Соловей-разбойник*, *Змей Горыныч*, *ведьмы*, *кикимора болотная*, *разбойники* и т.д., но действуют и, что особенно важно для нашего исследования, говорят персонажи «антисказок» по-своему, что переносит их из волшебного мира в XX век.

*Все взрвели, как медведи:
"Натерпелись - сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
Патриоты али нет?!"*

3. И последняя, как нам кажется, наиболее завуалированная, параллель в поэтическом дискурсе В.С.Высоцкого касается высшего правителя сказочно-реального мира. В текстах высший правитель может называться *Соловьем-разбойником*, *Королем* или же просто *Дурачиной*, причем это имя прямо соотносится с реальным руководителем партии – Н. С. Хрущевым, что выражено самим В.С. Высоцким в посвящении к стихотворению «Дурачина-простофиля».

И сказки, и фантастические песни тесно связаны с темой политики. Политическая тематика сопровождается у Высоцкого в первую очередь сатирической насмешкой и широким применением приема иронии. Тексты-антисказки в творчестве В. С. Высоцкого занимают особое место не только за счет необыкновенной живости языка, но и в плане выражения одной из главных идей творчества – показ положения в родной стране вне идеологических канонов. По нашему мнению, именно этот момент возможности выйти за рамки традиции и привлечь

В.С.Высоцкого, ведь главное в тексте автора – не строгое следование литературному канону, а, наоборот, неожиданный поворот действия.

Список литературы

1. Краевская Н. М. Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи // Лингвостилистические особенности научного текста. – М.: Наука, 1981. – С. 113 – 131.
2. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII-начала XXI веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 243 с.
3. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 32 с.
4. Пинежанинова Н. Референциальная парадигма в поэтическом высказывании. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-8980.html?page=5>.
5. Прош В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
6. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Прецедентные феномены в лингвистике // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М.: Филология, 1997. – С. 82 – 103.
7. Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1964–1981. – Т. 17. – С. 416 – 418.
8. Большой толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru/134/w40237.htm>.
9. Третий Рейх. Материал из Википедии – Свободной Энциклопедии. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%85.
10. Сталин и Гитлер в сорок первом // Новая газета. – 2011. – № 66. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/47605.html>.

TRANSFORMATION OF PRECEDENT PHENOMENA IN V. S. VYSOTSKY'S «ANTI-FAIRY TALES» AS ONE OF WAYS OF ART REFLECTION OF «THE SOVIET REALITY»

I. I. Chumak-Zhun
D. A. Popkova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Chumak@edu.bsu.ru
Dashuni444ka@mail.ru

The article considers the essence of the conflict of a discourse of the power and V. S. Vysotsky's poetic discourse. The analysis of the intratext situations presented in fairy tales of the poet, gives the grounds to claim that in fairy tales (anti-fairy tales) of V. S. Vysotsky a peculiar projection of an external political situation to a situation intratext is realized. The linguistic transformations of case «fantastic» phenomena are one of ways of critical reflection of the Soviet reality.

Keywords: poetic discourse, intratext situation, anti-fairy tale, precedent phenomena.

ПРАГМАТИКА КОНЦЕПТА «ВОРОВСТВО» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Г. М. Шипицына

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru*

В статье анализируются слова и устойчивые выражения русского языка, вербализующие концепт «воровство». Определяются прагматические смыслы, сохранившиеся в генетической памяти народа и отразившиеся в значениях языковых единиц. Языковой материал, исследованный в данном аспекте, свидетельствует, что категоричного осуждения воровства в сознании российского народа исторически не сложилось, потому и в языковой картине мира прагматика концепта «воровство» выражена противоречиво.

Ключевые слова: концепт «воровство», семантика, прагматические смыслы, слово «вор», пословицы, контекст, генетическая память народа.

Данная статья посвящена исследованию средств вербализации концепта «воровство» в русской общенародной концептосфере. В семантико-историческом аспекте проанализируем языковые средства, связанные с номинацией этого социального порока, чтобы определить прагматические смыслы, сохранившиеся в генетической памяти народа и отразившиеся в значениях и прагматике языковых единиц. Такие прагматические смыслы могут в какой-то степени пролить свет на народное восприятие этих пороков. Дело в том, что слова и устойчивые конструкции хранят в себе древнейшие истоки народного сознания, которые могут проявляться и через множество веков, ведь язык сохраняет культурные слои прежних эпох. Языковыми средствами номинируются концепты общенародной картины мира, которая остается относительно устойчивой, в то время как названия концептов могут исторически изменяться и обновляться, подчиняясь тем или иным собственно языковым процессам (например, архаизация одних слов и замена их другими словами).

Языковой материал, исследованный в данном аспекте, свидетельствует, что абсолютного и категоричного неприятия и осуждения воровства в сознании российского народа исторически не сложилось, потому и в языковой картине мира прагматика концепта «воровство» выражена противоречиво. В ней прекрасно отражены позиции различных социальных групп по отношению к этому явлению. Следует также отметить, что одна из причин такой ситуации заключается в особенностях законодательства, не предусматривавшего ранее и не имеющего также и в настоящее время эффективных законов и мер по борьбе с воровством. Анализ всей динамики законов этого рода не входит в задачи нашей статьи, которую мы стремимся ограничить филологическими проблемами. Тем не менее проиллюстрируем наш тезис статьей о воровстве из дошедшего до нас наиболее древнего свода русских законов. Это законы Древней Руси XI в. – «Русская правда».

Воровство тогда называлось словом *татба*, а вор словом *тать* (*Яко тать в ноци* – старославянская поговорка). За различные преступления, в том числе и за кражу, законы Древней Руси предусматривали в своем большинстве денежные штрафы в пользу князя. Законы также определяли размер штрафа за кражу определенного предмета или имущества, например, *Аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи (продажа – «штраф князю»)*. Закон о воровстве вообще, «о *татбе*», также устанавливает наказание вору за кражу в виде денежного штрафа в пользу князя. Пострадавшему вознаграждения не полагалось, об этом сказано так (не без юмора!): *а исцу свое лицем взятици, а что с ним погыбло, а того ему желети, а иному желети своих кун*, то есть истец мог найденное (наличествующее) имущество взять, а что уже погыбло из имущества, того *желети* («жалеть, оплакивать»), а разоблаченному вору предлагалось *желети* своих денег, которые он заплатит *мытникам* («сборщикам штрафов, податей, налогов в пользу князя»).

Несложно понять, что многие преступления, в том числе воровство, были абсолютно невыгодны только жертвам преступлений. Однако они были выгодны князю: штрафы пополняли его казну, потому чем больше воровства, тем больше денег у князя. В той или иной степени воровство выгодно еще и *мытникам*: во-первых, оно дает им престижную работу и власть над людьми; во-вторых, не исключена возможность что-то из собранного для князя утаить и

для себя лично. Так что из трех категорий участников деяния воровства и поимки вора по крайней мере двум категориям этих участников оно крайне желательно: чем больше воровства, тем больше случаев поимки вора и получения от него мзды. Ясно, что в такой ситуации о борьбе с воровством вообще говорить не приходится, и эта ситуация никак не сопоставима с аналогичными явлениями в других странах и культурах, где действовали очень жестокие законы и обычаи в борьбе с ворами. Кстати заметим, что степень гуманности в отношении воров (особенно в крупных размерах государственного масштаба) в современной России даже повысилась в сравнении с периодом XI века: ворами дают возможность красть долго и много, устроить свои капиталы по родственникам или за рубежом, обустроить там свои семьи и быт, уехать за рубеж, а уж потом, и то далеко не во всех случаях, начинается определение масштабов украденного. Пострадавшей стороне, даже если это крупная компания или государство, остается лишь, как и в Руси XI в., *желети* украденного, поскольку конфискации имущества и возмещения убытков не предусматривается (да и *желети* фактически некому). Впрочем, эту сторону дела, как и промежуточные этапы и повороты в российском законодательстве, оставляем на осмысление юристам и переходим к лингвистическим аспектам проблемы.

Языковые средства вполне адекватно самой ситуации с российским воровством хранят в себе палеонтологические отложения прошлых эпох и генетическую память в ментальной оценке этого явления, что мы и рассмотрим на примере ядерных вербализаторов концептуального поля «воровство»: это само слово *вор*, со временем заменившее собою древнерусский термин *тать*, и устойчивые выражения на тему воровства.

Итак, корень слов *вор*, *воровать*, *воровство* в современном русском языке имеет одно значение: «тот, кто совершает кражи, то есть похищает что-либо, ему не принадлежащее» (МАС-2). Этот корень – восточно-славянский, образован от основы глагола *врати* в значении «говорить неправду, лгать, клеветать». У слова *вор* первичное значение «лун, обманщик, мошенник» (Эсря). Современное значение как полноценный лексико-семантический вариант у слова *вор* сформировалось только к XVII веку. Ранее слово *вор* имело не одно значение: основным его значением было «обманщик, мошенник, злодей». Пример из доноса 1547 г.: «*То, государь, мужикъ Власко воръ и руки подписываетъ*», то есть «Власко – мошенник и подписи подделывает» (СРЯ XI – XVII). У этого основного значения в «Словаре русского языка XI – XVII веков» зафиксировано употребление со смыслом «тот, кто совершает кражу, грабитель». Второе значение у слова *вор* было «враг, неприятель, смутьян, преступник» (*Тушинский воръ* – о самозванце Лжедмитрии II). Поэтому в контекстах слово *воръ* могло иметь значение «обманщик, смутьян, изменник». Воров также называли того, кто стремится захватить власть, организует смуту, бунт или участвует в подобных деяниях. Например: *И тотъ воръ Стенка [Разин] ... прибравъ къ себѣ такихъ же воровъ пришелъ воровски на Донъ* (СРЯ XI-XVII). Неслучайно А. С. Пушкин, следуя исторической правде, в драме «Борис Годунов» употребляет именно это слово во фразе Пленника, передающего слова русских о Лжедмитрии:

С а м о з в а н е ц: Ну! Обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к: А говорят о милости твоей, Что ты, дескать (будь не во гневе), и вор, А молодец.

В этом же произведении есть еще такое употребление – в монологе персонажа по фамилии Пушкин, который говорит о небезопасной жизни при царе Борисе:

*Легко ль, скажи! Мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всѣ языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.*

В повести «Капитанская дочка» тоже есть интересное употребление этого слова в значении «бунтовщик, злодей, изменник». Примеры: в ответе Пугачеву коменданта Белогорской крепости:

Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!». Так же в ответе Пугачева Гриневу:

– А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

В последнем примере слово *воры* обозначает «предатели, изменники, нечестные и продажные люди». Оно нагружено целым пучком эксплицитных негативных прагматических сем, однако все они выражают контекстную прагматику в восприятии действий *ребят* именно Пугачевым. Бесспорно, по отношению к нему *ребята* поступят плохо, неблагодарно, отвратительно. И эта оценка их действий совпадает с общепринятой моралью общества, коллектива, где провозглашаются иные нормы (*Сам погибай, а товарища выручай*). Но по отношению к самим *ребятам* прагматика контекста иная. Имплицитно она содержит семы позитива, представленные в синтагматике фразы: для *ребят* есть выход из смертельно опасной ситуации. *Они свою шею выкупят*, то есть всего лишь могут избежать виселицы, спасут свои жизни (хотя и не будут помилованы, они это понимают), причем, спасутся не самым гнусным способом из всех возможных, при этом еще совершат поступок, угодный не только власти, но и многим людям, страдающим от бунта.

Получается, что и в архаичном значении, и в современном корень *вор* обозначает негативное явление как социальное зло, но только в одном аспекте – зло, причиняемое воров некоторым другим людям или даже одному единственному человеку – жертве воровства. Для самого же вора эти поступки продиктованы желанием извлечь из воровства (как лжи, предательства, мошенничества) какую-либо пользу для себя лично, но не исключено, что в каждом конкретном случае могут существовать и другие люди, для которых этот факт воровства будет выгодным. Во всяком случае семы позитива со значением найденного выхода из затруднительного положения в компонентном составе семантики и прагматики слова *вор* очевидны, хотя они безусловно имплицитного и потенциального характера, да и проявляются далеко не во всяком контексте.

Истоки национальной ментальности проступают через семантические отложения разных эпох в наиболее архаичных языковых единицах языка, к которым относятся не столько слова, сколько разного рода народные афоризмы, устойчивые сочетания слов, особенно пословицы и поговорки (паремии). Паремия является ценнейшим объектом лингвокультурологического анализа, потому что в ней в наибольшей степени реализуется кумулятивная функция как культуры, так и языка.

В народных афоризмах концепт «воровство» представлен с гораздо большим разнообразием прагматических смыслов, чем в словах. Рассмотрев десятки самых разных афоризмов на эту тему в различных сборниках таких выражений, приходим к выводу о широком прагматическом поле их семантики и отсутствии однозначной и бескомпромиссно негативной оценки явления воровства. Получается, что паремии многолики и многофункциональны, поскольку они способны отражать и формировать не только общенародное, массовое, но и индивидуальное сознание, выражая тем самым мировоззрение как народа в целом, так и отдельной его социогруппы и даже индивида.

Официальная, создаваемая для общественного потребления, мораль осуждения воровства как преступного, крайне негативного явления, наряду с мошенничеством, казнокрадством и тому подобными социальными пороками, представлена группой паремий с доминантой *Всяко ремесло честно, кроме воровства*. В таких паремиях делается акцент на возможных неприятных последствиях воровства прежде всего для самого вора. Пословица предостерегает вора, дает советы:

Украсть - в беду попасть; Вор ворует до поры, до времени; На воре шапка горит; Воровское уйдет, а твое добро с собой уведет; Вора помиловать, доброго погубить; Лучшие суму носить («попрошайничать»), нежели красть.

В данных пословицах речь идет не столько о моральных принципах социума, сколько о конкретной модели поведения, которая позволяет избежать неприятностей и приобрести наибольшую выгоду из благоразумного поведения отдельному человеку. Ментальный аспект значения в данных пословицах характеризуется стремлением найти компромисс между собственным и общественным благом. Происходит сближение принципов «жить по совести» и «жить по закону», но в то же время в них просматривается и третий принцип – принцип приспособления отдельного человека к этим законам и принципам для обеспечения своего благополучия. Наблюдается своеобразное социальное моделирование, реализуемое в прагматическом аспекте значения паремий. Пословица обобщает накопленный народом опыт и представляет его в нравоучительной форме: *Они воруют, да они же и горюют, а мы с тобой все живем; Не ворово, да здорово; Без труда нет добра; Трудовая денежка плотно лежит, чужая ребром торчит; На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой наживай*. Прагматическим аспектом значения в этих пословицах провозглашается своеобразная модель соци-

ально правильного и желательного для общества поведения людей как важная составляющая общенародной картины мира.

Что же касается выражения индивидуальных жизненных практик и выбора моральных ценностей отдельным человеком, здесь все далеко не однозначно. В паремии часто выражается ирония в виде шутки, но прагматический ее смысл дает возможность относиться к ее поверхностному денотативному содержанию по-разному: *Я ли не молодец? У меня ли дети не воры? Или Краденая кобыла невпример дешевле купленной обойдется.* Многие паремии обобщают горькие наблюдения индивида за миром людей и положением разных людей в обществе. С одной стороны, *Из трудов праведных не наживешь палат каменных; От работы не будешь богат, а будешь горбат; В аду не быть – богатства не нажить; Хуже всех бед, как (когда) денег нет.* Есть другая сторона явления: *Много трудился, а толку не добился; От работы и кони дохнут; Заработали чирый да болячку на третий горб.* Есть и прямая насмешка над человеком, который с чрезмерным усердием окунается в работу для честного и правильного способа жизнеобеспечения: *Принялся за дело, как вошь за тело.* Тем более, что *Работа не медведь (не волк), в лес не убежит,* то есть спешить погружаться в тяжелую работу не стоит, она нигде не денется, не лучше ли оглядеться, нет ли вокруг чего полегче ...

В пословицах отражается наблюдательный взгляд на общество человека как бы со стороны, и результат наблюдений за реалиями российского бытия в пословицах определен многообразно: *Кто чем торгует, тот тем и ворует.* К тому же, что немаловажно, *Вор на вора не доказчик.* В некоторых паремиях выражается прямое сомнение в обязательном возмездии вора: *Грабежи есть, воровство есть, а воров нет,* а главное – *Сами (люди) воруют, а (да) нам не велят,* и уже этот факт сам по себе может поколебать нравственные позиции честного труженика. И об этом есть пословицы: *Лучше воровать, чем торговать; Воровство тоже (и то) ремесло.* Тем более, что Россия – великая страна, с огромной территорией, в ней всегда можно скрыться так, что никто не найдет: у нас *На каждого вора много простора* (впрочем, эту пословицу можно истолковать и как «существует большое разнообразие форм проявления и объектов воровства»). А в условиях распространенности воровства, а главное – фактической его безнаказанности, отточенный в пословице вывод весьма примечателен: *Для чего ж не воровать, коли некому унять?* Но как не пострадать от воровства (занятие все же не безопасное!), с чего вообще надо начинать эту деятельность? На этот счет пословицы тоже имеются, в частности, некоторые прямо подсказывает программу действий: *Не учишь воровать, коли не умеешь концов прятать,* а также *Умеешь красть, умей и концы прятать (хоронить).*

Момент греха как несоблюдения христианской морали воровом, отраженный в паремиях, также не является препятствием для подобных занятий и не оказывается достаточным основанием для безусловного осуждения воровства. В пословицах оправдана и эта сторона отношения к воровству, если его совершать с «оглядкой на Бога» (как это ни парадоксально!): *Добрый вор без молитвы не украдет.* То есть, главное молитва, а не воровское действие, и это несмотря на то, что *Бог труды любит; Трудовой грош и пред Богом хорош* и т.п. В некоторых паремиях выражается прямое оправдание воровству соотносительно с моментом греха: *Грех воровать, да нельзя миновать.* Наконец, есть и такие паремии, в которых объявляется своеобразное разрешение на воровство, хотя и избирательно, «разрешение» дается не всем, а некоторым: *Бедный и украдет, да его Бог прощает.* Прагматика разрешения воровать усилена формой несовершенного вида глагола *прощает* со значением неоднократного, повторяющегося действия, представления его как многократно и безусловно проверенного жизнью, практикой, что придает смысловому облику паремии момент уверенности в обязательности именно таких действий Бога.

В итоге получается, что в паремиях отражен результат поиска индивидом компромисса между соблюдением общественной морали, буквой и духом официальных государственных законов, заповедей христианской морали и проблемой личной выгоды при выборе для себя жизненной позиции.

Впрочем, семантико-прагматическое разнообразие русских паремий нельзя считать неоспоримым свидетельством в пользу той или иной положительной или отрицательной оценки народом в целом какого-либо социального порока, приписывая ему, например, такое качество, как терпимое отношение к воровству. Это было бы неправильно, поскольку при таком решении вопроса не учтена важнейшая особенность паремий. Они, как было сказано выше, отражают не только всенародное миропонимание, но и индивидуальное, поэтому в паремиях можно найти выражения самого разного прагматического смысла. В их совокупном наборе наблюдается весьма широкий спектр выражения прагматики и оценок для любого поступка, явления жизни, свойства личности и качеств человека от самого положительного до самого от-

рицательного. Как писал В. И. Даль, «простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в костности его есть и дурная, и хорошая сторона» [1, с. 7]. Действительно, в паремиях ничто не оценивается односторонне, каждое явление позиционируется с различных точек зрения. Паремии словно бы учитывают самые разные жизненные обстоятельства конкретного человека, обусловленные многообразием жизненных ситуаций. И даже явно отрицательное явление в народных паремиях может быть представлено в ореоле различной прагматики, поскольку оценочные смыслы паремий охватывают нравственные устои не только общества в целом, но и отдельных и очень разных по жизненным ценностям представителей этого общества, индивидов. Пословицы нацелены на «детальный разбор» причин и форм проявления репрезентированной в них жизненной ситуации, которая как бы предваряет итоговый вывод, рекомендуемый для использования в аналогичных практиках быта. Таким образом, в самой парадигматической группировке пословиц одной тематики просматривается противоречивость и парадоксальность ее состава как следствие неоднозначности оценок народной философией явлений действительности, а также как проявление народной терпимости и гуманности в объяснении человеческих пороков. И тем не менее, нельзя отрицать и того факта, что языковые средства русского языка, отражая генетическую память народа, не имеют односторонней прагматики категоричного и однозначного неприятия воровства как явления, не имеющего права входить в общенародную картину мира.

Список литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т / Вступ. слово М. Шолохова. – М.: Художественная литература, 1984. – 476 с.

Список словарей

1. МАС-2 – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
2. СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 1 – 28. – М.: Наука, 1975 – 2008.
3. Эсрря – Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников. В 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2010.

THE PRAGMATICS OF LARCENY CONCEPT IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

G. M. Shipitsina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru*

The article analyzes the words and steady expressions in Russian, verbalizing concept "larceny". Pragmatic senses remained in genetic memory of the people and reflected in values of language units are defined in the paper. The language data investigated in the aspect, testifies that full condemnation of larceny in consciousness of the Russian people has not developed historically, therefore in the language picture of the world of the pragmatic concept "larceny" is expressed inconsistently.

Keywords: concept "larceny", semantics, pragmatic senses, a word "thief", proverbs, a context, genetic memory of the people.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-112.81'362

АВСТРИЙСКИЙ ВАРИАНТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Е. В. Бондаренко
О. О. Чернова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
bond-elena@yandex.ru*

В статье описывается становление австрийского варианта немецкого языка, раскрываются его территориальные специфические особенности на всех уровнях языковой системы, рассматриваются вопросы варьирования языковых единиц и выясняются возможные причины отклонения от литературного немецкого языка.

Ключевые слова: литературный немецкий язык, территориальные варианты, австрийский вариант немецкого языка, варьирование языковой нормы

Введение

Немецкий литературный язык имеет несколько территориальных вариантов: классический немецкий литературный язык Германии и два наиболее крупных его варианта на территории Швейцарии и Австрии. Классически считается, что с лингвистической точки зрения регион распространения немецкого языка в Австрии относится к баварской диалектной области. Это подтверждают исследования А. И. Домашнева, который указывает, что на данной территории имеются исключения в языковом отношении: «Исключение составляет территория земли Форарльберг, граничащая на юге с Швейцарией и относящаяся к алеманнскому диалектному ареалу» [1]. Об этом упоминает В. М. Жирмунский при описании языковой принадлежности австрийских диалектов: «Баварское наречие ... охватывает и Австрию, куда немецкое население проникло в VIII – XI вв. в результате распространения баварской колонизации по долине Дуная и в соседние приальпийские земли» [2]. Далее автор знаменитого труда по немецким диалектам уточняет, что вышеупомянутый территориальный вариант немецкого языка следовало бы называть «баварско-австрийским наречием» [там же, с. 38].

В уточненном названии существует определенная необходимость, так как действительно, при более детальном изучении лингвистической ситуации в Австрии, выясняется, что австрийские диалекты, сосуществуя вместе с баварскими диалектами, образуют с ними гомогенную диалектную зону. Поэтому, мы в своем исследовании, вслед за В. М. Жирмунским будем использовать термин «баварско-австрийские диалекты». В этом языковом ареале выделяют севернобаварский или верхнепфальцский, среднебаварский с среднеавстрийским и южнобаварский с южноавстрийским диалекты. Средние и южные диалектные области распространения являются общими для Австрии и Баварии.

Определяющие особенности австрийского литературного немецкого языка, так же как и немецкого языка, в Швейцарии, восходит корнями в историческое прошлое страны, изучая которое можно понять те или иные языковые черты. Известно, что в IX – X веках, в эпоху Каролингов на территорию современной Австрии начали переселяться баварцы. Именно в этом стоит искать причину тесных связей баварских и австрийских диалектов. В средневековых рукописях название *Ostarrichi* было зафиксировано приблизительно в конце X века, около 996 года [3]. Н.С. Бабенко свидетельствует, что при изучении исторических документов, становится ясно, что в 1156 г. Австрия отделилась от Баварии и стала отдельным герцогством [4].

В конце XIII в., в 1282 г. Австрия была включена в империю Габсбургов, которые, расширяя свои территории, постоянно присоединяли к своим владениям близлежащие страны. Через несколько столетий, в истории страны наступил новый период: в 1804 г. была образована Австро-венгерская империя. Австрия стала ее центром. Империя представляла собой многоязычное государство, где немецкий язык был принят в виде официального языка.

Теоретический анализ

На современном уровне диахронии, Австрийский вариант литературного немецкого языка подобно Швейцарскому варианту, включает в себя три языковые разновидности: литературный немецкий язык, обиходно-разговорный немецкий язык Австрии и территориальные диалектные разновидности (среднеавстрийский и южноавстрийский ареал). Диалекты данного языка имеют поддиалектные типы. Среди некоторых наиболее известными являются: поддиалекты Вены, Линца и Клагенфурга. Из вышеперечисленных, поддиалект Вены наиболее известен и распространен. Он чрезвычайно престижен и составляет базу разговорного языка повседневного общения в Австрии.

Многие лингвисты указывают, что литературный немецкий язык в Австрии является вариантом литературного немецкого языка Германии, на который повлияли внешние и внутренние факторы. К внешним факторам, следует отнести общий ход исторического развития страны, к внутренним факторам относят последовательное самостоятельное развитие внутрисистемных тенденций немецкого языка на отдельно взятой территории [5; 6; 7 и др.]

Становление австрийского варианта литературного немецкого языка имеет несколько веков развития. Начиная со средневековья (XIV – XVI вв.) на территории современной Австрии сосуществовало несколько местных вариантов литературного языка, которые находились в то время на разных стадиях становления. Данные варианты использовались в разных регионах и имели отличительные черты. В ходе исторического развития, стали появляться тенденции по возвышению некоторых диалектов над всеми остальными. На севере Германии господствовал вариант делового языка Ганзы, в восточном регионе преобладал восточносреднегерманский вариант (Geschäfts- und Verkehrssprache), в то время как в южных областях широко использовался южнонемецкий диалект (das Gemeine Deutsch).

Нам особенно интересна южнонемецкая диалектная зона, так как именно на ее территории были созданы письменные памятники, в которых явно проступал австрийский элемент. Известный лингвист Э. Кранцмайер подчеркивает, что в XI – XII вв. в литературных источниках стали появляться черты письменного языка. Сначала это были церковно-правовые термины. В период позднего средневековья данную лексику широко использовало рыцарское сословие, которое много времени проводило при дворе, а затем, возвратившись в регионы, они распространяли ее в диалекты. Роль рыцарства, с лингвистической точки зрения, была очень важна. Э. Кранцмайер считает, что именно с появлением данного социального класса стал формироваться такая форма языка, которая не была привязана к определенной местности и поэтому возвышалась над местными диалектами. Эта форма языка была названа überland-schaftliche Hoch- und Herrensprache [8].

В. Поллак описывает взаимовлияние языка рыцарства, языка придворных поэтов и языка бюргеров. При этом, ученый уточняет, что уже в XIII в., во многих письменных памятниках можно проследить относительное языковое единство, но не смотря на это, например в текстах, авторами которых были бюргеры, все же необходимо отметить высокий уровень диалектизмов, чего нельзя сказать о языке рыцарства или языке придворной поэзии [9].

Позднее, в середине XIV в., новые экстралингвистические условия способствовали изменению лингвистической ситуации. К власти пришла династия Люксембургов, и следующие полвека королевская семья и двор жили в Праге. Географическое положение Праги содействовало сглаживанию языковых различий между Венной и Лейпцигом. Пражский период в истории формирования литературного языка был особенно важным. Тогда немецкий язык избавлялся от диалектных черт и приобретал наддиалектные особенности.

Вся последующая экстралингвистическая история Австрии оказывала воздействие на формирование норм литературного немецкого языка в его австрийском варианте. Ослабление экономических, политических и социальных связей привело к дальнейшему витку развития австрийского варианта языка. Взаимодействие литературного языка и австрийских диалектов, обоюдное обогащение языковыми единицами, сосуществование с языками других стран, объединенных под управлением Австро-Венгерской монархии, оказывало содействие в процессе языкового формирования.

Многие лингвистические работы указывают, что в средние века стали осознаваться лингвистические отличительные особенности австрийского варианта литературного немецкого языка. Так, в книге Х. Зайдлера можно найти примеры из средневековых работ о несоответствии австрийского произношения и произношения немецкого языка в Германии, или цитаты о лексическом своеобразии австрийского варианта немецкого языка [10]. В последующие века шла борьба между нормализаторской коррекцией австрийского варианта немецкого языка и местными австрийскими языковыми нормами. Отмечается, что как императорская семья, так и весь двор говорили на своеобразной норме разговорной литературной речи, которая имела четко выраженную австрийскую окраску, называемую австрийским литературным языком.

Таким образом, на протяжении нескольких столетий, на территории, которую занимает австрийская национальная общность, сформировался австрийский национальный вариант литературного немецкого языка. В нем выделяют три компонента, которые являются характерными составляющими любого национального языка: литературный язык, его разговорно-обиходная форма и диалекты. Базой всех трех разновидностей являются австрийские (баварско-австрийские) диалекты: среднеавстрийский, южно-австрийский и верхнеалеманнский диалект Форарльберга. Параллельно с этими типами сосуществуют поддиалекты, среди которых диалект Вены может быть охарактеризован как связывающий диалект. Он определяется как австрийский интердиалект (*österreichische Verkehrssprache*). Австрийский обиходно-разговорный язык (*österreichische Umgangssprache*) в некоторой степени стремится к литературному языку, но имеет выраженные отличительные характеристики, имеющие австрийские особенности на всех уровнях языковой системы. На самой вершине этой лингвистической пирамиды находится литературный язык, имеющий национальные австрийские черты и именно поэтому классифицируемый как вариант литературного немецкого языка (*österreichisches Hochdeutsch*).

Являясь вариантом литературного немецкого языка, австрийский вариант, так же как и вышеописанный швейцарский вариант имеет как общие черты с литературным немецким языком Германии, так и отличительные особенности. Эти особенности наблюдаются на всех уровнях системы языка, наиболее четко они проявляются на фонетическом, морфологическом, лексическом уровнях.

Для показа различий в системе вокализма можно привести описательные характеристики верхнегерманского долгого *a* /a:/. Известно, что в диалектном варианте произносительной нормы этот звук трансформируется в открытый звук заднего ряда *o* /o:/: нем. *das Wasser* (вода) > австр. *wosa* (в конце слова представлен аллофон фонемы -*a* с призвуком *o*). Разночтения наблюдаются и в системе консонантизма: например, нем. *das Grass* (трава) > австр. *gros* (в конце слова представлена репрезентация полунапряженного глухого дентального согласного, который заменяет глухой -*s*).

Специфика морфологических отличий может быть рассмотрена на примере словообразовательных моделей или в отнесении имен существительных к системам разного морфологического рода: нем. *der Schank* (шкаф) > австр. *die Schank*. Образование множественного числа так же является показателем различий: нем. *die Erlasse* (указы, предписания) > австр. *die Erlässe*, нем. *die Pralinen* (конфеты) > австр. *die Pralines*.

Самый открытый уровень языковой системы – лексический, содержит наибольшее количество различий между литературным немецким языком Германии и его австрийским вариантом. Самыми типичными являются: нем. *die Sahne* (сметана) > австр. *Obers*, нем. *der Rentner* (пенсионер) > австр. *Pensionist*, нем. *abgetragenes* (обноски) > австр. *übertragenes*.

Заключение

Подводя итоги по описанию языковой ситуации в Австрии, следует сказать, что в лингвистическом плане ситуация полностью следует типологической универсалии, которая уже была упомянута при определении черт языковой ситуации в Швейцарии: если отдельная группа говорящих на определенном языке отделяется от основной группы – носителей языка и перемещается на другую территорию, то их язык со временем начинает развиваться по своим собственным тенденциям, продолжая лишь некоторые тенденции внутрисистемного плана. Подобная лингвистическая картина наблюдается в Австрии. Языковая ситуация в этой стране характеризуется наличием особенностей, которые присущи только австрийскому варианту литературного немецкого языка, но и сохранением общенемецких черт. А. И. Домашнев отмечает: «Для литературного языка Австрии в целом характерны определенные лингвистические факты как следствие автономной эволюции унаследованной субстанции

языка, а также приобретенные элементы, являющиеся либо результатом развития собственных материальных возможностей языка, либо результатом его автономного взаимодействия с другими языками» [11]. Далее, автор выделяет три группы особенностей австрийского типа литературной речи: «языковые черты, которые характерны в разной степени и на разных уровнях структуры языка для всей южнонемецкой области... Следующую группу фактов составляют черты своеобразия литературного языка Австрии, которые обнаруживаются не во всей южнонемецкой языковой области, а только в баварском диалектном ареале... Третью группу австрийских языковых фактов образуют так называемые собственно австрицизмы, поскольку их функционирование в литературном языке Австрии не соотносится с использованием в южнонемецком,... а покрывает лишь национальную территорию» [там же].

На фоне всего вышесказанного, заканчивая краткое описание характерных черт литературного немецкого языка в Германии и особенностей его вариантов в Швейцарии и Австрии необходимо подчеркнуть, что с одной стороны наличие общих лингвистических характеристик позволяет говорить о едином литературном немецком языке. С другой стороны, описание отличительных особенностей немецкого языка на территории двух других государств позволяет рассматривать их как самостоятельные варианты указанного языка.

Список литературы

1. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л.: Наука, 1989. – С. 57.
 2. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. – М., 1956. – С. 38.
 3. Атарщикова А. И. Ритмические особенности австрийской сценической речи // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Межвузовский сб. Вып.3. – СПб., 1997. – С. 61 – 75.
 4. Бабенко Н. С. Особенности взаимодействия устного и письменного языка в Германии XVI века // Устные формы литературного языка. История и современность. – М., 1999.
 5. Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография. – М.: Изд. иностранной литературы, 1955. – С. 93 – 149.
 6. Гухман М. М. в кн. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. Редактор Б.А. Серебrenников. – М.: Наука, 1970. – С. 544 – 546.
 7. Десницкая А. В. Как создавалась теория национального языка // Современные проблемы лингвистического и языкознания. К 70-летию академика М.Б. Храпченко. – М., 1974.
 8. Kranzmayer E. Mundart und Geschichte // Studien zur osterreichisch-bairischer Dialektkunde 4. – Wien, 1967. – S. 116.
 9. Pollak W. Was halten die Oesterreicher von ihrem Deutsch? Eine sprachliche und soziosemi-otische Analyse der sprachlichen Identitat der Oesterreicher. – Wien, 1992.
 10. Seidler H. Sprachkunst in der Mundart // Studien zur osterreichisch-bairischen Dialektkunde 4. Mundart und Geschichte, 1967. – S. 129 – 180.
- Домашнев Домашнев А.И. О границах литературного и национального языка // ВЯ – № 2 1972.

GERMAN LANGUAGE AUSTRIAN VARIANT: INNER EVOLUTION FACTORS

E. V. Bondarenko
O. O. Chernova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
bond-elena@yandex.ru

The article deals with the German language Austrian variant evolution, studies its specific peculiarities, analyzes the variety of forms markers at different system levels.

Keywords: German literary language evolution, different territorial variants, German language Austrian variant, language norm variability.

УДК 81-23

СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ ТЕМПЕРАТУРНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ (на материале русского, французского и английского языков)

Ж. А. Бубырева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Bubyreva@bsu.edu.ru*

В статье анализируются русские, французские, английские существительные, номинирующие температурные ощущения. Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира и в то же время дает возможность выявить специфическое, национальное. Наиболее надежным уровнем описания национальной специфики семантики является уровень сем.

Ключевые слова: температурные ощущения, имя существительное, сема, аксиологический компонент.

Определение и обозначение температуры окружающих предметов и явлений — важная составляющая жизни человека, поскольку температура является значимой для здоровья человека и для его комфортной жизнедеятельности. Как отмечает Л. А. Новиков, «различные объективно существующие термические состояния человеческого тела, которые являются результатом определенных соотношений между процессами теплопродукции и теплоотдачи, могут быть определены разными путями, например с помощью термометра. Такие тепловые состояния выражаются в градусах (например, по шкале Цельсия) — единицах измерения температуры. Ср.: А дочушка моя заболела: уложила спать, жаропонижающее дала — температура 39,5° С [1]. Но эти состояния могут быть выражены с помощью качественных прилагательных, способных передавать градацию того или иного признака в рамках определенного семантического пространства ('холодный' — 'теплый')» [2, с. 426]. Ср.: Мы были в Нью-Йорке с маленькой Катей, которая, как водится, заболела. У нее поднялась высоченная температура [1].

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорится, что температурные ощущения, т. е. «ощущения холода и тепла, источником своим имеют колебания температуры кожи и слизистых оболочек. Всякий предмет, температура которого выше температуры кожи, будет вызывать в ней ощущение тепла, и наоборот, тело менее нагретое, чем кожа, будет вызывать при прикосновении к ней ощущение холода» [3]. Например: И он стал бормотать, как бывало в детстве, не в силах больше быть немым, чуя под собой только бетонную ледяную плиту... [1]. Даже научившись определять температуру точными методами, человек, тем не менее, не обозначает ее в повседневной жизни единицами измерения. Так, не говорят «температура чая плюс двадцать градусов», а используют более субъективное выражение — «теплый чай». Прилагательные как в своих номинативных, так и в переносных значениях сочетаются с существительными физического восприятия.

В русском языке в группу температурных существительных входят такие лексические единицы как: температура, жар, жара, зной, тепло, холод, прохлада, мороз, климат, погода, зима, лето, ветер, огонь, пламя, вода, воздух, утро, ночь, день. Французские и английские фрагменты языковой картины представлены следующими существительными: (фр.) *température* (f), *chaleur* (f), *fièvre* (f), *tiédeur* (f), *froid* (m), *fraîcheur* (f), *gelée* (f), *climat* (m), *temps* (m), *hiver* (m), *été* (m), *vent* (m), *feu* (m), *eau* (f), *air* (m), *matin* (m), *nuit* (f), *jour* (m); (англ.) *temperature*, *heat*, *torridity*, *sultriness*, *fever*, *warmth*, *cold*, *chill*, *frost*, *freezing*, *climate*, *weather*, *winter*, *summer*, *wind*, *fire*, *flame*, *water*, *air*, *morning*, *night*, *day*.

При сравнении словарных дефиниций ядерной лексемы температура в трех языках выяснилось, что во французском слове выделяется сема 'degré de chaleur ou de froid' (степень нагретости или охлаждения), в то время как в русской и английской лексических единицах присутствует только сема 'степень нагретости' (degree of heat). Однако следующие контексты подтверждают наличие семы 'степень охлаждения' в русском слове температура. Ср.: Как я знаю температуру твоих рук минут за десять перед концертом — эти десять влажных ледышек вместо пальцев; В Москве, в отличие от Тбилиси, зимой холодно, и минусовая температура пришлось бы на пик боевых действий, что в условиях войны привело бы к выходу из строя значительной части городской инфраструктуры [1]. Во всех трех языках в лексеме температура присутствует сема 'повышенная теплота тела человека'. Например: (рус.) Ну и я тоже ночь плохо спала, доч-

ка болеет — ангина, температура высокая [1]; (фр.) *Pas plus tard qu'hier soir, elle avait de la température* [4]; (англ.) ... and brain activity increases with body temperature [5]. Термин температура широко используется в русской, французской и английской научной литературе.

Интересно отметить такой, на наш взгляд, национально-специфический факт, как отношение к температуре тела человека. В русском сознании слово температура уже показатель нездоровья индивида и это отражено в толковом словаре: температура — ‘повышенная теплота тела как показатель нездоровья (разг.)’ [6, с. 688], синонимом данной русской ЛЕ является слово жар ‘повышенная температура тела’ [6, с. 163]. Ср.: Через день у нее начался сильный жар, и дней десять после этого она была между жизнью и смертью [1]. У французов температура не связана с плохим самочувствием *température(f) ‘degré de chaleur d’un lieu, d’une substance, d’un corps’* [7]. Показателем нездоровья во французском и английском сознании чаще выступают языковые единицы (фр.) *fièvre(f) ‘élévation anormale de la température du corps’* и (англ.) *fever ‘an abnormally high body temperature’*. Употребление французской лексемы *température(f)* и английского слова *temperature* в значении «температура человеческого тела выше нормы» [8] следует признать устаревшим, однако данное значение отражено в толковых словарях, где слова (фр.) *température(f)*, (англ.) *temperature* в одном из значений передаются как синонимы (фр.) *fièvre* и (англ.) *fever*.

Существительные, номинирующие температурные ощущения, можно разделить на три блока: один блок объединяет существительные, в семном составе которых нет указаний на температуру, другой блок — существительные с семой ‘температура выше нормы’ и третий блок — с семой ‘температура ниже нормы’.

Не имеют сем, указывающих на температуру слова (рус.) климат, погода, воздух, вода, ветер, песок; (фр.) *climat (m), temps (m), air (m), eau(f), vent (m), sable (m)*; (англ.) *climate, weather, air, water, wind, sand*. Температурный признак выражается только с помощью определений, которые с ними сочетаются. Например: (рус.) Этот мир был залит солнцем и умиротворен вечерней зарей, наполнен лунным сиянием и блеском звезд, теплой водой и горячим песком, гулом пассажирских самолетов и низко летящими за озеро «кукурузниками» и вертолетами с красной звездой [1]; (фр.) *Souffle d’air chaud près du feu* [4]; (англ.) *There was such a freezing cold wind, and such heavy rain, that we all stayed indoors* [5].

Лексема ветер не только может сочетаться с температурными атрибутами, но и замещаться близкими словами, приобретая при этом температурные признаки. Толковый словарь русского языка дает следующую дефиницию существительному ветер — поток воздуха в горизонтальном направлении [6, с. 66]. Знания о концепте Ветер в русском языке репрезентируются примерно двадцатью субстантивами. Так, в Википедии [9] в статье Ветер представлены виды местных ветров, перечисленные Российским ГОСТ: бриз — теплый ветер, дующий с берега на море ночью и с моря на берег днем; в первом случае называется береговым бризом, а во втором — морским; бора — холодный резкий ветер, дующий с гор на побережье или долину; фен — легкий теплый ветер, дующий с гор на побережье или долину; сирокко — итальянское название сильного южного или юго-западного ветра, зарождающегося в Сахаре; буран — ледяной северный или северо-западный ветер ураганной силы со снегом. Как видно из примеров, дефиниции названий ветров в русском языке содержат температурный признак. Ср.: В этот солнечный субботний день все вокруг просто дышало покоем и уютом — тихое море, прохладный бриз на берегу, бесчисленные мачты в гавани, немногочисленные и никуда не торопящиеся люди (С. Штерн). Вишь, буран какой, зги божьей не видать; Раскаленный город, зелени нет, одни чахлые акации, дует ветер — горячий, обжигающий, как сирокко в Африке [1].

Во французском языке существительное *vent (m)* толкуется как *‘mouvement de l’air dû à des différences de pression’* [7]. Специфика концепта Ветер, как отмечает в своей работе Ю. Е. Ломоносова, проявляется в том, что знания о нем как о перемещении воздуха, характеризующемся определенными свойствами, репрезентируются во французском языке с помощью большого количества существительных. Согласно данным различных словарей субстантивная парадигма концепта ветер включает 22 лексемы, номинирующие разновидности денотата концепта. Поскольку Франция отличается разнообразием ландшафтов, а морские границы имеют большую протяженность, чем сухопутные, для носителей французского языка важным оказывается признак ‘происхождение ветра’. Массы океанического, континентального и средиземноморского воздуха характеризуются большой амплитудой температур. Давая название ветру, французы закладывают этот признак непосредственно в саму номинацию: *blizzard(m)* — ‘ледяной северный ветер’, *aquilon(m)* — ‘северный ветер, холодный и сильный’ и *bise(f)* — ‘сухой и холодный ветер’, *zéphyr(m)* — ‘легкий и теплый ветер’, *simoun(m)* — ‘горячий ветер’ и *foehn(m)* — ‘горячий ветер’, *sirocco(m)* — ‘очень горячий ветер’ [10, с. 116]. Чем больше темпера-

тура ветра приближается к температуре человеческого тела, тем благоприятнее кажется само природное явление: *Une brise délicieuse comme une eau tiède coulait par-dessus le mur* [11].

В английской языковой картине мира, как и во французской, знания о ветре вербализуются с помощью большого количества существительных. Согласно данным различных словарей субстантивная парадигма концепта ветер включает 32 лексемы. Для англичан важны такие признаки данного концепта как 'температура', 'влажность', 'направление', 'происхождение' и т. д. Давая название ветру, англичане закладывают эти признаки в саму номинацию: *bise* — 'холодный северный ветер', *bora* — 'сильный холодный северо-восточный ветер', *chinook* — 'теплый сухой ветер', *kamsin* — 'жаркий юго-западный ветер', *mistral* — 'сухой холодный северный ветер', *sirocco* — 'жаркий влажный южный ветер' и т. д. Ср.: *After two days of torrential rain the Mistral was blowing the Gallic equivalent of brass monkeys and the sky was the colour of Hammer funerals; This was a bura (Italian bora), the wind which originates when an area of low pressure over the Adriatic attracts cold air from the continental interior* [5].

Поскольку ветры дуют везде — на суше и на море, и перемещение воздушных масс не зависит от границ стран и государств, то многие названия встречаются во всех трех исследуемых языках. Ср.: (рус.) бриз, (фр.) *brise*, (англ.) *breeze*; (рус.) бора, (фр.) *bora*, (англ.) *bora*; (рус.) фен, (фр.) *foehn*, (англ.) *foehn*; (рус.) сирокко, (фр.) *sirocco*, (англ.) *sirocco*; (рус.) буран, (англ.) *buran*.

В отличие от вышерассмотренных лексем, семный состав которых не содержит указаний на температуру, многие слова имеют семы 'холод', 'низкая температура' или 'тепло', 'высокая температура' в своем составе. В группу слов с семой 'тепло' вошли лексические единицы: русские — жар, жара, зной, тепло, лето, день, огонь, пламя; французские — *chaleur* (f), *fièvre* (f), *tiédeur* (f), *été* (m), *jour* (m), *feu* (m); английские — *heat*, *torridity*, *sultriness*, *warmth*, *summer*, *day*, *flame*, *fire*. Во многих из приведенных лексических единиц присутствует сема 'солнце'. В толковом словаре С.И. Ожегова это слово имеет первое терминологическое значение 'небесное светило, раскаленное небесное тело шарообразной формы, вокруг которого вращается Земля и др. планеты нашей Галактики'. Второе значение данной лексемы — 'свет, тепло, излучаемые этим светилом' [6, с. 648]. Как видно из дефиниции, Солнце — основной источник тепла на Земле, что нашло свое отражение в языковой картине мира. В зависимости от географического положения местности, от положения Земли относительно Солнца интенсивность солнечного излучения, а соответственно количество выделяемого тепла, варьируется.

Переводным эквивалентом русских слов жар, жара, зной, тепло двуязычные словари называют французскую лексему *chaleur*: рус. жар, жара, зной, тепло — фр. *chaleur* (f)

Синонимический словарь Lagousse указывает наличие синонимов: *tiédeur* (f), *douceur* (f), *moiteur* (f), *canicule* (f), *fournaise* (f), *étuve* (f) [12]. Эти лексеммы квалифицируют жару по свойству интенсивности: *canicule* 'chaleur excessive' (невыносимая жара), *fournaise* 'lieu très chaud, surchauffé' («печка», очень жаркое место, пекло), *étuve* (fam.) 'pièce où il fait très chaud' («баня», жарко натопленное помещение). Некоторые слова имеют негативное оценочное значение: *moiteur* (qui se dit d'une chaleur humide et pénible). Лексические единицы *tiédeur* и *douceur* вызывают положительную реакцию в силу своей умеренности. Ср.: *Des enfants couraient pieds nus, sur les ponts vernis, heureux de sentir sous leurs pieds la tiédeur des planches, chaudes de soleil* [4].

В английском семантическом пространстве есть отдельные слова для невыносимой жары с высокой влажностью воздуха и невыносимой жары в сухом климате — *sultriness* 'oppressively hot and humid weather' (невыносимо жаркая и влажная погода); *torridity* 'extreme heat and dry weather' (очень жаркая и сухая погода). Например: *The twang of the bows, the thrum of shafts going through the air, and the pug as they hit the bank, were the only sounds to break the heavy sultriness of the afternoon* [5]. Русским словам жара и тепло соответствуют английские *heat* 'hot weather or high temperature' (жара или высокая температура) и *warmth* 'the quality of being warm' (тепло).

Сема 'высокая температура' содержится в лексической единице огонь 'горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя' [6, с. 379]. Если Солнце — удаленный источник тепла, то огонь почти всегда находится в пределах досягаемости. В существительных, номинирующих огонь, можно выделить признак интенсивности. Синонимами французской лексемы *feu* (m) являются слова: *flambée* (f), *flamme* (f), *brasier* (m), *fournaise* (f), *incendie* (m), *sinistre* (m) [12]. Если располагать языковые единицы по степени нарастания интенсивности, то ЛЕ *flambée* содержит сему 'feu clair' (слабый огонь), а *brasier* толкуется как '1. Feu incandescent. 2. Incendie, feu très violent' (сильный огонь) [7].

Группу слов с семой 'холод', 'температура ниже нормы' составили лексеммы: (рус.) холод, прохлада, мороз, зима, утро, ночь; (фр.) *froid* (m), *fraîcheur* (f), *gelée* (f), *hiver* (m), *matin* (m), *nuit* (f); (англ.) *cold*, *chill*, *cool*, *frost*, *winter*, *morning*, *night*. Прохлада наступает при отсутствии

источников тепла (например, солнца и огня), или когда их активность уменьшается, что находит отражение в семантических компонентах следующих номинативных единиц: (рус.) зима ‘самое холодное время года, следующее за осенью’ [6, с. 200]; (фр.) nuit ‘temps qui s’écoule entre le coucher et le lever du soleil’, froid 1) basse température. 2) Sensation que fait éprouver l’absence, la perte, la diminution de chaleur [7]; (англ.) morning ‘the period of time between midnight and noon, especially from sunrise to noon’ [8]. Холод, как и жара, в зависимости от степени интенсивности могут вызывать как отрицательное прагматическое отношение: (рус.) озноб ‘дрожь при лихорадке, болезненное ощущение холода’, (фр.) fournaise ‘lieu très chaud, surchauffé’, (англ.) chill ‘1) an unpleasant feeling of coldness 2) a feverish cold’; так и положительное отношение: (рус.) прохлада ‘умеренный холод, вызывающий приятное ощущение’, (фр.) frais ‘froid agreeable’, (англ.) freshness ‘the property of being pure and fresh’. Например: (рус.) Лесная тишина и прохлада обняли его, только он вступил в аллею [1]; (фр.) ... a la campagne, où ils passèrent au frais cette chaude journée ... [11].

Естественный язык связан не только с формированием и передачей мыслей, но и с выражением чувств и оценок, обслуживая тем самым сферу эмоциональной деятельности человека. Исследование показало, что многие существительные, объективирующие температурные ощущения, содержат оценочные денотативные компоненты. При этом оценочные признаки актуализируются не только в контексте, но и на лексическом уровне. Анализ аксиологического компонента языковых единиц позволяет определить позицию воспринимающего лица по отношению к предмету или явлению. Семантический компонент номинативной единицы bruine ‘pluie fine et froide’ отражает негативное прагматическое отношение к такому виду дождя. Ср.: (фр.) Or, depuis plus d’une semaine, il (le mois d’octobre) ne versait que de la bruine sur la côte. On frissonnait. J’ai horreur de ce temps. Il m’amollit [11]. Гедонистическая оценка, осмысленная в признаках приятный / неприятный, может основываться на физиологических реакциях организма: мурашки, боль, и т.д. Например: (рус.) Стаканы было трудно держать в заоченелых руках; мы только обжигались, но не согревались кипятком и, бросив чай, заползли под свои шубы [1]; (англ.) He was covered in white frost from head to toe and he couldn’t stop his teeth from chattering [5]. Как видно из примеров, один и тот же предмет — кипяток, может вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции, поэтому аксиологическая составляющая слова ярче проявляется в контексте.

Как представляется, предлагаемое понимание семантики существительных, номинирующих температурные явления, хорошо согласуется с закономерностями когнитивной деятельности человека. Между различными наблюдаемыми языковыми единицами первоначально отыскиваются черты сходства, что позволяет системно ограничить круг исследования. Затем, при более пристальном рассмотрении каждой лексемы внутри намеченного круга отыскиваются и систематизируются их отличительные (дифференцирующие) семы и на их основе очерчивается сфера функционирования каждой лексической единицы. Преобладающее количество векторных соответствий в русском и французском, а также русском и английском языках, свидетельствует о более высокой номинативной дробности в языковой картине французов и англичан. Это не значит, что русские не различают те или иные явления, просто для них данные дифференциации не представляются коммуникативно релевантными.

Список литературы

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>
2. И.А. Проблемы языкового значения // Избранные труды. Том 1. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.
3. ЭС – Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. – Режим доступа: www.dic.academic.ru
4. TLFi – Le Trésor de la langue Française informatisé. – Режим доступа: www.atilf.atilf.fr
5. BNC – The British National Corpus. – Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 769 с.
7. LPDF – Larousse – Le Petit Dictionnaire de Français. – P.: Ed. Larousse, 2006. – 1040 p.
8. LOED – Little Oxford English Dictionary. – Oxford, 2006. – 818 p.
9. W Википедия – Свободная энциклопедия. Режим доступа: ru.wikipedia.org
10. Ломоносова Ю. Е. Концептуальное поле «Атмосферные явления» во французской языковой картине мира: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.05. – Белгород, 2008. – 196 с.
11. GRLF – Le Grand Robert de la langue française. – Электронный толковый словарь французского языка в 6 томах
12. LDS – Larousse – Dictionnaire des synonymes. – P.: Ed. Larousse, 2007. – 843 p.

SEMANTICS OF NOUNS NOMINATED TEMPERATURE SENSATIONS (on the Russian, French and English Language Material)

Zh. A. Bubyreva

***Belgorod National
Research University***

***e-mail:
Bubyreva@bsu.edu.ru***

The article is devoted to analyzing Russian, French, English nouns nominated temperature sensations. Comparison of semantic space of different languages gives us the possibility to identify universal human values in reflexion of the world around, and at the same time it permits us to find out something particular and ethnical. The most reliable level of the description of ethnical peculiarities is seme's level.

Keywords: temperature sensations, substantive, seme, axiological component.

УДК 811.113.4'27373.613

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Э. В. Григораш*Военный университет
Минобороны России,
г. Москва**e-mail:
egrigorash@yandex.ru*

Современный датский язык испытывает мощное воздействие со стороны английского. Широкое использование англоязычных заимствований становится одной из отличительных характеристик определенных социальных и профессиональных групп датского социума, в частности, военнослужащих.

Ключевые слова: социолингвистика, заимствования, датский язык, англицизмы.

Язык как общественное явление не стоит на месте. Он развивается вместе с человеческой общностью, отражая прогресс социума, науки, техники, культуры и других аспектов развития. Этот процесс характеризуется в том числе и постоянным пополнением вокабуляра как за счет изменения и корректировки денотативных и коннотативных компонентов слов, так и за счет появления новых лексических единиц вследствие необходимости обозначения новых фактов, что в социолингвистическом аспекте рассматривается как отражение общественного развития [8, с. 2].

Расширение словарного состава того или иного языка осуществляется различными способами. В частности, одним из них является заимствование лексики из других языков, которое рассматривается как неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами [3].

Анализ отечественной и зарубежной специальной литературы свидетельствует о том, что исследование проблемы заимствования языковых единиц идет главным образом по трем основным направлениям. Ученые-филологи рассматривают общие вопросы процесса заимствования, особенности заимствований из отдельных языков и вопросы пуризма [1, с. 7 – 8].

В частности, по первому направлению активно разрабатываются следующие проблемы: динамика процесса заимствования, функционирование иноязычных слов, анализ семантических сдвигов в них, этапы ассимиляции иноязычного слова и присущие каждому этапу дифференциальные признаки ассимиляции для всех языковых уровней, структурно-семантическая эквивалентность заимствованного слова и его иноязычного прототипа, отношение рядовых носителей языка к иноязычной лексике, прогнозирование возможности закрепления заимствованного слова в языке-реципиенте [6].

Что касается анализа заимствований из отдельных языков, то здесь исследования ведутся практически по всему спектру имеющихся в мире языков. Например, темами диссертационных работ, представленных в Российской государственной библиотеке, являются «Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков», «Лексические заимствования и проблема интерференции в тагальском языке», «Романские заимствования в английском языке североамериканского ареала», «Лексико-семантическое освоение кумыкских заимствований в даргинском языке», «Новейшие англоязычные заимствования в русском языке в свете теории перевода», «Адыгизмы и аспекты их освоения в русскоязычной литературе», «Заимствованная лексика хантыйского языка», «Арабские и персидские заимствования в татарских народных пословицах», «Тюрко-монгольские элементы в турецком и тюркских языках Южной Сибири», «Тюркские заимствования в табасаранском языке», «Итальянские заимствования в современном английском языке», «Иноязычные заимствования в лексическом составе современного литературного языка дари» и др.

Рассмотрение проблематики пуризма* сводится главным образом к определению языковой нормы, выявлению допустимой доли иноязычных заимствований, анализу жизнеспособности слов, искусственно сконструированных из средств родного языка.

* Пуризм (от лат. *purus* «чистый») – стремление к сохранению языка в неприкосновенном виде, борьба против всяких новшеств (неологизмов, иноязычных заимствований), ограждение литературного языка от проникновения в него ненормированных лексических и грамматических элементов, что нередко является естественным для развития языка [5].

Изучение иноязычных элементов в лексике заимствующего языка имеет богатые лингвистические традиции. Тем не менее следует отметить, что большинство работ в этой сфере ориентировано на практические задачи. В теоретическом же плане проблематика заимствования разработана по сравнению с другими вопросами значительно меньше [1, с. 7 – 8].

В настоящее время приобретает актуальность такое направление исследований, как социолингвистический аспект явления заимствования. В отношении датского языка, в особенности его военной составляющей (военного подъязыка*), указанная проблематика осталась практически вне поля зрения лингвистической науки.

Очевидно, что в современном обществе члены социума разбиты на определенные группы по тем или иным признакам. Так, существуют классификации по возрасту, полу, национальности, принадлежности к той или иной религиозной конфессии, объему доходов, мировоззрению и политическим пристрастиям, роду занятий и др. При этом представители каждой социальной или профессиональной группы используют в каждом коммуникативном акте в рамках своего коллектива особый, присущий только данной группе код [4, с. 14]. В подтверждение этого положения можно привести слова А. Д. Швейцера, который подчеркивал: «Язык ... играет важную роль, способствуя цементированию, идентификации и дифференциации не только наций, но и других этнических общностей, а также социальных групп» [9, с. 31]. И далее: «В современном обществе ... существует широко разветвленная система социальных и профессиональных жаргонов – лексических подсистем, которые, в частности, выполняют интегрирующие и дифференциальные функции» [Там же].

Указанные выше «социальные и профессиональные жаргоны», другими словами, специальные сленги (в английской лексикологической традиции) или социолекты (термин А. Д. Швейцера) могут служить одной из характерных черт группы лиц, сформированной на профессиональной основе и использующей в общении между собой особую коммуникативную подсистему или особый код. Такие группы составляют, например, сотрудники западных транснациональных корпораций, или молодежь, или военнотружущие и лица, непосредственно связанные с деятельностью вооруженных сил.

Одними из признаков подобной особой коммуникативной подсистемы являются выделенные У.Лабовым и использованные Р. Т. Беллом лингвистические переменные, в том числе индикаторы и маркеры. У.Лабов, а впоследствии Р. Т. Белл отмечали, что «переменные могут иметь различные социальные значения, ассоциируемые с ними. Переменная может действовать как индикатор, имеющий индексальное значение, коррелирующее с принадлежностью к социально-экономическому классу или с другой демографической характеристикой говорящего. ... индикаторы ... не подвержены стилистическому варьированию, т. е. они являются относительно постоянными характеристиками речи определенных индивидов или групп, не изменяющимися от ситуации к ситуации. Маркеры имеют индексальное значение, как и индикаторы, но в отличие от последних, они подвержены стилистическому варьированию» [2, с. 53 – 54].

В отношении датского языка таким индикатором может служить английский, который настолько активно проникает во все сферы жизнедеятельности датского общества, что отдельные лингвисты уже говорят об «англо-американском языковом империализме» [12, с. 132]. Основными причинами этого явления называют глобализацию и укрепление международных корпораций, руководство которых все чаще избирает английский в качестве рабочего языка для сотрудников компании независимо от их национальной принадлежности [10, с. 123; 12, с. 130 – 131, 134].

Проведенное датскими учеными, прежде всего М. Х. Андерсен, исследование в области социолингвистики свидетельствует о том, что молодежь, постулируя престижность английского языка, использует его как признак своей социальной идентификации и индивидуальности. Она указывает: «Употребляя в разговорах друг с другом англоязычные заимствования или вообще полностью переходя на английский, подростки группируются вокруг своего языка, который становится важным элементом молодежной социальной общности»[†] [10, с. 125].

Аналогичная ситуация складывается в среде военнотружущих ВС Дании. Датский журналист Х. Колдинг отмечает: «У военных есть свой жаргон. К нему прибегают, когда знания иностранных языков недостаточно, а нужно правильно понять друг друга» [14, с. 13]. Данный жаргон складывается также преимущественно на базе английского языка. Прежде всего это объясняется тесным взаимодействием Копенгагена с англоговорящими странами (прежде всего с США) и широкомасштабным участием представителей вооруженных сил королевства в

* Военный подъязык (по В.Солопову) представляет собой крупное языковое формирование и рассматривается как вариант функционального стиля, выделяемого на основании дифференциации по типу деятельности языкового коллектива [7, с. 9].

[†] Здесь и далее перевод автора.

военных и политических структурах Североатлантического союза, а также в мероприятиях оперативной и боевой подготовки, организуемых по планам его объединенных вооруженных сил. Дания была одной из стран-основательниц НАТО и сейчас является ее активным членом. Подавляющее большинство кадровых военнослужащих датских ВС получили образование или прошли различные курсы повышения квалификации в учебных заведениях альянса и его стран-членов. Они без каких-либо затруднений оперируют универсальной общенатовской терминологией на рабочем языке блока – английском. Так, например, пилоты армейской авиации (вертолетчики) вооруженных сил Дании обязаны окончить 11-месячный базовый курс обучения и подготовки в США [11, с. 27]. В связи с этим в повседневной разговорной речи (на датском языке) офицеров ВВС Дании, получивших образование за рубежом, широко встречаются такие англицизмы, как *Expeditionary Air Staff, Combat Communications Squadron, Forward Air Controller, Force Protection uddannelse, airdrop, en helikopter standby til Bornholm, en taktisk maritim helikopterkapacitet, skibets fremskudte sensor, at guide soldater på jorden, missionsorienteret uddannelse*.

Дополнительным импульсом, который способствует закреплению английского языка в датской военной среде, является долговременное и широкомасштабное участие континентов ВС Дании в международных операциях, проводимых под эгидой ведущих мировых организаций – ООН, ЕС и НАТО. В частности, по состоянию на 1 августа 2010 г. в составе многонациональных группировок за рубежом насчитывалось 1253 датских военнослужащих [13, с. 42]. А с учетом того, что только лишь в миссии под руководством Организации Объединенных Наций датская сторона на постоянной основе выделяет представителей своих вооруженных сил с 1964 года, можно с полной уверенностью утверждать, что через такого рода международное взаимодействие прошли тысячи датчан.

Именно в речи тех, кто тем или иным образом сталкивался со службой за пределами национальных границ, участвовал в проводимых по общенатовским планам мероприятиях оперативной и боевой подготовки или в другой деятельности совместно с представителями других вооруженных сил, иноязычные заимствования служат маркерами стиля. Главным образом они представляют собой наименования должностей (*SACEUR – Supreme Allied Commander Europe, CHOD – Chief of Defence, COS – Chief of Staff, DCOS – Deputy Chief of Staff, Deputy Sector Commander, Senior Logistics Officer, NCO – Non-commissioned officer*), специальных формирований, главным образом воинских (*MP-detachment, DANCON 1, Fighter Wing Skrydstrup, Air Force Training Centre, Helicopter Wing Karup, Expeditionary Air Staff, Air Transport Wing Aalborg, Combat Support Wing, Task force, Task group, projektimplemteringsgruppe*), органов управления (*HQ/SECTOR NORTH, LANDJUT, MoD, DefCom*), а также особых явлений, процедур, действий или мероприятий (*et layout, et on-line-system, en Declared Site Inspection, MEDEVAC, en sitrep, STANAG, en MAPEX, en Change of Command-parade*).

При обслуживании потребностей коммуникации военных социальная вариативность языка проявляется в ее двух аспектах – стратификационном и ситуативном. Так, например, активное употребление в устной речи (военный подстиль разговорного стиля) англоязычных аббревиатур, понятных лишь военнослужащим, например, *recce, SAR, LOGO, DCOS, DefAt, CPX*, можно рассматривать в качестве примера маркера, указывающего на социальную стратификацию. Наряду с этим использование одним и тем же информантом в письменной речи развернутого наименования (*reconnaissance company, Search and Rescue, logistic officer, Deputy Chief of Staff, Defence Attaché, Command Post Exercise*) в противовес аббревиатуре связано с переходом от «небрежного» стиля к «старательному» [см. 2, с. 54].

Более того, параллельно с заимствованной лексикой, используемой военными в разговорном языке и неформальной переписке между собой, в литературном датском языке существуют ее эквиваленты. Так, *Defence Attaché* официально именуется *Militærattaché* или *Forsvarsattaché*, *reconnaissance company – opklaringskompagni*, *Deputy Chief of Staff – stedfortræder af stabschef*, *Command Post Exercise – stabsøvelse*, *Chief of Defence – Forsvarschefen*, *Non-commissioned officer – befalingsmand*, *MP-detachment – militærpoliti afdeling*, *MoD/Ministry of Defence – Forsvarsministeriet*, *Defence Command/DefCom – Forsvarskommandoen*.

Анализ материалов датскоязычных СМИ позволяет сделать вывод о том, что в публикациях по военно-политической тематике независимо от автора – будь то представитель высшего военного руководства Дании, который пишет о реализации программы НАТО «Партнерство ради мира», или командир национального воинского контингента, повествующий о своем участии в миссии ООН на иракско-кувейтской границе – количество заимствований незначительно и составляет около 1,4 – 1,5 % от всего объема лексических единиц статьи. Причем в печати будет преимущественно использоваться датский оборот, а не иноязычное заимствование. Кроме того, выявлена закономерность употребления иностранных слов и аббревиатур при описа-

нии зарубежной, в отличие от национальной фактуры. Так, НАТО будет названа *NATO*, а не *Nordatlantiske alliance*, ОБСЕ – *OSCE*, а не *Organisation for Sikkerhed og Samarbejde i Europa*.

В целом следует отметить, что датский язык в последнее время подвергается массивному воздействию со стороны английского. Периоды доминирования других языков – в прошлом. Так, в Копенгагене закрыты французский книжный магазин и библиотека Института Гёте, а владельцы кабельных телевизионных сетей активно продвигают пакеты с англоязычными каналами «Дискавери», Си-Эн-Эн и Би-Би-Си. Сами датчане сетуют на необходимость подключаться к самым дорогим и ограниченным по количеству каналов пакетам, чтобы посмотреть французские и немецкие программы. Заимствования, пришедшие ранее из французского, неуклонно заменяются на английские: вместо *at præsenterere* используется *at introducere*, вместо *kompagnon* – *partner*, вместо *cabriolet* – *convertible*, вместо *reservation* – *booking*, вместо *pommes frites* – *fries*, вместо *at engagere sig* – *at committe sig* [12, с. 130 – 131]. «Когда целых 800 из 1000 иностранных слов, удостоившихся публикации в новой редакции словаря датского языка *Nydansk Ordbog*, – английские, я не понимаю, как большинство лингвистов могут продолжать говорить о «витаминах», которые прописываются датскому языку. Скорее это «допинг», прием которого вызван дефицитом веры в собственные силы» – подчеркивает датчанин К. Н. Эверсбух [там же, с. 131].

Англицизмы активно проникают и в датский военный подъязык, закрепляются в нем, проходят через три уровня освоения (фонетический, орфографический и морфологический), обогащая таким образом лексический запас и позволяя участникам коммуникации организовывать общение с использованием единого для них кода. Английский язык становится дифференцирующим и, одновременно, идентифицирующим признаком особой социально-профессиональной группы – военнослужащих ВС Дании и лиц, непосредственно связанных с деятельностью вооруженных сил.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины / О. С. Ахманова, А.Н.Марченко – М., изд-во Моск. ун-та, 1971. – 172 с.
2. Белл Т. Р. Социолингвистика (Цели, методы и проблемы) / Т. Р. Белл – М. : Международные отношения, 1980. – 320 с.
3. Заимствование Википедия [Электронный ресурс] – <http://www.ru.wikipedia.org>.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
5. Пуризм [Электронный ресурс] – <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/purizm/?q=486&n=1506>.
6. Современное состояние исследований по проблеме иноязычного заимствования [Электронный ресурс] – <http://литература.com.ua/1-1-sovremennoe-sostoyanie-issledovanij-po-probleme-inoazychnogo-zaimstvovaniya/>
7. Солопов В. И. Образование и лексикализация аббревиатур в устной военной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Военный институт – М., 1989. – 23 с.
8. Степанов Г. М. Неологизмы в теории и практике современной лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В.Ломоносова – М., 1983. – 21 с.
9. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер – М. : Либроком, 2011. – 178 с.
10. Andersen H. M. Engelsk – et spørgsmål om magt? (om brugen af engelsk hos unge mennesker) // *Nysprog nu / Modersmål-selskabets årbog 2006*, C.A. Reitzels forlag A/S, København, 2006. – S.123 – 127.
11. Bagge B.G. Hærens Flyvetjeneste // *Hæرنyt, НОК, Karup*, 1994. Nr. 3. – S.26–29.
12. Eversbusch N.C. Ænglis som nysprog (valget står mellem dannelse på dansk og engelsk sovs) // *Nysprog nu / Modersmål-selskabets årbog 2006*, C.A. Reitzels forlag A/S, København, 2006. – S.129–136.
13. Fakta om forsvaret // *Forsvarskommandoens forlag, København*, 2010.
14. Kolding H. Varmt brød og kold mudder (Exercise Action Express '93) // *Hæرنyt, НОК, Karup*, 1993. – № 3. – S. 12 – 14.

SOCIOLINGUISTICAL ASPECT OF LOANWORDS IN DANISH

E. V. Grigorash

*Military University,
Ministry of Defence
of Russian Federation,
Moscow*

e-mail: egrigorash@yandex.ru

Modern Danish is now under powerful English influence. The wide use of loanwords adopted from English become an identifying feature of social and professional groups existing in the Danish society, especially military men.

Keywords: sociolinguistics, loanwords, Danish, anglicisms.

ПРЯМОЕ И ПЕРЕНОСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПОСЛОВИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА*

Е. С. Данилова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
elenasdanilova@rambler.ru*

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности пословиц и поговорок ремесленного производства в английском языке. Выявляется преобладание тех или иных частей речи во фразеологических оборотах данной тематики, производится классификация глаголов обработки в русском и английском языках, анализируется грамматическая форма пословиц. Исследование лексического и семантического состава пословиц позволяет обнаружить тенденцию к конверсии при образовании ремесленных терминов как используемых в прямом значении, так и участвующих в образовании фразеологизмов. Прослеживается возможность приобретения фразеологизмами дополнительных коннотаций.

Ключевые слова: глаголы обработки, каузативные глаголы, акциональные глаголы, структурно-семантические особенности, лексема, переходный глагол, фразеологический оборот.

Как известно, пословицы представляют собой особый слой языковых явлений, характеризующийся богатством лексических форм, семантических значений и стилистических приемов. Наряду с пословицами и поговорками, в которых закрепились наблюдения народа за явлениями природы, поведением человека и т. д., многие фразеологические единицы формировались в профессиональных кругах, где передавались правила профессии и требования к работнику.

Учитывая, что именно производство предметов быта стало одним из основных видов деятельности человека и, соответственно, важным условием эволюции уже на ранних этапах развития, предположим, что к числу распространенных лексем у тому моменту принадлежали наименования процессов физического воздействия, а также орудий труда. Впоследствии эта лексическая категория расширилась и образовала группы ремесленных и производственных терминов. В настоящей статье планируется произвести анализ особенностей функционирования лексем, принадлежащих к данной тематике, в пословицах и поговорках английского языка.

При рассмотрении пословиц, пришедших в язык из ремесленного производства, основное внимание следует уделять глаголам и отглагольным формам. Это обусловлено тем, что, если при описании явлений природы или поведения человека важную смысловую нагрузку могут нести эпитеты, то основным элементом производственной сферы является воздействие на объект. Различного рода процессы, способы и методы воздействия, результат воздействия и т. д., как правило, отражены в языке посредством глаголов. Тем самым, глагол несет основную семантическую нагрузку в описании процесса трудовой деятельности.

Сравним систему глаголов обработки в английском и русском языках. На основе исследования старорусского языка Е. П. Андреевой выделены следующие семантические категории глаголов, обозначающих трудовые процессы: «глаголы физического воздействия на объект, среди них глаголы давления (мяти, терети, растирати), изменения положения (гнути, здымати, плавити), очищения и удаления объекта (тесати), глаголы обработки, рытья (дубити, ковати, стругати, точити), глаголы пропитывания (изолифити, высмаливати), глаголы соединения (шити, вязати, сплотити)» [1]. Несмотря на то, что ряд вышеуказанных лексем в русском языке претерпел изменения, а в английском языке многие из соответствующих эквивалентов имеют иное происхождение, и, следовательно, иной фонемный и морфологический состав, современная классификация глаголов обработки во многом сходна с классификацией глаголов, принадлежащих к более раннему периоду. Это является косвенным подтверждением наличия сходных видов ремесел, преемственности производственных алгоритмов, а также идентичных способов обработки материалов в различных языковых группах.

* Статья выполнена при поддержке внутривузовского конкурса грантов 2012 г. для реализации краткосрочных проектов по направлениям развития науки, технологий и техники «Инициатива» в НИУ «БелГУ», проект № ВКГИ 004-2012.

В частности, среди современных глаголов воздействия можно выделить следующие группы: 1) глаголы созидания / разрушения; 2) глаголы соединения / разъединения; 3) глаголы изменения положения либо придания формы; 4) глаголы механического / термического / химического воздействия. Анализ словарного состава английского языка позволяет выявить лексемы, относящиеся к каждой из перечисленных категорий, в рамках различных видов ремесленной и производственной деятельности. Так, например, пошив одежды, включая предварительные операции, подразумевает созидание, выражаемое глаголом *weave* – ткать, разрушение, выраженное лексемой *cut* – кроить, соединение частей изделия – *to tack, to baste, to sew* – сшивать, придание формы при помощи лексем *to fold, to pleat, to tuck, to drape*, термическая обработка – *to steam, to hot-press*. Процессы металлообработки включают стадии, выражающиеся лексемами *to make, to cast, to weld, to bend, to draw, to anneal, to deoxidize* и так далее, которые также могут быть отнесены к вышеуказанным категориям.

Лексемы, отражающие результат такого воздействия, в основном являются каузативными глаголами, поскольку, как утверждает Е. А. Дадуева, «сема воздействия присуща только каузативным глаголам как функционально-семантическому разряду глаголов» [2]. Во избежание неверной интерпретации семантического значения глаголов необходимо учитывать категорию переходности – непереходности. Так, например, переходный глагол *to fold* подразумевает наличие объекта, над которым производится действие, а именно, складывание, наличие исполнителя – специалиста либо аппарата для производства манипуляции, а также определенной цели операции. Следующий пример содержит переходный глагол *fold* в форме пассивного залога: *After a sheet of metal has been formed, it must be bent into shape, or folded, in order to accommodate the specific application* [3].

В другом примере непереходный глагол *fold* в приведенном контексте будет обозначать нежелательный процесс, самопроизвольное складывание металлических листов. Несмотря на то, что глагол также употреблен в форме пассивного залога, наречие *inadvertently*, местоимение *itself* и общий контекст высказывания указывают на нежелательность и самопроизвольность процесса: *Laps are another type of flaw in which part of a metal piece is inadvertently folded over on itself* [4].

Таким образом, анализ контекста показывает, что только в первом примере лексема *fold* может быть отнесена к числу глаголов обработки.

В числе глаголов созидания лексема *build* имеет широкие комбинаторные возможности и функционирует как в качестве переходного, так и непереходного глагола в различных контекстах. Так, непереходный глагол *build* может иметь значение «формироваться, развиваться»: *'Metalscape' captures the POD venom with a massive thump — the song's arrangement lets the lyrical flow build and build until, just as you're wondering if Jim Steinman is in the house, the whole thing falls back and gently rises again in an enchanting manner* [5].

Значение самостоятельного формирования может быть также передано при помощи предлога (например, *to build up*): *Whenever hard water is heated or evaporated, scale immediately begins to build up as calcium and magnesium ions precipitate out of solution into a crust forming solid* [5].

В своей статье «Общая характеристика каузативных глаголов» Е. А. Дадуева указывает, что «каузативный глагол характеризуется как объектнонаправленный глагол» [2], что подразумевает его переходность: *He believes that an increasing number of vehicle and equipment makers who currently build their own engines will be forced to buy at least some of what they need from independents like Perkins* [5].

При этом значение лексемы *build* в английском языке варьируется от «производить» до «строить»: *There is strong lobbying pressure for the governments that control portions of the polar ice caps not to build settlements there* [5].

В русском языке глагол «строить», по всей видимости, менее склонен к полисемии, что ограничивает его комбинаторные возможности. Кроме того, по мнению Е. А. Дадуевой, «глагол строить не имеет значения воздействия на объект. Строить дом не значит «воздействовать на объект дом, чтобы его построить» [2]. То есть, в данном случае в русском языке не совпадает формальная категория переходного глагола и его имплицитная каузативность, вследствие чего этот глагол можно при определенных обстоятельствах отнести к категории глаголов созидания, как, например, «создавать, «творить» и т. д.

Таким образом, в сфере производства на данный момент можно выделить несколько групп глаголов. По семантическим категориальным признакам их можно подразделить на акциональные глаголы, глаголы созидания и глаголы обработки, а по способу воздействия и его результату – на глаголы механического, химического, термического воздействия. Проследим

особенности функционирования глаголов обработки, относящихся к вышеуказанным категориям, на примере фразеологических оборотов, а именно: ремесленных пословиц. Итак, как было указано ранее, результат воздействия на объект / материал может выражаться в соединении или разделении, изменении состава, нанесении покрытия, придании либо изменения формы. При этом глаголы созидания *make*, *create* используются практически во всех сферах деятельности. Так, в пословице «*You can't make bricks without straw*» глагол *make* используется для описания устаревшего технологического процесса, выражение «*Men make houses, women make homes*» сочетает глагол *make* в прямом значении «строить» (дом) и «создавать» (уют), пословица «*Make hay while the sun shines*» изначально явно сформировалась в сельскохозяйственной сфере. Таким образом, переходный глагол *make* обладает высокой степенью валентности, употребляется в различных сферах, с разнообразными дополнениями.

Глаголы обработки, как указано выше, могут описывать процессы механического, химического либо термического воздействия. Процессы ремесленного производства с применением химического воздействия включают травление – *etching*, в металлургии – раскисление – *deoxidize*, и т. д. однако, насколько позволяет судить анализ пословиц английского языка, соответствующие глаголы функционируют в технической литературе, однако не закрепились в фразеологических образованиях.

Глаголы термического воздействия применительно к ремесленному производству обозначают в основном процессковки: из всех глаголов этой категории – *heat*, *pre-heat*, *cool*, *anneal*, *strike*, *forge* в пословицах распространены преимущественно лексемы *forge* или *strike*, а также существительные, также связанные с кузнечным делом: «*When you are an anvil, hold you still; when you are a hammer, strike your fill*». При этом процессковки подразумевает как процесс нагревания, так и формирования, следовательно, лексема может быть отнесена сразу к двум категориям.

В настоящее время лексема *forge* может также использоваться для выражения своего рода мастерства в создании желаемого объекта, например, «*to forge a strong family*», «*to forge an alliance*», в том числе и с негативной коннотацией со значением «подделывать»: «*to forge a signature*».

Глагол является одной из основных частей речи, образующих терминосистему. Применительно к каждому конкретному виду производства терминосистема будет включать в себя лексемы, обозначающие как материал, на который производится воздействие, так и конечный результат, а также особенности метода воздействия, используемые станки и инструменты и т. д. Так, например, терминосистема горной промышленности включает «термины, обозначающие предметы и их комплексы: природного (естественного) происхождения (руды, минералы, тела п. и. и т. п.) и искусственно созданные (...машины, инструменты, приборы, сооружения); природные явления и процессы (рудообразование, миграция нефти и др.), искусственно вызванные природные явления (напр., внезапный выброс угля в шахтах), искусственные процессы (бурение, крепление, взрывание и др.)» [6].

Существование терминосистем ремесленного производства можно проследить и на примере фразеологических оборотов. Лексемы, обозначающие процессы металлообработки и закрепившиеся в пословицах, включают не только глаголы, обозначающие процесс воздействия, но и характеристики материалов, используемый инвентарь и т. д., например: «*all men are not cast in the same mold*», «*you cannot weld cake-dough to cast iron, nor a girl to an old man*».

Немалую роль в закреплении лексем во фразеологизмах сыграла именно распространенность соответствующего вида деятельности.

Как указывает Л. М. Гейман, «количественный состав терминосистем «пропорционален массе знаний на каждом историческом этапе развития...» [6]. Такие ремесла какковка, пошив одежды были распространены в большинстве регионов ввиду того, что продукты этого производства были повсеместно востребованы, а также благодаря наличию в регионе ресурсов для осуществления этих видов работы.

Термины, относящиеся к покрою и пошиву одежды, подготовке сырья и т. д., включают глаголы *cut*, *dry*, *pull*, *stretch*, существительные *stitch*, *seam*, *wool*, *clothes*, *cloth*, *tailor*, *lining* и т. д., например: *cut your coat according to your cloth*. Глагол *to pin / pin down* в прямом значении обозначает одну из операций швейного дела: скрепление деталей кроя либо прикрепление детали к более крупной. В идиоме «*pin down with a label*» подразумеваемым объектом воздействия может являться человек, идиома приобретает значение «навесить ярлык», сходное со значением глагола *to label*. Переносное значение глагола *knit*, изначально обозначающего один из процессов создания одежды, формирует метафору *to knit one's brows*.

Термины, заимствованные из кораблестроения, несомненно, также отразились во фразеологическом слое английского языка в различной грамматической форме, как, например, в выражениях «shape up or ship out», «ship-shape and Bristol fashion». Таким образом, можно утверждать, что географическое положение региона и особенности местного производства, несомненно, влияют на восприятие языковой картины мира и непосредственным образом мотивируют к созданию фразеологических оборотов.

Термины ремесленного производства функционируют в языке в переносном значении как отдельные лексемы, вступающие в синтагматические отношения с контекстуальным окружением, а также как неотъемлемая часть фразеологических образований.

Лексемы, содержащие наименования ремесленных процессов либо инструментов, включены также в состав пословиц, внешне по-прежнему описывающих технологический процесс, а имплицитно выражающие менталитет нации либо профессионального сообщества. Пословица "The raised nail gets hammered down" [7], хотя и заимствована из японского языка, распространилась в США, по некоторым интерпретациям, обозначая позицию менеджмента по отношению к излишне инициативным работникам. Это значение можно сравнить со значением выражения русского языка «инициатива наказуема», причем если в английском языке значение выражено метафорой в виде пословицы, то в русском лексемы применены в их прямом значении для констатации факта.

Лексемы, относящиеся к процессу обработки, закрепились во фразеологических образованиях различных уровней: идиомах «no joy without alloy», «Hammer and tongs», фразеологических единствах «Crack a nut with a sledgehammer», пословицах: «don't mend what ain't broken» [5]. При этом в ряде случаев приведенные идиомы имеют соответствия в русском языке, выражающие сходное значение, однако реализуемые иными лексемами. Так, содержание фразеологического единства с использованием термина sledgehammer: «to crack a nut with a sledgehammer» - прилагать непропорционально большие усилия – в русском языке реализуется выражением «стрелять из пушки по воробьям», где основными лексическими компонентами идиомы являются военные термины; сращение «to go at something hammer and tongs» с использованием терминов кузнечного дела соответствует поговорке «нашла коса на камень» в русском языке.

Грамматическая форма пословиц относительно постоянна, в основном это повелительное наклонение: «Keep your nose to the grindstone», «hit the nail on the head» или простое настоящее время: «A good anvil does not fear the hammer». Реже наблюдается использование модальных глаголов, например: «An iron anvil should have a hammer of feathers», эмфатических конструкций: «it is the squeaky wheel that gets the grease».

Как описано выше, пословицы ремесленного производства формируются при участии различных частей речи, образующих терминосистему обработки. Так, помимо каузативных акциональных глаголов в составе пословиц можно выделить причастия и существительные, также непосредственно связанные с процессом обработки.

Выражение «copper-bottomed», на данный момент имеющее значение «надежный», корнями уходит в традицию покрывать корпус судна медными листами для защиты от моллюсков. Причастие cut закрепилось в составе каузативной конструкции to «have one's work cut out»: эта пословица, появившаяся в обиходе портных, означала, что помощник кроил детали одежды в помощь мастеру. Таким образом, в переносном значении этот фразеологический оборот сейчас означает «иметь больше работы, чем можно успеть». При этом интересно, что такое же значение в современном русском языке может быть выражено разговорным выражением «зашиваться» [8], также связанным со швейным делом. Лексемы, обозначающие детали одежды, наименование ремесленной специализации, а также используемые материалы, присутствуют также в выражениях «nine tailors make a man», «put it on the cuff», «pull the wool over someone's eyes» и др.

Фразеологическое сращение «warp and woof» в своем составе также содержит ткацкие термины – «основа» и «уток». При этом значение идиомы – «база, основа» может выражаться в языке и лексемами, заимствованными и из иной, технической сферы – «nuts and bolts», что непосредственно доказывает достаточный потенциал терминосистем, относящихся к каждому конкретному виду деятельности, для формирования переносных значений и, соответственно, фразеологических оборотов.

Идиома «cut and dried» со значением «все решено» содержит лексемы, изначально обозначающие сбор и сушку трав, таким образом, процесс обработки материала в данном случае выражен причастиями, которые образовали фразеологическое сращение, впоследствии закрепившееся в речи в переносном значении.

Лексема *mend* в пословицах и идиомах, произошедших из ремесленного производства, принимает форму как глагола, так и причастия, например: «*least said, soonest mended*», «*to mend one's fences*». Значение последнего выражения, по некоторым свидетельствам, менялось с течением времени. Так, изначально оно означало «следить за своими интересами», затем иносказательно указывало на восстановление дружеских отношений.

Наиболее ярким примером конверсии в английском языке на современном этапе наверняка можно считать преобразование существительных в глаголы – так называемая тенденция «оглаголивания» существительных – *the verbing of nouns*. Это явление освещается в издании *The Economist*: «Ни одна тенденция в последнее время не была такой навязчивой, как превращение существительных в глаголы» [9].

Эта тенденция прослеживается и на примере некоторых идиом, например, «*to cotton on*». Глагол *to cotton* изначально означал взбивание подушек – процесс, необходимый ввиду качества самого хлопка. Впоследствии выражение приобрело значение «улучшить что-либо», в XVII веке – значение «ладить с кем-либо», с XVIII в. по настоящее время – «начать дружбу, привязаться». Это новое значение успешно используется в рекламных акциях производителей и продавцов текстильных изделий благодаря тому, что лексема *cotton*, обозначающая материал в прямом значении, в то же время является элементом идиомы «*to cotton on to somebody*». Например, анализ названия сети магазинов *Cotton On* позволяет предположить двойную игру значений: прямое значение «хлопок» в сочетании с предложением *on*, который применительно к одежде в сочетании с различными лексемами указывает на значение «надеть», а также переносное значение «полюбить, привязаться», выраженное идиомой. При этом структурно два выражения абсолютно идентичны.

В плане содержания исследуемые пословицы могут выражать как общепринятые нормы поведения, так и критику либо поощрение отдельных черт характера либо действий человека. Законы природы, химии, механики, выражаемые в пословицах, иносказательно отображают общепринятую мораль, например, «*oil and water don't mix*», реализующуюся в русском языке при помощи пословицы «гусь свинье не товарищ». Констатация факта в выражении «*a roog workman always blames his tools*» содержит имплицитную критику низкого мастерства. Присутствие морали, назидания в последнем примере является признаком пословицы.

«С расширением знаний увеличивается потребность в новых терминах (в т.ч. неологизмах), которая частично компенсируется миграцией терминов из других, подчас несмежных, областей знаний, частично удовлетворяется созданием новых терминов» [7]. Проникновение ремесленных и производственных терминов в повседневную речь приводит к появлению дополнительных значений лексем, формированию новых синтагматических отношений, образованию фразеологических сращений и т. д. Так, «немало латинской ткацкой терминологии получило... широкое распространение в качестве самых разных терминов» [10]. Ряд лексем закрепился в составе пословиц и поговорок, где интерпретация их значения требует не столько знания технологического процесса, как в случае употребления этих лексем в их прямом значении, сколько учета особенностей национального менталитета.

Таким образом, пословицы ремесленного производства преимущественно содержат в своем составе глаголы обработки, а именно каузативные акциональные глаголы, кроме того, некоторые другие элементы терминосистем отдельных видов производства. Большая часть лексем, обозначающих процесс обработки, закрепились в составе фразеологических оборотов, однако некоторые термины на данный момент употребляются исключительно в узкопрофессиональной сфере. Некоторые фразеологические обороты, содержащие исследуемые лексемы, со временем изменяли свое значение. В ряде случаев наблюдается сходство фразеологических единств русского и английского языков, прослеживается связь их происхождения с одним и тем же видом ремесленного производства, распространенного как на территории России, так и в англоязычных регионах. В некоторых производственных фразеологизмах присутствуют выражения, дублирующие по значению общеизвестные пословицы, однако отличающиеся от них лексическим составом, то есть, состоящие главным образом из профессиональных терминов.

Частотность употребления ремесленных терминов в пословицах зависит от распространенности того или иного ремесла в регионе, большинство отображаемых в них процессов выражено каузативными глаголами, однако употребляются также и названия инструментов, деталей, отдельных операций.

Сравнивая содержание исследуемых пословиц и идиом, можно прийти к выводу, что пословицы в основном воплощают назидание либо порицание, в то время как описание отдельных действий, поступков реализуется фразеологическими сращениями и единствами.

Речевой потенциал фразеологических оборотов достаточно высок: несмотря на то, что многие пословицы и поговорки образовались довольно давно, они зачастую используются опытными ораторами для придания красочности и оттенка неформальности выступлениям. Фразеологические обороты популярны также в повседневной речи, где наблюдается как использование пословиц и идиом в их традиционной форме и традиционном значении, так и приобретение фраземами новых коннотаций. В последнее время появилась тенденция контаминации пословиц, например: «Не плюй в колодец – вылетит, не поймаешь». В частности, в современном русском языке популярен пример наложения, состоящий частично из элемента пословицы ремесленного производства – «Куй железо...» и из части известного слогана «Проверяйте деньги, не отходя от кассы». В результате наложения возник фразеологический оборот «Куй железо, не отходя от кассы», авторство которого принадлежит сценаристам фильма «Бриллиантовая рука». В английском языке такое явление известно как *perverbs*, или *anti-proverbs* и образуется путем замены элементов фраземы, сокращения фразеологического оборота, соединения частей различных фразем и т.д., например: «Absence makes the heart go wander», «Everything is well that ends». Такие обороты чаще всего применяются для выражения иронии или создания юмористического эффекта. При этом само название этого языкового явления обозначает искажение, объединяя части лексем *pervert* – «извращать» и *proverb* – «пословица» в лексему *perverb*.

Среди фразеологических оборотов, образованных путем контаминации и содержащих производственные термины либо элементы соответствующих терминосистем можно выделить такие, как «A rolling stone gathers momentum» (вместо пословицы «A rolling stone gathers no moss»), содержащую технический термин *momentum*, «See a pin and pick it up, and all day long you'll have a pin» вместо фразеологического оборота, в котором воплощается народная примета «See a pin and pick it up, and all day long you'll have good luck», где лексема *pin* является элементом терминосистемы швейного производства. Другие примеры контаминации включают «Strike while the sun shines» вместо известной пословицы, образованной в ремесленных кругах «Strike while the iron is hot», «All that glitters is not dull» вместо «All that glitters is not gold», где лексема *glitter* описывает свойство металла, и, соответственно, также может быть причислена к терминосистеме металлообработки. Этот класс языковых явлений имеет большой потенциал дальнейшего развития ввиду относительной свободы семантических и синтаксических связей между его компонентами, т.к. одна часть выражения может заменяться элементом другой идиомы либо пословицы, таким образом образуя наложение, либо новой лексемой. Сфера применения таких образований довольно широка: от повседневной речи до газетных заголовков, реплик в художественных фильмах, рекламных слоганов.

Как указано выше, глаголы ремесленного производства, в том числе глаголы созидания, каузативные глаголы, а также иные части речи, которые по своим семантическим и комбинаторным свойствам могут быть включены в терминосистему обработки материалов, активно используются в формировании различных фразеологических оборотов, в том числе оборотов, используемых в шоу-бизнесе. С этой точки зрения использование каузативных глаголов в текстах песен английских и американских авторов также заслуживает внимания. Анализ фразеологических оборотов и устойчивых выражений, так или иначе связанных с шоу-бизнесом, позволяет выявить две тенденции: во-первых, использование в названиях и текстах песен готовых пословиц и поговорок, во-вторых, приобретение цитатой из песни либо художественного фильма статуса фразеологизма. Одним из самых популярных примеров второй тенденции является, например, фраза «The show must go on» из одноименного текста песни Брайана Мэя, впоследствии получившей известность благодаря Ф.Меркьюри. Поскольку объектом нашего исследования являются лексемы, относящиеся к сфере производства и к процессу обработки, постараемся выявить случаи функционирования этих лексем в составе фразеологических единиц, используемых в кино- и музыкальной индустрии, а также случаи их самостоятельного функционирования в прямом либо переносном значении. Последнее обусловлено тем фактом, что, как указывалось выше, работы сценаристов и поэтов-песенников потенциально, приобретении популярности, могут стать источником вновь образованных фразеологизмов, т.е., «могут быть разобраны на цитаты».

Названия песен английских и американских авторов, содержащие фразеологические обороты, так или иначе относящиеся к сфере ремесленного производства, включают «Silver Lining» группы «The Gang Of Four»: «Your look will always find me hypnotized, behind every cloud there's a silver lining», где цитируемая пословица принадлежит к числу фразеологизмов, пришедших в повседневную речь из швейного производства. Изучение текстов песен некоторых британских и американских исполнителей позволило выявить некоторые случаи употребления

лексем, относящихся к сфере производства, в том числе каузативных глаголов, вне устоявшихся фразеологических единств, однако в приводимом контексте имеющих переносное значение, например, глагола *to fix* в «Fix Me Now» и *to bend* в «Why Don't You Come Over» группы The Garbage. Здесь первый из приведенных глаголов сохраняет значение «ремонттировать, приводить в порядок», нетрадиционным скорее является сочетание этой лексемы с одушевленным объектом: «*to fix somebody*», тогда как глагол *to bend* используется именно в переносном значении, близком к значению лексемы «нарушать»: «...while I went, bent the law...». Глаголы механического воздействия в текстах песен представлены также лексемами *to carve*, *to chisel* и другими. Так, в тексте Берни Таупина «Live like horses» (в исполнении Элтона Джона): глагол *carve*, приобретая метафорическое значение, усиливает эмоциональную окрашенность всей фразы: «...and his promise made was never clear, it just carved itself in me» и придает словосочетанию «*to carve in somebody*» значение «запомниться намертво, врезаться в память».

Пример употребления лексемы *to chisel* можно обнаружить в тексте группы No Doubt «Big Distraction» (2000): «Now I can chisel, chisel off built up walls of pain deposited from past lovers». Глагол образует здесь контекстуальную зависимость с лексемами *to chisel a wall*, *a wall of pain*, *deposits of pain* и т.д. Именно восприятие лексемы *rain* как материального объекта, способного накапливаться и образовывать механические препятствия, дает автору возможность использовать глагол, относящийся к обработке твердых материалов *to chisel*, в составе вышеприведенной метафоры.

Таким образом, в текстах, принадлежащих к рассматриваемому жанру, глаголы обработки преимущественно употребляются в переносном значении, как самостоятельно, так и в составе метафор. Случаи употребления их в прямом значении в этом случае довольно редки, например, лексема *sew* в тексте «Unchain My Heart» Бобби Шарпа, известной в исполнении Рея Чарльза, является частью метафоры: «You got me sewed up like a pillow case», тогда как в работе Джорджии Тернер и Берта Мартина «The House Of The Rising Sun», впоследствии популяризованной группой The Animals, наблюдается прямое значение глагола: «My mother was a tailor, she sewed my new blue jeans...». Однако в последнем случае употребление лексемы в прямом значении способствует созданию реалистичной картины действительности, типичной для блюзовых текстов. Играет роль и то, что первоначальная версия этой песни, по некоторым свидетельствам, считалась фольклорной. В то же время именно переносное значение лексем обработки в цитатах известных песен представляет интерес как потенциальный источник новых устойчивых выражений.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве лексемы обработки, изначально употреблявшиеся в прямом значении при описании технологических процессов, со временем закрепились в составе готовых инструкций и наставлений в форме пословиц. Лексическое наполнение фразеологических оборотов зависело от распространенных на той или иной территории видов ремесел, а также географического положения и геологических особенностей. Фразеологические обороты, относящиеся к ремесленному производству, зачастую содержат несколько лексем, принадлежащих к определенной терминосистеме. Семантическая составляющая некоторых пословиц и идиом со временем претерпевала изменения; в настоящее время продолжается формирование новых фразеологизмов, при этом одной из основных тенденций является искажение существующих оборотов (так называемые «анти-пословицы»), а также наложение элементов из различных фразеологических оборотов. При этом в качестве основы для вновь образованных «анти-пословиц» используются фраземы, существующие в языке уже на протяжении нескольких веков или десятилетий. Стоит отметить, что современные методы производства, в частности, методы химического воздействия, практически не отражены во фразеологических единицах.

Образование новых фразеологических оборотов в наше время возможно благодаря популярности отдельных высказываний известных людей, которые при многократном цитировании закрепляются в речи, воспринимаются как неделимое выражение и фактически превращаются в поговорки, а также благодаря распространенности цитат из текстов культовых песен и художественных фильмов. Лексемы, относящиеся к сфере обработки материалов, также используются в текстах песен в переносном значении как часть создаваемых авторами метафор. Потенциально тексты такого жанра могут становиться источниками новых фразеологизмов при достижении определенной популярности, однако распространенность глаголов обработки, а также иных лексем, принадлежащих к терминосистеме обработки, в этом случае значительно ниже, чем в традиционных пословицах и идиомах английского языка, образованных в профессиональных ремесленных сообществах.

Список литературы

1. Андреева Е. П. Названия трудовых процессов в старорусском языке [Электрон.ресурс] // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен. Сб.статей / Гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: Книжное наследие, 2002. – 424 с. – Электрон. версия печ. публикации. – Режим доступа: – <http://www.booksite.ru/fulltext/pos/ele/nie/phe/nom/en/29.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус.
2. Дадужева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов [Электрон. ресурс] // Вестник СибГУТИ, 2011, – № 2. – С. 76 – 82 – Электрон.версия печ.публикации. – Режим доступа:http://vestnik.sibstis.ru/uploads/1309329807_1064.pdf, свободный. – Загл.с экрана. – Яз.рус.
3. Энциклопедия «E-how» [Электронный ресурс] – Электрон. дан – Режим доступа: <http://www.ehow.com>, свободный - Загл.с экрана. – Яз.англ.
4. Энциклопедия «Британника» [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.britannica.com>, свободный. – Загл.с экрана. – Яз.англ.
5. Лингвистическая база данных British National Corpus – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://bnc.bl.uk>, свободный. – Загл.с экрана. – Яз. англ.
6. Гейман Л. М. Горная энциклопедия. – [Электронный ресурс] – Электрон. версия печ. публикации. – М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Е. А. Козловского. 1984 – 1991. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geolog, своб. – Загл.с экрана. – Яз. англ.
7. Толковый словарь английского языка [Электронный ресурс] – Электрон.дан. – Режим доступа: www.users.tinyonline.co.uk, свободный. – Загл.с экрана. – Яз.англ.
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. [Электрон.ресурс] – 1-е изд-е: СПб.: «Норинт». – Электрон. версия печ. публикации. СПб, 1998. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/kuzhecov>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
9. Anthony Gardner. – You've been verbed [Электронный ресурс] // The Economist.– Режим доступа: <http://moreintelligentlife.com>, свободный. – Загл.с экрана. – Яз.англ.
10. Руссо М. – Ткацкое дело [Электронный ресурс] – Электрон.дан. – Режим доступа: – <http://ezhe.ru/ib/issue939.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус.

DIRECT AND INDIRECT MEANINGS OF CRAFTSMEN PROFESSIONAL COMMUNITIES PROVERBS AND SAYINGS

E. S. Danilova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
elenasdanilova@rambler.ru*

The article deals with the analysis of structural and semantic properties of proverbs and sayings of craftsmen's professional communities. The predominant role of certain parts of speech in these phraseological units is revealed, the classification of the verbs with the general meaning of "processing" in the Russian and English language is done, the grammatical form of the proverbs is analyzed. The study of the lexical and semantic composition of the proverbs enables to detect a trend whereby craftsmen's professional terms, both in their direct and indirect meaning, are formed by conversion. The ability of phraseological units to acquire additional connotations is revealed.

Keywords: verbs of processing, causative verbs, action verbs, structural and semantic properties, lexical unit, transitive verb, phraseological unit.

КОДИРОВАНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СОЦИОЛЕКТЕ

Н. Н. Копытина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

natali_kopytina@rambler.ru

В статье рассматриваются различные способы кодирования слов, используемых в молодежном социолекте. Особое внимание уделяется верлану как продуктивному способу, заключающемуся в перестановке слогов, при котором слово произносится или читается наоборот. Верлан проникает в литературный язык и употребляется в повседневном общении разных поколений французов.

Ключевые слова: кодирование, верлан, цифровой и буквенный код, способы верланзации, игровая и экспрессивная функция.

Одной из ведущих тенденций, наблюдаемых в языке молодежи, является процесс пополнения лексического фонда социолекта при помощи различных приемов словопроизводства, существующих в сниженном регистре общения. Чтобы быть непонятой окружающими, французская молодежь использует специфический способ образования лексики – кодирование. Кодирование формы слова путем его модификации: включение новых букв, слогов, цифр. Наиболее известные модели при кодировании – это *largonji*, *louchébem*, *moucherbath*, *javanais*, *cadogan* и *verlan*. В первом случае кодирование осуществляется путем замены первой согласной на *l*, а начальная согласная становится конечной (*jargon* – *largonji*, *bout* – *loubé*, *sac* – *laxé*, *café* – *laféquès*, *sou* – *loussé*, *beau* – *laubé*). Самые употребимые в молодежной среде слова этого способа кодирования следующие: *vieux* – *lieuve*; *cher* – *lerche*; *fou* – *louf*; *loufoque*; *à poil* – *à loilpé*; *verre de vin* – *un lervé de linvé*: «Ben mon lieuve, il est pas laubé» [10, с. 38]; «Un jeu très sympa pour les fans de l'univers Disney. 100% fun et loufoque» [Okapi, № 747, novembre 2003].

louchébem (арго французских мясников) кодирование происходит по той же модели, но с добавлением различных суффиксов, например: *-ok*, *-es*, *-em*, *-ji*, *-muche* и др. (*boucher* – *louchébem*, *tabac* – *labatem*, *cher* – *lechem*, *truc* – *lucrème*, *noir* – *loirnoc*, *rouge* – *lougeroc*: «Quel lonquès ce lienquem! – Quel con, ce client!»). *Moucherbath* похож на *louchébem*, только вместо начальной согласной ставится «*m*» и добавляется суффикс «*-ath*»: *secret* – *mecretsath*, *langue* – *mangelath*.

Javanais состоит во введении слога *-av* -, *-va-*, *-ag-* в середину слова (*gare* – *gavare*, *grosse* – *gravoisse*, *beau* – *baveau*, *chatte* – *chagatte*).

Cadogan, очень редко встречающийся в настоящее время, заключается в добавлении «*dg*» после каждой гласной буквы, которая, в свою очередь, еще раз дублируется: «*Quidgue ledgue parladgague? – Qui le parle?*».

«*langage du «f»* по способу образования похож на вышеперечисленные типы кодирования, а именно: после каждого слога добавляется буква «*f*». В молодежном лексиконе он выполняет игровую функцию:

«*Safa lufu, sofo menfen, çafa vafa ?*» (*Salut, comment ça va?*) [Résonances, № 10, juin 2003].

Наблюдения свидетельствуют о том, что весьма популярным и наиболее продуктивным способом кодирования и пополнения словарного состава французского молодежного языка является верлан, или «язык наоборот». Сам термин «*le verlan*» – это результат перестановки слогов лексической единицы *l'envers*. Это своеобразный способ кодирования, при котором слово произносится или читается наоборот: «*Ce flemmard, a un zonblou l'es zarbi, complètement ripou, il n'arrête pas de fumer pendant le vailtra, va s'faire péauch*» – «*Ce flemmard, a un blouson bizarre, complètement pourri, il n'arrête pas de fumer pendant le travail, il va faire choper*» [4, с. 9].

В лингвистической литературе к проблеме верланзации слов обращались такие специалисты, как Н. Н. Лопатникова, Э. М. Береговская, Н. Ф. Акимова, Л. М. Ермакова и др. Они характеризуют верлан как игровой код, с помощью которого образующиеся слова лексикализируются и становятся известными более или менее широкому кругу лиц. Другие специалисты [J.-P. Goudaillier, E. Girard, B. Kernel, P. Merle, P. Certà, H. Walter, V. Méla] склонны связывать это явление с социолингвистическим аспектом и относят употребление верлана к естественно-психологически объяснимому желанию молодых самоутвердиться, обособиться от мира

взрослых своеобразной манерой речи или подчеркнуть свою принадлежность к определенной возрастной категории, какой-либо группе.

По мнению исследователей, о верлане упоминается с XVI в.: Bourbon – Bonbour [3, с. 60]. В то время свободные поэты, читавшие свои сочинения народу, использовали верлан, чтобы свободно говорить о сексе [4, с. 9]. Отмечается, что в XVII веке «sans-souci» (беспечный, беззаботный человек) называли «sans-six sous» (нищий, бедняк). Позднее, к 1760 году короля Louis XV именовали «Sequinzouil». Отдельные случаи верланизации слов существовали в XIX в. (Toulon – Louton – каторга в Тулоне). В начале прошлого века этот способ кодирования слов появился в бедных кварталах Парижа, в тюрьмах. Однако до восьмидесятых годов XX в. верлан находился в «подполье», его использовали подростки из бедных семей, фанаты хард-рока [1, с. 137]. В восьмидесятые годы верлан вдруг бурно возрождается на иной социолингвистической почве, в среде учащейся молодежи (школьников, студентов: uba – bahut (lucée), vreuli – livte, leba - balle). Он употребляется в рекламе, средствах массовой информации, песнях, в фильмах. В настоящее время верлан называют «langage des jeunes» - это забавный код, представляющий безграничное языковое преимущество для молодежи отграничить себя от родителей, учителей, полицейских, то есть взрослого общества [8].

Многие представители старших поколений считают, что говорить на верлане – это пытаться говорить «по-молодежному», а значит оставаться молодым [10, с. 54].

Неоднородность социального состава французской молодежи делает таким же неоднородным ее разговорный язык. Связь молодежной речи с арго, которое предназначено ограничить понимание для представителей других групп, выражается в общности многих словообразовательных моделей, особенно кодов. Чем в большей степени закодировано слово, тем причудливее и необычнее оно становится по форме и интереснее для употребления в молодежной среде. По этой причине для верланизации слов используются, помимо слов стандартного французского языка, сокращенные формы, арготическая лексика, слова, заимствованные из арабского, английского и других языков.

Например: beu (сокращенная форма) < beuher < herbe (арготическое слово – гашиш), gumschwi < chewing-gum (английское слово, обозначающее презерватив), iatchbi < biatch (англ. – проститутка), djig < gadji (цыган. - девушка):

«Si on fume de la beu c'est pour dégager les bronches» [Grouve, № 36, 2000, Courrier des lecteurs].

В данном примере произошло морфологическое и семантическое искажение слова herbe, а именно > herbeu (добавилась гласная буква для благозвучия) > beuher (произошла инвертированная перестановка слогов) > beu (усечение последнего слога). Вместо литературного эквивалента «травка», это верланизованное слово в молодежном социолекте приобрело значение «травка» (наркотик). Эта словесная игра служит средством отделения «своих» от «посторонних» и укрепления столь ценной молодыми людьми возрастнo-групповой солидарности.

Верлан выполняет в молодежной речи не только символическую, но также игровую и экспрессивную функции, что связано в значительной степени с возрастом его создателей-носителей. Частота использования этого способа объясняется, видимо, относительной простотой данного приема деформации слова [2, с. 245].

Представляется обоснованным выделение нескольких способов верланизации слов:

1. Наиболее простой способ верланизации – обратное произношение односложных слов: nez > zen, cul > ulc, fou > ouf;

2. Односложные слова, оканчивающиеся на закрытый слог, иногда меняют гласную основы – e > eu: cher > reuche, mec > keum, mère > reum. При верланизации односложные слова могут становиться двусложными, так как непроизносимая «e» становится произносимой: louche > chelou, bande > deban, bouffe > febou;

3. Двусложные слова меняют порядок следования слогов: métro > tromé, bouffon > fonbou, café > féca. Иногда конечная непроизносимая согласная становится произносимой, что меняет структуру слога: salop > lopsa;

4. Трехсложных слов, подвергающихся верланизации, гораздо меньше: cigarette > garet-si, portugais > gaitupog. В данном случае происходит изменение последовательности слогов. В первом примере второй слог становится на место первого, первый – вместо третьего, а третий соответственно передвигается на место второго. Во втором примере слоги идут в обратном порядке: третий, второй, первый.

В молодежной лексике наиболее часто подвержены верланизации слова, состоящие из 1 – 2-х слогов, чем и объясняется их преобладание. Верлан, в отличие от других кодов, стремится укорачивать слова.

В настоящее время верлан совершенствуется. Все чаще в молодежной речи встречаются случаи повторной верланизации с последующим сокращением. Иногда к верланизованному слову добавляют букву или буквосочетание: *femme* > *meuf* > *feumeu*, *comme ça* > *comme aс* > *askeum* > *asmeuk*, *celui-là* > *là-çui* > *le-luice*, *mec* > *keum* > *keumé*, *sœur* > *reus* > *reusda* с целью сделать слова еще более неузнаваемыми. Также используется форма кода «*veul*», заключающийся в смеси простого верлана и различных сокращений: *cheum* вместо *cheumo* или *chemo* (*moche*), *reul* < *reulou* < *relou* < *lourd*.

Наблюдения над фактическим материалом показывают, что верланизации подвергаются почти все части речи, но прежде всего это существительные и глаголы. Большинство верланизованных слов относятся к молодежной культуре: учеба, отдых, деньги, секс, музыка, наркотики, одежда, человек и его внешний вид, чувства, состояния, оценка явлений и др. Изучение французской молодежной прессы, прослушивание записей молодежной речи позволили выделить ряд семантических групп слов, которые имеют деформированную форму.

1. В первую группу, в результате исследования, включены «соматизмы»: *chelos* < *loches* (*seins*) ‘грудь’; *ier* < *piéd* ‘нога’; *nez* < *zen* ‘нос’; *fesse* < *seuf* ‘ягодица’; *tête* < *teute* ‘голова’; *onc* < *con* ‘дурак’: «*Si t’es schizo, mazo ou encore un guédro porté sur la pedo / qui sniffe et kiffe son zène dans un pot de colle !*» [7, с. 291]. Данное предложение насыщено сниженной лексикой: сокращенные лексические единицы, верланизованные конструкции, заимствования из английского сленга (*sniff* – нюхать наркотики) и арабского языка (*kiff* – кайфовать от наркотиков);

2. Не менее многочисленны слова, выражающие родственные отношения: *reum* < *mère* ‘мама’; *reup* < *père* ‘папа’; *renpas*, *renps* < *parents* ‘родители’; *reuf* < *frère* ‘брат’; *reus* < *sœur* ‘сестра’; *millefa* < *famille* (сокращенная форма - *mifa*) ‘семья’: «*Ma reum, elle va être contente que tu penses à nous*» [Reboux, 1996]; «*Les mifas dans les séries, elles sont plus fun que dans la vie*» [5, с. 161];

3. Слова оценочного характера, обозначающие психологическую характеристику человека, по частотности употребления занимают третье место в данной классификации: *auch* < *chaud* (*violent*) ‘вспыльчивый’; *ienb* < *bien* ‘хорошо’; *zarb* < *bizarre* ‘странный’; *goutdé* < *dégoûté* ‘избалованный’; *mécra* < *craté* ‘сумасшедший’; *relou* < *lourd* ‘ничего не понимающий, не «секущий»’; *cheum* < *moche* ‘безобразный, некрасивый’; *cheri(reuch)* < *riche* ‘богатый’; *fonbou* < *bouffon* ‘идиот’; *teubé* < *bête* ‘глупый’: «*Tu joues les auch mais pisses dans ton froc quand les contrôleurs...te demandent sans un mot de politesse le ticket que tu n’as pas*» [L’Affiche, № 46, juin 1997]; «*Téma les grosses pompes de fonbou!*» [Bande dessinée, Fais nétour, № 1, septembre-octobre 1996]. В данном примере деформации подверглась арготическая ЛЕ *bouffon*, что придало предложению еще больше экспрессии;

4. К следующей семантической группе были отнесены лексические единицы, обозначающие социальную характеристику человека: *cherlo* < *clochard* ‘нищий’; *caillera* < *racaille* ‘отбросы общества’; *keupon* < *pank* ‘панк’; *reube* < *beure* < *arabe* ‘араб’: «*Un comique rebeu, une rebelle iranienne et une fausse terroriste du Hezbollah passent à l’action*» [20 ans, № 206, novembre 2003];

5. Заслуживает внимания многочисленная группа слов, относящихся к лексико-семантической группе «любовь»: *chek* < *coucher* (*faire l’amour*) ‘заниматься любовью’; *keusma* < *smack* ‘целоваться’; *zoub* < *bisou* ‘поцелуй’; *teup* < *pute* (*putain*) ‘проститутка’; *cellpu* < *puce* (*fillette*) ‘девственница’; *pauch* < *chapeau* (*capote*) ‘презерватив’; *pin(e)co* < *copine* ‘подружка’; *vousde* < *rendez-vous* ‘свидание’: «*J’ai un groupe de rap avec mes pinecos Issra et Smahane...*» [Groove, № 36, mars 2000]; «*Quentin a fait un zoub à Karim!*» [5];

6. В отдельную группу могут быть объединены слова, относящиеся к ЛСГ «деньги»: *anfr* < *franc* (*monnaie*) ‘франк’; *keuss* < *sac* (*10 franc*) ‘10 франков’; *tégra* < *gratter* (*soutirer de l’argent à qn*) ‘выманивать деньги у кого-либо.’; *reuch* < *cher* ‘дорогой’; *tuigra* < *gratuit* ‘бесплатный’: *Trop reuch pour moi, cette teboi !*» [5];

7. Анализ фактического материала позволил выделить в самостоятельную группу деформированные лексические единицы, выражающие понятие «одежда» (внешний вид человека): *reussa* < *sapes* (*vêtements*), *guefrin* < *fringue* (*vêtements*) ‘одежда’; *steuv* < *veste* ‘куртка’; *leust* < *style* ‘стиль’; *zonblou* < *blouson* ‘кофточка’; *neuj* < *jean* ‘джинсы’, *lonpan* < *pantalon* ‘брюки’: «*J’ouvre le bal, le FUNKY JAZZ a du leust / ...j’ai du leust !*» [7]; «*Comme lonpan, je kiffe que pour les neuj*» [5];

8. В результате исследования было выявлено, что достаточно распространенными в молодежной среде являются слова, касающиеся развлечений – ЛСГ «молодежный досуг» *teuf* < *fête* ‘праздник, вечеринка’; *zicmu* < *musique* ‘музыка’; *pera* < *rap* ‘рэп’; *méfu* < *fumer* ‘курить’; *zeuti* < *tise* (*boisson*) ‘напиток’; *narpi* < *pinard* (*vin*) ‘вино’; *teillbou* < *bouteille* ‘бутылка’; *skeud* < *disque* ‘аудио диск’: «*Ma première passion, ma première ambition est devenue le pera*» [Le Monde,

12.11.1997]; «Je prends quand même le temps d'acheter des skeuds de me déplacer aux concerts» [L'Affiche, № 47, juillet-août 1997];

9. Немногочисленны, но, тем не менее, часто востребованы в молодежной речи деформированные варианты отдельных лексических групп: арготических - keum, sem < mec 'мужчина, парень'; ronda < daron (père) 'отец'; stomb < baston 'драка'; общеупотребительных - meuf < femme 'женщина'; ziaiv < vas-y! 'давай начинай!, вперед!'; dehors < hors-de 'вне, снаружи'; cimer < merci 'спасибо'; scuzm < excuse-moi 'извини меня'; malva! < ça va mal! 'плохи дела'; steupl' < s'il te plaît 'пожалуйста'; lus < lussa < salut! 'пока!': «Les keums font des business où ils risquent leur peau» [Groove, № 39, Juin 2000]; «Ca vas? – Malva! Merci!» [20 ans, № 206, novembre 2003]; «Au lieu d'gazer comme un teubé, fais sortir ta meuf qu'on lui dise bonjour, au moins!» [L'Affiche, № 81, juin 2000]; «Lus, gars!» [5, с. 153].

Таким образом, как показывает исследование, верланализация является одним из наиболее продуктивных способов кодирования формы слова и в большей степени свойственна молодежи. В результате наблюдений можно с уверенностью констатировать тот факт, что это явление тематически охватывает практически все области жизни молодых людей: свободное время, учебу, работу.

Анализ лексических единиц, употребляемых французской молодежью, показал, что довольно часто в образовании отдельных лексем одновременно участвуют два или несколько способов словообразования. Такое сочетание разных словообразовательных моделей характерно именно для относительно замкнутых групп, и, прежде всего, социолекта молодежи:

1. Многочисленная группа нейтральных слов, подвергающихся верланализации: femme > meuf (женщина), mère > geum (мать), disque > skeud (диск), fête > teuf (праздник), métro > tromé (метро), nez > zen (нос), basket > sketba (спортивная обувь) и т. д.: «Pieds nus, à l'aise, dans ta paire de sketbas, tout l'été» [Le Journal de Mickey, № 2750, 2005];

2. Большим количеством верланализированных конструкций характеризуется группа арготических слов: mec > keum (мужчина), con > onc (кретин), flic > keuf (полицейский), daronne > ronnedra (отец), pétasse > taspé (девушка, женщина), tronche > chetron (физиономия, лицо): «J'étais dingue quand les keufs sont venus nous contrôler» [7];

3. Верланализированное нейтральное слово и усечение: cité > téci > téc (город), cinéma > manéci > manes (кино), voiture > turvoi > turve (машина), américain > ricain > cainri (американец): «J'ai laissé la turve à Paris, j'suis rentré en métro» [Okapi, № 747, 2003];

4. Верлан арготического слова и усечение: frangin > ginfran > ginfr (брат), bouffon > fonbou > fonb (ничтожество): «Ce gars-là est mon ginfr» [7];

5. Верланализированное арготическое слово, усечение и редупликация: bouger > gebou > geb > gebgeb (выходить), herbe > beuher > beu > beubeu (наркотик «травка»):

«Quand il est là il y a beubeu, bière et autre chose pour ceux qui en prennent» [L'Affiche, № 50, novembre 1997, interview de Daddy Jokno du groupe Afro Jazz];

6. Верлан и редупликация: or > ro > roro: «A l'époque POC POC! où tout le monde kiffait sur le roro» [7].

Таким образом, как показал анализ, верланализации подвергаются как нейтральные, так и арготические слова с использованием дополнительных способов образования слов, что делает молодежный язык еще причудливее и непонятнее.

В последнее десятилетие возросшую социальную проблему представляет молодежь городских окраин со значительной маргинальной прослойкой. Её большую часть составляют иммигранты, в основном из африканских стран. Лексика этой прослойки молодежи содержит, естественно, большое количество арабских слов, несколько меньше – заимствований из африканских, цыганского языков, а также из английского сленга. Изоляция, социальный кризис, бюрократизм властей породили озлобленность и недоверие подростков, спровоцировали их вербальную агрессию, а иногда и акты насилия. Французский язык в кварталах, называемых «проблемными», стал антиподом нормативному языку центральных районов крупных городов. Не владея языком родителей-иммигрантов и слабо владея французским, подростки создали свой специфический язык – верлан.

На современном этапе во Франции верлан тесно взаимосвязан с рэпом. Рэп – это своеобразное проявление промежуточной культуры [«culture intersticielle» Calvet], к которой принадлежит язык африканцев, арабов, некоторых людей белой расы («Black», «Beurs», «Blancs»), находящиеся в неблагоприятной социальной и политической ситуациях: маргинализация, расизм. В большей степени эти группы населяют «des quartiers défavorisés» (неблагоприятные кварталы).

Посредством рэпа молодые люди выражают свой протест против социальной несправедливости, используя при этом некоторые семиологические признаки:

1. Графический признак – граффити;
2. Манера танцевать – брейк-данс, смерф с элементами акробатики;
3. Стиль одежды: фуражка, футболка, кроссовки;
4. Лингвистические особенности: интонация, рифма, использование верлана. Рэп – это ритмичный текст, при котором мелодия может отсутствовать.

Употребление верлана в текстах рэпперов выполняет скорее символическую функцию, нежели криптоическую (сокрытия смысла), с целью оставить собственный «след» в языке, обратить на себя внимание. Это своеобразный способ самовыражения, выражения своих страхов, сомнений, интересов, стремлений и желаний. Самые распространенные верланизированные слова в текстах молодых рэпперов – это: charclo < clochard ‘бедняк’, chelou < louche ‘нечто подозрительное’, keuf < flic ‘полицейский’, meuf < femme ‘женщина, девушка, одноклассница’, caillera < racaille ‘жульё’, cegla < glace – лед, guédro < drogue ‘наркотик’ chéara < arracher – ‘смаковать (удирать)’, cheuri < riche – ‘богатый’, feuillelar < larfeuille ‘бумажник’, garba < bagarre ‘драка, потасовка’, keubla < black ‘африканец’, péta < tape ‘удар ладонью’, queblo < bloc ‘блок, группа’, gabesa < arabes ‘арабы’, rebeu < beur < arabe ‘араб’, reti < tire (vol à la tire) ‘карманная кража’, gira < Paris ‘Париж’, xita < taxi ‘такси’ и др. [3, с. 284].

В этом списке популярных деформированных слов ярко представлена специфическая тематика, отражающая проблемы молодых коммуникантов (расизм, наркотики, развлечения).

Вследствие неблагоприятной социально-экономической ситуации проблемных кварталов возникает социальный «перелом», параллельно которому развивается перелом «лингвистический», проявляющийся в использовании промежуточных языковых вариантов (verlan, racaille-mot < mots de la racaille – отбросы общества) [5].

На основании сказанного справедливо отметить, что верлан, не имея тематических преград, широко распространяется в различных молодежных группах.

В молодежном социолекте, помимо вышперечисленных способов кодирования, используется другой, буквенный код. Заключается он в том, что слово может заменяться каким-либо сочетанием букв или одной буквой (преимущественно такой, как она называется в алфавите): Ki a di koi? – qui a dit quoi?, C Co - ça – C’est comme ça, K’s tête – casse-tête, oukison? – où qui sont?, Spa très cool tou sa – ce n’est pas très cool tout ça [Le Journal de Micky, № 2750 – 2 mars 2005, p. 53], K7 – cassette, Koi 2 9? – quoi de neuf? Эти необычные и причудливые по форме сочетания, довольно часто встречающиеся в молодежной прессе, не могут не привлечь внимания любого читателя.

Стремительное развитие информатики и вычислительной техники, а также мобильной связи повлекло за собой возникновение новой формы общения: текстовый обмен (textos) или СМС (S.M.S.). Это сокращенные формы ежедневной коммуникации, при которых осуществляется финансовая экономия и лингвистическая (кодирование и сокращение слов) экономия.

Этот вид коммуникации в настоящее время является очень популярным в молодежной среде. Чтобы лучше сократить сообщение, молодые люди прибегают к различным кодировкам слов: при помощи букв, английских заимствований и др. Прописные буквы М, К, С, Р произносятся /èm/, /ka/, /sé/, /ré/, строчные – обычно.

Из английского языка часто заимствуется число 2 (two – tou): «Ma a KC tout C pouP ou Ma a KC 2t C pouP» – «Emma a cassé toutes ses poupées» [Résonances, № 10, 2003].

В данной форме молодежной коммуникации, помимо функции экономии, выполняется и игровая функция: «Lo! Komen la vi ? Satedi 1 fête 12c4 ?». Это, в свою очередь, привлекает внимание французов старшего поколения, которые также используют в своих СМС-сообщениях некоторые аббревиации из молодежной лексики, что позволяет разным поколениям оставаться в определенном контакте, даже если некоторых взрослых немного шокируют эти новые речевые формы общения: A2M1 – à demain ‘до завтра’, @+ – à plus tard ‘позже’, Val – boîte aux lettres ‘почтовый ящик’, Vcoz – because, parce que ‘потому что’, бнé – cinéma ‘кино’, NP – no problem, pas de problèmes ‘нет проблем’, Thx – thanks, merci ‘спасибо’, 2L8 – too late, très tard ‘очень поздно’, 4 – for, pour ‘для’, U – you, vous ‘вы’ Y – why, pourquoi ‘почему’.

Молодежь использует кодирование слов, а также их шифрование. Большую роль в этом процессе играют цифры:

- 4/0 – человек с очень худыми ногами (4/0 – размер лески для ловли рыбы);
- tirer une série de 1 – заниматься любовью один раз;
- 16К – глупый, тупой (16 килобайт оперативной памяти);
- 25 – доза гашиша, составляющая 25 грамм;

– 8 или 8,6 – пиво. Эти цифры показывают процентное содержание спирта в пиве «Бавария». Его относительно низкая цена и высокий процент алкоголя притягивает молодых людей:

«Quand je vois des jeunes de 15 ans qui galèrent jusqu'à cinq heures du matin dans la rue avec des 8.6 qui ne vont pas en cours le lendemain, ça me vénère (verlan d'énerver)» [R.E.R – Rap & Ragga, № 10, juin 1997]; «J'aime mieux te dire tout de suite que les mecs qu'elle fréquente, c'est tous des special-seize K (16K)» [9, с. 202].

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что среди всех способов кодирования, используемых в молодежном лексиконе, самым продуктивным является верлан. Данный способ деформации слов способствует созданию новых лексико-семантических форм, используемых в речи молодых писателей и журналистов. Подобные образования достаточно быстро закрепляются не только в молодежном лексиконе: их употребляют люди, не входящие в молодежную возрастную категорию, в речи которых они функционируют наряду с литературным языком в зависимости от ситуации общения. Это явление еще раз доказывает большую популярность верлана на современном этапе как элемента французской молодежной речи и позволяет предположить дальнейший рост его популярности среди носителей национального французского языка.

Список литературы

1. Ермакова Л. М. Кодирование формы слова как один из способов образования жаргонной лексики молодежи / Л.М. Ермакова // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: Межвузовский сб. науч. тр. – Тамбов, 1999. – С. 135 – 139.
2. Лопатникова Н. Н. Разговорно-сниженные псевдо-словообразовательные варианты стилистически нейтральных слов в современном французском языке / Н. Н. Лопатникова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Сб. науч. тр. – Белгород, 1999. – С. 240 – 245.
3. Calvet L.-J. Les voix de la ville : Introduction à la sociolinguistique urbaine. – Paris : Payot, 1994. – 308 p.
4. Certa P. Le français d'aujourd'hui. Une langue qui bouge. – P.: Une coédition Radio France et Balland / Jacob-Duvernet, 2001. – 127 p.
5. Girard E., Kernel B. Le vrai langage des jeunes expliqué aux parents qui n'entravent plus rien. – Paris: Albin Michel, 1996. – 269 p.
6. Goudaillier J.-P. Les mots de la fracture linguistique / La Revue des 2 Mondes. – Mars 1996. – P. 115 – 123.
7. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. – P.: Maisonneuve et Larose, 2001. – 304 p.
8. Méla V. Verlan 2000 / Langue française. – Paris: Larousse, 1997. - № 114. – P. 16 – 34.
9. Merle P. Le Dico du français qui cause. – P.: Les dicos essentiels milan, 1998. – 256 p.
10. Merle P. Argot, verlan et tchatches. – Toulouse: Milan, 2000. – 63 p.

ENCODING AS A SPECIFIC WAY OF WORD FORMATION IN FRENCH YOUTH SOCIOLECT

N. N. Kopytina

**Belgorod National
Research University**

**e-mail:
natali_kopytina@rambler.ru**

The article deals with different ways of word encoding used in french youth sociolect. Special attention is paid to the verlan as productive way, implying the shifting of syllables in the word when it is pronounced or read backwards. Verlan penetrates into the literary language and is used by french speaking people irrespective of their age.

Keywords: encoding, verlan, ways of verlanization, digital and literal code, play and expressive function.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ [на материале английского языка]

И. А. Куприева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kuprieva@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблематика выявления концептуального каркаса психических процессов – соответствующей ментальной структуры – как бленда концептуального коррелята динамической характеристики психики. Такая концептуальная основа влияет на формирование и модификацию значения соответствующих единиц, а также обеспечивает их семантическую дифференциацию.

Ключевые слова: концептуальные основания, психические процессы, ментальная структура, глаголы, глагольно-именные словосочетания.

Современная лингвистика все чаще стремится дать ответы на сложнейшие вопросы об устройстве человеческого сознания и выявить специфику когнитивных механизмов посредством учета данных нелингвистических дисциплин по смежной проблематике. В таком случае наука о языке опирается на приоритетный постулат о главенствующей роли человека в процессе познания, или об антропоцентрическом характере когниции. С учетом подобной установки во главу угла современных лингвистических исканий помещается вопрос о необходимом учете «человеческого фактора» в процессе отражения, передачи, хранения и переработки знаний в языке. Причем под словом «знания» подразумеваются не только и не столько сами языковые факты, сколько общеэнциклопедические, по большей части нелингвистические, коррелирующие с социальным контекстом, культурой и гипотетически соотносящиеся со структурами концептуального уровня. При этом как языковые, так и неязыковые доступные виды знания не могут быть ранжированы по степени приоритетности с точки зрения отражения в языке, скорее, они одинаково доминантны и важны, преимущественно в случае междисциплинарных, интегральных лингвистических исследований, одним из которых является когнитивная лингвистика. Таковая включает методы концептуального анализа, метод фреймовой семантики, метод анализа словарных дефиниций, метод лингвокогнитивного моделирования. Использование данного инструментария позволяет обеспечить надежность и достоверность полученных результатов теоретических исследований. Работа с фактическим материалом, отобранным сплошной выборкой из аутентичных источников, выполняется посредством лексикографического, контекстуального и концептуального методов анализа, что позволяет представить наиболее объективную картину семантического содержания лексем.

Обращение к передовой методологии когнитивизма в настоящей статье обусловлено сложностью объекта исследования, включающего глагольные лексемы современного английского языка, номинирующие психические процессы. Причем не только сами глаголы, но и глагольно-именные словосочетания являются полноправным объектом данного исследования, на том основании, что последние соотносятся с глаголом по своему денотативному статусу и способности номинировать ситуацию психических процессов в свернутом виде, следовательно, отражать данные об участниках ситуации и их свойствах.

Выбор столь обширного объекта исследования не случаен и продиктован обоснованным психологами, когнитивными психологами и физиологами постулатом о связности, взаимообусловленности, нерасчленимости и симбиозе психических процессов, что на научном уровне вкладывается в понятие «синкретизм», обуславливающее невозможность описания каждого в отдельности процесса без учета «психического ансамбля». Заявленный комплекс можно проследить, как в экстралингвистике, где многие ученые уповают на их взаимосвязь и корреляцию, так и в лингвистике, где во многих научных исканиях, особенно, когда речь идет о

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы (тема: "Интертекстуальность текстов различных функциональных стилей в сравнительно-переводческом аспекте"; Соглашение № 14.В37.21.0094).

таксономических обзорах, указывают в семантике на сближение понятий или наличия компонентов в семантическом составе слова.

Итак, апеллируя к методологии моделирования структур концептуального уровня необходимо помнить о том, что любое явление, преимущественно номинируемое глаголом, можно концептуально представить в виде ментальной структуры (а это генеративный термин для любого из видов концептуального представления знаний). В нашем случае гипотетически моделируемая ментальная структура «психические процессы» как бленд концептов с учетом специфики объекта исследования представляет собой ситуационный фрейм. Такие фреймы являются когнитивными моделями процессов понимания. Иными словами, ситуационный фрейм отражает взгляды людей на одну и ту же ситуацию, так, «...один человек может обратить внимание на такие детали происходящего, которые для другого останутся незамеченными» [1, с. 32]. В интерпретации Н. Н. Болдырева ситуационные фреймы отражают знания об окружающем мире, носящие событийный характер [2, с. 64].

Именно фрейм в понимании Ч. Филлмора [9], который ассоциирует таковой с ментальной структурой, образованной из бленда концептов, в данном случае, концептов психических процессов, является, по нашему мнению, наиболее релевантным средством исследования глагольной лексики сравнительно с другими ментальными структурами, такими, как, например, гештальты, сценарии и др. Именно такой способ представления знаний на концептуальном уровне видится весьма обоснованным на том основании, что психическая сфера, в том числе и отраженная в языковом сознании, как регулятор поведения и эмоционального состояния человека, будучи весьма сложным и многогранным процессом, может быть на концептуальном уровне исследована в виде бленда концептов. Основанием для такого предположения является наблюдение о том, что в язык весьма специфично проецируются процессы, входящие в качестве неотъемлемых элементов в состав психики. Таковые наделены целым спектром специфических свойств и при этом «функционируют в ансамбле» без обособления и «искусственно разграничиваются в целях научного анализа» [4, с. 33]. Благодаря психическим процессам и их совокупности, слаженной работе возможно формирование образов окружающей среды, внутренней среды и ориентировка в пространстве, самоидентификация. Полученные сведения «являются тем фактором, который при наличии какого-либо побуждения определяет выбор человеком одного из многих возможных на каждый данный момент направлений движения и удерживает движение в рамках этого направления» [8].

Однако, несмотря на синкретизм или одновременное восприятие комплекса, ансамбля психических процессов, каждый из конституентов этого симбиоза имеет дифференциальные признаки, которые обеспечивают дискретность восприятия каждого из психических процессов, иными словами указывающие на его специфические черты. Итак, в своей совокупности сами психические процессы трактуются, как динамическая характеристика психики, включающая: восприятие, как способность целостного отражения предметов, ситуаций и событий, «возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств»; мышление как процесс, «характеризующийся обобщенным и опосредствованным отражением связей и отношений между объектами в окружающей действительности»; память, как процесс, обеспечивающий «построение всестороннего образа мира, связывающим разрозненные впечатления в целостную картину, прошлое с настоящим и будущим»; внимание как «процессы избирательной (селективной) работы субъекта с предметом деятельности и сосредоточения на нем»; воображение как «совокупность процессов, решающих главным образом задачи прогнозирования субъектом будущего результата его деятельности, оперирования полученными ранее образами и другими единицами психического мира с целью изменения представлений субъекта о мире и — в конечном счете — изменения мира как такового» [8].

Однако не только выявление экстралингвистических основ психических процессов влияет на выявление концептуальных оснований психических процессов. В основную задачу настоящего исследования входит поиск доступа к заявленной ментальной структуре как к бленду концептов посредством языковых данных на том основании, что «описав значения всех слов и выражений, репрезентирующих тот или иной концепт в национальном языке, представить в упорядоченном виде участок системы языка, репрезентирующий данный концепт» [6, с. 23 – 24]. Соответственно, в таком случае нам необходимо «согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из ... лингвистики» [5, с. 27], поскольку когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания находят непосредственное и регулярное выражение в языке, и, следовательно, языковые структуры являются важным источником сведений о базовых ментальных представ-

лениях [17, с. 1]. Таким образом, назревает необходимость обращения к знаниям смежных с лингвистикой наук, таких как психология, когнитивная психология, философия и др., в которых предпринимаются попытки моделировать сознание и описывать ментальные структуры, отвечающие за получение, хранение, обработку и передачу информации.

Итак, учет данных психологии, когнитивной психологии, физиологии в совокупности с анализом языковых фактов (системный анализ которых мы будем приводить по ходу изложения) в настоящем исследовании позволили выявить, что рассматриваемые психические процессы восприятия, воображения, внимания, памяти, мышления имеют схожие концептуальные основания, которые выражаются в наличии концептуальных областей, характерных для всех психических процессов: «индивидуальность», «результативность», «опыт», «непроизвольность», «ментальность», «перцепция»; и концептуальных областей «направленность», «сконцентрированность», «проявление эмоций» и т.п., являющихся специфическими для того или иного психического явления, что, разумеется, отражается в семантике лексических репрезентантов. Схожесть и неразделимость рассматриваемых психических процессов является дополнительной иллюстрацией мнения ученых о синкретизме психических процессов, что выражается в постулате об их неделимости. Данное обстоятельство дает основания выявить единую ментальную структуру фрейм – некоторое концептуальное начало, отвечающее за формирование и модификацию значений лексем, номинирующих рассматриваемые процессы. Как было заявлено ранее, указанная структура представляет собой концепт, который является сложным, многокомпонентным, иерархически организованным образованием, вмещающим в себя элементы различного порядка. Такая структура призвана указывать не только на синкретизм психических процессов, который выражается в их комплексном восприятии, но и на их дискретность посредством дополнительного профилирования тех или иных концептуальных признаков в отношении того или иного психического процесса. Таким образом, особенностью представления конститuentов ментальной модели является спецификация доминантных обязательных компонентов для каждого концепта, входящего в бленд. Выдвижение такого ряда способствует тематическому определению единицы, соотносящейся с концептом, что будет особенно актуально при проведении семантической таксономии.

Особенностью условной модели является указание не только на специфические черты каждого из психических процессов, но и профилирование «сквозных» элементов фрейма. Такими являются: компонент «перцепция» как коррелят восприятия, основы или начальной стадии формирования опыта; «ментальность» как результат переработки полученных посредством перцепции данных; «индивидуальность» как результат переработки данных субъектом; «непроизвольность» как первичная форма проявления всех психических процессов; «результативность» как отражение накопления сведений. Приведем несколько примеров экспликации этих компонентов: *It is a wonder, the way she pays such acute attention to detail than others would regard of no importance* [14] (компонент «индивидуальность»); *'... It was her dad's face I paid attention to'* [15] (компонент «перцепция»); *People are unlikely to pay much more attention to his decisions just because there has been some fiddling with the constitution* [11] (компонент «ментальность»); *Wolff put his head through the curtains and waved an arm, trying to attract Sonja's attention* [11] (компонент «непроизвольность»); *Then she gave her attention to the dog, turned his face to her so he wouldn't miss a word she said* [13] (компонент «результативность»).

Вышепредставленные компоненты ментальной структуры имплицитно либо эксплицитно выражаются в семантике глаголов и глагольно-именных словосочетаний психических процессов, дополнительно указывая на синкретизм психических процессов на концептуальном уровне. Другие – такие, как, например, не заявленные ранее «действие/состояние», «привлечение внимания/обращение внимания» и др. не обязательно актуализируются, и, тем не менее, добавляют к спецификации или дискретности психических процессов.

Однако такое представление коррелята каркаса психических процессов может быть дополнено и другим, более подробным описанием, отражающим взаимосвязь психических процессов, которые в экстралингвистике, а впоследствии, и на концептуальном уровне, имеют следующую замкнутую последовательность функционирования: восприятие данных, ментальная переработка, хранение в памяти, вторичная переработка и выдача готового образа. И все это сопровождается сквозным процессом внимания, который может сопутствовать любому из перечисленных процессов.

Фрейм «психические процессы» также может быть представлен в виде пропозиции, включающей базовый предикат и его аргументы. К таковым относятся компонент СУБЪЕКТ (проявляющий и не проявляющий волю), компонент ОБЪЕКТ (коррелят материального или абстрактного мира), компонент НАКОПЛЕННЫЕ ЗНАНИЯ (коррелят опыта, полученного от

перцептивных каналов, или данные переработанные сознанием) и компонент РЕЗУЛЬТАТ (как коррелят итога проявления психических процессов). Представление ментальной структуры психических процессов как пропозиции возможно при учете того, что глагол (при учете его валентного потенциала) активизирует в сознании субъекта когниции о познанных им взаимосвязях между объектами внеязыковой действительности. Иными словами, глагол, будучи «узлом разнородных когниций», связан с более низкими «элементами ... глагольного окружения» [3, с. 20], глагол оказывает доминирующее «семантическое влияние» [10, с. 115].

Данное положение отлично отражает каркасную рамку рассматриваемого фрейма, куда входит компонент СУБЪЕКТ, проявляющий агентивные или неагентивные характеристики, например: *She examined him carefully and had been forced to confess to him he had not a single feature which she could praise* [18] – субъект, проявляющий агентивные характеристики; *She turned abruptly and caught Elena's frosty expression* [19] – субъект, проявляющий неагентивные характеристики.

Компонент ОБЪЕКТ, соотносящийся с материальным или абстрактным миром, например: *His quick ears had caught the footsteps before they were audible to her* [18] – материальный мир; *A murmur in the room attracted his attention* [16] – абстрактный мир.

Компонент НАКОПЛЕННЫЕ ЗНАНИЯ, например: *He thought he spotted Big Billie Cameron at one of the windows and noted the house* [12].

Компонент РЕЗУЛЬТАТ, например: *To begin with she barely concentrated on what he was saying, but then she realized that he had switched totally to business and had put all thoughts of harming her aside* [20].

Таким образом, актуализируясь в семантике глагольных лексем и глагольно-именных словосочетаний, рамка ситуации психических процессов, отраженная в заявленном пропозиционном каркасе предложения, обеспечивает фиксированность восприятия и синкретизм динамической характеристики психики при учете особенностей каждого из психических процессов в отдельности. Эти параметры, в совокупности с описанными выше концептуальными свойствами представленных моделей являются основанием для тематической классификации при учете специфики вербализации рассматриваемого фрейма. Обратимся непосредственно к описанию процесса ранжировки.

В результате сплошной выборки лексических единиц из английского дискурса в аутентичных источниках таких, как интернет-ресурсы, национальные корпуса, современная художественная литература, обработки посредством концептуального, контекстуального, лексикографического анализа и сличения полученных данных в корреляции с ментальной структурой, был получен следующий список лексических единиц: *anticipate, attract (sb's) attention, bear in mind, bring your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, catch, catch one's eye, catch sb's attention, catch sb's imagination, cogitate, concentrate, concentrate your attention on sb/sth, consider, devote your attention to sth, do sth from memory, direct your/sb's attention at sb/sth, dominate, drag your attention to sb/sth, draw (sb's) attention to sth/sb, earn sb's attention, engage sb's attention, examine, eye, fancy, feel, focus on/upon, focus your/sb's attention on sb/sth, forget, gain sb's attention, give attention to sb/sth, give sth some thought, grab sb's attention, haunt, hear, hold sb's attention, imagine, keep sb interested in sb/sth, keep your eye on sb/sth, to keep one's eyes open, keep (your) sb's attention, listen, look at/to/out, memorise, monopolize sb's attention, mull over, muse on/about/over, needs thorough watch or care, note, notice, observe, obsess, occupy, occur to, one-track mind, pay attention (to sb/sth), to pay no heed, perish the thought, ponder, plan, preoccupy, prick up your ears, read sb's thoughts, recall, recite, recognize, recollect, remember, remind, reminisce, repeat, return your attention to sb/sth, scan, scrutinize, see, seize sb's attention, smell, study, strain, take notice (of sth), think, that's a thought, transfer (your) attention to sb/sth, turn your/sb's attention to sb/sth, watch etc.*

Однако данный список не является и не может быть конечным на том основании, что концепт, как единица, входящая в ментальную структуру, неисчерпаем по своей сути, равно как и неисчерпаемы средства его актуализации на языковом уровне.

Первичное рассмотрение накопленного исследовательского тезауруса явно показывает тематическую разнородность рассматриваемой лексики. Очевидно, что в нем представлены лексемы и внимания и памяти и мышления и восприятия и воображения, как всех процессов инкорпорированных в динамическую характеристику психики. Однако наблюдение за поведением единиц в контекстуальных условиях убедительно доказывает тот факт, что зачастую лексемы функционируют в качестве синонимов в определенных контекстуальных условиях и, как было отмечено ранее, могут быть дифференцированы благодаря механизму выдвижения. Дан-

ное обстоятельство естественным образом указывает на относительность первичных тематических классификаций и диктует поиск нового таксономического обзора.

Соответственно, на первый план выходят критерии классификации, полученные в результате анализа ментальной структуры, отвечающей за единство разноплановой лексики и дифференциацию ее значения. Укажем результаты тематической таксономии лексем психических процессов по принципу актуализации компонентов ментальной структуры.

Выдвижение компонента «перцепция» позволяет выделить следующие лексемы: attract (sb's) attention, your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, catch, catch one's eye, catch sb's attention, devote your attention to sth, direct your/sb's attention at sb/sth, drag your attention to sb/sth, draw (sb's) attention to sth/sb, earn sb's attention, engage sb's attention, examine, eye, feel, fix your attention on sb/sth, focus on/upon, focus your/sb's attention on sb/sth, gain sb's attention, give attention to sb/sth, grab sb's attention, hear, hold sb's attention, keep your eye on sb/sth, to keep one's eyes open, keep (your) sb's attention, listen, look at/to/out, monopolize sb's attention, needs thorough watch or care, note, notice, observe, pay attention (to sb/sth), to pay no heed, prick up your ears, return your attention to sb/sth, scrutinize, see, seize sb's attention, smell, study, strain, take notice (of sth), transfer (your) attention to sb/sth, turn your/sb's attention to sb/sth, watch etc.

В свою очередь, выдвижение компонента «перцепция» и сопряженного с данным компонентом компонента СУБЪЕКТ, имеющий неагентивные характеристики, позволяет выделить следующие лексемы: attract (sb's) attention your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, catch, catch one's eye, catch sb's attention, drag your attention to sb/sth, draw (sb's) attention to sth/sb, engage sb's attention, feel, gain sb's attention, grab sb's attention, hear, hold sb's attention, keep (your) sb's attention, keep your eye on sb/sth, monopolize sb's attention, note, notice, prick up your ears, see, seize sb's attention, smell etc.

Выдвижение компонентов «перцепция» и компонента СУБЪЕКТ, имеющего агентивные характеристики, позволяет выделить следующие лексические единицы: concentrate, concentrate your attention on sb/sth, devote your attention to sth, direct your/sb's attention at sb/sth, earn sb's attention, examine, eye, fix your attention on sb/sth, focus on/upon, focus your/sb's attention on sb/sth, give attention to sb/sth, keep your eye on sb/sth, to keep one's eyes open, listen, look at/to/out, needs thorough watch or care, note, notice, observe, pay attention (to sb/sth), to pay no heed, return your attention to sb/sth, scrutinize, smell, study, strain, transfer (your) attention to sb/sth, turn your/sb's attention to sb/sth, watch etc.

Итак, на основании выдвижения компонентов «перцепция» и неагентивный СУБЪЕКТ, а также компонентов «перцепция» и агентивный СУБЪЕКТ можно выделить лексемы произвольной и непроизвольной перцепции, которые могут также быть впоследствии дифференцированы согласно каналу получения сенсорной информации.

Выдвижение компонента «ментальность» позволяет выделить из общего списка следующие лексемы: anticipate, attract (sb's) attention, bear in mind, be deep/lost in thought, bring your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, catch sb's attention, catch sb's imagination, cogitate, concentrate, concentrate your attention on sb/sth, consider, devote your attention to sth, do sth from memory, direct your/sb's attention at sb/sth, dominate, drag your attention to sb/sth, draw (sb's) attention to sth/sb, earn sb's attention, emphasize, engage, engage sb's attention, examine, a figment of one's imagination, fix your attention on sb/sth, fix your mind on sb/sth, a flight of fancy, focus on/upon, focus your/sb's attention on sb/sth, forget, gain sb's attention, give attention to sb/sth, food for thought, give sth some thought, grab sb's attention, haunt, hear, hold sb's attention, if memory serves me (well/right/correctly), imagine, in memory of sb, in sb's thoughts, it's the thought that counts, keep sb interested in sb/sth, keep (your) sb's attention, memorise, monopolize sb's attention, mull over, muse on/about/over, not give sb/sth a/another thought, not leave much/leave little to the imagination, note, notice, observe, obsess, occupy, occur to, one-track mind, pay attention (to sb/sth), to pay no heed/ponder, plan, preoccupy, read sb's thoughts, recall, recite, recognize, recollect, remember, remind, reminisce, repeat, return your attention to sb/sth, second thought(s), sb's memory, sb's memory is playing tricks on them, sb's thoughts race, sb's thoughts wander, scan, a school of thought, scrutinize, seize sb's attention, short-term/long-term memory, shot in the dark, show an interest, study, strain, take notice (of sth), take sb/sth seriously, to keep thoughts to oneself, that's a thought, the thought strikes sb, train of thought, transfer (your) attention to sb/sth, a trip/walk down memory lane, turn your/sb's attention to sb/sth, a vivid memory, vivid/fertile/overactive imagination, without a second thought etc.

На основании выдвижения компонента неагентивный СУБЪЕКТ можно выделить следующие лексемы и фраземы непроизвольной ментальности: anticipate, be deep/lost in thought, bring your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, catch sb's imagination, a figment of

one's imagination, a flight of fancy, forget, food for thought, haunt, have a good/bad memory for sth, have a memory like an elephant, have a memory like a sieve, if memory serves me (well/right/correctly), in sb's thoughts, it's the thought that counts, obsess, recognize, remember, second thought(s), sb's memory, etc.; и глагольные лексемы произвольной ментальности на основании выдвигания компонентов «ментальность» и агентивный СУБЪЕКТ: bear in mind, bring your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, cogitate, concentrate, concentrate your attention on sb/sth, consider, devote your attention to sth, do sth from memory, direct your/sb's attention at sb/sth, drag your attention to sb/sth, emphasize, engage, engage sb's attention, examine, fix your attention on sb/sth, fix your mind on sb/sth, focus on/upon, focus your/sb's attention on sb/sth, gain sb's attention, give attention to sb/sth, grab sb's attention, hold sb's attention, imagine, jog your memory, keep sb interested in sb/sth, memorise, mull over, muse on/about/over, not give sb/sth a/another thought, occupy, pay attention (to sb/sth), to pay no heed, perish the thought, ponder, plan, preoccupy, prick up your ears, read sb's thoughts, recall, recite, recognize, recollect, remember, remind, reminisce, repeat, return your attention to sb/sth, s think, transfer (your) attention to sb/sth, a trip/walk down memory lane, turn your/sb's attention to sb/sth etc.

И, наконец, возможно выделение еще одной группы лексем, связанных с системной и функциональной актуализацией компонента ПОЛУЧЕННЫЕ ЗНАНИЯ в их семантике: anticipate, bear in mind, be deep/lost in thought, catch sb's imagination, do sth from memory, a figment of one's imagination, a flight of fancy, food for thought, give sth some thought, haunt, have a good/bad memory for sth, have a memory like an elephant, have a memory like a sieve, hear, if memory serves me (well/right/correctly), imagine, in memory of sb, in sb's thoughts, it's the thought that counts, jog your memory, leave sth to sb's imagination, not give sb/sth a/another thought, not leave much/leave little to the imagination, one-track mind, a penny for your thoughts, plan, remind, reminisce, repeat, second thought(s), sb's memory, sb's memory is playing tricks on them, sb's thoughts race, sb's thoughts wander, short-term/long-term memory, take sb/sth seriously, to keep thoughts to oneself, take the words out of somebody's mouth, train of thought, a trip/walk down memory lane, a vivid memory, vivid/fertile/overactive imagination, without a second thought etc.

Как очевидно из представленной тематической классификации, включающей лексемы перцепции (произвольной и непроизвольной), ментальности (произвольной и непроизвольной) и опыта, многие из них занимают маргинальное положение, занимая полноправную позицию в нескольких группах. Такое положение вещей объясняется, как с позиций амбивалентности, когда речь идет о группах произвольного и непроизвольного психического процесса, и профилированием определенной грани ситуации психических процессов в определенном контексте, что, в свою очередь, с одной стороны, обуславливает модификацию семантики и дополнительно иллюстрирует тезис о синкретизме психических процессов. Однако представленная тематическая классификация лексики не является и не может быть исчерпывающей на том основании, что сам метод лингвокогнитивного моделирования, дополненный, как передовыми методиками когнитивизма, так и в сочетании с традиционным инструментарием открывает большие перспективы по систематизации и объективному описанию даже самых сложных объектов лингвистического анализа, что и может быть вынесено на перспективу настоящего исследования.

Список литературы

1. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дис. ... д-ра филол. наук / Е. Г. Беляевская. – М., 1992. – 401 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии : учеб. пособие / Н. Н. Болдырев ; Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
3. Гришаева Л. И. Глагол как узел когний / Л. И. Гришаева // Филология и культура : тез. 2-й междунар. конф., 12-14 мая 1999 г. / Ин-т языкознания РАН, Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 1999. – С. 19 – 21.
4. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 31-42.
5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
6. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.
7. Эванс, Д. Эмоции / Д. Эванс. – М.: Астрель; АСТ, 2008. – 192 с.
8. Реан А. Психология и педагогика [Электронный ресурс] / Реан А., Бордовская Н., Розум С. – Библиотека Гумер – Педагогика. – Гумер. – 2012. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/rean/11.php

9. Реан А. Психология и педагогика [Электронный ресурс] / Реан А., Бордовская Н., Розум С. – Библиотека Гумер – Педагогика. – Гумер. – 2012. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/rean/11.php
10. Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 52 – 92.
11. Чейф У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 426 с.
12. BNC - British National Corpus. Simple Search of BNC-World [Electronic resource] / University of Oxford. – Oxford, 1992. – Mode of access: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>
13. Forsyth F. No Comebacks / F. Forsyth. – L. : Corgi Books, 1983 – 332 p.
14. Fox N. The Groom`s Daughter / N. Fox. – Richmond : Mills & Boon, 1998. – 187 p.
15. Huth A. The Jewels of Tessa Kent / J. Krantz. Mcgowan F. A Kept Woman / F. Mcgowan. Huth A. Wives of the Fishermen / Krantz J/ – L. : The Reader's Digest Association Limited, 1999. – 479 p.
16. Johnson J. K. The Miracle Baby / J. K. Johnson. – Richmond : Mills&Boon, 1997. – 299 p.
17. Joyce J. The Dead / J. Joyce // English Short Stories / ed. by Ch. Dolley. – L. : Penguin Books, 1967. – P. 157 – 201
18. Langacker R. W. Reference-point Constructions / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4., – № 1. – P. 1 – 38.
19. Maugham W. S. The Force of Circumstance / W. S. Maugham // English Short Stories / ed. by Ch. Dolley. – L. : Penguin Books, 1967. – P. 129 – 157.
20. Reid M. The Price of a Bride / M. Reid. – Richmond : Mills & Boon, 1998. – 187 p.
21. Wood, S. Nights of Destiny / S. Wood. – Richmond : Mills&Boon, 1990. – 187 p.

THE POSITIVE FEATURES OF THE PSYCHO PROCESSES MENTAL STRUCTURE STUDY (on the English Language Material)

I. A. Kuprieva

***Belgorod National
Research University***

***e-mail:
kuprieva@bsu.edu.ru***

The article specifies the conceptual basis of the psycho processes as a mental structure, which is a conceptual blend of the mental sphere concepts. This very basis influences the meaning formation and modification of verbs, and also provides their semantic classification.

Keywords: conceptual basis, psychic processes, mental structure, verbs, verbal noun word combinations.

УДК 811.111-26

ЭТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ПРЕДАННОСТЬ»: АКТУАЛИЗАЦИЯ В РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ю. А. Купцова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kuptsova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности актуализации языковых знаков-репрезентантов концепта «преданность» в современном английском языке, а также различные дефиниции терминов «концепт» и «дискурс» в современной лингвистике. Исследуются различные ситуации преданности, в которых действительное положение дел соответствует этической норме. Выделены сферы проявления преданности: личностная, профессиональная, политическая и религиозная. Выявлено, что лексемы, функционирующие при описании преданности, употребляются дифференцированно.

Ключевые слова: этический (моральный) концепт, преданность, дискурс, понятие концепта, ситуация, лексемы-репрезентанты devotion, loyalty, faithfulness, fidelity.

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей актуализации языковых знаков, репрезентирующих этический концепт «преданность» в современном английском языке. Проблема исследования ментальных образований, относящихся к области этики, приобретает большую актуальность в рамках современных когнитивных исследований. В настоящее время все больше современных ученых-когнитологов проявляют интерес к этическим концептам. Несмотря на то, что предметом лингвистических исследований становились концепты «стыд», «совесть», «вина», «добро / благо», «вера / доверие», «моральные качества», «грех», «долг», «совесть», «добро и зло», «правда и ложь», «искренность / неискренность», «обман» и многие другие, концепт «преданность» специального научного рассмотрения пока не получил.

Моральные (этические) концепты, выделяемые в классе социальных концептов («честь», «долг», «корысть», «подлость» и т. д.), представляют собой базовые концепты, составляющие фундамент языка и картины мира [1]. Данные категории в своем роде надличностны, выработаны человечеством за многие тысячелетия его бытия. Толковые словари фиксируют их самые общие признаки в отвлечении от их субъективной образно-чувственной конкретики [2]: «Преданность – преданное отношение к кому, чему-либо; преданный – исполненный любви и верности к кому, чему-либо» [3]; «...приверженность и уважение, верность, широкая, искренняя любовь, правдивая, прямая покорность» [4].

Обратимся к проблеме определения понятия концепта в современной лингвистике. Концепт является одной из ведущих категорий когнитивной лингвистики. В настоящее время в рамках лингвистики нет единого определения концепта, однако многие исследователи сходятся на том, что концепт приобрел значение единиц человеческого мышления, единиц, при помощи которых человек реализует свое восприятие мира и контактов с ним. Согласно Е. С. Кубряковой, «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких 'квантов' знания». Многие лингвисты подтверждают ментальную природу концепта: концепты – это единицы «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [5]. Концепты сводят все знания и представления человека к чему-то единому, группируют их в определенные ячейки, позволяя хранить знания о мире, полученные в результате восприятия мира органами чувств, в результате практической деятельности и размышлений, умозаключений и логических выводов, и способствуя обработке полученной человеком в ходе деятельностного и культурного опыта информации, подводя ее под определенные категории и классы.

Представители когнитивистики доказали, что мыслительная деятельность человека не сводится к оперированию четкими категориями и понятиями. Было выявлено, что человек в процессе мышления пользуется «нечеткими понятиями», этот процесс основывается на «логике с нечеткой истинностью, нечеткими связями и нечеткими правилами вывода» [2]. Понятие концепта расплывчато в силу условности самого концепта, расплывчатости его границ. Реализуясь в языке, концепт приобретает лексическое имя, название, а также ряд ассоциаций, кото-

рые носителя языка связывают с главным именем. Ассоциации активизируют концепт в сознании человека, при этом одна и та же ассоциация может стимулировать различные концепты в сознании разных людей, так же как и один и тот же концепт может вызывать разные ассоциации, и это зависит от социального положения, профессии, возраста и других факторов.

В настоящее время проблема концепта и концептуализации интересует многих лингвистов. По определению Ю. С. Степанова, концепт – «это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [6]. По мнению ученого, у концепта есть и вторая сторона – «то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [6].

А. П. Бабушкин определяет концепт следующим образом: «это дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, причем концепт не существует при отсутствии надлежащей лексической объективации» [2]. Данному положению противоположны мнения ряда авторов, которые полагают, что далеко не все концепты находят отражение в языке (Е. С. Кубрякова, Г. Г. Слышкин, А. И. Стернин и др.).

С. Г. Воркачев выделяет три основных подхода в понимании концепта, существующих на сегодняшний день в лингвистике: 1) в широком смысле к концептам относят лексические единицы, которые отражают национальный менталитет и формируют «языковую картину мира» носителей языка; в число подобных концептов попадают все семантически представленные единицы языка; 2) в более узком смысле к концептам относят только те семантические образования, которые отмечены национальной спецификой и являются характерными для того или иного этноса; 3) к концептам относят только ключевые понятия данной лингвокультурной общности, которые помогают понять национальный менталитет; сюда относятся высокоабстрактные концепты (душа, свобода, любовь и т.д.), которые «отправляют к невидимому миру духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак...» [7].

Вслед за В. И. Карасиком, мы понимаем под этим термином многомерное смысловое образование, в котором выделяются образная, понятийная и ценностная стороны. Образная составляющая концепта представляет отраженные в человеческой памяти характеристики предметов, явлений и событий, полученных в результате чувственного восприятия: зрительного, тактильного, слухового и т.д. Понятийную сторону составляют языковые фиксации концепта, его признаковая структура, дефиниция. Ценностная сторона концепта определяется его важностью как для отдельной личности, так и для коллектива [8].

Г. Г. Слышкин делит ассоциации на две группы, одна из которых составляет «ядро концепта», а другая – его «периферию». Ядро формируется вокруг ««сильной» (т. е. ценностно акцентуированной) точки сознания», а периферию составляют «ассоциативные векторы».

Изучив данные лексикографических источников, мы пришли к выводу, что в современном английском языке концепт «преданность» актуализируются лексемами-репрезентантами *devotion, devoted, devotee, loyal, loyalty, loyalist, faithful, faithfulness, faithfully, dependability, fidelity, allegiance, adherence, attachment, commitment*. К уровню базовой репрезентации концепта «преданность» относятся языковые знаки *devotion, loyalty, faithfulness, fidelity*.

Обращение к материалам словарей-тезаурусов и словарей-синонимов позволяет расширить и уточнить представление о преданности. Так, в словаре Роже у лексемы *devotion* зафиксированы следующие синонимы:

devotion: adherence, adoration, affection, allegiance, ardor, attachment, consecration, constancy, dedication, deference, devotedness, devotement, devoutness, earnestness, enthusiasm, faithfulness, fealty, fervor, fidelity, fondness, intensity, love, observance, passion, patriotism, piety, reverence, sanctity, service, sincerity, spirituality, staunch, steadfast, worship, zeal [9].

Термин «дискурс», так же, как и термин «концепт» широко употребляется в специальной лингвистической литературе и допускает множество интерпретаций. Он определяется как: система коммуникации, имеющая реальное и потенциальное измерение [10]; функционирование языка в реальном времени [11]; общение людей, рассматриваемое с точки зрения их принадлежности к социальной группе или отнесенности к той или иной речеповеденческой ситуации [8].

Рассмотрев различные дефиниции термина «дискурс», мы придерживаемся замечания Е. С. Кубряковой, которая пишет о том, что как бы ни определять дискурс – через речь, речевую деятельность или использование языка – все такие дефиниции должны быть уточнены и дополнены за счет введения в них сведений, которые, с одной стороны, свидетельствуют о лин-

гвокультурологическом и социальном контексте подобного употребления, и которые, с другой стороны, связаны с личностными свойствами участников дискурсивной деятельности, ее инициатора и адресата (их знаниями, верованиями, устремлениями, системой ценностей, конкретными намерениями в акте коммуникации) [12].

При исследовании актуализации этического концепта «преданность», осуществляемого в дискурсе, мы определяем дискурс, вслед за Н. Д. Арутюновой, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженную в жизнь» [13].

Данное определение дискурса, по мнению Е. С. Кубряковой, «открывает дорогу самым разным подходам к анализу дискурса», так как сочетает в себе не только конструктивные установки нескольких подходов, но и критическое отношение к попыткам исследовать язык изолированно от его реального функционирования для решения разных целей и задач и от жизни общества [12].

Исходя из этого понимания дискурса, мы обратились к исследованию ситуации преданности. Лингвистический термин «ситуация» широко рассматривается в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Мы понимаем ситуацию как особый «квант жизни», представляющий собой результат координации субстанций в пространстве и времени.

Элементы ситуации находятся в определенных связях и отношениях между собой, которые могут подвергаться моделированию, целью которого является теоретическое объяснение использования языка по-разному разными людьми при разных обстоятельствах, то есть учет параметров, налагаемых контекстом (наличие или отсутствие общих фоновых связей у коммуникантов, пребывание в определенной эмоциональном состоянии и т. д.), определяющих появление одних языковых средств, нежели других.

Лингвистикой текста в научный обиход введено понятие моделей ситуации или ментальных моделей. Выделяют статические и динамические модели, разграничиваются коммуникативные и предметные ситуации. Основное различие предметной и коммуникативной ситуации заключается в том, что коммуникативная ситуация представлена в высказывании имплицитно, проявляясь в том или ином наборе средств, а предметная – эксплицитно [13].

Обратимся к рассмотрению ситуации преданности, в которой действительное положение дел соответствует этической норме. Проанализировав различные ситуации преданности, мы выделили основные сферы проявления преданности: личностная, профессиональная, политическая и религиозная сферы. Рассмотрим каждую из этих сфер.

В личностной сфере к проявлениям преданности относятся отношения между родителями/детьми, членами семьи, супругами/возлюбленными, друзьями. Преданность в отношениях родителей и детей представлена любовью и заботой: “Such a little beauty! When she grows up she will certainly be a belle. But I suppose you know that any man who courts her will have a tussle with Captain Butler, for I never saw such a *devoted father*...” [14];

Преданность детей родителям состоит в их готовности быть рядом с отцом или матерью, когда им нужна помощь: “One day I was riding bikes with Natalie, stupid the doctor told me, and I don’t know – my knee just went out. So I was back in the hospital, the so-called one right down the lake in LaSalle.”; “Natalie was with you?” May asked, knowing how scared the little girl must have been, remembering how upset Kylie had felt the time May had cut herself on a broken glass and had to get stitches at the Coastal clinic; “*Wouldn’t leave my side*.” Martin grinned. “*Loyal daughter*” [15].

Преданные отношения связывают не только детей и родителей, супругов и возлюбленных, но и всех членов семьи: She, too, had her tragedy – *a brother, to whom she was devoted*, had died only a week or two before Angela [15].

Преданность – важная составляющая отношений супругов/возлюбленных: Marriage has a unique place because it speaks of an *absolute faithfulness*, a covenant between radically different persons, male and female; and so it echoes the absolute covenant of God with his chosen, a covenant between radically different partners [16]; Although his marriage has become loveless, he has remained *faithful to his wife*, simply because he has experienced the faithfulness of God [17]; Everyone knew that her marriage with Michael was exemplary. She was a pattern of *conjugal fidelity* [18].

Преданность супругов подразумевает заботу друг о друге: ...Mrs. Foster was and always had been a good and loving wife. For over thirty years, *she has served him loyally and well* [19].

Обвинение в измене оскорбляет чувства преданного, любящего человека. Так, доктор Мид полон ярости в связи с тем, что вынужденное определенными событиями посещение им публично дома оскорбит его репутацию и имя его жены, которой он был предан и верен всю жизнь:

Dr. Meade, beside himself with outraged dignity at the position into which Rhett had jockeyed him and the others, he would rather confess and be hanged than say he had been at Belle’s house.

“It is an insult to you, Mrs. Meade”, he fumed.

“But everyone will know you weren’t there for – for – ”

“The Yankees won’t know. They’ll have to believe it if we save our necks. And they’ll laugh. The very thought that anyone will believe it if we save our necks. And they’ll laugh. The very thought that anyone will believe it and laugh infuriates me. And it insults you because – me dear, *I have always been faithful to you*” [14].

Значимость дружбы, которая в некоторых случаях может быть сильнее родственных связей в жизни людей, позволяет отнести преданность другу к личностной сфере: When I say to you that *my friends were my whole life – everything, absolutely everything in it* – then perhaps you will begin to understand [19]; Between him and Darcy there was *a very steady friendship*, in spite of great opposition of character [20];

At the mention of Ashley’s name, Scarlett’s heart stood still, cold as a granite within her. *Melanie had known all the time*. Scarlett dropped her head on the coverlet and a sob that would not rise caught her throat with a cruel hand. Melanie knew. Scarlet was beyond shame now, beyond any feeling save a wild remorse that she had hurt this gentle creature throughout the long years. *Melanie had known – and yet, she had remained her loyal friend* [14]; Again Frank did not answer. I realized that his *loyalty* to Maxim was such that he would not let himself be drawn into a discussion, even with me. He did not know how much I knew [21]; Then, as now, most people wanted to be able to experience the constancy and trust that comes only with *faithfulness in a relationship* [17].

Для обозначения дружеской преданности используются слова-репрезентанты *devoted, faithful, loyal, true, steady*, а также номинации *a good man in a pinch* и *to give one’s hand for somebody*:

“Ashley is *a good man in a pinch*...” [14];

“He is a good sort, Mr. Crawley,” said the coast-guard.

“Yes,” I said.

“He’d *give his right hand for Mr. De Winter* too,” he said.

“Yes, I think he would,” I said [21].

Ситуация преданности самому себе интересна тем, что в ней субъект и объект преданности совмещены: I had the impression he was *being loyal to someone*. Either to Maxim or to Rebecca, or perhaps even *to himself* [21].

К этой же ситуации можно отнести высказывания, в которых объективирована преданность взглядам, убеждениям. Когда мы говорим, что человек предан самому себе, то мы имеем в виду, что он хранит преданность, постоянство своим принципам, пристрастиям, какой-либо намеченной цели: *Steady to his purpose*, he scarcely spoke ten words to her through the whole of Saturday, and though they were at one time left by themselves for half-an-hour, he adhered most conscientiously to his book, and would not even look at her [20].

Выполнение обещания также характеризует человека как преданного: He had *faithfully promised* to stay where he was, and we had not a doubt that he would be as good as his word [22].

Итак, в данной ситуации нет четкой дифференциации употребления лексем; широко используются слова-репрезентанты *loyal, devoted, faithful, dedicated, steady, staunch, fidelity* и ряд их производных. Можно лишь отметить, что лексема *staunch* употребляется для обозначения стойкой позиции в отношении идеологических принципов, которые представляют большую значимость для субъекта: Robert P. Casey Jr., *a staunch abortion opponent* in the mold of his father, the late Pennsylvania Governor Bob Casey Sr. [23]; “Our superior is nothing if not a modern man and *a staunch feminist*...” [24].

Таким образом, лексемы, функционирующие при описании преданности возлюбленных/супругов, членов семьи употребляются дифференцированно. Ключевые слова-репрезентанты *devotion/devoted, loyal/loyalty, faithful/faithfulness* встречаются во многих контекстах, подразумевают постоянство в чувствах, заботу, поддержку, душевную преданность. Лексема *fidelity* используется для выражения преданности в личных, супружеских отношениях.

В профессиональной сфере, посвящая себя целиком делу, профессии, люди также проявляют качество преданности, верности: *Faithfulness* and willingness characterized his toil [25]; WACC-AR provide leadership in setting up funds to care for the families of people who are victimised because of their *commitment and faithfulness* to the principles of the communication profession [17].

Данное качество присутствует у полицейских: He liked *cops*, empathized with them, generally understood their concerns, prejudices, methods. And now here were two more, twin tight ends named Jakes and Warren, and at a glance very much like the men from the other night with his wind-

shield in North Beach – hardworking, sincere, *dedicated* – and most importantly, living every day in the line of fire, which tended to breed a certain defensiveness, even cynicism [26].

Ученый проявляет неустанный интерес к предмету своего изучения: Since landing from the boat he has obtained some consolidation from the beauty and variety of the insect and bird life around him, for he is absolutely whole-hearted in his *devotion to science* [22].

Терпение врача или социального работника, преданных своей работе, способно вылечить психологические травмы: That dreary prime-time genre, the TV movie, sprang up to medicalize the supposedly new pathologies of domestic life: the teenager who won't eat because her parents are fighting, the child molester who was abused himself, the alcoholic mother whose kids run off the rails – there was nothing *a devoted therapist or social worker* couldn't cure with time and patience [27].

В профессиональном спорте упорство, преданность, ответственность – необходимые условия для достижения наивысших результатов: “The game is my life. *It demands loyalty* and responsibility, and it gives me back fulfillment and peace” [28]; “I strived to become an Olympic champion from age of 14 and, when I finally accomplished my goal, at 34, the feeling of delight was indescribable. After all those *years of dedication, commitment* and hard work, it's a dream come true” [29].

Люди, полностью отдающие себя работе, часто приносят личную жизнь в жертву и не находят своей второй половины. Например, агент пианиста удивлен тем, что тому удалось жениться: Ellerbee said, “Frankly, I never thought Philip would get married. He's like a priest – *dedicated to what he does*” [30].

В отношениях хозяева/служанки также присутствуют проявления преданности: “The lie we lived, she and I. The shabby, sordid farce we played together. Before friends, before relations, even before *the servants, before faithful, trusting creatures like old Frith.*” [21]; “She thought of all the servants of her neighbors who had stood *loyally* beside their white owners, protecting their mistresses while the men were at the front, refugeeing with them through the terrors of the war, nursing the wounded, burying the dead, comforting the bereaved, working, begging, stealing to keep food on the tables [14].

Однако, следует отметить нерелевантность типа профессии при проявлении преданности в профессиональной сфере; преданность своему делу характеризует представителей многих профессий и определяется личными качествами субъекта.

Наиболее часто в данной сфере используются слова-репрезентанты *loyal, devoted, faithful* и их производные. Лексемы *dedication, commitment* употребляются для выражения особой самоотверженности, самопожертвования в профессии.

В политической сфере особо можно выделить лексемы *patriot, patriotism, patriotic*, обозначающие особый вид преданности – преданности своей стране: A man's country is not a certain area of land, mountains, rivers, and woods, but it is a principle; and *patriotism is loyalty to that principle* [31].

Преданность в данной сфере проявляется также в отношении политического лидера, режима: Can you not respect that *principle of loyalty* which made the royalists give up country, friends, fortune, everything, rather than be false to their king? [25].

Патриотизм также выражается в особом отношении к государственным символам и идеалам: Freedom of religion is a principle that is central to our Nation's Declaration of Independence. Congress has taken this positive step to protect our freedom to express *allegiance to America's flag and the ideals it represents* [16].

Таким образом, для выражения преданности в политической сфере используются лексемы *devotion, loyalty, allegiance, patriotism* и их производные.

В религиозной сфере проявления преданности заключаются в неуклонном следовании идеалам какой-либо религиозной церкви: Notwithstanding his *devotion* to the papacy, he was an embryonic English Protestant [17]; Rituals of personal religious *devotion* [17]; My *devout Muslim* mother's generation threw off garments that symbolized responsibility for the lust of men [29]; You want to live *a life of devotion*, because you are a Christian [17]; It's great to see the *faithfulness of God* in their lives [17]; But then, a divorce was unthinkable; and Ellen and Gerald, *staunch Catholics* that they were, would never permit her to marry a divorced man [14].

Постоянство преданности Богу актуализируется в религиозной проповеди следующим образом: God, I don't have great faith, but I can be faithful. My belief in you may be seasonal, but my *faithfulness* will not. I will follow in the way of Christ [32].

Для выражения преданности в религиозной сфере используются лексемы *devotion*, *faithfulness*, *loyalty* и их производные. Номинации *devout* и *staunch* выражают неуклонное следование каким-либо религиозным канонам.

Таким образом, концепт «преданность» представляет собой результат познавательной и мыслительной деятельности человека, это абстрактное семантическое образование, поэтому его необходимо соотносить со словом, но поскольку слово как элемент языка включается в тот или иной синонимический ряд, то концепт часто соотносится более чем с одним словом. Он может быть представлен различными словами, входящими в один синонимический ряд, устойчивыми сочетаниями слов с похожими значениями, фразеологическими, афористическими средствами, предложениями и целыми текстами. Концепт «преданность» представляет собой этический (моральный) концепт, базовые репрезентанты которого представлены лексемами *devotion*, *loyalty*, *faithfulness*, *fidelity*. Проанализировав различные ситуации преданности, мы выделили основные сферы проявления преданности: личностная, профессиональная, политическая и религиозная. Лексемы, функционирующие при описании преданности в личностной сфере, употребляются дифференцированно. Ключевые слова-репрезентанты *devotion/devoted*, *loyal/loyalty*, *faithful/faithfulness* встречаются во многих контекстах; лексема *fidelity* используется для выражения преданности в личных, супружеских отношениях. Наиболее часто в профессиональной сфере используются слова-репрезентанты *loyal*, *devoted*, *faithful* и их производные. Лексемы *dedication*, *commitment* употребляются для выражения особой самоотверженности, самопожертвования в профессии. Для выражения преданности в религиозной сфере используются слова-репрезентанты *devotion*, *faithfulness*, *loyalty* и их производные.

Список литературы

1. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык: коллективная монография / отв.ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 16 – 61.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
5. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
6. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю.С.Степанов. М.: Академический Проект, 2001. – С. 5 – 43.
7. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия АН. Серия литературы и языка, 2001. – С. 67 – 78.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / ed. by R. A. Dutch. London: Penguin Books, 1966. – 720 p.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
11. Кибрик А. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 276 – 339.
12. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 23 – 33.
13. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.
14. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: монография. Харьков: Экограф, 2005. – 300 с.
15. Rice L. Summer Light. New York: Bantam Books, 2001. – 372 p.
16. Brainy Quote [Electronic resource]. <http://www.brainyquote.com>. (2012, March 17).
17. British National Corpus [Electronic resource]. <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
18. Maugham W. S. Theatre. М.: Издательство «Менеджер», 1998. – 304 с.
19. Dahl R. My Lady Love, My Dove. М.: Цитадель, 2001. – 208 с.
20. Austen J. Pride and Prejudice. London: Penguin Popular Classics, 1994. – 304 p.
21. Du Maurier D. Rebecca. М.: Издательство «Менеджер», 2004. – 416 с.
22. Conan Doyle A. The Lost World. Спб.: «Химера», 2001. – 288 с.
23. Boyer P. J. The Right to Choose. The New Yorker, 2005. November 14. – P. 52 – 61.

24. Rice B. The Specs in the Sky. *The New Yorker*, 2001. December 24. – P. 98 – 117.
25. The Free Library. [Electronic resource]. <http://www.thefreelibrary.com>. (2012, May).
26. Lescroart J. *The First Law*. New York: A Signet Book, 2004. – 430 p.
27. Taylor E. Thug Lives. *LA Weekly*. 2011. February 24. – P. 98.
28. Answers. <http://www.answers.com>. (2012, March 17).
29. Marie Claire. January, 2011. – 274 p.
30. Sheldon S. *The Stars Shine Down*. Glasgow: HarpercollinsPublisher, 1993. – 448 p.
31. Think Exist. [Electronic resource]. <http://thinkexist.com>. 2012, January.
32. Quotations Page. [Electronic resource]. <http://quotationspage.com>. 2012. March 17.

THE ETHICAL (MORAL) CONCEPT “DEVOTION”: ACTUALIZATION IN THE SPEECH (ON THE ENGLISH LANGUAGE MATERIAL)

Y. A. Kuptsova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
kuptsova@bsu.edu.ru*

The article analyses the peculiarities of the actualization of linguistic signs-representers of the concept «devotion» in the modern English language as well as the various definitions of the terms «the concept» and «the discourse» in modern linguistics. Different situations of devotion are examined, in which the current state of affairs corresponds to the ethical norm. Different spheres of devotion are distinguished: personal, professional, political and religious. The research reveals that lexical items, functioning in the description of devotion, are used discriminately.

Keywords: ethical (moral) concept, devotion, discourse, the situation, lexical items, devotion, loyalty, faithfulness, fidelity.

УДК 81-23

„...IM ANFANG WAR DIE TAT!“ – СЕГМЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, ОБЪЕКТИВИРУЕМОЙ ЛЕКСЕМОЙ «TAT», В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ГЁТЕ

Т. А. Нойгебауер

*Гимназия
им. Джека Штайнбергера,
г. Бад Киссинген, Германия*

*e-mail:
TatianaVlasova@gmx.de*

В статье на основе наблюдений над употреблением лексемы „Tat“, объективирующей соответствующий концепт, демонстрируется своеобразие этого употребления на основе контекстуального анализа и раскрываются многие стороны богатой картины мира автора. Концептуальное пространство данного художественного концепта, как важная часть мировоззрения Гете и его интерпретация, представлены как структура, состоящая из определенных сегментов и признаков.

Ключевые слова: концепт, лексема, концептуальные признаки, когнитивная лингвистика, дело, Гёте, концептосфера, языковая картина мира, философское мировоззрение, концептуальная система, структура, сегмент, метазначение, метаметазначение, пространство, текст.

В данной статье рассматриваются наиболее типичные для индивидуально-авторской картины мира И. В. Гёте признаки разного уровня абстракции концепта «Tat», часто пересекающиеся с признаками других концептов, образующих триаду - «Tat», «Wort», «Sinn». Слово «Tat» служит основным средством вербализации многих признаков этого концепта в творчестве немецкого писателя. Контекстуальный анализ слова «Tat» позволяет показать, какие типичные языковые средства вербализуют признаки данного концепта и служат типичными средствами построения художественной и философской картины мира И. В. Гёте.

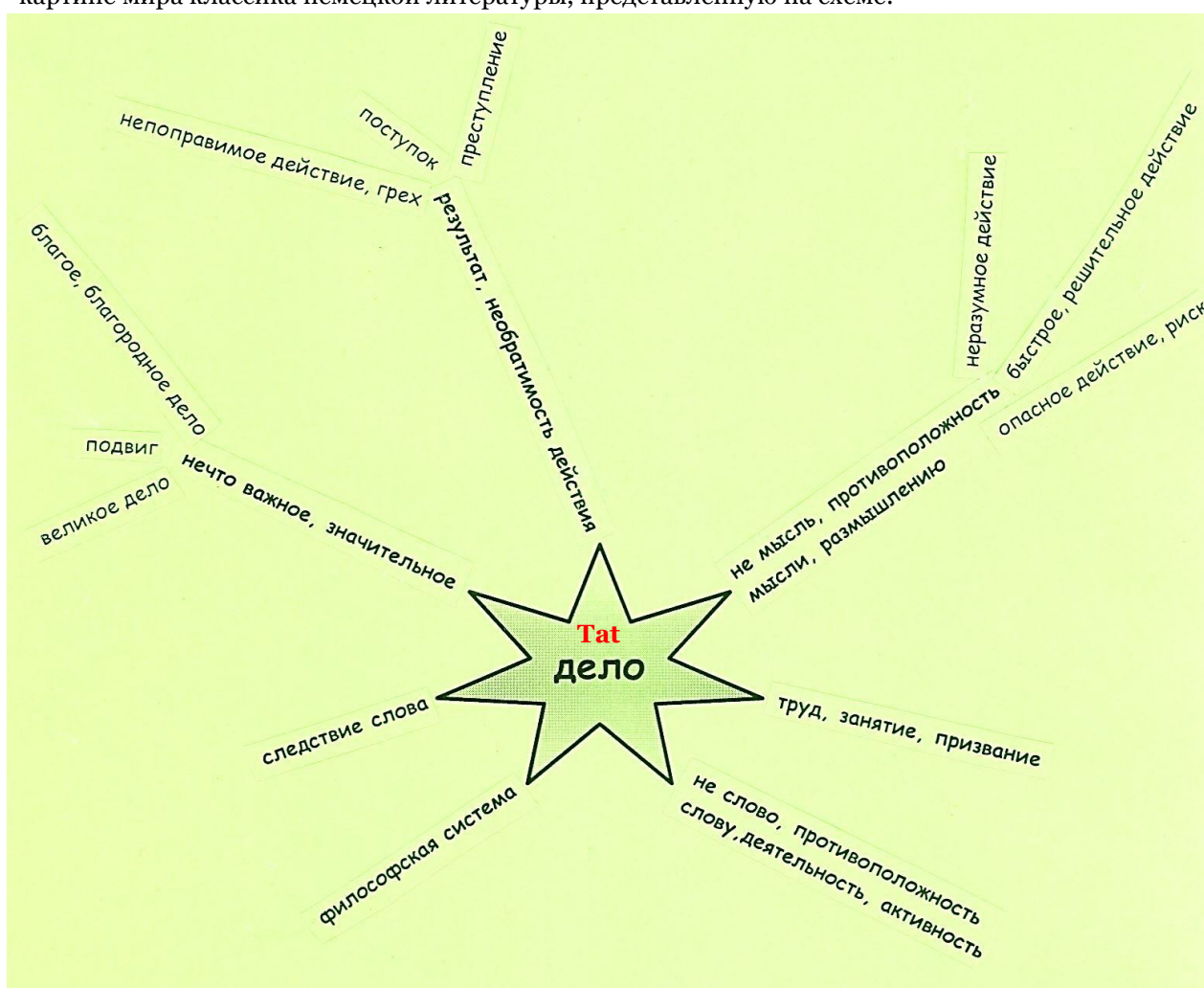
В знаменитом монологе Фауста - его заочном споре с евангелистом Иоанном, – который начинается со слов: «Im Anfang war das Wort» («В начале было Слово»), И. В. Гёте показывает, как связаны смыслы, т.е. признаки концептуальных пространств, вербализуемые лексическими единицами «Wort», «Sinn», «Tat».

Geschrieben steht: ‚Im Anfang war das **Wort!**‘
Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort?
Ich kann das **Wort** so hoch unmöglich schätzen,
Ich muss es anders übersetzen.
Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin.
Geschrieben steht: Im Anfang war der **Sinn**.
Bedenke wohl die erste Zeile,
Dass deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der **Sinn**, der alles wirkt und schafft?
Es sollte stehn: Im Anfang war die **Kraft!**
Doch auch indem ich dieses niederschreibe,
Schon warnt mich was, dass ich dabei nicht bleibe.
Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat
Und schreibe getrost: Im Anfang war die **Tat!** (Faust I).

«В начале было Слово». С первых строк
Загадка: так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было дело» – стих гласит (Фауст. Пер. Б. Пастернака).

Начав со *слова*, отдав ему предпочтение, Гёте устами Фауста тут же говорит: «Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen» (Я так высоко не ставлю *слово*). И сразу же восклицает: «Im Anfang war der Sinn» (В начале *мысль* была), т.е. *мысль* он ставит выше *слова*. Но и её он не кладет в основу мироздания, а помещает над *словом*, как нечто более значимое. Отклонив *силу*, которая является лишь условием успешной деятельности, он восклицает: «Im Anfang war die Tat» (В начале было *дело*). Суть содержания этого монолога состоит как в ранжировании смыслов понятий, вербализуемых соответствующими лексемами, по степени их значимости, что до сих пор составляет объект философских споров и дискуссий, так и в показе их внутренней взаимосвязи. Этот факт отмечался и раньше [1, с. 65].

Структура концепта, основным средством вербализации которого в произведениях И. В. Гёте разных жанров является слово «Tat», не рассматривалась в трудах когнитивного направления лингвистики. Представленные в данной статье результаты проведенного нами исследования отражают проявления индивидуально-авторской интерпретации мира в художественном тексте. Изучение контекстных реализаций значения лексической единицы «Tat» в творчестве И. В. Гёте позволило нам смоделировать структуру соответствующего концепта в картине мира классика немецкой литературы, представленную на схеме:

Лексема «Tat» используется в избранных для анализа произведениях И. В. Гёте 54 раза. Рассматриваемый концепт вербализуется в картине мира писателя не только этой лексической единицей, но и ее синонимами, перифразами, афористическими средствами, в том числе и словами «Wort», «Sinn», объективирующими отдельные признаки или целые сегменты концепта «Tat», пересекающиеся с признаками сегментов концептов «Wort» и «Sinn».

Концепт «Tat», основное содержание которого репрезентируется в индивидуально-авторской концептосфере И. В. Гёте словом «Tat», имеет сложное строение. Это семь представленных на схеме сегментов, которые включают в свой состав концептуальные признаки более

низкого уровня абстракции. Представления более высокого уровня абстракции, отражаемые значениями лексемы «Tat» в контексте, мы называем сегментами концепта: «нечто важное, значительное»; «результат, необратимость действия»; «не мысль, противоположность мысли, размышлению»; «труд, занятие, призвание»; «не слово, противоположность слову, деятельность, активность»; «следствие слова» и «философская система», а представления более низкого уровня абстракции – признаками концепта.

Рассмотрим вербализацию вышеперечисленных сегментов и некоторых признаков концептуального пространства «Tat» на конкретных примерах из «Фауста», лирики и прозы И. В. Гёте.

1. Нечто важное, значительное

В приведенном в начале статьи отрывке Фауст, который восклицает: «Im Anfang war die Tat!» («В начале было Дело»), демонстрирует свое стремление к деятельности: «Die Tat ist alles...». Однако и для И. В. Гёте непрерывная деятельность была смыслом жизни, а деятельностное существование – условием жизни, о чем свидетельствует такой сегмент вербализуемого словом «Tat» концепта «дело», как «нечто очень важное, значительное».

В кантовском учении «человек – творец мира, в котором он живет» [2]. Эта позиция близка и И. В. Гёте. Дело, деятельность для Гёте в его мировоззренческой системе, в частности, в его гносеологии представлено с положительным знаком: «теория и опыт противостоят друг другу в постоянном конфликте», причем «всякое соединение в рефлексии является просто иллюзией, соединить их может только деятельность» [3, с. 325]. По мнению А. Аникста, «красота и величие героев Гёте в осознанном стремлении свободно, раскованно и деятельно утвердить своей жизнью высшие идеалы человечности» [4, с. 6]. Значение слова «Tat» в произведениях великого автора может в определенном окружении приобретать новые семантические оттенки, отражающие содержание концепта, объективируемого словом. Это новое содержание закрепляет метазначение слова. Так, в примере:

*Damit die Wohltat allen gleich gedeihe,
So stempelten wir gleich die ganze Reihe,
Zehn, Dreißig, Fünfzig, Hundert sind parat (Faust II).*

*Чтоб сделать дело доброе мгновенным,
Мы отпечатали по разным ценам*

Билеты казначейские в дукат,

А также в десять, тридцать, пятьдесят (Пер. Б.Пастернака)

первый элемент детерминативного композита «Wohl-» формирует в нем метазначение «благое, благородное дело».

В другом примере:

Er hatte ihrem Sohn, der als Soldat sich sehr brav gehalten, ein Ehrenzeichen verschafft, indem er dessen Tat, wobei er allein gegenwärtig gewesen, heraus hob, mit Eifer bis vor den Feldherrn brachte und die Hindernisse einiger Mißwollenden überwand (Wahlverwandschaften).

Эдуард выхлопотал знак отличия ее сыну-солдату, проявившему в бою большую храбрость; он сделал известным его подвиг, которому был единственным свидетелем, и сообщил о нем самому полководцу, преодолев препятствия, чинимые некоторыми недоброжелателями. (Избирательное сродство. Пер. А. Федорова).

широкий контекст ситуации (описание военной службы), а также положительные оттенки значений слов «brav», «Ehrenzeichen», «Eifer», «herausheben» и «Hindernisse überwinden» являются разрешающим контекстом для формирования метазначения «подвиг», отражающего соответствующий признак концепта «Tat».

В последующем примере оттенок возвышенности «великое дело» привносит в значение слова «Tat» широкий контекст предложения и возвышенная семантика существительных (die) «Edelsten» и «Größten», образованных от прилагательных в превосходной степени, и наречия «halbgöttlich». Они осложняют первичное значение лексемы «Tat» семой «великий» и формируют метазначение «великое дело»:

So wirst du mir denn doch gestehn:

Du hast die Größten deiner Zeit gesehn,

Dem Edelsten in Taten nachgestrebt,

Halbgöttlich ernst die Tage durchgelebt (Faust II).

Но согласишься: ты жил со всеми,

Которых выдвинуло время,

И прожил жизнь, как полубог (Пер. Б.Пастернака).

2. Результат, необратимость действия

Слово «Tat» вербализует содержание такого сегмента одноименного концепта, как «результат, необратимость действия», выражаемое в контексте как значение высокой степени абстракции (метаметазначение) слова «Tat». Цитата И. В. Гёте о связи деятельности и результата, дела и жизни: «... очевидно, – сказал однажды Гёте, – что в жизни все дело в жизни, а не в ее результате» [5, с. 21], иллюстрирует принцип дополнительности, которым пронизано все мировоззрение И. В. Гёте.

В следующем примере семантика результативности глагола «vollbringen» имеет разрешающую функцию в формировании у слова «Tat» метазначения «непоправимое действие, грех», которое реализуется на основе описания картины самоубийства в широком контексте и отражает соответствующий концептуальный признак:

*Aus dem Blut auf der Lehne des Sessels konnte man schließen, er habe sitzend vor dem Schreibtische die **Tat** vollbracht, dann ist er heruntergesunken, hat sich konvulsivisch um den Stuhl herumgewälzt (Die Leiden des jungen Werthers).*

Судя по тому, что на спинке кресла была кровь, стрелял он, сидя за столом, а потом соскользнул на пол и бился в судорогах возле кресла. (Страдания юного Вертера. Пер. Н. Касаткиной).

Положительная семантика наречия «fruchtbar» и ряд нетривиальных эпитетов «raschgewandt, geistreich und sicherstellig» в комбинации с широким контекстом (известие о смерти Ф. Шиллера и значимость его личности и его творчества для И. В. Гёте) позволяют выразить с помощью слова «Tat» такой смысл рассматриваемого сегмента концепта «Tat», как «поступок». В этом метазначении лексемы «Tat» сема результативности действия формируется благодаря перфектным формам глаголов «erzeugt», «erfahren» и «genossen» с положительной семантикой:

*Bald raschgewandt, geistreich und sicherstellig
Der Lebensplane tiefen Sinn erzeugt
Und fruchtbar sich in Rat und **Tat** ergossen;
Das haben wir erfahren und genossen (Epilog zu Schillers Glocke).*

*То быстро, словом властвуя послушным,
Всей жизни план развертывал друзьям,
В советах плодотворно изливаясь:*

Все это мы узнали, наслаждаясь. (Эпилог к Шиллеру «Колоколу». Пер. С. Соловьева).

В примере ниже семантика фразеологического оборота «eine Tat begehen» достаточна для спецификации значения слова «Tat» как «преступление»:

*Er eilte nach Wahlheim zu, jede Erinnerung ward ihm lebendig, und er zweifelte nicht einen Augenblick, daß jener Mensch die **Tat** begangen, den er so manchmal gesprochen, der ihm so wert geworden war (Die Leiden des jungen Werthers).*

Он поспешил в Вальхейм, воспоминания оживали перед ним, он ни минуты не сомневался, что убийство совершил тот самый парень, который не раз беседовал с ним и так стал ему близок. (Страдания юного Вертера. Пер. Н. Касаткиной).

Этот смысл, объективируемый словом «Tat», также входит в сегмент «результат, необратимость действия» концепта «Tat» («дело»).

3. Не мысль, противоположность мысли, размышлению

Оборот «мысли расходятся с делом» для Гёте верх бессмыслицы [5, с. 135], в связи с чем, в том числе и в «Фаусте», И. В. Гёте подвергает острой критике бездумные действия, что находит свое яркое отражение в примере:

*So oft auch **Tat** sich grimmig selbst gescholten,
Bleibt doch das Volk selbstwillig wie zuvor (Faust II).*

*Хоть люди платятся своей же шкурой,
Умней не делаются самодуры.*

Как я Париса предостерегал... (Пер. Б. Пастернака).

Негативная семантика глагола «schelten» и наречия «grimmig» в узком контексте порождает новый смысл «неразумное действие».

В следующем примере единственным оправданием необдуманности действия (это значение слова «Tat» формируется за счет минимального контекста – эпитета «schnell») является направленность действия на благо других – «zu anderer Heil». Широкий контекст предложения

позволяет показать, какой признак концепта объективируется словом «Tat»: «быстрое, решительное действие»:

*Entschluß und schnelle **Tat** zu andrer Heil,
Den Boreaden ward's zum schönsten Teil* (Faust II).

*Решимость с остротою взгляда
Соединяли Бореады* (Пер. Б. Пастернака).

Этот признак конкретизирует сегмент «не мысль, противоположность мысли, размышлению» в структуре концепта «Tat».

Наоборот, стяжательство (этот смысл выражен императивным предложением «Verflucht sei Mammon») и образность сочетания «zu müßigem Ergetzen» не оправдывают бездумное действие. В контексте эти языковые средства нейтрализуют положительные коннотации прилагательного «kühn» в функции определения к слову «Tat», образуя метазначение «опасное действие, риск»:

*Verflucht sei Mammon, wenn mit Schätzen
Er uns zu kühnen **Taten** regt,
Wenn er zu müßigem Ergetzen
Die Polster uns zurechte legt!* (Faust I).

*Кляню Маммона, власть наживы,
Растлившей в мире все кругом,
Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!* (Пер. Б. Пастернака).

Последние два примера наглядно иллюстрируют значимость широкого контекста в формировании значений слов, отражающих те или иные признаки концепта «Tat».

4. Труд, занятие, призвание

В картине мира И.В. Гёте познание тесно связано с деятельностью, в частности, он говорил: «Как можно самого себя познавать? Отнюдь не созерцанием, а только действием. Попробуй исполнить свой долг – тотчас себя познаешь. Но что, в сущности, твой долг? Требование дня» [5, с. 136]. Таким образом, «дело» по Гёте – это «труд, занятие, призвание»:

*Mitnichten! dieser Erdenkreis
Gewährt noch Raum zu großen **Taten*** (Faust II).

*О нет! Широкий мир земной
Еще достаточен для дела* (Пер. Б. Пастернака).

Из примера видно, что положительная коннотация слова «Tat» формируется за счет семантики прилагательного «groß» в минимальном контексте, однако метазначение «труд, занятие, призвание» возникает на основе широкого контекста с семой аподиктичности, а именно: фаустовского желания реализовать себя в труде, направленном на благо большого количества людей.

5. Не слово, противоположность слову, деятельность, активность

Дело, по мнению Гёте, формирует характер, в то время как пустые слова ничего не значат, легко могут быть обесценены: «Es ist besser, zu tun, als zu reden» (Лучше действовать, чем говорить (перевод автора)), – заявляет он в своем очерке «Italienische Reise». Отсюда и вытекает оппозиция смыслов «слово – дело». Кругом избранников И. В. Гёте называет «людей ищущих, творчески и деятельно плодотворных» [4, с. 474], как например, в сентенции поучительного характера:

*«Лишь плодотворное ценит! -
Не уставай пытливым оком
Следить за зяждущим потоком,
к земным избранникам примкни».*

В его творчестве эта позиция отражена в метазначении лексемы «Tat» «не слово, противоположность слову, деятельность, активность», которая, приобретая это содержание, объективирует соответствующий сегмент концепта.

Разрешающий контекст глагола с двумя дополнениями «beweisen (Akk.) durch (Akk.)» ведет к формированию у слова «Tat» метазначения «не слово, противоположность слову, деятельность, активность», поддерживаемого контекстом ситуации:

*Doch ward sie in dieser Zeit mehr gedrängt, Ernst zu machen; es schwieg ihr Mann ganz über dies Verhältnis, wie sie auch immer darüber geschwiegen hatte, und um so mehr war ihr angelegen, ihm durch die **Tat** zu beweisen, wie ihre Gesinnungen der seinigen wert seien* (Die Leiden des jungen Werthers).

Однако обстоятельства все настойчивее требовали от нее решительных действий; правда, муж брал пример с нее и не затрагивал этого вопроса, но тем важнее было ей на деле доказать, что своими помыслами она достойна его (Страдания юного Вертера. Пер. Н. Касаткиной).

6. Следствие слова

В следующем примере контекст всего произведения – а именно, диалог Альберта и Вертера о самоубийстве, оправдание Вертером самоубийства и, в конечном итоге, исполнение намерения в конце произведения – позволяет слову «Tat» выразить метаметазначение «следствие слова»:

*Dieser, wie er einen entschiedenen Widerwillen gegen die **Tat** empfand, hatte auch gar oft mit einer Art von Empfindlichkeit, die sonst ganz außer seinem Charakter lag, zu erkennen gegeben, daß er an dem Ernst eines solchen Vorsatzes sehr zu zweifeln Ursach' finde, er hatte sich sogar darüber einigen Scherz erlaubt und seinen Unglauben Lotten mitgeteilt* (Die Leiden des jungen Werthers).

Альберт был ярким противником такого конца и с раздражением, несвойственным его натуре, утверждал не раз, что имеет веские причины сомневаться в серьезности подобного намерения; он даже отпускал по этому поводу шутки и внушил свое неверие Лотте (Страдания юного Вертера. Пер. Н. Касаткиной).

Данный признак концепта, объективируемый лексемой «Tat», показывает, что определенный поступок может быть вызван словом, рассматриваться как его следствие, что подтверждает выше приведенный пример. В отличие от индивидуально-авторского, Гётевского видения мира, в национальной языковой картине мира этот признак концепта не вербализуется словом «Tat».

7. Философская система

Суть вербализуемого лексемой «Tat» со значением «философская система» признака, образующего сегмент концепта, состоит в утверждении главенства «дела». Здесь формируется и фиксируется в афористичной форме одна из основных идейных вершин «Фауста», уже рассматривавшаяся в начале статьи:

*Mir hilft der Geist! Auf einmal seh' ich Rath
Und schreibe getrost: im Anfang war die **Tat!*** (Faust I).

Но свет блеснул — и выход вижу смело,

Могу писать: «В начале было Дело!» (Пер. Н. А. Холодковского).

Таким образом, для И. В. Гёте дело значимо и ранжируется над словом и мыслью, находясь с данными авторскими концептуальными пространствами в оппозиции. Возможно, как пишет Геро фон Вильперт [6, с. 1049], из-за этой высокой оценки *дела* отмечается восхищение Гёте такими историческими фигурами, как Наполеон, и по этой же причине в основе сюжета его романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» лежит практическая направленность профессии как конечная цель странствий. Однако И. В. Гёте предостерегает и от слепого акционизма, заявляя в «Maximen und Reflexionen», что «Tätigkeit, von welcher Art sie sei, macht zuletzt bankrott» [7, с. 900] (Деятельность, какого бы рода она не была, в конце концов, приводит к банкротству (перевод автора)). Эта характеристика концептуального пространства «Tat» подтверждается многократным употреблением слова «Tat» в значении «не мысль, противоположность мысли». Соответствующие признаки, структурирующие этот сегмент концепта, уточняются на семантическом уровне через производные значения слова «Tat» «неразумное действие» и «опасное действие, риск».

Как видно, дело для автора ценно тогда, когда оно разумно, целенаправленно и его результатом является труд на благо других людей. В целом И. В. Гёте согласен с довольно распространенным в XVIII веке в Германии положением о том, что разумная деятельность является смыслом жизни и предназначением человека. Он подтверждает это в отрывке из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера», говоря, что «Wetteifernde Tätigkeit ist das einzige Mittel, mit dem sich der Mensch gegen das Unendliche zu helfen weiß» [8]. (Деятельность – единственное средство противостоять бесконечности (перевод автора)).

И. В. Гёте, как известно, был приверженцем пантеистического учения, распространенного в новоевропейской культуре, поэтому для его творчества была характерна сакрализация

природы, придание ей божественного статуса. Мы и природа, единство Духа и Природы - философское кредо И. В. Гёте. Пантеистические идеи связывались с законом, высшим Разумом, необходимостью. Иными словами, первофеномены И. В. Гёте носят телеологически-разумный характер. А тот факт, что первоначалом бытия было деяние («дело»), мы узнаем, прежде всего, из его «Фауста». Здесь автор и протагонист находят единство духа и материи.

Список литературы

1. Васильева Г. М. К истории «Замысла о Фаусте» А. С. Пушкина // Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 64 – 69.
2. <http://www.di-mat.ru/node/13>
3. Гёте И.В. Фауст, перевод Б.Пастернака. – М., 1957.
4. Аникст А.А. Творческий путь Гёте. М.: Худож. лит., 1986.
5. Свасьян К.А. Философское мировоззрение Гёте. – М.: evidentis, 2001.
6. Wilpert G. Goethe-Lexikon. – Stuttgart: Kröner, 1998.
7. Dobel R. Das Lexikon der Goethe-Zitate. - Düsseldorf: Albatros, 2002.
8. <http://gutenberg.spiegel.de/buch/3669/4>

„IM ANFANG WAR DIE TAT!“ – SEGMENTS OF THE CONCEPTUAL SPACE, REPRESENTED BY THE LEXICAL UNIT «TAT», IN GOETHE'S WORKS

T. A. Neugebauer

*Gymnasium named
Jack Steinberger,
Bad Kissingen, Germany*

*e-mail:
TatianaVlasova@gmx.de*

The article shows, on the basis of the research of the lexeme use representing the concept „Tat“, the originality of this use and some parts of Goethe’s world view. The conceptual space of this cultural concept is given as an important part of Goethe’s philosophical outlook and its interpretation is presented as a structure consisting certain segments and its attributes.

Keywords: concept, lexeme, conceptual signs, cognitive linguistics, deed, Goethe, conceptual sphere, world language picture, philosophical outlook, conceptual system, structure, segment, metameaning, metametameaning, space, text.

УДК 811.111'42=133.1=161.1

НЕПРОЗРАЧНОСТЬ АЛЛЮЗИИ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ [на материале английского и французского языков]

В. А. Нуриев*Институт языкознания
РАН, г. Москва**e-mail:
nurieff.v@gmail.com*

В статье рассматриваются разные определения аллюзии, и предпринимается попытка расширить границы текстового бытования аллюзии, включив в сферу ее влияния тексты смешанной семиотической природы, такие как песни и фильмы. Также приводятся случаи когнитивных неудач, когда аллюзия для читателя остается непрозрачной.

Ключевые слова: аллюзия, когнитивная неудача, песня, кинофильм, художественный текст.

1. Аллюзия и ее определение

Последние несколько десятилетий означились повышенным вниманием исследователя к феномену интертекстуальности во всем многообразии форм его проявления (см., например, [10; 14; 16; 18; 20]). Одной из таких форм является аллюзия, которая, видимо, становится неотъемлемой чертой современного текста. Текстовое произведение превращается в продукт первичной и вторичной цитации – совокупность интертекстуальных отсылок.

Приведем несколько определений аллюзии и уточним, что подразумевается под этим понятием-термином. К. Перри утверждает, что аллюзия является эксплицитной или имплицитной отсылкой к другому тексту и характеризуется «достаточной прозрачностью», что позволяет читателю распознать и понять ее [17, с. 290]. Е. Майнер пишет: аллюзия возникает, когда в произведение произвольно вводятся узнаваемые элементы, заимствованные из другого литературного источника [15, с. 38 – 39]. Сходное определение – у Р. Олтера [11]. З. Бен-Порат использует несколько отличную терминологическую базу и представляет аллюзию как встроенный направленный сигнал или маркер, устойчиво воспринимаемый в качестве элемента/кода, принадлежащего другому, независимому от данного тексту [13, с. 108]. Сближает приведенные определения то, что аллюзия в них рассматривается применительно к литературным произведениям. Однако не является ли ошибочным такое ограничение сферы бытования аллюзии? Попробуем расширить понятийное наполнение и взять в качестве референта не только элемент/код традиционно существующего в письменной форме текста, но фрагмент, представляющий собой некое культурное событие, которое также может быть узнаваемо и характеризоваться «определенной прозрачностью» при превращенной, текстовой, интеграции в некое произведение.

В этой связи аллюзия обозначается уже как риторическая фигура, «отсылающая» читателя к некоему обще- или широко известному культурному событию или литературному произведению. Что касается самого текста, его тоже можно рассматривать в широком смысле, принимая во внимание не только тексты художественные, публицистические и т. д., которые, как правило, служат речевым материалом для подобных исследований (см., например, [6; 10]), но и, допустим, песню или кинофильм, т. е. произведения более сложной семиотической природы. Мы, в свою очередь, сосредоточим внимание именно на них.

2. Аллюзия и текст песни

Ярким примером присутствия аллюзии в песенном тексте представляется англоязычный «*American Pie*» («Американский пирог») Дона Маклина, записанный в 1971 г. и перезаписанный в 2000 г. Мадонной. В структурном отношении «*American Pie*» можно назвать гипертекстом, где каждая часть отсылает слушателя к определенному персонажу или событию из истории музыкальной культуры и общественной жизни США 1950-1970 гг. Приведем несколько отрывков, в анализе и переводе которых будем преимущественно руководствоваться мнением самого известного русскоязычного интерпретатора песни А. Птицы [8].

Куплет 1

*A long, long time ago...**I can still remember how**That music used to make me smile.*

*And I knew if I had my chance,
That I could make those people dance,
And maybe they'd be happy for a while.
But February made me shiver,
With every paper I'd deliver,
Bad news on the doorstep...
I couldn't take one more step.
I can't remember if I cried
When I read about his widowed bride.
But something touched me deep inside
The day the music died.*

Начиная с первого куплета, через песню проходит сквозная аллюзия на одного из основателей движения рок-н-ролл, певца и композитора Бадди Холли, погибшего 3 февраля 1959 г. (в авиакатастрофе с ним погибли Ричи Валенс и Биг Боппер): «*But February made me shiver, With every paper I'd deliver*» / «Но в феврале меня бросало в дрожь от каждой газеты, которую я доставлял». «*Bad news on the doorstep... I couldn't take one more step*». / «Плохие новости на пороге... Я не мог идти дальше» (в то время Маклин работал разносчиком почты). «*I can't remember if I cried When I read about his widowed bride*». / «Не могу припомнить, плакал ли я, когда читал о его "овдовевшей" невесте» (речь о невесте Бадди Холли). «*But something touched me deep inside The day the music died*». / «Но что-то меня глубоко тронуло в тот день, когда музыка умерла» (3 февраля 1959 г.).

Припев

*So... Bye-bye, Miss American Pie.
Drove my Chevy to the levee but the levee was dry.
Them good old boys were drinking whiskey and rye
Singing «This'll be the day that I die,
This'll be the day that I die».*

«Прощай, Мисс Американский пирог. Я пригнал свой шевроле к берегу, но берег обмелел. Они, настоящие мужики, пили виски и ржаную водку, напевая: "Это будет день, когда я умру."». В 1950-1960 гг. словосочетание *American pie* часто использовалось для обозначения рок-н-ролла. С другой стороны, *American pie* можно толковать как метафору, охватывающую все типы (слои) американской музыки. За обозначением также скрывается аллюзия на яблочный пирог – символ традиционных американских ценностей. *Miss American Pie*, таким образом, становится их олицетворением, а высказывание *Bye-bye, Miss American Pie* означает их утрату. К тому же, «*That'll be the day*» – одна из самых известных песен Бадди Холли. В ее припеве есть строка – *That'll be the day that I die*. *Chevy* – Шевроле, символ патриотизма в 1950 гг., атрибут принадлежности к среднему классу. Путешествие может традиционно интерпретироваться как жизнь. Исчезновение воды (*the levee was dry* – берег обмелел, высох) символизирует то, что путешествие длиною в жизнь закончено либо утратило смысл. *The Levee* – еще и название бара в New Rochelle, New York, где Маклин представляет себя и своих друзей оплакивающими смерть Бадди Холли. Следующая строка, следовательно, приобретает иное прочтение: не *whiskey and rye*, а *whiskey in rye*. В *Rye* Дон часто ездил с приятелями после закрытия *The Levee*.

До конца текст сохраняет свою аллюзивную плотность (подробнее см. [7; 8]).

Другим примером становится песня «*Blonde on Blonde*» / «Блондинка на блондинке» группы *Nada Surf* (Нада Сёрф) с альбома «*Let Go*» (2002):

*Cats and dogs are coming down
14th Street is gonna drown
Everyone else rushing round*

*I've got «Blonde on Blonde»
On my portable stereo
It's a lullaby
From a giant golden radio*

*I've got no time I wanna lose
To people with something to prove*

*What can you do but let them talk
And make your way down the block*

*I've got «Blonde on Blonde»
On my portable stereo
It's a lullaby
From a giant golden radio
It's a lullaby
From wonder-woman's radio*

«Ливень кончается. 14-я улица залита водой. Все разбегаются кто куда. У меня в плеере – «Blonde on Blonde». Колыбельная из золотого фонда радио. У меня совсем нет времени, чтобы что-то кому-то доказывать. Ну, что ты можешь сделать, пусть себе болтают, а ты иди своей дорогой вниз по кварталу». Далее повторяются слова припева, однако одна строка видоизменяется – *From wonder-woman's radio*, где окказиональным синонимом *giant golden radio* выступает *wonder-woman's radio*.

Поступательное развитие текста нарушается внедрением «непроницаемого» словосочетания «Blonde on Blonde», для расшифровки которого требуется некоторое пресуппозиционное знание. В 1966 г. музыкант и певец Боб Дилан выпускает свой седьмой альбом – «Blonde on Blonde», ставший первым двойным альбомом в истории рок-музыки. Заглавный трек – песня «Rainy Day Women» / «Женщины дождливых дней». Очевидно, отсюда и *wonder-woman's radio* / радио необыкновенных женщин. Заметим, что данная аллюзия остается «смыслонепроницаемой» для иноязычной аудитории (в частности, для русской) даже если ее слушает представитель целевой группы (потенциальный реципиент песни – молодой человек от 16 до 45 лет). «Смыслонепроницаемость» доказывается двуступенчатым экспериментом с участием студентов 3-5 курсов на переводческом отделении в одном из московских государственных ВУЗов. В первом этапе эксперимента были задействованы студенты, начинающие изучать теорию и практику перевода. В рамках одной из промежуточных контрольных работ в заключительном задании им предлагалось перевести вышеуказанный текст песни, включая заглавие (если это необходимо), в форме буквального подстрочника. Практически все участники (16 из 18) попытались перевести заголовок, не реагируя на скрытую прецедентность текста (полученные варианты – «Блондинка в солнечном свете», «Блондинка на блондинке», «Блондинка к блондинке» и др.). Лишь двое оставили название без перевода, мотивируя (как свидетельствуют следующие метапереводческие комментарии) это тем, что в данном тексте название является результатом вторичной цитации. Второй этап эксперимента проводился с участием студентов, завершающих свое обучение по специальности «переводчик». Условия протекания экспериментальной ситуации были изменены: сначала предьявлялась песня в аудиоформате, затем студенты получали в качестве домашней работы задание «перевести текст песни, включая заголовок (если это необходимо)». Этот этап эксперимента дал совершенно иной результат – 7 человек из 8 не стали переводить заголовок, распознав аллюзию и решив сохранить цитацию. Однако весьма показательно, что ни один студент изначально не обладал необходимым пресуппозиционным знанием, их переводческое решение (не переводить заголовок) явилось результатом целого ряда логико-гипотетических построений, мысленных экспериментов по восстановлению ситуации возможного восприятия перевода песни в материнской и в русскоязычной среде.

Сложная цепочка аллюзий наблюдается в тексте песни известного французского певца Жан-Жака Гольдмана «Américain» («Американец»). Композиция вышла в альбоме «Positif» 1984 г. под двойным, англо-французским названием «Long Is the Road (Américain)». Двойная номинация объясняется особым вниманием французской поп-культуры к англоязычной (в первую очередь, американской) эстраде в 1980 гг. Впоследствии «Long Is the Road» была признана одной из самых успешных песен 1980 гг. во Франции. Приведем исходный текст:

*Au-delà de nos vents, passée notre frontière
Dans ces pays soleil de sable et de pierre
Là où malgré les croix et malgré les prières
Les dieux ont oublié ces maudites terres*

«За нашими ветрами, за нашей границей, в этих солнечных странах песка и камня, там, где, несмотря на кресты и молитвы, боги оставили эти проклятые земли». Первый куплет намечает пространственную локализацию, обозначая ее лишь пунктирно, как это обычно и свойственно интродукции.

Dans sa pauvre valise, ses maigres affaires

*Une histoire banale d'homme et de misère
Il tient dans sa chemise ses ultimes richesses
Ses deux bras courageux, sa rude jeunesse
Et tout contre sa peau comme un trésor inca
Son nom sur un visa pour les USA*

Второй куплет вводит в повествование героя. «У него в потрепанном чемодане – скудные пожитки. Обычная история человека и нищеты. Под рубашкой – последние богатства: трудолюбивые руки и ретивая молодость. И за пазухой, у самого сердца – как сокровище инков – его имя на визе в США». Текст построен по принципу нагнетания значимых признаков, их аккумуляция служит основой для конструкции базового образа песни – человека-бедняка, решившего покинуть Европу и отправиться в Новый Свет попытаться счастья.

*But long is the road
Hard is the way
Heavy my load
But deep is my faith
Long is the road*

«Но долгод путь. Тяжеск он. Тяжела моя ноша, но глубока моя вера. Долог путь». Певец направлен на усиление «американского субстрата» в тексте, он всецело выполнен на английском языке, а по форме напоминает госпел.

*Sur des highways sixty one, l'ombre d'un Zimmermann
Dix trains de losers pour un Rockfeller
Brûler sa peau pour être un Battling Joe
Quand chaque espoir se décline en dollars
Jusqu'aux bannières où les stars s'affichent
Sous les lumières, tout est blanc, propre et riche
Du «jeudi noir» jusqu'aux bleus de John Ford
Dans chaque histoire se cache un chercheur d'or*

Третий куплет строится как наложение ряда прецедентных текстов – имен собственных и прочих номинаций – связанных с символическим опредмечиванием американской мечты (о прецедентных текстах см. [9]). «На шоссе №61 тень Циммермана». В 1960 г. американец из провинции Роберт Циммерман, увлекавшийся Диланом Томасом, решает сменить имя и становится Бобом Диланом. Он едет в Нью-Йорк и к концу 1961 г. становится знаменитостью. Автострада №61 протянулась от Нового Орлеана до канадской границы через родной город Боба Дилана Дулут, став своеобразным символом свободы и независимости. Позже название автострады войдет в наименование шестого альбома певца («*Highway 61 Revisited*»).

«На десять поездов, заполненных неудачниками, один Рокфеллер». Еще одно прецедентное имя, непосредственно связанное с формированием понятия американской мечты: Рокфеллер – сын фермера, ставший нефтяным магнатом.

«Свернуть себе шею и стать Джо Колошмякой (*Battling Joe*), если каждая надежда (на будущее – В.Н.) сводится к деньгам». Текст отсылает к одноименной песне 1945 г. в исполнении Ива Монтана, где говорится о парне из шахтерской деревни, который хорошо дрался на кулаках. Он отправился в Париж и после первого боя прославился, а потом также легко все потерял, проиграв очередной бой. *Battling Joe*, европеизированный вариант американской мечты, – одновременная отсылка к истории самого Ива Монтана, урожденного Иво Ливи. Французский певец-шансонье и киноактер родился в 1921 г. в Италии в семье евреев. После прихода к власти фашистов Ливи переехали в Марсель (Франция). Мальчику с 11 лет пришлось работать, чтобы поддерживать семью. В 1944 г. он знакомится с Эдит Пиаф. Они начинают выступать вместе. 1945 г. (год песни «*Battling Joe*») окончательно упрочил его положение на французской эстраде, надолго закрепив за ним и это прозвище. Примечательно, что во Франции Никола Саркози также называют *Battling Sarko*.

«Пока (над головой – В. Н.) тянутся рекламные плакаты с изображением звезд, под светом софитов все сверкает белизной, чистотой и роскошью». Песня, избегая прямой номинации, иносказательно описывает «Фабрику Грез» – Голливуд.

Далее текст подходит к заключению-обобщению: «Начиная “Черным четвергом” и кончая голубыми (мундирами – В. Н.) Джона Форда, каждая история скрывает в себе золотоискателя». Имеется в виду Черный четверг 24 октября 1929 г., когда произошло обвальное падение цен на акции в США (в результате биржевых спекуляций), и началась Великая депрессия.

Имя *Джона Форда* – еще одна метонимия американской мечты. Шон Алоизиус О`Фини (Джон Форд) родился 1 февраля 1895 г. в Кейп-Элизабет, штат Мэн. Он был тринадцатым, по-

следним ребенком в семье ирландского иммигранта, владельца салуна. Окончив колледж в Портленде, Шон устроился в рекламный отдел обувной фабрики, а в 1913 г. приехал в Голливуд к брату Френсису – актеру и режиссеру. Шон О`Фини работал реквизитором, администратором, статистом, наконец, стал ассистентом брата, взявшего псевдоним Форд. В 1917 г. О`Фини снял свой первый вестерн «Прямой наводкой». В 1948 г. он совместно с Джоном Уэйном выпускает «Форт Апач», первую часть «Кавалерийской» трилогии (солдаты-американцы одеты в фильме в мундиры голубого цвета – *bleus*). Джона Форда считают одним из родоначальников «Классического Американского вестерна».

3. Аллюзия и текст кинофильма

Кинофильмы, также как и песни, продуктивно используют текстообразующий потенциал аллюзии. В венгерском фильме «*Бал сказок*» (1983 г.), например, все персонажи, за исключением лишь нескольких, являются героями той или иной сказки братьев Grimm, Ганса-Христиана Андерсена и Шарля Перро. Согласно сюжету все они собираются в заколдованном лесу в замке Спящей Красавицы. Там дают бал по случаю торжественного пробуждения принцессы от столетнего сна. В числе прочих приглашены и «папы Grimm» (интертекстуальность многократно «заключивается» с помощью аллюзий: авторы сказок оказываются среди своих же сказочных героев, и все они становятся героями «макросказки», составляющей сюжет фильма). Балом правит мачеха Белоснежки, в организации праздника ей помогает отряд ведьм и прочих отрицательных героев. Они сговорились помешать традиционной развязке, отправив принца-освободителя в темницу. Фильм использует прием «прямой» аллюзии, не требующей специальных когнитивных усилий для своей расшифровки – у читателя (зрителя) в большинстве случаев достаточно знаний, чтобы без труда можно было осуществить интертекстовую идентификацию. Этот же прием мы встречаем у Ларса фон Триера в его фильме «*Самый главный босс*» (2006 г.): персонажи в кинотеатре увлеченно беседуют, на экране – фильм Андрея Тарковского «*Зеркало*» (1974 г.). Сцены из того же фильма Тарковского цитируются у Андрея Звягинцева в фильме «*Изгнание*» (2007 г.), режиссер берет, калькируя, общую рамочную конструкцию ситуации и вводит туда своих персонажей. В фильме Питера Гринуэя «*8 1/2 женщин*» (1999 г.) герои смотрят драму Федерико Феллини «*8 1/2*» (1963 г.).

Однако не всегда аллюзия в кинотекстах отличается прозрачностью. В фильме Алехандро Агresti «*Дом у озера*» (2006 г.) она реализуется на уровне музыкального оформления. На один из кульминационных моментов приходится особый звуковой ряд – джазовая обработка главной музыкальной темы к мелодраме Клода Лелуша «*Мужчина и женщина*» (1966 г.), которая усиливает эмоциональную насыщенность действия, привлекая потенциал фоновых знаний о французском источнике. В момент, когда сюжет переходит от кульминации к развязке, звучит английская версия французской песни Шарля Трене «*Что осталось в итоге?*»* («*Que reste-t-il de nos amours ?*» / «*I Wish You love*»[†]). Франсуа Трюффо выбрал эту песню в качестве музыкальной темы к своему фильму «*Украденные поцелуи*» (1968 г.).

4. Аллюзия и когнитивные неудачи*

Есть основания полагать, что современный читатель как потенциальный реципиент текста перестает идентифицировать аллюзию, принимая вторичный текст за первичный. Так фронтальный опрос аудитории, состоявшей из молодых людей в возрасте от 17 лет до 21 года (общим количеством 40 человек), которые, по мнению продюсеров фильма «Дом у озера», входят в его целевую группу, показал, что аллюзии в фильме остаются смыслонепрозрачными. Подобное происходит не только при восприятии иноязычного продукта, часто представители родной культуры не распознают аллюзии в материнском тексте. Создатели фильма «*Дьявол носит Prada*» (2006 г.) «заложили» туда антиаллюзию на популярный телесериал «*Секс в большом городе*» (1998 – 2004 гг.). Вычурный, высокосветский Нью-Йорк в кинофильме противопоставляется блеклому, рутинному городу, показанному в телесериале. Кинокритик А. Фортини подчеркивает, что большинство зрителей не обратило внимания на эту антиаллюзию (подробнее см. [Stevens, 2006]). О том же говорит французский певец Бальтазар, указывающий, что родной слушатель не всегда понимает аллюзии в его песнях. Ниже приводится отрывок из личной переписки с певцом:

Le 13 avril 2007

* Название и текст песни на русский перевел И. Кормильцев [1, с. 163].

† Автор перевода на английский – А.А. Бич (А.А. Beach) [12].

* Когнитивная неудача имеет место, когда аллюзия остается смыслонепрозрачной для реципиента.

Baltazar :

« Comme dans les chansons d'Etienne » est une chanson que j'ai écrite pour quelqu'un qui aime beaucoup le chanteur Etienne Daho. J'ai donc utilisé la comparaison de l'univers de ce chanteur, sa force, sa poésie, pour évoquer notre rencontre. J'imagine que c'est assez difficile de tout comprendre de cette chanson mais rassurez-vous, il y a beaucoup de choses qui sont codées et que même les français ne peuvent pas saisir.

13 апреля 2007

Бальтазар:

Я написал « Comme dans les chansons d'Etienne » для человека, которому очень нравится исполнитель Этьен Дао. Я пошел по пути сравнения – взял вселенную певца, его силу и поэтику, чтобы рассказать о нашем знакомстве. Представляю, как трудно это распознать, но поверьте, там много чего зашифровано, даже французы не могут всего уловить.

В качестве своеобразного заключения приведем выдержки из программы Владимира Соловьева и Леонида Клейна «Каменный гость» (радио «Серебряный дождь», 5 октября 2006 г.), которые раскрывают аллюзивный потенциал известного произведения С.Я. Маршака «Мистер Твистер». Л. Клейн называет его антисоветской балладой и говорит, что «совершенно непонятно, каким образом советская цензура пропустила это произведение в печать». Произведение было написано в 1933 г. и насыщено аллюзиями (подробнее см. [3]).

Мистер

Твистер,

Бывший министр,

Мистер

Твистер,

Миллионер,

Владелец заводов,

Газет, пароходов,

Входит в гостиницу

«Англетер» [4].

Комментируя отрывок, Л. Клейн находит аллюзию на С. Есенина [3]:

Вдруг иностранец

Воскликнул: - О боже!

- Боже! - сказали

Старуха и дочь.

Сверху по лестнице

Шел чернокожий,

Темный, как небо

В безлунную ночь [4].

«Это же последняя поэма Есенина – “Черный человек”», – отмечает Л. Клейн [3]:

«Черный человек!

Ты – прескверный гость!

Эта слава давно

Про тебя разносится».

Я взбешен, разъярен,

И летит моя трость

Прямо к морде его,

В переносицу...» [2].

Другой литературный источник произведения Маршака – стихотворение В. Маяковского, написанное в Гаване 5 июля 1925 г., «Блек энд уайт».

Одно-

единственное

вызубрил Вилли

тверже,

чем камень

памятника Масео:

«Белый

ест

ананас спелый,

черный –

гнилью моченый.

*Белую работу
делает белый,
черную работу –
черный»... [5].*

В «Мистере Твистере» сюжет разворачивается иначе. «Миллионер проводит ночь без крова над головой, а чернокожие дети, живущие в хороших гостиничных номерах, выходят утром, чтобы пожалеть его» [3].

Маршак перерабатывает и рассказ И. Бунина «Человек из Сан-Франциско». Герой коптит всю жизнь золото, едет в тур и умирает. Недружелюбный океан. Многоэтажный корабль-дом. Художественные образы перекликаются.

Можно с большой степенью уверенности сказать, что все названные аллюзии остаются непрозрачными для современного русского читателя и заключить, что в силу разных причин ассоциативные связи между цитируемыми культурными событиями или текстами и их образами в сознании нашего современника становятся все менее устойчивыми. Возможно, речь идет об информационном гнете и ослабевании культурной памяти или вообще об утрате читателем функции креативного соавтора, редуцированной до пассивного потребления текста. Приращения смыслов на основе воспринимаемого произведения не возникает, и оно, таким образом, теряет свое свойство незавершенной коммуникативно-смысловой перспективы. Происходит «демонтаж» ассоциативных связей, лежащих в основе аллюзии, ее десемантизация, и она утрачивает свой функционально-эстетический потенциал текстообразующего средства, оставляя за собой лишь мотивационную задачу – провоцировать виток авторского вдохновения на начальном этапе создания текста.

Список литературы

1. Адэр Г. Любовь и смерть на Лонг-Айленде. Мечтатели / Г. Адэр: пер. с англ. И. Кормильцева. – М.: Иностранка; Б.С.Г.-ПРЕСС, 2002. – 328 с.
2. Есенин С.А. Черный человек / С.А. Есенин // Полное собрание сочинений в 7 т. Т.3. – М.: Наука: Голос, 1998. – С. 192-194.
3. Клейн Л., Соловьев В. Соловьиные трели – Каменный гость: Мистер Твистер [Электронный ресурс] / Л. Клейн, В. Соловьев. – 2006. – Режим доступа : <http://video.yandex.ru/users/nurievv/view/1/#>
4. Маршак С. Я. Мистер Твистер / С.Я. Маршак. – М.: Изд. «Малыш», 1971. – 31 с.
5. Маяковский В. В. Блек энд уайт / В. Маяковский // Полное собрание сочинений в 13 т. Т.7. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 20 – 23.
6. Новохачева Н.Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков: дис. к-та филол. наук / Н.Ю. Новохачева. – Ставрополь, 2005. – 284 с.
7. Перцель М. Девять жизней одной песни: American pie [Электронный ресурс] / М. Перцель. – 2006. – Режим доступа : <http://archive.org/details/MariaPercel-AmericanPie>
8. Птица А. Машина времени, спрятанная в песне, или «Прощай, Американский пирог» [Электронный ресурс] / А. Птица. – 2000. – Режим доступа : http://itc.ua/articles/mashina_vremeni_spryatannaya_v_pesne_ili_proshhaj_amerikanskij_pirog_2589/
9. Сорокин Ю. А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю. А. Сорокин, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Н. П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация. 1998. – Вып. 4. – С. 5 – 34.
10. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 282 с.
11. Alter R. Allusion / R. Alter // The Pleasures of Reading in an Ideological Age. – New York : W. W. Norton & Company, 1996. – P. 111 – 140.
12. Beach A. A. I Wish You Love [Электронный ресурс] / A. A. Beach. – 1957. – Режим доступа : <http://www.lyricsplayground.com/alpha/songs/i/iwishyoulove.shtml>
13. Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusion / Z. Ben-Porat // Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature. – 1976. – №1. – P. 105 – 128.
14. Manser M. H. The Facts On File Dictionary of Allusions / M. H. Manser. – New York : Infobase Publishing, 2009. – 532 p.
15. Miner E. Allusion / E. Miner // The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. – Princeton : Princeton UP – Ed. Alex Preminger and T. V. F. Brogan, 1993. – P. 38 – 40.
16. Pasco A. H. Allusion: A Literary Graft / A. H. Pasco. – Kansas : Rookwood Press, 2002. – 260 p.
17. Perri C. On Alluding / C. Perri // Poetics. – 1978. – № 7. – P. 289 – 307.
18. Reynolds C. A. Motives for Allusion: Context and Content in Nineteenth-Century Music / C. A. Reynolds. – Harvard : Harvard University Press, 2003. – 230 p.
19. Stevens D. Slate's Spoiler Specials: *The Devil Wears Prada* [Электронный ресурс] / D. Stevens. – 2006. – Режим доступа : <http://castroller.com/Podcasts/SlatesSpoilerSpecials/2402816>
20. Uhlig C. Theorie der Literaturhistorie. Prinzipien und Paradigmen / C. Uhlig. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1982. – 334 p.

OPACITY OF THE ALLUSION AS THE MODERN READER'S PROBLEM (on the English and French Language Material)

V. A. Nuriev

*Institute of Linguistics
Russian Academy
of Sciences, Moscow*

*e-mail:
nurieff.v@gmail.com*

The paper summarizes different definitions of allusion to make an attempt to broaden the boundaries of its textual being by including hybrid semiotic texts such as songs or movies into the field of its activity. The article also cites some examples of cognitive failure when the allusion remains opaque for the target reader.

Keywords: allusion, cognitive failure, song, movie, literary text.

УДК 811.161.11

ФИГУРЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА НА ПРИМЕРЕ ПРИВЕТСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А. А. Перкова
Ю. С. Блажевич

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
bsu-work@yandex.ru
blazhevich@bsu.edu.ru*

В статье описываются лингвокультурные особенности употребления приветствий как формул речевого этикета представителями немецкой и русской культурных общностей.

Ключевые слова: речевой этикет, ситуация общения, коммуниканты, приветствие, вежливость.

Речевой этикет, будучи явлением социальным по своей природе, обладает таким свойством, как «социальный символизм». Смысл этого понятия заключается в том, что речевые явления подобно губке впитывают в себя суть той среды и тех обстоятельств, в которых они обычно употребляются. Так, наряду с тем, как какой-либо обычай или деталь одежды могут служить знаками социального положения, вызывать четкие представления о социальной среде, так и факты в речи, порой даже самые, казалось бы, незначительные могут быть восприняты как элемент привычек и образа жизни определенной группы людей. Таким образом, они способны символизировать и вызывать в сознании представление об этом сообществе с его образом жизни и формами деятельности [2, с. 203].

Похожего мнения придерживается и Л. З. Давыдова, считая, что единицам речевого этикета присуща социальная информативность. Так, по ее мнению, как с одной стороны они выступают в качестве своеобразных символов эволюции общественно-исторического опыта человека, и, прежде всего, общественных отношений внутри него, а с другой – языковая реализация единиц речевого этикета в подавляющем большинстве случаев позволяет определить социальные роли и статусные характеристики коммуникантов [6, с. 5].

В настоящее время особо актуальными стали исследования в области соотношения сознания, национальной культуры и языка представителей различных этносов, проблемы межкультурного общения. Это послужило следствием необходимости анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в межкультурном общении в среде общения «носителей разных национальных культур» с позиции общения «носителей разных национальных сознаний».

В продолжение этой мысли следует упомянуть также и о трех факторах, формирующих стереотипы поведения этноса и отличающих один этнос от другого, на которые указывает Л. Н. Гумилев. К ним исследователь относит особенности географической среды (под которыми он понимает совокупность привычного для индивидов ландшафта и их систему хозяйства), культурных традиций (которыми автор считает совокупность форм человеческой искусственной деятельности), а также этнического окружения (т. е. взаимоотношений индивидов с другими членами коллектива). По его мнению, именно эти условия и оказывают влияние на национальную специфику того или иного общества, а особый склад жизни и мысли определяют уникальность образов сознания у каждого народа [5, с. 13].

Однако даже большое количество общих черт внешне сходных культур не обеспечивает полностью одинакового мировосприятия их представителей. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что незнание культуры определенного народа (т.е. системы его предметных знаний) – это веское основание для отсутствия ее верного понимания и интерпретации. Поскольку неполнота знаний коммуникантов друг о друге, неполнота общности сознаний и являются индикатором их принадлежности к разным национальным культурам. Поскольку диалог культур происходит прежде всего в сознании человека, который пытается постичь образы сознания носителя другой культуры. В качестве таких единиц сознания могут выступать образы восприятия, представления, понятия, эмоции, чувства.

И все же успешное и продуктивное общение между представителями различных культур становится возможным, когда коммуниканты обладают не только знанием языков, но так-

же и сходным образом сознания, отражающим знания о мире представителей той или иной нации. В этом случае Е. В. Тарасов предлагает два способа освоения чужой культуры. Первый – такое понимание культуры, при котором в своей культуре подбирается «эквивалентный» образ, и знания, входящие в содержание этого образа, проецируются на предмет чужой культуры. Однако знакомство с чужой культурой подобным образом не ведет к увеличению знаний у субъекта анализа, поскольку познавательная ситуация основана на манипуляции со старым знанием, в результате чего не происходит выработки нового знания. Другой способ познания осуществляется за счет выработки новых знаний посредством поиска различий в сопоставляемых образах своей и чужой культур.

Тип ролевых отношений, обстановка, в которой происходит общения, характер взаимоотношений коммуникантов оказывают значительное влияние на речевое поведение адресанта и адресата. На выбор соответствующих единиц речевого этикета также влияет и число участников коммуникации, наличие присутствующих при речевой коммуникации. Но поскольку каждому индивиду в его общественной жизни присущи несколько социальных ролей, то их постоянная смена становится обычным процессом. Однако, в совокупности с постоянными социальными признаками коммуникантов и характером их взаимоотношений, подобная перемена способна образовывать сложный комплекс социальных характеристик, на основе которых происходит организация речи с точки зрения выбора наиболее уместных выражений [11, с. 7].

Выражения речевого этикета присутствуют во всех национально-культурных общностях мира, таким образом со стороны плана содержания речевой этикет как особая функционально-семантическая микросистема представляет собой особую социально детерминированную универсалию. Что касается плана выражения этикета, то в каждом языке он обладает национальной спецификой [10, с. 112].

Реализация знака речевого этикета происходит в речевой (коммуникативной) ситуации, под которой понимается совокупность социальных, психологических и лингвистических условий общения, определяющих прагматические правила его выбора и употребления. Следствием регулярной воспроизводимости речевого этикетного знака становится то, что он начинает отражать основные компоненты этой ситуации. Таким образом, возникает более или менее прочная ассоциативная связь знака с речевой ситуацией (или ситуациями), что, в свою очередь, находит отражение как в семантической и грамматической структуре единиц, так и в стилистических коннотациях [10, с. 17]. В связи с тем, что в семантической структуре формул речевого этикета отражаются компоненты типизированной ситуации общения, можно сказать, что посредством этикета передается информация лишь относительно самой коммуникативной ситуации и служит, прежде всего, для регуляции общения. Это, в свою очередь, позволяет установить соответствие между представлениями участников общения относительно тональности процесса общения и распределении в нем ролей, то есть нормами общенациональной, сословной, корпоративно-профессиональной, религиозной или служебной этики. Маркированность же этикетных знаков такими коннотативными семами как «близкий», «свой» или «неблизкий», «чужой» позволяет использовать их для того, чтобы «держаться дистанцию» и в зависимости от цели обращения регулировать отношения в сторону сближения с собеседником или, напротив, отдаления, отчуждения от него.

Понятие речевого этикета неразрывно связано с понятием вежливости. Вежливость представляет собой коммуникативную категорию, регулирующую коммуникативное взаимодействие общающихся с учетом их статусно-ролевых признаков. Она как центральная категория коммуникативного сознания упорядочивает знания человека о вежливом общении. Данная категория напрямую связана с этикетом, регламентирующим посредством общепринятых норм и правил коммуникативное поведение общающихся, однако следует учитывать, что данные явления лишь тесно взаимодействуют, они не покрывают и не перекрывают друг друга. Вежливость и этикет – это две стороны одной медали – вежливого общения, которое подразумевает как соблюдение правил коммуникативного этикета, так и демонстрацию внимания и уважения к собеседнику посредством определенных коммуникативных стратегий сближения и отдаления.

Будучи одной из форм проявления морального общественного сознания она манифестируется в системе вербальных и невербальных знаков, то есть имеет семиотический характер, что позволяет говорить о вежливости и как о лингвистической категории. В лингвистическом аспекте вежливость можно рассматривать как языковую универсалию, своеобразную разновидность объективно-субъективной модальности. Категориальным значением данного лингвистического феномена является выраженное узואльними лингвистическими средствами значение уважительного, доброжелательного отношения адресанта к адресату. Она представляет собой исторически складывающийся тип социального поведения, которое может и боль-

шей частью осуществляется вербально. В современной отечественной лингвистике за вербально реализуемой вежливостью закрепилось обозначение – речевой этикет. Речевой этикет, в свою очередь, в силу высокой степени формализованности отражаемых им социальных отношений, ситуативно ограничен в использовании. Это отчетливо проявляется в процессе общения отдельных социальных групп, в ряде типизированных ситуаций, где на первый план выходит актуализация собственного социального статуса по отношению к статусу партнера.

Вежливость можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле – это способ выражения уважения к одному или целой группе представителей той или иной лингвокультурной общности, а также и способом актуализации собственной социальной и коммуникативной компетенции во всех межличностных взаимодействиях. В узком смысле она представляет собой явление, охватывающее повседневное общение индивидов, определяя его «комфортность» посредством создания оптимальной тональности и способа общения.

Тональность речи адресанта определяется целью общения и его отношением к адресату. Тон и интонация произнесения этикетных знаков, которые зачастую являются самостоятельными высказываниями, являются важнейшим средством выражения чувств, эмоций и градации вежливости. Интонация больше чем какой-либо другой компонент высказывания, передает все те обертоны, которые формируют прагматические значения знаков речевого этикета [4, с. 15].

Однако стоит помнить, что межличностное общение – это, прежде всего, общение диалогическое. Следовательно, диалог – это основная и самая распространенная форма реализации коммуникативной категории вежливости, поскольку именно в диалогическом общении наиболее ярко выражается стремление коммуникантов к достижению взаимопонимания и согласия между собой, что обуславливается, в первую очередь, соблюдением правил вежливого обхождения друг с другом и проявлением внимательного и уважительного отношения друг к другу. В этом контексте следует отметить, что как вербальные, так и невербальные знаки вежливости употребляются и реализуют свои прагматические значения лишь в условиях непосредственного контакта участников общения. Но и в условиях диалога в подавляющем большинстве своем этикетные знаки относительно жестко привязаны к типовым ситуациям общения.

Как известно, речевой этикет реализуется в типичных ситуациях непосредственного общения в виде стереотипных, устойчивых формул, использующихся для корректного и уместного выражения мыслей и чувств, намерений и желаний участников общения. Главной особенностью этикетных единиц является их привязанность к шаблонным ситуациям общения, таким как приветствие, прощание, поздравление, просьба, совет, благодарность, извинение и многим другим, поэтому данные единицы языка представляют собой речевые стереотипы. Наиболее стандартные единицы речевого этикета воспроизводятся в речи целиком, в «готовом виде» и каждый из носителей языка обязательно владеет некоторым набором такого рода единиц – устойчивых формул общения.

Выбор и употребление этикетного знака во многом зависит от общественного положения, занимаемого адресантом по отношению к адресату: высший, равный, низший. Понятие социального положения, или социальной роли, весьма широко и многогранно. Оно непосредственно связано с официально установленной, традиционно сложившейся или условной (ситуативной) иерархией членов общества, социальных групп. Степень близости отношений адресанта и адресата (друг, родственник, малознакомый, незнакомый, свой, чужой) также существенно влияет на выбор и употребление этикетных знаков.

Наличие огромного количества клишированных фраз в немецком языке обусловлено особенностью речевого общения представителей данной культурной общности. Клише напрямую связаны с намерением говорящего в той или иной ситуации общения. Таким образом, им свойственно отражение таких свойства речи, как нормативность, спонтанность и эмоциональность одновременно, причем какая-либо из черт может быть представлена в виде противоположного ей явления: нормативность – отсутствием нормативности лексики в процессе общения, спонтанность – четкой обдуманностью, эмоциональность – отсутствием экспрессивности в речи.

Стратегии вежливого поведения универсальны, т. к. в любом обществе можно обнаружить хотя бы некоторые обобщенные вежливые способы поведения и установить определенный набор языковых средств, посредством которых становится возможной их реализация в процессе коммуникации. Нормы и их вербальная реализация обнаруживают этнокультурную специфичность, под которой понимаются национальные особенности, отражаемые в вежливых формах речевой коммуникации, которые детерминированы всем культурно-историческим фоном. Это особенно ярко проявляется при межкультурном сопоставлении. Вежливое коммуникативное взаимодействие большей своей частью имеет ритуализированный характер, т.е. пред-

ставляет собой систему конвенциональных форм, которые стереотипны и повторяются в некоторых ситуациях в определенной последовательности с относительно традиционным распределением ролей. Как уже было сказано, вежливость конвенцианализирует поведение, т.е. является выражением определенных норм, которые, с одной стороны, отражают социально значимые морально-этические принципы и нравственные ценности и стереотипные представления, а с другой стороны, детерминированы всем комплексом общественных отношений. Знаки речевого этикета так же, как и слова, фразеологические единицы и другие единицы языка, обладают свойством воспроизводимости. Они воспроизводятся в типовых ситуациях как целостные структуры, сохраняя в каждом случае употребления типовое значение и форму.

Этикетные ситуации, в свою очередь, могут быть связаны с той или иной стадией общения, его началом, продолжением или завершением. Наиболее яркими типизированными ситуациями, так называемого ритуального речевого поведения, принято считать «Приветствие», «Прощание», «Пожелание», «Знакомство» и другие. Так приветствие, представляя собой одну из неотъемлемых формул вежливого обращения с собеседником, также является и одной из самых частотных ситуаций речевого этикета, и, следовательно, одной из самых важных.

Формы приветствия, наряду с другими этикетными формами, крайне важны в нашей повседневной жизни. Будучи соотношенными с неязыковой действительностью, они маркирует социальные взаимоотношения, являясь при этом одним из способов отражения культурных ценностей народа. Зачастую формулы приветствия нейтральны, и их основная функция заключается в привлечении/сосредоточении внимания собеседника, иными словами они выступают в качестве сигнала к началу коммуникации.

Поскольку различия между культурными нормами, а также другими внешними и внутренними культурными проявлениями наблюдается у всех народов, отношение к одним и тем же вещам в разных культурах может радикально отличаться. В коммуникативном сознании немцев понятие вежливости, определенное через понятие вежливого человека, представляет собой комплексное явление, характеризующееся различными аспектами своего проявления. Так, вежливый человек в сознании немцев предстает как предупредительный, приветливый, внимательный, почтительный, тактичный, сдержанный человек, готовый прийти на помощь другим, употребляющий в своей речи формулы речевого этикета и руководствующийся в коммуникативном поведении хорошими манерами. Частотное использование коммуникативных стратегий вежливости в немецкой лингвокультуре объясняется тем, что, с одной стороны, немцы озабочены «сохранением позитивного лица» собеседника, благодаря проявлению повышенного внимания, интереса и симпатии к нему, а с другой – высокая степень значимости неприкосновенности личной территории собеседника для немцев. В связи с этим в их речевом общении речевые и неречевые акты, которые угрожают «негативному лицу» адресата, используются не так часто, как, например, у русских. В связи с этим в немецкой лингвокультуре отмечается широкое употребление стратегий негативной вежливости, направленных на смягчение или избегание актов, пренебрегающих потребностями «негативного лица» адресата. Национальная специфика немецких этикетных единиц проявляется также и в том, что употребление некоторых формул приветствия и прощания территориально ограничено. Так, на севере Германии чаще используются такие формулы, как Moin!, Moin, Moin!, Tach!, Tachchen! и др. В свою очередь, на юге больше распространены: Grüß Gott!, Grüezi!, Grüessech!, Servus!, Sali!, Solli!, (Auf) Wiederschauen! и др. [3, с. 26 – 28].

Достоверность анализа речевого поведения представителей немецко- и русскоговорящей языковых общностей предполагает, в первую очередь, знание лингвокультурных особенностей поведения их представителей в ситуациях речевого общения, а именно владение информацией о существовании сходств и различий в употреблении этикетных формул. Однако при рассмотрении приветствия как речевой этикетной единицы сходств было выявлено больше, нежели различий. Но, несмотря на это, следует учитывать, что выявленные различия крайне весомы, по причине больших расхождений в традициях и обычаях рассматриваемых языковых общностей.

При количественном сопоставлении форм приветствия в немецком языке их было обнаружено больше, чем в русском. На это, в первую очередь влияют широкое распространение диалектов на территории страны, а также стилистические особенности узуального поведения представителей рассматриваемой лингвокультурной общности. Наряду с этим существенное влияние оказывает стремление немцев к упрощению сложных форм приветствия, что, как следствие, ведет к их редуцированию. Именно поэтому многим речевым этикетным формулам приветствия в немецком речевом поведении соответствует несколько вариантов, преимущественно разговорных. Универсальной формой приветствия, употребляемой как в официаль-

ной, так и неофициальной обстановке является клише-приветствие «Guten Tag!», имеющее ряд сокращенных форм: «Tag!», «'n Tag!», практически равнозначных по частотности исходной форме. В некоторых случаях этикетная формула «Guten Tag!» дополняется прилагательным schön: «(Einen) schönen/ guten Tag!»/«Schön' guten Tag!». В этом случае перевод может содержать повторяющуюся форму приветствия.

"Schönen guten Tag, mein guter Junge! Du bist ganz unverändert, wie ich sehe, seit euren Münchener Tagen!" [15, с. 452]; – *Здравствуй, друг мой, здравствуй! Ты нисколько не изменился с тех пор, как мы виделись в Мюнхене!* [8, с. 427].

Однако наиболее примечательными являются случаи вариативности стандартизированного приветствия, обусловленные, во-первых, особенностями регионального употребления и использованием их в разговорном стиле, преимущественно среди молодежи. К ним относятся такие формы употребляемые на севере Германии, как «Tagchen!», «Tach!», «Tachchen!». При чем форма «Tachchen!» используется и в качестве прощания.

Русским эквивалентом форме «Guten Tag!» будет выступать этикетное речевое выражение «Здравствуй/те!» с одной редуцированной формой «Здрасте!», в то время как еще один вариант перевода немецкой фразы - «Добрый день!» - редуцированных форм иметь не будет, в связи с маркированностью ситуаций употребления и использованием в качестве особой вежливой формы:

"Guten Tag, Papa, endlich sieht man dich einmal wieder!

«Nein, danke», sagte ich [15, с. 351];

– *Добрый день, папа, наконец-то ты снова у нас!*

– *Нет, спасибо, - сказала я* [8, с. 372].

Приветствие-клише «Здравствуй/те!» помимо своего нейтрального значения, может также приобретать окраску иронии для выражения удивления, либо разочарования. В подобных случаях значение данной формы приветствия будет приравнено к таким междометным сочетаниям как «Вот так раз!», «Вот те на!», «Ну-ну...».

При рассмотрении русской формы приветствия «Здравствуй/те» необходимо уделить особое внимание ее этимологии. В отличие от народов, проживающих в Европе, подобное пожелание в русском языке имеет особый смысл, то есть в данном приветствии выражается пожелание слушающему здоровья, подразумевающее также и пожелание радости, счастья и добра, чего нельзя сказать о формах приветствия европейских народов. Как следствие следует отметить еще одну формулировку приветствия, употребляемую представителями русской лингвокультурной общности, а именно о клише «Здравия желаю!», наиболее часто используемом среди военных.

Половцев услужливо метнулся к двери, но в нее уже входил статный и ладный кучер господина полковника. Он протянул Половцеву руку:

– *Здравия желаю, господин есаул! По русскому обычаю через порог не здороваются ...* [12, с. 683];

Dienstefrig stürzte Polowzew zur Tür, aber der stattliche Kutscher des Herrn Obersts trat bereits ein und steckte Polowzew die Hand entgegen.

«Guten Tag, Herr Rittmeister! Nach russischem Brauch begrüßt man sich nicht auf der Schwelle ...» [17, с. 393].

На выбор и употребление знака влияет также время общения. И наряду с распространенным приветствием «Guten Tag!» в немецком языке также широко используются такие речевые этикетные формы как «Guten Morgen!» и «Guten Abend!», имеющие, как и выше представленная форма приветствия, ряд особенностей по сравнению с русскими эквивалентами. В первую очередь это временное ограничение употребления: клише «Guten Morgen!» используется в немецком языке при встрече в утренние часы до 11.00 (в русском - лишь с 9.00 до 10.00), независимо от обстановки и ситуации общения. Оно адресуется как родным, знакомым, друзьям, так и незнакомым людям, в то время как среди русскоязычных представителей прямое соответствие немецкой формуле «Доброе утро!» используется преимущественно в семейном кругу, среди соседей и коллег. Следует также отметить, что в немецком языке существует ряд разговорных вариантов пожелания «Доброго утра», которые могут использоваться и при прощании: «Moin!», «Moin, Moin!» (важно, что форма «Morgen!», являясь также разговорной, не может употребляться при прощании). Зона их употребления - от Берлина до севера Германии. Еще одной особенностью этих формул является возможность использования их в течение всего дня, что позволяет приравнять их форме «Guten Tag!». Русскими же соответствиями этим формам являются «Привет!» и «Салют!».

Наиболее распространенной формой приветствия в вечернее время среди представителей немецкой лингвокультурной общности является «Guten Abend!», и ее редуцированные формы «Abend!», «'n Abend!». В русском языке эти этикетные формулы соответствуют форме «Добрый вечер!». Причем немецкая форма является более нейтральной, в связи с чем не имеет ситуативных ограничений в употреблении. Она также может использоваться и при прощании, являясь при этом одновременно и пожеланием приятного времяпрепровождения. Русское же «Добрый вечер!» по причине усиленного оттенка официальности в семейном кругу не употребляется. Использование данного речевого клише при прощании также возможно, но в немного измененной форме: «Доброго вечера!», что включает в себе, как и в немецкой формуле, пожелание приятно провести вечер.

(1) *"Guten Abend", sagte Christian. "Ach, Thomas, ich muß dich mal dringend sprechen ...* [15, с. 211];

– *Добрый вечер, - приветствовал их Христиан. – Слушай, Томас, мне нужно безотлагательно переговорить с тобой...* [8, с. 207].

(2) *«'n Abend, Herr Professor.» Er schluckte erst umständlich seinen Bissen hinunter. «Und womit kann ich dienen?»* [14, с. 45];

– *Добрый вечер, господин учитель. – Он проглотил кусок и продолжал:*

– *Чем могу служить?* [7, с. 54].

Весьма примечателен факт наличия транслитерированных немецких форм «Гутен morgen!» и «Гутен tag!», образованных от соответствующих немецких этикетных формул «Guten Morgen!» и «Guten Tag!» в русском речевом этикете [1:115]. Причем частотность использования подобных формул в настоящее время становится все выше.

Наряду с уже обозначенными формами приветствия, имеет место употребление и таких речевых этикетных формул, как «Grüß dich/ euch!», «Sei/seid (schön) gegrüßt!», «Grüß Gott!», «Servus», «Herzlich willkommen!».

Формулы «Grüß dich/euch!» и «Sei/seid (schön) gegrüßt!» являются разговорными формулами, не имеют возрастных ограничений по употреблению, однако их использование возможно лишь при условии равенства социального статуса коммуникантов. Стоит также отметить, что «Sei (schön) gegrüßt!» в отличии от «Grüß dich!» употребляется реже, по сравнению со своим русским эквивалентом «Приветствую (вас)!».

Renate: Da ist du ja, Heidi!

Heidi: Grüß dich, Renate! [13, с. 110]

Рената: Это ты, Хайди!

Хайди: Привет, Рената!

Регионально ограниченной в употреблении является речевая этикетная форма церковного происхождения «Grüß Gott!» (на юге Германии – прежде всего в землях Бавария и Баден-Вюртемберг). Утратив первоначальный оттенок значения и став нейтральной, она стала синонимичной форме «Guten Tag!». При прощании она не употребляется:

«Grüß Gott, Fritz!», sagte ich [16, с. 114];

– *Мое почтение, Фрицци – сказал я* [9, с. 92].

Еще одним территориально ограниченной в употреблении является такая форма приветствия как «Servus!», соответствующая в русском языке формам «Привет!», «Пока!», «Салют!». Она распространена, прежде всего, на юге Германии и используется при приветствии и прощании.

(1) *«Servus, Robert».*

«Servus, Rosa. Was macht die kleine?» [16, с. 40];

– *Роберт, привет.*

– *Привет, Роза. Ну, как твоя малышка?* [9, с. 29];

(2) *«Also Servus!», sagte ich.*

«Servus», erwiderte der Wirt träge [16, с. 368];

– *Тогда салют, – сказал я.*

– *Салют, – лениво ответил хозяин* [9, с. 304].

Крайне важной является сфера неофициального общения представителей немецкой лингвокультурной общности, где встречается большое многообразие разговорных формул. Среди них наиболее частотным в употреблении является клише-приветствие «Hallo!» с вариантами *Hallochen!*, *Hallöchen!*, *«Hi!»*, *«Hey!»*. В русском речевом этикетном общении им соответствуют выражения «Приветик!» и «Салют!» (с вариантом «Салюттик!»). Существуют этикетные знаки, употребляемые преимущественно в молодежной среде. Эта группа заметно пополнилась американизмами и «псевдоамериканизмами». Такие немецкие речевые этикет-

ные формы приветствия, как «Hi!» и «Hey!», наиболее часто употребляются в среде молодежи, причем как в устной, так и в письменной речи. В письменной речи они используются при написании электронных сообщений, при беседе на форумах или чатах в сети интернет, а также в статьях молодежных журналов (преимущественно в интервью). При этом формула «Hi!» (от американского «Hello!») также вошла и в речь русскоговорящих представителей молодежной среды. Однако стоит отметить, что среди немецкоговорящих коммуникантов она распространена шире.

(1) *Mandy lächelt. „Hallo David!“*

David lächelt auch. „Hi Mandy!“ [19, с. 3];

Мэнди улыбается. «Привет, Давид!»

Давид тоже улыбается. «Привет, Мэнди!»;

(2) *Dann sagte er zu Nora: „Hey Lady! Geh zurück zur Golküste!“* [19, с. 14].

Затем он обратился к Норе: «Привет, дамочка! Отправляйся-ка лучше обратно на золотое побережье!».

Еще одним вариантом приветствия в сфере неофициального общения является форма «Salut!» с вариантами «Salü!» и «Salute!».

(1) *«Salute!», sagte jemand hinter mir* [16, с. 50];

- Салют! – слышалось у меня за спиной [9, с. 39];

(2) *Ich hob die Hand: «Salü, Valentin!»*

Er blickte auf nickte: «Salü, Robby!» [16, с. 52];

- Я поднял руку: «Салют, Валентин!»

Он очнулся и кивнул: «Салют, Робби!» [9, с. 39].

Вышеприведенные примеры позволяют сделать следующий вывод: речевыми этикетными действиями выполняется одна из основных задач коммуникации – подчеркнуть, что субъекты коммуникативного акта не воспринимают друг друга как простые средства, используемые для извлечения личной выгоды, или, по меньшей мере, продемонстрировать необходимость выражения признания друг друга (даже если реальная цель встречи предполагает «победу» одной стороны и «проигрыш» другой). Поэтому в структуре коммуникативных действий этикет призван выразить, выделить и акцентировать внимание коммуникантов на моральной составляющей/ нравственном аспекте. Этикет как формализованная система поведения становится необходимым, когда определенные типы моральных действий приобретают характер общепринятой культурной ценности. Иными словами, когда они стереотипизируются. Все они направлены на то, чтобы сдерживать рост вариативности речевого поведения; ибо ничем не контролируемый рост многообразия неуклонно вел бы к утрате взаимопонимания, и, следовательно, к распаду общества. При этом, чем более значимы сферы поведения, тем более жестоко их нужно регламентировать, и тем сильнее должен быть контроль за соблюдением требуемых стандартов и образцов.

Речевой этикет, представляя собой функционально-семантическую универсалию, характеризуется яркой национально-культурной спецификой, так как он связан с традициями, обычаями и обрядами того или иного народа. Национально-культурная специфика речевого этикета находит свое отражение на уровне семантики отдельных языковых единиц, на уровне моделей коммуникации, проявления социально-статусных и ролевых позиций участников коммуникации. Таким образом, речевую ситуацию можно рассматривать как позицию этикетного знака, в которой актуализируются или нейтрализуются те или иные его признаки. Следствием регулярной воспроизводимости этикетного знака в определенной речевой ситуации или узуально ограниченном кругу ситуаций является образование коннотативных значений, которые совместно с денотативным значением (или значениями) формируют семантическую структуру знака. Можно сказать, что трафарет внеязыковой ситуации детерминирует образование и употребление соответствующих языковых трафаретов. Отличительная особенность языковых знаков в таком случае заключается не в том, что они воспроизводятся в речи (поскольку свойством воспроизводимости обладают все единицы языка), а в том, что они воспроизводятся в ограниченном кругу коммуникативных ситуаций.

Коммуникативному поведению представителей немецкой и русской лингвокультурных общностей в ритуализированных этикетных ситуациях присуща национальная специфика, обусловленная культурными особенностями их развития, что приводит в результате к расхождению узуальных форм. Расхождения также обнаруживаются и по причине того, что ситуации речевого общения в немецком языке представлены большим набором этикетных единиц, чем в русском. Для немецкого речевого общения также характерна и высокая степень клиширован-

ности, что зачастую приводит к образованию форм, не имеющих прямых соответствий в русском языке.

Список литературы

1. Балаклай А. Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX – XX вв.: В 2 т./ Департ. образования Администр., ОбЛИУУ, Новокузнецкий госпединститут. – Кемерово, 1999а. – Т.1. – А-О. – 312 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961 – 394 с.
3. Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуатив-но-стратегический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2011. – 44 с.
4. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. – № 5 – С. 11 – 17.
5. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы/ сост.Н.В.Гумилева. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
6. Давыдова Л. З. Функционирование единиц речевого этикета в прямых и косвенных речевых актах: Автореф. ... канд. филол. наук. Ленингр. гос. пед. ин-т им.А.И.Герцена. – Л., 1990. – 17 с.
7. Манн Г. Учитель Гнус. Перевод с нем. Н.Ман. – М.: Изд-во худ. литературы, 1971. – 273 с.
8. Манн Томас, Будденброки. Перевод с нем. – М., АСТ, 2011 – 704 с.
9. Ремарк Э.М. Три товарища. Роман / Пер. с нем. Ю.Архипова – М.: Худож. литература, 1989. – 368 с.
10. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты, 1982. – 126 с.
11. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. – М., 1984 – 192 с
12. Шолохов М. Поднятая целина. Книга вторая. – М.: Просвещение, 1968. – 715 с.
13. Alles Gute. Телевизионный курс немецкого языка. М.: Фирма «Акция», 1991. – 288 с.
14. Mann H. Professor Unrat. Roman. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. – 248 s.
15. Mann Th. Buddenbrocks: Verfall einer Familie Fischer Books, 2008, – 768 s.
16. Remarque E. M. Drei Kameraden. Roman. - Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. – 454 s.
17. Scholochov M. Neuland unterm Pflug. Teil II. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1961. – 412 s.
18. Silvin Thomas, Lese-Novelas, David, Dresden. Ismaning, Hueber Verlag, 2008 – 40 s.
19. Silvin Thomas, Lese-Novelas, Nora, Zürich. Ismaning, Hueber Verlag, 2008. – 40 s.

REETING SPEECH ETIQUETTE FORMULAS (BASED ON GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES EXAMPLES)

A. A. Perkova
Yu. S. Blazhevitch

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
bsu-work@yandex.ru
blazhevich@bsu.edu.ru

This article touches upon the linguistic features of greeting's usage like speech etiquette's formulas in the light of culture by representatives of Germany and Russia linguistic community.

Keywords: speech etiquette, communicative situation, communicants, greeting, politeness.

УДК 811.11:811.16:81 373

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ В ЯЗЫКЕ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

**О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай
Ж. Багана, И. А. Куприева
Е. А. Сапронова**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru
chekulai@bsu.edu.ru
baghana@bsu.edu.ru
kuprieva@bsu.edu.ru
663373@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблематика выявления концептуального базиса процесса познания в современных германских, романских и славянских языках. Поиск концептуальной основы обусловлен необходимостью моделирования некоего ментального конструкта, влияющего на формирование и модификацию значения соответствующих единиц, а также их семантическую дифференциацию.

Ключевые слова: концептуальные основания, процесс познания, когниция, германские языки, романские языки, славянские языки.

Приоритетным направлением современной научной мысли является ее глобализация, интеграция и, как следствие, междисциплинарность. Это обуславливает взаимодействие разных, зачастую несовместимых, научных направлений в поисках ответа на общие вопросы. Таковыми являются проблемы устройства человеческого сознания, его когнитивной деятельности, способа отражения окружающего мира, проблематика межкультурных взаимодействий. Соответственно, лингвистическая наука не является исключением из общей тенденции, более того, стремление познать человеческий разум сквозь «языковую призму» способствует не только появлению, но и широкому распространению когнитивной семантики как науки о выявлении особенностей проекции воспринятого человеком опыта в значения лексических единиц. Последняя обладает методологией широкого спектра, допускающей исследования языковых реалий посредством изучения вербализации ментальных структур различного порядка, а, кроме того, не исключающей и не отвергающей традиционный лингвистический инструментарий, будь то контекстуальный анализ или анализ словарных дефиниций. В расчет в таком случае принимается и ассоциативный эксперимент и лингвокогнитивное моделирование. Последнее условно графически представляет ментальные конструкты различного порядка и специфицирует их вербализацию. Ментальные конструкты (син. ментальные модели, ментальные структуры) благодаря становлению и стремительному развитию когнитивизма существуют в достаточном количестве. Таковыми являются фреймы, концепты, гештальты, сценарии, прототипы. Трактовка данных когнитивных терминов ведется исходя из принципиального постулата сегодняшней науки о том, что в язык проецируются данные об окружающем материальном и абстрактном мире, как результат восприятия, хранения и переработки информации [1; 4, 5; 6]. Таким образом, как утверждают современные когнитивисты со ссылкой на некоторую структурированность, слаженность работы информационной базы в человеческом сознании – функционирует некая «концептуальная система» [10, с. 12; 4, с. 94; 7, с. 13]. Ее составляющие при этом служат единицами, «квантами» знания, предназначенными для манипуляций человеческим сознанием в процессе мыслительных процессов [4, с. 90]. Однако какие именно ментальные конструкты отвечают за когнитивные операции в каждом конкретном случае, определяются по-разному, откуда берет начало и плюрализм мнений на предмет толкования указанного лингвистического инструментария, что выливается в отсутствие единой трактовки, унифицированного мнения по поводу единой, релевантной для всех «концептуальных сокровищниц» ментальной структуры. Соответственно, поиск идеального ментального конструкта, гипотетически способного содержать данные об объекте исследования с последующей проекцией таковых в семантику лексем, целесообразно вести с учетом, как трактовок возможных ментальных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 годы, соглашение № 14.А18.21.0037 от 06.07.2012.

структур, так и выявления специфики рассматриваемой лексики в лингвистическом и экстралингвистическом планах.

Весь плюрализм мнений по поводу строения и качества ментальных конструкторов, несмотря на незначительные и, во многих случаях, значительные расхождения, сводится к общепринятому положению современной когнитивной парадигмы о том, что знания социума аккумулируются в языке и передаются посредством языкового знака. Иными словами, изучая системные единицы языковой картины мира, лингвист получает ответы на вопросы об информационном содержании концептуальной системы в сознании носителей языка. Более того, в компетенцию исследователя входит и возможность ее моделирования и систематизация эмпирического материала посредством анализа его семантического содержания в корреляции с ментальной структурой. При этом характер, качество и строение концептуального конструктора, как показывает системный анализ работ лингвистов-предшественников в русле когнитивного направления, напрямую зависит от специфики выбранного объекта исследования. Согласно такому по логике лингвистического искания ведется сплошная выборка лексем из аутентичных источников и корпусов с параллельной верификацией их дефиниций на предмет полного или неполного соответствия критерия «номинация референта». Учитывая то обстоятельство, что данное исследование ведется с учетом передовых постулатов когнитивной науки, его поэтапность соответствует логике заявленного лингвистического искания. Итак, приступим к детальному описанию поиска концептуальных оснований ментального конструктора.

В качестве объекта исследования в настоящем случае выбрана лексика, коррелирующая с процессом познания, в германских, романских и славянских языках. Выбор такого специфического объекта мотивирован, прежде всего, его специфическим характером, неоднозначной трактовкой, многократно описываемой психологами и философами. Другой причиной выбора такого материала стал интерес и перспективы исследования, обозначенные при разработке темы «Ментальные структуры и их репрезентация лексическими средствами в германских и славянских языках», основные положения которой отражены в монографии [11]. Дело в том, что в рамках работы над предыдущим научным проектом была исследована и систематизирована лексика абстрактной семантики, номинирующая психические процессы в нескольких языковых группах. При этом нами не была учтена и специфицирована процедура процесса познания, его поэтапность. И, как стало очевидно из наблюдения за фактическими данными и результатом анализа научной литературы в области лингвистики и психологии, процесс познания имеет ряд особенностей, несомненно, проецируемых в языковую среду. Изучение, описание и систематизация последних имеет для настоящего исследования принципиальное значение. Соответственно, с учетом междисциплинарного характера когнитивно-ориентированного направления исследования обратимся к трактовке процесса познания в различных смежных с лингвистикой научных областях, укажем принципиальные для настоящего исследования моменты.

Согласно положению общественных наук, познание является философской категорией, описывающей «процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта» [16]. При этом, любая философская концепция, трактует познание исходя из собственных положений, в силу чего и отличается от других. Таковых накопилось достаточно много за весь исторический период философии. Так, например, существуют аналитическое, феноменологическое, психоаналитическое, марксистское, эволюционное, социально-антропологическое и другие понимания познания. Однако положительной особенностью любого философского осознания мира, в том числе и референта номинации выбранного нами объекта исследования, является связь с другими науками, неопровержение их постулатов, позволяющее не только мирно сосуществовать философским концепциям совместно с психологической, нейролингвистической, лингвистической, социологической, логической, информационной, синергетической трактовкой, но и выступать в единстве и тандеме. Кроме того, понятие познания слишком распространено и для обывателя, что позволяет первому распространяться далеко за пределы научного понимания прямо в обыденное восприятие рассматриваемого термина. Отсюда, естественно, формируется устойчивая тенденция восприятия элементов вненаучных и псевдонаучных представлений, однако таковые для нас имеют чисто информационный интерес, в частности при компаративном анализе, который будет проводиться в перспективе исследования [16].

В ненаучном, более или менее обыденном понимании, познание представляется совокупностью способов получения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира. Именно познание легло в основу гносеологии как теории познания. Кроме того, как и любой другой научный или ненаучный феномен, познание имеет определенную классификацию со-

гласно множеству критериев. Таким образом, по форме сознание бывает научным и ненаучным, обыденным и художественным, мифологическим и религиозным. По уровневой организации, познание бывает эмпирического (опытного, чувственного) и теоретического (рационального) уровней. Эмпирический уровень познания заключен в наблюдении и эксперименте, тогда как теоретический представляет собой обобщение результатов эмпирического уровня в гипотезах, законах и теориях [2].

Как было заявлено ранее, «познание» распространено не только как научный термин, но и как обывательское понятие. Естественно, в двух формах экзистенции таковое просачивается в язык и, соответственно, имеет словарное дефинирование. Итак, согласно данным толкового словаря онлайн, познание представляет собой «1. процесс приобретения знаний, постижения закономерностей объективного мира»; «совокупность знаний в какой-л. области» [14]. Именно столь широкое распространение познания, каким бы ни было его понимание, позволяет говорить о его роли для современного социума. Так, например, целью познания, по мнению Декарта, являлось овладение силами природы, а также в усовершенствовании самого человека [2].

Кроме толкования процесса познания в словарях русского языка, существуют интересные трактовки и в другом славянском языке – украинском: Дія за знач. пізнати. || заст. Знайомство, зв'язок з ким-небудь; 2) Відображення в свідомості людини явищ реальної дійсності, їхньої сутності [14].

В группе германских языков, процессу познания соответствуют следующие эквиваленты:

Английский язык - perception; knowledge; experience; kenning; noesis; intellection; knowing; cognition [9];

Немецкий язык - Kenntnis; Einsicht; Erkenntnisse [9].

В романских языках, в частности, во французском, познанию соответствуют лексемы *connaissance* и *cognition* [9].

Иностранные толкования термина познания в германских и романских языках позволяют выявить наиболее схожий для данных языковых групп термин «когниция», который по инициальному названию соответствуют английскому «*cognition*» и французскому «*cognition*». Именно «когниция», как генеративный термин когнитивной науки вмещает в себя и познание, как таковое, и познавание, как процессуальность получения знаний. Трактовка термина «когниция» описывается больше применительно к психологии: «Когниция – 1) познавательный акт; 2) процесс познания» [3] и когнитивной лингвистике. Так, согласно данным Краткого словаря когнитивных терминов когниция – это «центральное понятие когнитивной науки, сочетающее в себе значения двух латинских слов – *cognitio*, познание, познавание и *cogitatio*, мышление, размышление. Обозначает, таким образом, познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации. Включает осознание и оценку самого себя в окружающем мире и построение особой картины мира – все то, что составляет основу для поведения человека. Когниция – все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека. Иногда когницию определяют как вычисление (*computation*) – обработку информации в символах, ее преобразование из одного вида в другой – в другой код, в иную структуру. Разные дисциплины в составе когнитивной науки занимаются разными аспектами когниции: лингвистика – языковыми системами знаний; философия – общими проблемами когниции и методологией познавательных процессов; нейронауки изучают биологические основания когниции и тех физиологических ограничений, которые наложены на протекающие в человеческом мозгу процессы и т.п.; психология вырабатывает прежде всего экспериментальные методы и приемы изучения когниции» [4].

В психологии когнитивные процессы выполняют функцию рационального познания и включают следующую совокупность способностей человека к познанию:

– это способность индивида к чувственной перцепции;

– это способность бессознательной, а впоследствии сознательной интроспекции собственной психической и интеллектуальной жизни.

Наличие данных способностей позволяет дифференцировать подходы к исследованию познания и выделять феноменологический как описание наблюдаемых явлений проявления процесса познания (это соотносится с областью когнитивной психологии) и нейрофизиологический как объяснение процесса познания с точки зрения участия в нем разнообразных физиологических механизмов. Последний, разумеется, находится за пределами обыденного по-

нимания и трактуется исключительно специалистами. В настоящем исследовании мы его, соответственно, не касаемся ввиду столь узкой сферы существования и языковой объективации.

При изучении актуализации процесса познания в языке мы опираемся на исследования когнитивной психологии, которая, согласно анализу способностей индивида к участию в процессах познания, выделяет в его сознании две реальности: «настоящее» – то, что объективно, то, что приходит по перцептивным каналам и не меняется независимо от познавательного процесса и «ментальное», конструируемое субъектом, позволяющее ориентировать в реальности жизни.

Соответственно процессу сознательного и бессознательного познания психология различает явный и автоматический когнитивные процессы. Явные механизмы регулируются субъектом в результате волеизъявления, то есть сознательно контролируются. Скрытые же, напротив, участвуют в бессознательной категоризации. Именно благодаря объективному изучению последних, ученым удалось прийти к интересному умозаключению о том, что бессознательная категоризация происходит на уровне скрытых механизмов познания [8].

Традиционно в психологической науке используется функциональная схема познавательного процесса, которая сводится к построению блоков-схем, объединенных между собой информационными потоками. В результате функционирования схемы познавательного процесса происходит взаимодействие следующих блоков:

- рецепторы (отвечают за первичный анализ информации);
- системы восприятия зрительная, слуховая, кожно – кинестетическая, вкусовая, обонятельная (отвечают за комплексные рефлекторные процессы);
- память (аккумулятор знаний и сенсорной информации);
- репрезентации (бессознательно осуществляют синтез восприятия, концептуального знания и образного кода).

Последние (репрезентации) иллюстрируют наличие ментальных структур. Иными словами, конструирование репрезентации базируется на той или иной ментальной структуре и заключается в поиске релевантной для каждого конкретного случая ассоциируемой информации.

Согласно данным когнитологов, процесс познания условно можно описать посредством следующих действий: 1) рецепторы (зрительные, обонятельные, слуховые, кожно-кинестетические и вкусовые) производят оценку и классификацию раздражителей по физическим параметрам; 2) нервные волокна-проводники осуществляют доставку информации в отделы мозга, расположенные в задней части полушария, где впоследствии происходит обработка данных и формирование образов [8].

Традиционно психология относит следующие процессы к когнитивным: как память, внимание, восприятие, действие, принятие решений и воображение [2], но чтобы определить какие именно лексемы объективируют ментальную структуру когниции обратимся непосредственно к выявлению концептуального содержания ментальной структуры с учетом вышепредставленного лингвистического знания и приведенных ниже словарных толкований.

Thesaurus: knowledge and understanding: knowledge, understanding, information, experience, expertise, awareness, sensitivity, consciousness [19].

Cognition - the process of knowing, understanding, and learning something [18].

Cognition – 1. the mental action or process of acquiring knowledge and understanding through thought, experience, and the senses.

2. [count noun] a perception, sensation, idea, or intuition resulting from the process of cognition [19].

Cognition – 1. the mental action or process of acquiring knowledge and understanding through thought, experience, and the senses.

2. a result of this; a perception, sensation, notion, or intuition [18].

Cognition - 1. the mental action or process of acquiring knowledge and understanding through thought, experience, and the senses.

2. [count noun] a perception, sensation, idea, or intuition resulting from the process of cognition [17].

Итак, согласно интерпретации указанных выше словарных дефиниций, когниция представляет собой, как процесс получения знаний, включающий обработку информации, предшествующую по перцептивным каналам («the mental action or process of acquiring knowledge and understanding through thought, experience, and the senses» [19]), так и само знание, хранящееся в когнитивных структурах сознания индивида («a perception, sensation, idea, or intuition resulting from the process of cognition» [17]). Однако столь детальное описание процесса и результата получения знания в обыденном сознании целенаправленно, сравнительно с узкоспециальным

научным анализом, не происходит. Более того, понятие «когниция», «познание», в двух его ипостасях происходит комплексно, синкретично, как вытекающее одно из другого. Такое целостное отражение реалии познания на концептуальном уровне как нельзя лучше указывает на наличие ментальной структуры, отвечающей, как за синкретизм и целостное восприятие рассматриваемого понятия, вмещающего и процесс и результат, так и за номинацию этих данностей посредством языковых единиц. Такая ментальная структура служит фоном для понимания того, что воспринимается нами как некоторый аспект.

Как свидетельствуют данные современной психологии, любая когнитивная структура также не исключает наличие другой, та, в свою очередь, третьей, более дробной и т.д. Результатом такой структуризации сознания является богатая и разнообразная «фоновая структура, необходимая для полного понимания любой данной ситуации» [11]. Однако при неоспоримом наличии указанных преимуществ, большая часть такой структуры, если не полностью вся структура, не осознается. Интересным наблюдением психологов является положение о высвечивании части в целостной структуре ментальной структуры. Так, процесс понимания, по их мнению, высвечивает только те компоненты ситуации, которые соответствуют ментальной структуре, и «скрывает или преуменьшает значимость тех, которые ему не соответствуют» [12]. Именно такая ментальная структура, вербализуемая лексическими средствами, номинирующими когнитивные процессы, и отражающая синтаксическую специфику объективации ситуации познания в рассматриваемых языковых группах, отражает процесс познания на концептуальном уровне. Именно описанная выше ее организация «часть-целое», динамичная структура с учетом высвечивания, а также способность к дроблению на более мелкие ментальные структуры и объединение в богатый эмпирический фон позволяют нам выработать рабочую гипотезу настоящего исследования о том, что в основе концептуальной организации процесса познания лежит ментальная структура, содержащая сведения о процессе и результате познания. Соответственно, представленные в итоге концептуального анализа сведения лягут в основу условного моделирования такой ментальной структуры, что впоследствии будет способствовать более детальному изучению выбранного объекта исследования.

Итак, для моделирования ментальной структуры требуется выявление ее концептуального содержания, которое, согласно логике когнитивного лингвистического исследования, происходит при учете языкового и неязыкового знания. Соответственно, как было заявлено ранее, когниция как реалья коррелирует с ментальной структурой «Когниция» и имеет следующее концептуальное содержание: компонент «процесс получения знаний» и «результат». Первый компонент является интегративным по отношению к входящим в него частям – концептуальным коррелятам процессов, соотносящихся с реальным процессам получения знаний: вниманию, перцепции, ментальной деятельности, включающей принятие решений, памяти и воображения [2]. Соответственно, наряду с заявленными компонентами к рассматриваемой ментальной структуре относятся компоненты «внимание», «перцепция», «ментальная деятельность», «память», «воображение». Компоненты «внимание» и «перцепция» объективируют концептуальную область «способность индивида к чувственной перцепции», а компоненты «ментальная деятельность», «память», «воображение» коррелируют с компонентом «способность интроспекции». Наличие различных видов познания, как в плане процесса, так и в плане результата (аналитическое, феноменологическое, герменевтическое, психоаналитическое, трансценденталистское, марксистское, эволюционное, социально-антропологическое и др.) позволяет говорить о компоненте «виде» в структуре рассматриваемой ментальной структуры.

При всей очевидности перечисленных концептуальных областей, моделируемая ментальная структура познания является весьма специфическим конструктом именно на том основании, что включает указанные концептуальные области «процесс получения знаний» и «результат», что говорит о ее способности актуализировать явления синкретизма и дискретности психических процессов. Иными словами, в нашем случае, наиболее интересным с точки зрения представления в языке является факт о «разделенности» и «слитного» восприятия референта номинации. Дело в том, что согласно данным психологии, когнитивной психологии и философии, когниция как познание представляет собой некий дискретный элемент сам по себе в совокупности всех составляющих, а также с точки зрения собственного компонентного состава. Но для более детального описания сути указанного феномена, определимся с заданной терминологией и для этого обратимся, прежде всего, к непосредственному описанию лексикографических толкований.

Итак, отраслевые толковые словари определяют понятие «дискретность» как прерывность, которая противопоставляется непрерывности. Например, дискретное изменение какой-либо величины во времени — это изменение, происходящее через определённые промежутки

времени (скачками); система целых чисел (в противоположность системе действительных чисел) является дискретной (см. Непрерывная функция). В физике и химии дискретность означает зернистость строения материи, её атомистичность [2]. Применительно к неязыковому понятию когниции, дискретность следует понимать, скорее, как нарушение однородности, нежели как прерывистость. Все дело в том, что, как очевидно из системного анализа имеющихся в экстралингвистике работ, связанных с разноуровневым описанием феномена когниции, таковую следуют воспринимать и как процесс получения знаний и как сам результат. Более того, процесс получения знаний, как опять же свидетельствует экстралингвистика, заключается в поэтапном участии того или иного познавательного процесса, который в свою очередь определяет и определяется результатом познания одновременно [2]. Таким образом, процесс внимания, действующий в тандеме с восприятием или мыслительной деятельностью несмотря на его «атомарный» по отношению ко всему процессу познания характер, рассматривается дискретно, и тем не менее, ассоциируется с когнитивным процессом, с заведомо прогнозируемым результатом.

При этом, одновременно, все, что связано с процессом и результатом познания воспринимается нерасчлененно, в комплексе, ассоциировано, то есть синкретично. Однако несмотря на собственную распространенность, сам термин «синкретизм» не является сугубо лингвистическим. Изначально, будучи неязыковым феноменом, синкретизм трактуется как слитность, нерасчлененность, характерная для первоначального состояния в развитии чего-нибудь [13]. В психологическом словаре рассматриваемый термин описывается следующим образом: «Синкретизм (от греч. *syn* – с, вместе и лат. *cresco* – расту, увеличиваюсь) – особенность мышления – и восприятия –, характеризующаяся тенденцией связывать между собой разнородные явления, встречающаяся у детей раннего и дошкольного возрастов. По мнению Л. С. Выготского, синкретизм обусловлен стремлением ребенка принимать связь впечатлений за связь вещей. При этом синкретические обобщения – выступает первой стадией в развитии значения слова, для которой характерен диффузный, ненаправленный перенос значения – слова на ряд связанных в перцептивном плане, но внутренне не родственных друг с другом объектов» [13]. Применительно к настоящему исследованию, синкретизм есть ни что иное как ассоциируемое восприятие взаимосвязанных вещей или понятий. Иными словами, несмотря на дискретность понятий «процесс познания» и «результат познания» таковые являются синкретично воспринимаемыми, поскольку, как и все процессы, соотносящиеся с когницией (внимание, память, восприятие, воображение, ментальная деятельность), так и результат, полученный в процессе познания, соотносятся с единым понятием «когниция» и воспринимаются в совокупности либо имплицитно вне зависимости от высвечивания той или иной грани ситуации познания. Кроме того, независимо от количества видов когниции, восприятие данного феномена всегда синкретично. Иными словами, любая сущность, соотносящаяся с процессом познания является синкретичной по отношению к данному понятию и дискретной на том основании, что имеет ряд дифференциальных признаков, отличающих ее от иных, входящих в понятие «когниция» элементов. Именно обоснование дискретности и синкретизма восприятия референта номинации, как нам кажется, способствует более детальному исследованию данного феномена в лингвистическом плане на материале нескольких групп языков.

Итак, междисциплинарный характер когнитивно-ориентированного исследования позволил нам наиболее объективно изучить и систематизировать экстралингвистические данные в области психологии и философии, провести лексикографический анализ, а также выявить наиболее яркие концептуальные основания формирования ментальной структуры, отвечающей за формирование и модификацию значения соответствующих единиц, а также их семантическую дифференциацию. Думается, что работа с научными фактами и эмпирическим материалом в русле лингвокогнитивного моделирования в перспективе исследования позволит выявить особенности отражения в сознании и проекции в рассматриваемые языковые группы столь специфического феномена – когниции.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии : учеб. пособие / Н. Н. Болдырев ; Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с. : ил.
2. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] / Wikipedia®. – 2012. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

3. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд., 2012 г [Электронный ресурс] / Национальная психологическая энциклопедия. – 2012. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/978>
4. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
5. Кубрякова Е. С. Введение. Проблемы представления знаний в языке [Текст] / Е.С. Кубрякова // Структуры представления знаний в языке : сб. науч.-аналит. обзоров / РАН, ИНИОН. – М., 1994. – С. 5 – 31.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 144 – 238 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Едиториал УРСС, 2004 г., – 256 с.
8. Магазов С. С. «Когнитивные процессы и модели» [Текст] / С.С. Магазов. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 248 с.
9. Мультитран [Электронный ресурс] / Мультитран. – 2012. – Режим доступа: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=1&SHL=2>
10. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М., 1983. – 286 с.
11. Прохорова О. Н., Чекулай И. В., Багана Ж., Куприева И. А. Ментальные структуры и их репрезентация лексическими средствами в германских и романских языках: монография. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2012.
12. Сергеева В. М. Язык и моделирование социального взаимодействия [Электронный ресурс] / Владимирский промышленно-коммерческий лицей. – 2012. – Режим доступа: <http://vpkla.ru/books/sergeeva-vm-yazyk-i-modelirovanie-sotsialnoro-vzaimodeystviya-razdel-2/stranica-2>
13. Словopedia [Электронный ресурс] // Большой энциклопедический словарь / Slovopectia.com. – 2007. – Режим доступа: <http://www.slovopectia.com/2/2009/262013.html>
14. Тлумачний словник української мови [Электронный ресурс] / E-slovník. – 2010 – 2012. – Режим доступа: <http://eslovník.com/search/search/?search=%D0%BF%D1%96%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8F>
15. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Форма Слов. - Толковый словарь русского языка V&V Project. – 2010. – Режим доступа: <http://formaslov.ru/>
16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] / Словари и энциклопедии на Академик // Академик. 2000 – 2012. – Режим доступа: http://epistemology_of_science.academic.ru/597/%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5
17. British & World English dictionary [Electronic resource] / Oxford University Press. – 2012. – Mode of access: <http://oxforddictionaries.com/definition/english/cognition>
18. Longman Dictionary of Contemporary English : The living Dictionary. – L. : Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.
19. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A. S. Hornby. – 5 ed. / ed. J. Crowther. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 1428 p.

THE PROBLEM OF COGNITION PROCESS REFLECTION IN THE LANGUAGE SPHERE: CONCEPTUAL BASIS RESEARCH

**O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai
J. Baghana, I. A. Kuprieva
E. A. Sapronova**

Belgorod National Research University

*e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru
chekulai@bsu.edu.ru
baghana@bsu.edu.ru
kuprieva@bsu.edu.ru
663373@bsu.edu.ru*

The article deals with the problem of investigation of conceptual basis of the cognition process in the Germanic, Romanic and Slavic languages. This search is motivated by the necessity of mental structure modeling. The last influences the formation and modification of meaning, provides the semantic variety of lexemes nominating cognition.

Keywords: conceptual basis, the process of cognition, cognition, German languages, Romanic languages, Slavic languages.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ С СИНТАКСИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ

Н. С. Цыбуля

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
ts.nikolai86@gmail.com*

Так как пословица является устойчивым сочетанием слов и законченным изречением, она может восприниматься как языковой эталон. Однако в некоторых пословицах немецкого языка наблюдается нарушение синтаксической структуры. В данной статье осуществляется попытка составления классификации немецких пословиц с отклонениями от грамматической нормы.

Ключевые слова: пословица, устойчивое выражение, отклонение от нормы, эллипсис, синезис, эпизевкис, вокатив.

Пословица как фразеологическая единица неоднократно становилась предметом исследования как отечественных (Виноградов В. В., Чернышева И. И., Щукина И. А., Райхштейн А. Д., Амосова Н. Н., Золотова Л. М., Мокиенко В. М. и др.), так и зарубежных ученых (Schmidt W., Borchard, Wustmann, Schoppe, Schütze, Herzog и др.). Не раз предпринимались попытки составления классификации фразеологизмов. Наиболее широкое распространение получили семантическая, функциональная, структурно-семантическая и лексико-синтаксическая классификации [6, с. 181]. Однако отдельно пословицам уделялось не столь большое внимание. Как правило, рассматривался их семантический компонент, и не учитывалась структура. Более того, пословицы с синтаксическими отклонениями все еще требуют глубокого изучения, так как имеющиеся работы по данной теме (Райхштейн А. Д.) только затрагивают эту проблему и не дают полного описания пословиц, в структуре которых наблюдается нарушение грамматической нормы.

Отклонение от грамматической нормы может проявляться целенаправленно с умыслом создания стилистического эффекта, а также неосознанно, когда семантический компонент доминирует над грамматическим оформлением, или по незнанию, под влиянием диалекта или языковой интерференции. Неосознанное окказиональное отклонение можно считать явлением иррациональным, так как оно возникает на уровне подсознания, и объяснить причины его появления можно лишь при детальном анализе с учетом экстралингвистических факторов.

С точки зрения отклонения от грамматической нормы пословицы представляют собой особый интерес в первую очередь потому, что являются устойчивыми сочетаниями слов. Если в этом сочетании зафиксировано отклонение, следовательно, оно, входя в структуру пословицы, тоже может рассматриваться как устоявшееся. Кроме того, пословица, будучи грамматически и логически законченным изречением [5, с. 3] и, более того, представляя собой устойчивое предложение [6, с. 194], полностью исключает возможность изменения своей структуры. Одним из основных признаков пословиц является их воспроизводимость (Reproduzierbarkeit) [6, с. 194], а это значит, что при их воспроизведении каждый раз повторяется отклонение от нормы.

Данная статья представляет собой попытку составления классификации немецких пословиц, в основу которой положено отклонение от грамматической нормы немецкого языка. Структурная классификация пословиц была представлена А. Д. Райхштейном, который утверждает, что «у ряда немецких пословиц обнаруживаются особые синтаксические структуры, нехарактерные для прочих немецких фраз – устойчивых и свободных. Эти структуры отличаются отсутствием личных форм глагола и соответственно – особой лаконичностью формы, повышенной экспрессивностью и сравнительно нечетким формальным выражением смысловой связи между частями пословицы» [4, с. 44]. Согласно его классификации, выделяются следующие типы пословиц с нарушением синтаксической структуры:

- 1) Kein(e) + N1 + ohne + N2
- 2) N2, N2
- 3) A1N1, A2N2
- 4) (Adv.1) Part. II1, (Adv.2) Part. II2
- 5) Wie + N1, so + N2
- 6) Je + Adv. comp.1, je + Adv. comp.2
- 7) Besser/lieber + N1 + als + N2

8) Erst + N₁/V imper.1/Inf.1 + dann + N₂/V imper.2/Inf.2

С точки зрения характера имеющихся отклонений мы попытались составить классификацию немецких пословиц, для чего с помощью трансформации и катализа восстановили их полную структуру, что позволило судить о присутствующих в них синтаксических аномалиях.

Чтобы в результате развертывания фразы не происходило сбоя на семантическом уровне, использовалось толкование как метод описания семантики синтаксиса, то есть правила, которые позволяют элиминировать конструкцию, заменив ее на другую с более эксплицитной связью между формой и смыслом [3, с. 12].

С целью графического отображения тождества исходной и трансформированной конструкции используется символ ↔, который свидетельствует об обратимом преобразовании исходной конструкции без изменения смысла всего высказывания.

Пословицы немецкого языка с учетом их синтаксической структуры можно разделить на 2 группы:

- пословицы-эллипсисы;
- пословицы, между компонентами которых наблюдается нарушение согласования.

I. Пословицы-эллипсисы представляют собой устойчивые структуры, в которых элиминированы некоторые элементы, однако восстановить их целостную форму не составляет большого труда. В свою очередь, данные типы пословиц можно разделить на те, структуру которых можно восстановить независимо от контекста, зачастую даже при его отсутствии, и те, для восстановления которых необходима конкретная ситуация.

По элиминированному элементу пословицы-эллипсисы можно разделить на следующие группы:

1) пословицы, в которых опущен глагол-связка. Данная группа пословиц является наиболее многочисленной из всех пословиц-эллипсисов:

Wie das Willkommen, so der Abschied. ↔ *Wie das Willkommen ist, so ist auch der Abschied.*

Wie der Acker, so die Frucht.

Wie der Lohn, so die Arbeit и т. д.

Элиминирование глагола-связки часто наблюдается в пословицах, представляющих собой пропорциональные конструкции в виде сложноподчиненных предложений с придаточным сравнения. Следует обратить внимание на то, что в отличие от свободных конструкций, в которых обе части предложения вводятся двойным союзом *je... , desto (um so)...*, в пословицах чаще используется союз *je... , je... : Je später der Abend, je schöner die Gäste.* ↔ *Je später der Abend ist, desto (um so) schöner sind die Gäste.*

Je höher der Baum, je schwerer der Fall.

Je älter die Kuh, je hübscher das Kalb и т. д.;

2) пословицы, в которых элиминируется не только глагол связка или вспомогательный глагол для образования сложной временной формы, но и подлежащее:

Am Tage errungen, am Abend verschlungen. ↔ *Am Tage ist etwas errungen, am Abend ist es verschlungen.*

В зависимости от ситуации, в которой данная пословица используется, подлежащее легко восстанавливается на семантическом уровне. Оно не выражается формально, не эксплицитруется, но подразумевается говорящим: *Heute rot, morgen tot.* В процессе коммуникации легко можно установить, о ком идет речь и кто подразумевается в данной пословице, однако изолированно она не несет информации о субъекте предложения и имеет обобщенное значение. Кроме того, подстановка подлежащего в саму пословицу в данном случае является излишеством, нерациональным использованием языковых средств, а также нарушает целостность устойчивого выражения и противоречит принципу языковой экономии.

Höflich gegen alle, aber mit wenigen vertraut.

Alt genug und doch nicht klug и т. д.;

3) пословицы в виде пропорциональной конструкции, при трансформации которых можно получить простое предложение, вызывают интерес в первую очередь тем, что при восстановлении полного предложения между уже имеющимися элементами возникают различные связи: *Alte Städte, alte Bräuche.* ↔ а) *In alten Städten sind alte Bräuche* или б) *Alte Städte haben alte Bräuche.*

В первом реконструированном предложении (а) первая часть выполняет функцию локатива, указывая на место расположения или существования упоминаемого во второй части. Во втором предложении (б) между правой и левой частью возникают possessивные отношения, в то время как в самой пословице обе части оформлены простым называнием, между обеими частями пословицы не наблюдается никакой синтаксической связи.

В таких пословицах наблюдается отношение экзистенции. В речи бытийные предложения состоят из трех компонентов: один из них фиксирует область бытия, другой указывает на существующий в этой области объект, третий на факт пребывания или наличия [1, с. 222]. Область бытия может выражать пространственное или временное отношение. При нормальном нейтральном употреблении показатель бытия и имя бытующего предмета составляют рему высказывания, в то время как темой является область бытия [1, с. 228]. Из упомянутых трех компонентов бытийных предложений в пословицах-эллипсисах элиминируется основной элемент – индикатор факта бытия, который чаще всего представлен глаголами *sein, existieren, gelten* и др. Оставшиеся два компонента составляют всю структуру пословиц, третий лишь подразумевается.

Andere Zeiten, andere Lieder и т. д.;

4) следующая группа пословиц представлена компрессированными сложноподчиненными предложениями. Являясь пословицами-эллипсисами, эти предложения легко разворачиваются, приобретая вид полного сложноподчиненного предложения: *Ende gut, alles gut. ↔ Wenn Ende gut ist, dann ist alles gut.* В приведенном примере хорошо иллюстрируется данное развертывание.

Ehre verloren, alles verloren и т. д.;

5) в отдельную группу можно выделить половицы, в которых опускается конструкция *es gibt*. В немецком языке таких пословиц довольно много. Они также встречаются в пропорциональных сложноподчиненных смешанных предложениях: *Je mehr Advokate, je mehr Prozesse.* Вторая часть выступает результатом по отношению к первой и выражает возникновение или исчезновение чего-то в результате наличия или отсутствия того, что задается в первой части: *Je mehr Advokate es gibt, desto mehr Prozesse gibt es.* Пример иллюстрирует, что вторая часть предложения зависима от первой, хотя обе части не могут существовать друг без друга. Подобное значение имеет пословица *Kein Alter ohne Jugend.* Однако в данном случае меняется направление влияния одной части предложения на другую. Таким образом, в предложении общается, что невозможно наличие первого компонента *Alter* без второго *Jugend*: *Es gibt kein Alter ohne Jugend.*

Сама по себе конструкция *es gibt* является показателем факта бытия, что свидетельствует об отношении экзистенции. Однако в пословицах, в которых элиминирована данная конструкция не присутствуют все компоненты бытийных предложений, зато появляется дополнительный компонент, вводящий определенное условие.

Kein Acker ohne Disteln.

Keine Regel ohne Ausnahme.

Je mehr Aufsicht, je weniger Einsicht и т. д.;

6) заключительную группу пословиц-эллипсисов составляют пословицы, в которых элиминированы указательное местоимение *es*, выполняющее роль подлежащего или заместителя первого места в предложении, и глагол связка: *Besser abwarten als übereilen. ↔ Es ist besser abzuwarten als zu übereilen.*

Besser auf Worte hören, als auf Schläge warten.

Besser ein Bein brechen als den Hals и т. д.

II. Теперь рассмотрим пословицы, в которых имеется **нарушение согласования** между компонентами.

1) Одним из отклонений в пословицах является использование в роли подлежащего предложения не имени существительного или местоимения, а других частей речи. Данное отклонение является факультативным, так как грамматическая норма немецкого языка позволяет употреблять в качестве подлежащего любую часть речи. Однако в повседневной речи подобные конструкции встречаются довольно редко, поэтому они были отмечены нами как пословицы со структурными аномалиями: *Dreimal umgezogen ist so gut wie einmal abgerannt. Abends ohne Schulden ist morgens reich. Allzu gerecht tut unrecht. Alt an Jahren hat viel erfahren. Kurz und gut ist angenehm. Billig und gut sind selten beisammen. Beinahe bringt keine Mücke um* и др.;

2) Пословицы, в которых наблюдается нарушение согласования между определением и определяемым словом: *Kurz Abendbrot macht lange Lebenszeit.*

Налицо нарушение согласования прилагательного со стоящим после него именем существительным. Подобное нарушение можно оправдать тем, что пословицы происходят из народного творчества и являются продуктом фольклора [6, с. 194].

Alle Tage ist kein Sonntag.

В данном примере глагол *sein* относится ко второй части предложения, а именно, к предикативу, хотя, в соответствии с правилами грамматики, согласование должно осуществляться с первой частью, с подлежащим предложения.

Es lässt sich alles sagen, aber Butter und Brot lässt sich essen.

Die Karte und die Kanne macht manchen zum armen Manne.

В этих примерах мы имеем дело с синезисом, в котором семантический компонент играет более важную роль, чем грамматический, что также приводит к нарушению согласования.

III. В отдельную группу можно выделить пословицы, в которых нарушение нормы является *спорным*.

1) Пословицы, имеющие в своем составе эпизевкис, дословное повторение с целью обращения внимания на конкретный предмет или явление, занимают особое место в предлагаемой классификации, так как не являются эллипсисами, и в их структуре не наблюдается синтаксических нарушений. Однако назвать данные пословицы полными предложениями тоже нельзя.

Простое называние «в чистом виде» в немецком языке может выполнять множество функций. Так, обычное воспроизведение инфинитива глагола, наречия или одной из форм имени существительного с соответствующей интонацией может выполнять побудительную функцию: *Atem anhalten! Zurück! Wasser! Hilfe!* и т. д.

Так и пословица-эпизевкис преследует цель передачи определенной информации. Двойное повторение одного и того же элемента свидетельствует о важности данного высказывания и используется с целью обратить на него внимание собеседника. Кроме того, в компонентах таких пословиц зачастую наблюдается метафорический перенос:

Das alte Lied, das alte Lied;

2) В книге В. К. Харченко «Современная повседневная речь» на материале русского языка продемонстрированы многочисленные примеры использования вокативов: обращения-димиутивы, обращения-комплименты, обращения-метафоры, обращения-окказионализмы, обращения-экзотизмы, посессивы, субстантивированные части речи и др. [7, с. 71 – 82]. В некоторых немецких пословицах за вокатив можно принять целое предложение, так как сказуемое в главной части выражено одной из форм глагола в императиве, то есть это пословицы в форме сложноподчиненного предложения, придаточная часть которых является обращением. Все придаточное предложение выполняет роль вокатива и носит обобщенный характер: лицо, на которое направлено данное обращение, остается неизвестным, но ему в то же время уже приписываются определенные качества или имеющиеся у него возможности, желания или намерения, ср. русск: *Спасайся, кто может!*

Wer guten Rat will, frage den Alten.

Однако наличие в данных предложениях коррелята или возвратного местоимения *sich* наталкивает на мысль о том, что глагол в данных пословицах употребляется не в повелительном наклонении – императиве, что исключает наличие в данном предложении обращения. В таких пословицах используется побудительный конъюнктив (*heischender Konjunktiv*) в третьем лице единственного числа в настоящем времени, который выполняет функцию волеизъявления и совпадает по форме с императивом второго лица единственного числа. Лишь возвратное местоимение *sich* или коррелят *der* свидетельствует о том, что глагол употреблен в третьем лице единственного числа:

Wer Gutes tun will, besinne sich nicht lange.

Wer sein eigener Herr sein kann, der diene keinem andern.

Таким образом, в данных пословицах нельзя говорить об использовании обращения в форме придаточного предложения. Здесь налицо сложноподчиненное предложение с придаточным-подлежащим (*Subjektsatz*).

Приведенную классификацию пословиц с отклонениями от грамматической нормы немецкого языка нельзя считать завершенной. Она лишь кратко демонстрирует возможность нарушения синтаксической связи даже в устойчивых выражениях. Мы попытались представить самые распространенные синтаксические аномалии и не рассматривали единичные случаи, как, например, в пословице *Es gefällt dem Dieb kein Baum, daran er hängen soll*. Придаточные определительные предложения вводятся как правило с помощью относительных местоимений, но в предыдущем примере придаточное присоединяется к главному посредством местоименного наречия «*daran*», что нетипично для немецкого языка. Кроме того, данное отклонение встретилось только в единственной пословице.

Таким образом, проанализировав приведенные примеры, можно сделать вывод, что пословицы, хотя и являются устойчивыми изречениями, могут содержать явное отклонение от

синтаксической нормы. Однако данное нарушение не влияет на их правильное восприятие и толкование.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 384 с.
2. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки: Сборник. – М.: Высшая школа, 1989. – 392 с.
3. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 296 с.
4. Райхштейн А. Д. Немецкие устойчивые фразы. Пособие по лексикологии немецкого языка. – Ленинград: «Просвещение», 1971. – 183 с.
5. Семенова О. А. 2000 русских и 2000 немецких идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний: Словарь с пояснениями и примерами использования. – Мн.: ООО «Попурри», 2003. – 256 с.
6. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка=Lexikologie der deutsche Gegenwartssprache: Учеб. пособие для студ. лингв. и пед. фак. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр "Академия", 2005. – 256 с.
7. Харченко В. К. Современная повседневная речь. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. – 184 с.

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF GERMAN PROVERBS WITH SYNTACTIC DEVIATION

N. S. Tsybulya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
ts.nikolai86@gmail.com*

Since the proverb is a stable combination of words and a complete sentence, it can be viewed as a language standard. However, the violation of the syntactic structure can be detected in some German proverbs. This article is an attempt to classify the German proverbs with the departure from the grammatical norm.

Keywords: proverb, stable phrase, departure from the norm, ellipsis, synthesis, epizeuxis, vocative.

СЕМАНТИКА РОМАНСКИХ СУФФИКСОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С. Я. Янутик

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
yanutik@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению языковых процессов и созданию новых лексических единиц. Рассматривается аффиксация, её грамматические и деривационные функции, их роль и значение, а также заимствования из латинского языка.

Ключевые слова: аффиксация, заимствования, префикс, словообразовательная модель.

Язык находится в непрерывном развитии, включая определённые языковые процессы, в том числе и процесс создания новых лексических единиц.

В современном английском языке встречается большое количество аффиксов как исконных, так и заимствованных. Но не все аффиксы употребляются в качестве словообразующих элементов. Академик В. В. Виноградов отмечает то, что аффиксы, потерявшие свои значения, ставшие непродуктивными и продуктивными лишь как примета той или иной части речи перестают быть аффиксами и лишь потенциально сохраняют свойство выделяемости [3, с. 120]. Поэтому, возникает вопрос, что такое аффикс и каковы его признаки? Большой энциклопедический словарь даёт следующее определение:

Аффикс от латинского *affixus* – прикрепленный, служебная морфема, минимальный строительный элемент языка, присоединяемый к корню слова в процессах морфологической деривации и служащий преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях; важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений [2, с. 59]. Следовательно, аффиксам присущи определенные признаки. Префиксы и суффиксы представляют собой служебные лексические морфемы, не совпадающие с основами самостоятельно функционирующих единиц.

Под функцией аффикса следует понимать его целевое назначение, то есть, с какой целью и для чего он используется и что может передать в отличие от других единиц номинации. В лингвистической литературе следует различать структурную и семантическую функции языковой единицы. Структурная функция аффикса включает грамматическую (морфологическую) и деривационную функции. Деривационная функция в свою очередь связана с использованием аффикса в качестве средства, позволяющего преобразовать имеющуюся в языке основу и создать новую лексическую единицу.

Под префиксом нам следует понимать морфему, которая в своём развитии приобрела соответствующее абстрактное значение и которая ставится перед словообразующей основой, изменяя её значение. Префиксы обычно являются более самостоятельными словообразующими формантами в морфологическом и семантическом отношениях по сравнению с суффиксами. Префикс, не сливается в единый фонетико-морфологический комплекс с формообразующими суффиксами, тогда как словообразующие суффиксы вступают в тесное взаимодействие с формообразующими суффиксами. Как отмечается, префиксы возникают, как правило, из самостоятельных слов (чаще всего из служебных частей речи), поэтому значение производящей основы, с которой сочетается префикс, обычно в некоторой степени сохраняется, то есть не сливается со значением самого префикса в целом, как это имеет место при суффиксации. Существенным фактором, сближающим префиксацию с суффиксацией, является сходство отношений производности между префиксальными и суффиксальными производными и соответствующими производящими основами. При этом также наблюдается и аналогия словообразовательных значений префиксов и суффиксов, что также сближает их как разновидности аффиксального словопроизводства. Под производным словом, вслед за Е. С. Кубряковой, мы будем понимать любую вторичную, обусловленную другим знаком либо совокупностью знаков единицу номинации со статусом слова [7, с. 23 – 24].

Значение и роль аффиксов в словообразовании противоречиво трактуется многими лингвистами. Так, Е. С. Кубрякова, И. Ю. Панкрац, В. А. Фромкин говорят о том, что при образовании нового слова аффиксы присоединяются к корневой морфеме [5, с. 28]. Но есть пред-

положение, что аффикс присоединяется к любому типу производящих основ. Но следует отметить то, что если суффикс, присоединяясь к производящей основе, изменяет часть речи, то префикс изменяет только семантику производящей основы. Другие лингвисты говорят о том, что аффиксы выражают словообразовательное значение в производных словах. Из всего сказанного следует, что аффикс частично выражает словообразовательное значение и имеет возможность существования многозначных аффиксов. Учёный Е. В. Муругова приводит пример, где по модели V+ er образуются существительные лица (teacher – учитель, reader – читатель), абстрактные (retarder – помеха) [10, с. 14].

Аффиксация определяется как способ формирования новых слов путём прибавления словообразовательных аффиксов к различным основам. В соответствии с таким разделением словообразовательных аффиксов на суффиксы и префиксы, аффиксация подразделяется на суффиксацию и префиксацию, которые существенно отличаются. Суффиксы тесно связаны с основой, в отличие от более независимых в плане семантики префиксов.

Словообразовательный анализ производного слова свидетельствует о наличии в его смысловой структуре двух типов значений – словообразовательного значения использованного формального средства и лексического значения, в целом восходящего к мотивирующим единицам.

В закономерностях романского словообразования рассматривается то или иное толкование заимствований из латинского языка. Суффиксальная последовательность в основах на –ere имеет следующие семантические функции:

- 1) значение - ломкий, хрупкий *frangible – f.frangere**;
- 2) значение – мимолётный, летучий – *fugacious L. fugere*;
- 3) значение – играющий, колыхающий, светящийся, блестящий, сверкающий *lambent – L. Lambere*;
- 4) значение – ослабление, повреждение – *labedaction – L.labefacere*.

Для словообразовательной производности показателей семантический сдвиг находится во вторичной единице.

Для большинства суффиксальных морфем характерна известная вариативность семантической функции. Существует еще целый ряд глаголов, заимствованных из латинского языка, которые имеют разнообразные окончания, но и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы видеть, сколь обширно было пополнение словарного состава английского языка, источником которого был латинский язык.

В результате многочисленных латинских заимствований в английском языке образовался целый слой французско-латинских этимологических дублетов, то есть пар слов, из которых одно – французского происхождения, а второе – латинского, но оба восходят к одному и тому же древне латинскому корню. Следовательно, заимствования происходили не только напрямую, но и посредством из других языков.

Глагол составляет основу лексико-грамматической классификации слов по частям речи. Система глагола претерпела изменения, которые затронули и план выражения и план содержания. Это выразилось в исчезновении некоторых форм и появление новых и переосмыслении сохранившихся форм и появлении новой иерархии значений. Правильные глаголы в классической латыни делятся на четыре спряжения. В результате этих изменений народнолатинские глаголы распределились по нескольким следующим группам: первая охватывает глаголы на *-are*. Это первое латинское спряжение. Вторая группа объединяет на *-ire*.

Глаголы на *-re* в английском языке, которые перешли из латинского несут следующее значение: *prelate – L. præltus – sb use of pp. corr. to præferre – прелат*.

Глаголы на *-are* из латинского при переходе в английский язык приобрели:

- 1) существительные на *ion*:
litigation – late L. litigation(n-) – тяжба, судебный процесс;
lariat – L. aptare веревка, аркан, лассо; 2) ловить арканом;
- 2) глаголы:
figure – L. figurare– 1) фигура, внешний вид; 2) изображать, украшать *preparare – L. præparāre – готовить*; *instigate – L. instigāre – побуждать, подстрекать, провоцировать*; *interrogate – L. interrogāre – спрашивать, допрашивать*;
- 3) прилагательные:

* Все примеры, используемые в статье взяты из The Oxford Dictionary of English Etymology / edited by C. T. Onions. – Oxford, 1966. – 1026 p.

tolerable – *L. tolerābilis, f. tolerāre* – сносный, терпимый, удовлетворительный; *probable* – *L. probābilis, f. probāre* – вероятный, возможный, предпочитаемый, правдоподобный; *presense* – *L. prāsēntāre* – присутствие, наличие;

Глаголы с формантой на *-ari* имеют значения в английском языке:

premeditate – *L. prāmediari* – обдумывать, продумывать заранее.

Существительные:

malversation – *L. male versari* – злоупотребление, присвоение общественных или государственных сумм; *testament* – *L. testamentum f. testāri* – тор. завещание, евангелие; *pollicitation* – *L. pollicitatio, f. pollicitāri*.

Прилагательные:

inscrutable – *L. inscrūtābilis, f. IN, scutāri* – непостижимый, загадочный, непроницаемый;

medical – *f. medicāri* – врачебный, медицинский.

Глаголы на *-ura* в английском языке приобрели следующие значения из латинского:

tincture – *L. tinctura* – слегка окрашивать, придавать (запах, вкус и т.п.), *armour* – *L. armātura* – покрывать броней.

В современном английском языке встречаются и имена существительные, заимствованные из латинского с формантой на *-ura*.

Например: *armature* – *L. armatura* – вооружение, броня;

armour – *L. armātura* – вооружение, доспехи, броня.

Глаголы на *-iri* в английском языке образовали прилагательные *partible* – *L. partiri* – делимый подлежащий делению, некоторые латинские заимствования остались без изменения. Например: *tenet* – *L. tenet* – догмат, принцип, доктрина – у существительных.

Заимствования из латинского языка на *-um* в современном английском языке образовали глаголы. Например: *mandate* – *L. mandatūm* – передавать(страну) под мандат другого государства.

Существительные: *vestige* – *L. vestigium* – след, остаток, признак; *nutriment* – *L. nutrimentum* – пища, корм; *vestige* – *L. vestigium* – след, остаток, признак.

Заимствования на *-em* образовали существительные: *liberty* – *L. libertātem* – свобода, вольность, бесцеремонность; *faith* – *L. fidem* – вера, доверие, честность, доверенность.

Суффикс *-are* выделяется в глаголах, существительных и прилагательных. Например: *figure* 1) фигура, внешний вид, облик – *L. figurare* – изображать, представлять, фигурировать, служить символом. *instigate* – *L. instigare* – побуждать, подстрекать, провоцировать, раздуть, *tolerable* – *L. tolerare* – сносный, терпимый, удовлетворительный, довольно хороший

Нужно отметить то, что в суффиксе выделяется словообразуемый элемент. При помощи этого суффикса можно произвести новое прилагательное от любого переходного глагола. *tolerate* – *tolerable* – *L. tollerare*.

Суффикс *-ere* также производит прилагательные. Это было рассмотрено на примерах выше. Этот суффикс производит прилагательные со значением: закоснелый, застарелый.

Глаголы на *-re* обладают почти абсолютной продуктивностью, т. е. они производят слова со значением: прелат на *-are*

Морфема *-ure* в английском языке застыла в функции маркера существительных самой разнообразной семантики. Глаголы на *-are* образуют группу глаголов восходящую к основам настоящего времени.

Следовательно, из проанализированных примеров можно сделать вывод, что латинские словообразовательные модели были усвоены английским языком в трансформенном виде. Также надо отметить, что в английском языке можно выделить продуктивные суффиксы существительных: *malversation* – *L. male versāri*; *testament* – *L. testāmentum* *pollicitation* – *L. pollicitatio, f. pollicitā*.

При помощи суффиксации, как способа словообразования, является ее тесная связь с морфологической системой языка.

Префикс придаёт мотивированным основам большей частью абстрактных существительных значение отрицания, иногда противоположности.

По определению О. С. Ахмановой, «аффиксация – это морфологический процесс, заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам» [1, с. 61].

Префиксы и суффиксы представляют собой служебные лексические морфемы, не совпадающие с основами самостоятельно функционирующих единиц.

Под функцией аффикса следует понимать его целевое назначение, то есть, с какой целью и для чего он используется и что может передать в отличие от других единиц номина-

ции [4, с. 81]. В лингвистической литературе следует различать структурную и семантическую функции языковой единицы. Структурная функция аффикса включает грамматическую (морфологическую) и деривационную функции. Деривационная функция в свою очередь связана с использованием аффикса в качестве средства, позволяющего преобразовать имеющуюся в языке основу и создать новую лексическую единицу.

Под префиксом нам следует понимать морфему, которая в своём развитии приобрела соответствующее абстрактное значение и которая ставится перед словообразующей основой, изменяя её значение. Префиксы обычно являются более самостоятельными словообразующими формантами в морфологическом и семантическом отношениях по сравнению с суффиксами. Префикс, не сливается в единый фонетико-морфологический комплекс с формообразующими суффиксами, тогда как словообразующие суффиксы вступают в тесное взаимодействие с формообразующими суффиксами. Как отмечается, префиксы возникают, как правило, из самостоятельных слов (чаще всего из служебных частей речи), поэтому значение производящей основы, с которой сочетается префикс, обычно в некоторой степени сохраняется, то есть не сливается со значением самого префикса в целом, как это имеет место при суффиксации. Существенным фактором, сближающим префиксацию с суффиксацией, является сходство отношений производности между префиксальными и суффиксальными производными и соответствующими производящими основами. При этом также наблюдается и аналогия словообразовательных значений префиксов и суффиксов, что также сближает их как разновидности аффиксального словопроизводства. Под производным словом, вслед за Е. С. Кубряковой, мы будем понимать любую вторичную, обусловленную другим знаком либо совокупностью знаков единицу номинации со статусом слова [7, с. 23 – 24].

При анализе словообразования (статистическом или динамическом) возникает вопрос: а можно ли говорить о словообразовательном значении как об особом типе языкового значения? Малая вероятность того, что значение даже непродуцированной единицы можно свести лишь к лексическому – подобный подход представляется слишком односторонним, не учитывающим тот факт, что слово не существует само по себе в некоем вакууме. Оно – элемент более крупной и сложной системы, то есть языка, который не сводится только к лексике. По словам И. А. Стернина, лексическое значение слова определяется как «как результат отражения действительности, закреплённый в слове» [11, с. 144]. Если значение простого слова неоднородно, то значение производной лексемы будет ещё более сложным потому, что оно сочетает в себе явный или «затемнённый» след слова.

Под словообразовательным формантом И. С. Улуканов понимает «наименьшее в формальном и семантическом отношениях словообразовательное средство» [12, с. 8]. Одним из элементов, который оказывает существенное влияние на формирование словообразовательного значения, является словообразовательный формант. Мы, вслед за И. С. Улукановым, понимаем как «наименьшее в формальном и семантическом отношениях словообразовательное средство» [12, с. 8]. Роль такого форманта очевидна в случаях аффиксации. По мнению многих лингвистов, такие форманты обладают определённой более или менее абстрактной семантикой (Кубрякова, Мешков, Степанова Marchand, Sapir). Здесь можно упомянуть о полуаффиксах. Следующие лингвисты Р. Г. Зятковская, П. М. Карашук, Т. М. Беляева выделяют помимо семантической грамматическую функцию. Первая функция заключается в наличии и передаче деривату определённого значения *teacher* – фр. *tailleur* *учитель*, то содержание грамматической функции является указание часторечной и категориальной принадлежности деривата. Вышеуказанные функции словообразовательных элементов существуют, что и отражено в определении деривационного форманта. Однако превалирующей функцией называется семантика форманта. Н. Marchand указывает на то, что именно эти две функции порой определяют как критерии разграничения между деривационным аффиксом (семантическая) и функциональной морфемой, т. е. флексией (грамматическое функционирование) [13, с. 157].

Следовательно, роль деривационного форманта в образовании словообразовательного значения обусловлена совокупностью семантической и грамматической функцией, свойственных этому форманту.

Хотя слова с латинским префиксом *ge-* стали проникать в английский язык из французского начиная с 1200 г., словообразующую роль он приобрёл только в XV веке [7, с. 178]. Однако Х. Марчанд полагает, что появлением его английский язык больше обязан французскому нежели латинскому [7, с. 138]. Рассматриваемый суффикс придаёт деривату значение «снова, назад, заново».

С семантической точки зрения префиксы имеют модификационное значение. В значениях мотивированных слов с каждым из данных аффиксов содержится семантический компонент (мо-

дифицирующий признак), добавленный к значению мотивированного слова. И. С. Улуканов указывает, что подавляющее большинство значений префиксов представлены в одной части речи. В нашей статье рассматривается явление формирования и функционирования семантической структуры слова как содержания мотивирующих основ на уровне системы языка.

При этом следует помнить, что словообразовательная модель - всегда явление языка.

По словам И. Г. Милославского значение любой приставки в словаре, трактующем значение морфем, в принципе должно состоять из 2-х частей: видовой и невидовой. Проблема значения приставки заключается в том, чтобы определить значение, которое принадлежит собственно приставке, а не «иным её частям внутреннего» или «внешнего» контекста. И хотя, по мнению И. Г. Милославского, определяя собственно значение приставки, он предлагает, иметь в виду три принципиальные возможности: 1) значение приставки рассматривается как простая разность между значением слова или словосочетания в целом и значением того же слова или словосочетания без данной приставки; 2) значение приставки (частично или полностью) может дублировать те значения, которые уже имеются в других частях соответствующего слова или словосочетания; 3) значение приставки, соединяясь со значением бесприставочного глагола, может создавать новое дополнительное значение, отсутствующее в самых складываемых компонентах [9]. При определении значений приставок существует проблема отделения инвариантного значения приставки от тех значений, которые возникают в результате взаимодействия значений различных частей слова. Приставки присоединяются к значению других морфем, утрачивают свое значение в результате взаимодействия с другими морфемами, создают дополнительные, «приращенные» значения. Особенность приставок из всего сказанного (в посл. случае) состоит в том, что создавая «приращенное» значение, они частично утрачивают свое собственное номинативное значение.

Следующая особенность типов значений, который выражаются с помощью приставок, заключается в том, что некоторые из этих значений являются взаимосвязанными. То есть выражение одного из значений непременно влечет за собой и выражение другого значения. Так выражение многоактного и поочередного действия непременно влечет за собой указание на результат действия. Но можно считать, что это результативность действия, но не особенности его протекания. Дополнительность действия обычно выражает также существование определенного для него заранее предела или неполноту самого действия. Также следует отметить, что ещё одна особенность значений, которые выражаются с помощью префиксов, состоит в том, что эти значения конкретизируются и дублируются.

Процесс словообразования имеет своим результатом получение нового лексического значения по смыслу и по форме.

Префикс *ex-* возник из латинского языка и в настоящее время он является живым и продуктивным в английском языке. Он встречается у существительных, прилагательных и глаголов. У глаголов он имеет значение: *объяснять, оправдывать Explain – объяснять, оправдывать – l. explanare*. Префикс является значимой единицей языка и взаимодействует с другими значимыми единицами, которые выступают в том же слове. Несколько иное значение *ex-* имеет у прилагательных: *expletive* – служащий для запоминания пустого места, дополнительный, вставной. У этих прилагательных префикс *ex-* выражает значение дополнения. Префикс *de-* используется в английском словопроизводстве с XVII века. Префикс *de-* как и *dis-* вошли в английский язык со значением обратного действия в производных от глагольных основ мнения признака в производных от именных основ.

У глаголов префикс *de-* выражает следующие значения:

- 1) обратного действия *defame* – *защищаться оправдывать порочить; позорить; меры;*
- 2) значение лишения, избавления, обмана- *defraud- обманывать, deflect- отклоняться от прямого направления* значения: *уступать – defer- уступать;*
- 3) значения: *уступать – defer- уступать.*

По своей семантике глаголы, которые способны сочетаться с префиксом *de-* имеют свои особенности. Надо отметить тот факт, что это переходные глаголы. В английском языке они не имеют самостоятельных антонимов; поэтому для образования слов с противоположными значениями употребляется префикс *de-*. Он присоединяется к той основе, от которой нам нужно произвести антоним. Например: *carbonize* обугливать, карбонизировать – *decarbonizes* – обезуглероживать.

Что касается прилагательных, данный префикс имеет значение недостаточности, неполноты, неограниченности (*deficient* – *неполный*).

В современном английском языке префикс *de-* употребляется для образования существительных. Подкрепим это положение примерами: *desampment* – выступление из лагеря, *defaulter* – банкрот, растратчик, *deformation* – деформация, *demobilization* – демобилизация.

Префикс *dis-* оформляет глагольные основы, выражая значение действия обратного, выраженному в основе. Он попал в среднеанглийский язык, прежде всего, в составе целого ряда глаголов, взаимодействованных из латинского. Например: *disbar* – лишать звания адвоката, лишать адвокатской практики, *disport-* развлекаться, забавляться, резвиться.

Он (*dis*) образует прилагательные, обозначающие противоположное качество или его отсутствие и образует существительные со значением противоположных значению основы или со значением отсутствия чего либо.

Этот префикс приобретает особую продуктивность в раннеанглийский период. Он продуктивен и в настоящее время.

Префикс *in* в английском языке образовал следующие глаголы:

Infringe o l.infringere fin – *In+frangere* со значением – нарушить закон, посягать *Inform* – *l.informare fin* – *In+forma* (сообщать информировать, доносить, наполнять, *inflict* – *l. Infligere f. In+fligere* со значением наносить удар, причинять, налетать р.376, *inflect* – *l. inflectere – f in In+flectere*, со значением сгибать, гнуть, вознуть, модулировать, *inflate* – *l.inflatus – f.in+flare* со значением: надувать, наполнять газом, надуваться *in flame* – *l.inflammaré, f in In+flamma* со значением воспламеняться, вспыхивать, загораться, *infix* – *l. infigere; in+fix* со значением доносить, наполнять, *inflict* – *l. Infligere f. In+fligere* со значением наносить удар, причинять, налетать, *inflect* – *l. inflectere – f in In+flectere*, со значением сгибать, гнуть, вознуть, модулировать, *inflate* – *l.inflatus – f.in+flare* со значением: надувать, наполнять газом, надуваться *in flame* – *l.inflammaré, f in In+flamma* со значением воспламеняться, вспыхивать, загораться, *infix* – *l. infigere; in+fix* со значением- вставлять, укрепить, запечатлеть, *infest* – *l. infestare, in+festus* – заключать, означать, подразумевать, *infatuate* – *l.infatuare, In+fauus* - означает вскружить голову, свести с ума, *infect* – *l. inficere, In+facere-* заражать.

С префиксом *in-* в английском языке встречается и существительные со значениями – например:

Infinite – *l.infinitus – in2+finite* (масса, множество), *infamous* – *l.infamis – in2+famous* (имеющий дурную репутацию, позорный, постыдный) *inflorescence* – *late l. Inflorescere (In+florescence)* – (соцветие, цветящие, цветорасположение).

Что касается прилагательных, то в современном английском языке их можно встретить со следующими значениями, например:

Infallible – *med l. – infallibilis (in+fallible)* – непреступный, неодолимый, надежный, верный; *inexhugnable* – *l. inexhugnabilis – in2+exhugnabilis (in+exorabilis)* – неодолимый, безжалостный, непреклонный, непоколебимый; *infernal* – *l. Infernalis* – адский, дьявольский, проклятый.

Образования с префиксом *in* употребляется для того, чтобы выразить более узкое, ограниченное и более подчеркнутое понятие.

Префикс *im-* характерен в английском языке в большей степени для прилагательных:

Immanent – *l. immanete im+manete* – присущий, постоянный, имманентный; *impetuous* – *l.impetuosus* – стремительный, порывистый, бурный; *Impudent* – *l. impudens im+rudens* – дерзкий, нахальный.

Он встречается также и у существительных:

Impunity – *l.impunitas – im_raena* – безнаказанность, без вреда для себя; *Imprint* – *l. imprimete, f. im+premete* – отпечаток выходные сведения; *imprimatur* – *l.imprimete* – разрешение цензуры, санкция, одобрение; *Implement* – *l.implete (im+plerte)* – оружие, инструмент, прибор, *impetigo* – *l.impetere (im+petere)*.

Префикс *im* у глаголов образовал следующие значения: *impede* – *l. Impedite (im+pedes* – препятствовать, мешать, задерживать);

Immerse – *l. immergere (im+mergere* – погружать, окунать, поглощать, занимать мысли, *imbibe* – *l.imbiber (im+biber)* – впитывать, поглощать, всасывать, усваивать, *impart* – *l.impartire (Im+part)* – давать, придавать, сообщать, передавать *impute* – *l.imputate (im+putate)* – менять, приписывать к/л; *imprign* – *l.imprignare (im+rignare)* – оспаривать, опровергать *improvise* – *l.improvisus (im+provisos)* – импровизировать, нескоро устроить, смастерить.

В основном этот префикс несёт отрицательное значение.

Improve – *l. prodes* – *улучшаться, совершенствоваться, impignere (im+panhere)* – *ударяться, сталкиваться, нарушать, вторгаться;*

Impel – *l. impellere (im+pellere)* – *приводить в движение, побуждать, принуждать.*

Образования с префиксом *im-* употребляется для того, чтобы выразить следующие значения: препятствовать, задерживать; значение одобрения, сообщения, поглощения, стремления:

Figure – *фигура, внешний вид, облик, образ, изображать, представлять, фигурировать, служить символом;*

Premediate – *l. praemediari* – *обдумывать, продумывать заранее;*

Instigate – *l. instigate* 1) *побуждать, подстрекать* 2) *провоцировать раздувать;*

Tolerable – *l. tolerate* – *сносный, терпимый.*

Рассмотренные нами префиксы, которые употребляются в качестве словообразующих элементов наиболее ярко характеризуют закономерности и лексико-семантические особенности префиксального производства современного английского языка. Ядром словообразовательной парадигмы выступает основа мотивирующего слова. Парадигме свойственно объединять одноосновные производные одинакового словообразовательного такта, но разного словообразовательного значения. Он начинается с основы мотивирующего слова, а основа избирает те аффиксы, которые не противопоказаны ей структурно, грамматически и семантически. Результатом словообразовательного акта является производное слово. Аффикс оформил новое слово грамматически, тем самым, соотнеся его со словами определённой части речи, а семантическая комбинаторика мотивирующего слова и аффикса нашла отражение в семантике производного слова. Следовательно, общее словообразовательное значение моделей деривации строится на базе лексического взаимодействия входящих в неё компонентов. Оно отражается в идентично построенных словарных дефинициях с ключевым словом. В качестве ключевого слова выступает мотивирующее слово.

Из рассмотренных примеров видно, что префиксов больше у глаголов, затем следуют существительные, прилагательные, наречия. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что префиксы имеют большое значение в словообразовательной системе различных частей речи.

Следовательно, приставки выполняют словообразовательную функцию т. е. образуют новые лексемы в сочетании с корневыми морфемами; выполняют грамматические функции; индикацию лексико-грамматического разряда основы и трансформирование основы в новой лексико-грамматический разряд; выполняют семантическую функцию, относят оформление им лексические единицы к определенному семантическому классу.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Комкнига, 2007.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». М.% 1998. – 685 с.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975 – 558 с.
4. Вендина Т. И. Семантическая функция суффикса и сопоставительное изучение славянского словообразования / Т. И. Вендина // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – М., 1994. – с. 81.
5. Весёлая Е. В. Словообразовательное поле глаголов в современном английском языке. Этимологический и структурно семантический аспекты (на основе словаря Concise Oxford English Dictionary, 11th ed. 2004) : дис. канд. филол. наук Ростов н/Д. 2009 г.
6. Зятковская Р. Г. Суффиксальная система современного английского языка. М., 1971 – 187 с.
7. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? – М., 1965 – 327 с.
8. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. – М.: Наука, 1976. – 245 с.
9. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М. Изд-во МГУ – 1980. – 296 с.
10. Муругова Е. В. Словообразовательное поле существительных лица в современном английском языке. : дис. канд. филол. наук: Ростов н/Д, 1997.
11. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж. Издательство Воронежского университета – 1979 – 156 с.
12. Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке – М., Наука, 1977. – 256 с.
13. Marchand H. The categories and Types of Present days English word-formation, Ed.2. Munchen, 1960 – 156 p.
14. The Oxford Dictionary of English Etymology / edited by C. T. Onions. – Oxford, 1966. – 1026 p.

SEMANTICS OF ROMANCE SUFFIXES IN ENGLISH LANGUAGE

S. Ya. Yanutik

***Belgorod National
Research University***

***e-mail:
yanutik@bsu.edu.ru***

The article describes the semantics of Romance suffixes in the English language. Affixation, its grammatical and derivational functions, their role and meaning as well as borrowings from Latin are in the focus of our attention.

Keywords: affixation, borrowings, prefix, derivational model.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 811.161.1:008

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Р. Арабият

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
rabeeiarabyat@gmail.com*

В статье рассматриваются основные типологические и коммуникативно-технологические особенности газеты «Московские новости» (печатной и интернет-версии). Отмечается тот факт, что издание востребовано широкой аудиторией благодаря как успешной деятельности журналистов, так и продуманному сочетанию достоинств традиционных, печатных масс-медиа и новых онлайн-технологий.

Ключевые слова: масс-медиа, «Московские новости», интернет-проект, онлайн-технологии, мультимедиа, инфографика, аудитория, контент.

Современная эпоха исследователями называется по-разному – «постиндустриальной», «постлитературной», «постмодернистской», «информационной», «электронной», «сетевой», «онлайновой». Все эти определения не исключают, а дополняют друг друга, поскольку каждое из них высвечивает один из важнейших признаков современности, порождаемых масс-медиа. «Мы живем, – пишет Н.Б. Кириллова, – в мире медиа – расширяющейся системы массовых коммуникаций» [9]. Современного человека невозможно представить вне этой динамично развивающейся системы, имеющей свои, социально ориентированные цели и задачи.

Значимость масс-медиа и их эффективность определяется сегодня способностью не только оперативно реагировать на информационные потребности аудитории, на ее духовные и политические запросы, но и вовлекать аудиторию в диалог, благодаря которому обеспечивается функционирование самого общества. Масс-медиа – это есть, по определению М. Н. Володиной, «форма общественного диалога» [4].

К сложной проблематике масс-медиа и человека, оказавшегося в информационном пространстве, жестко ими формируемом, обращаются сегодня исследователи разных научных специализаций – философы, антропологи, культурологи, семиотики, социологи, политологи, психологи, лингвисты, когнитологи, юристы, поскольку масс-медиа – это сложный, «многоаспектный феномен, включающий социальные, культурно-идеологические, экономические, коммуникативно-технологические и другие параметры. Многоаспектный характер медиа формирует многообразие концепций, теорий и суждений относительно их сущности» [14]. Востребованность исследований подобного рода объясняется тем, что знание особенностей информационного пространства и, в частности, того сегмента, который представлен новыми, «онлайн-выми» масс-медиа, весьма полезно, поскольку позволяет ответить на актуальные вопросы, касающиеся особенностей разворачиваемого в обществе диалога и формирования его картины мира. Общество, чтобы понять происходящие процессы и выработать механизмы их регулирования, нуждается в знании той коммуникативной сферы, которая сегодня стремится стать господствующей. Масс-медиа давно превратились в мощнейшую общественную силу, способную эффективно влиять на сознание человека.

Система средств массовой коммуникации складывается в обществе, как известно, постепенно и в различные исторические периоды она имеет свои особенности. «Циркулирующая в обществе информация, – отмечает Н. Б. Мечковская, – имеет количественную (параметрическую) и качественную (содержательную) стороны. Параметрические аспекты информационных

процессов, объемы циркулирующей информации, густота каналов связи, интенсивность информационных процессов, тиражи печатных изданий, аудио- и видеозаписей, объемы вещания и размеры аудиторий радиослушателей, телезрителей, интернет-пользователей, – все это допускает измерение на основе теории информации и теории связи и может служить показателем уровня социальной организации конкретного общества. Названные параметры, однако, непосредственно связаны не только с количественными, но и с качественными, содержательными характеристиками коммуникации и, более того, с сущностными чертами самого общества. Дело в том, что по определенному “большому счету” устойчивый носитель информации или ее постоянное “вместилище” (т.е. в широком смысле форма передачи информации), как и сама интенсивность информационного воздействия, значимы» [12].

Современная система средств массовой коммуникации, как говорил Е. Л. Вартанова, это «больше, чем отдельные имена, конкретные названия газет или каналов. Это развивающийся мир со своими тенденциями, достижениями и провалами, “приводными ремнями” и “подводными течениями”... » [2]. Ее характерной особенностью является «диверсификация медийных активов в рамках крупных компаний, преследующая цели постепенного перехода на мультимедийные платформы развития издательского бизнеса» [5].

Одним из факторов, играющих сегодня ведущую роль в области массовой информации, на что обращают внимание многие современные исследователи, становится время, поэтому «новые медиа» все активнее осваивают информационное пространство социума. Уже сейчас функционирует множество сайтов, обеспечивающих широкой аудитории возможность не только самой определять степень социальной значимости тех или иных новостей, «поставляемых» специалистами, профессионалами, но и «делать новости», используя интерфейс сайта.

Активное развитие в последнее время получили новые, распространяемые в Интернете масс-медиа, так называемые «онлайн-медиа» или «онлайн-СМИ». «В настоящее время, – замечает В. В. Кихтан, – мы являемся свидетелями рождения нового вида средств массовой информации – онлайн-медиа, средой распространения которых стала всемирная компьютерная сеть Интернет. С каждым годом в мире растет число онлайн-медиаизданий, как электронных версий уже существующих газет и журналов, так и сетевых периодических изданий, не имеющих аналогов на бумаге... Даже беглое знакомство со всей многоцветной палитрой сетевой периодики как нельзя более наглядно демонстрирует принципиальные ее отличия от традиционной журналистики, что позволяет говорить о ней как о подсистеме средств массовой информации. Эти отличия, далеко не столь заметные при общении с печатной периодикой, теле- и радиопередачами, традиционными носителями которой служат бумага и эфир, становятся определяющим фактором, который позволяет говорить о появлении нового подвида СМИ или составляющей части системы средств массовой информации. “Онлайн-издания” – это, как правило, в первую очередь именно медиаиздания, рассчитанные на интерактивный (в режиме он- или оффлайн) обмен информацией между всеми их читателями, которых в данном случае уместнее было бы назвать со-творцами, со-здателями, со-чинителями журналистского продукта, ведущего самостоятельную оцифрованную жизнь в бездонных недрах Интернета. Поэтому сетевые технологии позволяют потребителю искать и находить то, что ему нужно, а также производить ретроспективный поиск в первоисточниках» [8].

«Онлайн-медиа» представляют собой синтез традиционных и новых технологий оперирования массовой информацией. У них, по сравнению с традиционными, есть свои несомненные преимущества, которые заключаются в уникальной способности быстро реагировать на ситуацию и оперативно сообщать о происходящих событиях, раскрывая их значение и социальный масштаб, подключая при этом к диалогу, обмену мнениями саму аудиторию в качестве экспертов, журналистов и участников событий. «Онлайн-медиа», по справедливому замечанию С. М. Гуревича, дают возможность «для постановки любой проблемы и ее обсуждения» [6].

Рассмотрим в этом ключе газету «Московские новости» (главный редактор – Владимир Гуревич). Обратим внимание в рамках данного исследования на ее важнейшие характеристики: (1) типологические, формулирующиеся на основе выявления общности признаков или параметров (издатель, форма и регион распространения, адресная аудитория, периодичность, формат, форма собственности и т.п.), и (2) коммуникативно-технологические, отражающие практику продуцирования, репрезентации и доставки информации, а также обеспечения к ней доступа и управления ею широкой аудиторией с присущей ей потребностями и технологическими навыками. Такой анализ представляется весьма перспективным, поскольку позволяет осмыслить специфику масс-медиа и его место в информационно-социальном пространстве,

определить характер его отношений с различными социальными субъектами (с властными, политическими и общественными структурами, а также с потребительской аудиторией).

«Московские новости» появились в медиапространстве России в 2011 году как общественно-политическая и деловая газета с выраженными имиджевыми функциями, поскольку среди основных ее задач – не только информирование широкой общественности и прежде всего зарубежной, но и формирование позитивного восприятия России в мире, продвижение ее политических и социальных проектов.

«Московские новости» – это новый, социально, идеологически и технологически продуманный мультимедийный проект, имеющий четыре формата: (1) ежедневная газета, (2) интернет-версия (www.mn.ru), (3) iPad-версия и (4) версия для мобильных телефонов.

Газета «Московские новости», издаваемая ООО «Издательский Дом “Время”» во взаимодействии с РИА Новости, представляет собой полноцветное издание формата К3, выходящее ежедневно (5 раз в неделю) на 20-32 полосах тиражом 50 000 экземпляров. Учредителем газеты «Московские новости» является Агентство печати «Новости» (Российское агентство международной информации «РИА Новости»), которое и определяет характер информационного контента. Значительную часть финансирования газета получает из госбюджета.

Современные «Московские новости» – это своего рода ребрендинг, возрождение уже опробованного и имевшего успех бренда (еженедельник «Московские новости», выходивший в СССР), однако основательно переосмысленного в новой социально-политической и коммуникативно-технологической ситуации.

История газеты восходит к 1930 г., к еженедельнику «Московские новости», который выходил первоначально только на английском языке, затем с 1980 г. – года Олимпийский игр в Москве стал издаваться и на русском языке. В 1991 г. «Московские новости» стали коммерческим изданием, однако в 2008 г. газета вернулась к своему прежнему учредителю и стала выполнять задачи, формулируемые перед ней государственными структурами. По замыслу издателей «Московские новости» должны прежде всего развеять «туман» о России, давая читателям ее новый образ. В одном из своих интервью главный редактор РИА Новости С. Миронюк заявила, что «Россия сегодня возвращает себе место серьезного политического игрока на Ближнем Востоке, борющегося за установление прочного и справедливого мира в регионе... что туман, окутывавший и до сих пор окутывающий российско-арабские отношения, связан с тем, что арабские СМИ черпают информацию о России не из первоисточников, а «в большинстве кормятся тем, что печатают о России на Западе» [13].

В задачи газеты «Московские новости» входит освещение важнейших проблем и тенденций в политической, экономической и культурной жизни России и в мире (США, Европа, Азия, Африка, экс-СССР), поэтому она открыта наиболее значимым событиям в сфере политики, бизнеса, науки и образования, культуры и спорта.

Редакционная политика газеты «Московские новости» ориентирована на принципы качественного освещения событий. Как пишет С.Г. Корконосенко, «качественной прессе свойственны аналитичность, взвешенность оценок, спокойный тон публикаций и главное надежность фактов и мнений» [10].

Анализ опубликованных в газете материалов позволяет прийти к следующему выводу. «Московские новости» можно отнести к качественным изданиям, которым свойственны, как нам представляется, все названные признаки, в том числе внимательное отношение к факту, его разработке и, конечно, к своей аудитории. На страницах издания много глубоких аналитических материалов, а также мнений экспертов (специализирующихся журналистов, профессионалов, политиков и политологов, ученых) по важнейшим проблемам современности. К примеру, колумнист газеты, репортер РИА Новости в Нью-Йорке Лариса Саенко, рассуждая о «загадочной потребительской душе», обращается к мыслям выдающегося российского математика Владимира Арнольда, который утверждал, что «*невежество*», «*отупление масс в современном мире, включая Россию, навязывается специально для поддержания потребительской модели экономики*», поскольку «*начатавшие книги, образованный человек становится худшим покупателем: он меньше покупает и стиральных машин, и автомобилей, начинает предпочитать им Моцарта или Ван Гога, Шекспира или теоремы*» [15].

«Московские новости» позиционируют себя как общественно-политическая и деловая газета, поэтому ведущей становится социальная, политическая и экономическая проблематика, касающаяся жизни России и мирового сообщества, а также информация о культурной жизни и спорте. В специальных выпусках, выходящих по пятницам, преобладают статьи специалистов в области культуры, истории, религии и спорта. Например, Александра Белуза, пытаясь разобраться в особенностях современной политической и культурной жизни регионов, отмеча-

ет, что «инициатива в России всегда была наказуема, и регионалы обычно все делали с оглядкой на федералов, сверяя с генеральной линией каждый шаг. Поэтому причин, по которым в целом ряде регионов позволили себе “распоясаться”, может быть две. Либо сверху вниз посылаются не вполне четкие сигналы, которые читаются неправильно, либо федеральный центр предоставил регионам некоторую автономию в инициативах, перестав тщательно контролировать ситуацию. Опрошенные “МН” аналитики полагают, что проблема в сигналах...» [1].

Газета выгодно отличается внятной социальной позицией, авторским взглядом на проблемы и выверенной, «просчитанной» авторской стилистикой. Не случайно, в газете появляются такие материалы, как, например, интервью издателя Арама Габрелянова, данное журналистке газеты Наталье Каньгиной: «... В русской журналистике очень мало используется прилагательных, сравнений, метафор. Я своих всегда ругаю: ну что вы пишете... ? Я на семинарах говорю: как бы вы сказали о том, что наступила осень? Листья опали... деревья стоят голые. А Есенин как написал? Ответила роца золотая березовым веселым языком... Вот образ. Так же никто не пишет. Ладно, я не требую писать, как Есенин. Но образы никто не использует» [7].

Самыми востребованными жанрами на страницах газеты являются не только новости и фотоистории, но прежде всего аналитические жанры (комментарии, мнения, эссе, проблемные и познавательные-тематические репортажи и интервью), то есть те жанры, которые ориентированы не только на репрезентацию факта и его описание, но и на осмысление его причин и его проекций в будущее. Подтверждение тому находим, например, в публикации Анатолия Левина: «Город невест Иваново – совсем уже не город невест, что подтверждают свежие официальные данные, согласно которым мужчин здесь живет на порядок больше. Впрочем, дело даже не в статистике, а в здравом смысле: сам бренд устарел, а вместе с ним и невесты. Разумеется, достойных девушек, за которых стоит бороться, в студенческом городе с совокупной численностью населения чуть более 400 тысяч, по-прежнему хватает. И свадьбы здесь – дело, в общем-то, не исключительное...» [11].

В прежнем, советском варианте газета «Московские новости» была ориентирована прежде всего на иностранного читателя (в советское время газета распространялась, как известно, в 54 странах мира), выполняя функцию своеобразного «моста между СССР и Западом», поэтому у нее богатый опыт работы с иностранной аудиторией. Сейчас же у газеты есть своя, новая модель целевой аудитории. Это – люди • среднего возраста (как указывает сама газета, «мужчины и женщины в возрасте 30+»), • имеющие высокий социальный статус, обеспечиваемый как высоким социальным положением (служащие государственных, политических, общественных структур, представители деловых кругов, управленцы, журналисты, рекламисты, представители служб связей с общественностью), так и достаточно высоким доходом, • чувствительные к международному контексту жизни. Это те люди, от чьих решений, поступков и гражданской позиции во многом зависит практика жизни современного россиянина. Другими словами, «Московские новости» – это издание, ориентированное на социально активного и образованного человека. Не случайно, редакция называет свою целевую аудиторию «новой интеллигенцией».

Газета «Московские новости» распространяется в Москве и Московской области через розничную продажу и по подписке. Целенаправленно она также рассылается в государственные и политические организации, руководителям крупнейших коммерческих и некоммерческих организаций (как российских, так и иностранных), представителям ведущих российских и иностранных масс-медиа, а также доставляется в VIP-зоны аэропортов Москвы, выполняя таким образом свои не только информационные, но и в том числе имиджевые функции.

Издатели и редакционная коллегия «Московских новостей» открыта новым общественно-политическим и технологическим тенденциям, поэтому появление интернет-проекта издания является логичным. Благодаря ему «Московские новости» стали доступными за пределами России, что сделало их транснациональным изданием. Не случайно поэтому и сайт, и газета имеют варианты на русском, английском и на арабском языках. Интернет-проекты, представляющие собой дополнение традиционных масс-медиа, имеют, как известно, несомненные преимущества перед ними, обнаруживающиеся прежде всего в оперативности, интерактивности и относительно невысокой себестоимости.

Интернет-проект «Московских новостей» (главный редактор А. Богомолов) – это один из самых популярных сегодня интернет-проектов. По данным рейтинговых агентств (см., например: rating.openstat.ru) в июне 2012 г. сайт посетило около двух с половиной миллионов человек. Заметим, что, по данным компании «Медialogия», «Московские новости» вошли в

список самых цитируемых российских газет. Это, несомненно, говорит об эффективности интернет-ресурса «Московские новости», которая достигается благодаря как успешной журналистской деятельности, так и умелому сочетанию достоинств традиционных, печатных масс-медиа и новых онлайн-технологий.

Первоначально интернет-проект «Московские новости» был простым отражением печатной версии, однако затем концепция сайта был переосмыслена, и он был несколько изменен. «Задача сайта MN.RU, – как говорит А. Богомолов, – не публиковать просто статьи, просто фотографии или видео. Мы стремимся к тому, чтобы каждая наша публикация была мини-проектом, мультимедийной историей... в рамках каждого мини-проекта могут использоваться совершенно разные жанры и форматы: фото, аудио, видео, инфографика, комментарии аудитории, слайд-шоу. Разные каналы доступа к аудитории (социальные сети, мобильные приложения) позволяют не только давать информацию, но и получать ее от пользователей» [16]. Социальная значимость для редакции той или иной формы мысли или темы подчеркивает на сайте тем, что в меню первым идет раздел «Мнения», далее следует «Фотоистории», «Политика», «Общество», «Москва», «В мире», «Бизнес», «Происшествия», «Культура», «Спорт» и «Спец-проекты».

При разработке страниц сайта «Московские новости» стремятся к так называемой «дружественности интерфейса», что снижает негативные эффекты, связанные с восприятием текста в электронной версии. Для удобства пользователей дизайн сайта отличается достаточно лаконичной и строгой цветовой гаммой. Яркие цвета (красный и синий) присутствуют практически только в логотипах, рекламе и фотоматериалах. Основной текст передан черным шрифтом на белом фоне, что, как известно, весьма «удобно» для чтения. Следует также отметить продуманность структуры страницы и инфографики: «вынесение» заголовка, слева от текста – изображение, текст не слишком плотный, или, как говорят, «разрыхленный» [3].

Подчеркнем, что между «интернет-аудиторией» и читателями традиционной, печатной версии существуют некоторые различия, прежде всего возрастные, что вполне логично. По словам главного редактора сайта «Московские новости» А. Богомолова, «сайт газеты “Московские новости” привлекает аудиторию, которая для бумажной газеты является, в силу объективных причин, менее доступной... сайт MN.RU старается давать аудитории контент в более привычных для нее форматах, предугадывать ее модели поведения» [16]. Отметим также тот факт, что аудитория сайта постоянно возрастает.

Интернет-ресурсы, как известно, отличаются от традиционных масс-медиа тем, что их контент «подвижен», он постоянно обновляется, дополняется. Редакторы ресурса MN.RU принимают сразу несколько типов обновления: • обновление с установленной периодичностью, то есть каждые три часа; • постоянное и непрерывное обновление, то есть материалы появляются на сайте сразу после поступления их от корреспондентов или информационных агентств. При этом некоторые рубрики (например, такие, как «Мнения», «Колумнисты», «Блоги») могут некоторое время оставаться неизменными. Таким образом, посетивший сайт читатель, с одной стороны, получает оперативную информацию об обстановке в стране и мире, а с другой – может обратиться к аналитическим и публицистическим материалам на одном ресурсе.

Ключевая особенность интернет-проекта «Московских новостей» заключается в интерактивности, которая обеспечивает широкой аудитории возможность выходить на нужную информацию и реагировать на нее посредством оставленного комментария в чате или через такие ресурсы, как «Facebook», «Вконтакте», «Twitter» со ссылками на источник. Кроме того, представлена лента с материалами, которые являются, по определению редакции, самыми востребованными. Для того чтобы оставить свой комментарий, читателю достаточно поставить «лайк» под материалом через страницу «Вконтакте» или «рекомендовать» текст через аккаунт в «Фейсбуке» [16].

Нужно заметить, что между различными сайтами существует своего рода «социальное» взаимодействие, или «социальное партнерство» (А. В. Полонский), которое поддерживается при помощи соответствующих гиперссылок и которое приводит к росту вовлекаемой в коммуникативный процесс информации. На сайте «Московских новостей» мы видим, что практически в каждом материале содержатся гиперссылки на другие текстовые материалы, фото- и видеоиллюстрации. Кроме того, блок с заголовком «Теги» позволяет расширить количество информации по ключевым темам материала. Гипертекстовость, то есть наличие многоходовых ссылок, позволяет создать уникальное информационное пространство, ознакомить читателя с проблемой глубже, убедительнее и во всех возможных аспектах, проекциях, включая историю вопроса. Если же читателя заинтересовал конкретный автор статьи, то он может по ссылке перейти к списку всех его работ в данном издании. «Московские новости» при этом дают ссылки

и на другие источники информации, такие, как <http://www.newsru.com>, телеканал «Дождь», <http://www.gazeta.ru/>, «В Москве» <http://inmsk.ru> (проект РИА «Новости»).

Масс-медиа, представляя свои интернет-проекты не всегда реализуют все возможности мультимедиа, поскольку это зачастую замедляет «загрузку» страницы. Долгий «отклик» может стать стимулом для прекращения работы. Интернет-ресурс «Московские новости», обладая хорошей материальной и технической базой, используют широкий спектр мультимедийности, умело сочетая вербальные, визуальные (иллюстративные), аудио- и видеотехнологии, без увеличения времени «отклика».

Таким образом, «Московские новости» – это новое, но весьма значимое «имя» в пространстве современных масс-медиа. «Московские новости» стремятся донести до своего читателя достоверную и полную информацию о происходящих событиях, предоставляя ему возможность получить дополнительные знания посредством «отсылок» к дружественным интернет-ресурсам. «Московские новости» – как печатная версия, так и интернет-проект – востребованы широкой аудиторией благодаря успешной деятельности журналистов и продуманному сочетанию достоинств традиционных, печатных масс-медиа и новых онлайн-технологий.

Список литературы

1. Белуза А. Перегибы на местах // Московские новости. 19 ноября 2012 г. – Режим доступа: [http://mn.ru/politics_regions/20121119/330970671.html].
2. Варганова Е. Л. Современная медиаструктура // Средства массовой информации постсоветской России / Под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 10 – 85.
3. Вейлер К., Маурер Р. И. Сетевые СМИ: другая журналистика? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.mediasprut.ru/jour/theorie/online/webjour.shtml>.
4. Володина М. Н. СМИ как форма «общественного диалога» // Язык современной публицистики: Сборник статей / Сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта : Наука, 2005. – С. 31 – 43.
5. Григорьев В. Российский рынок периодической печати: состояние, тенденции и перспективы развития // Журналист. – 2009. – № 7. – С. 20 – 23.
6. Гуревич С. М. Апокалипсис отменяется // Журналистика. Медиарынок. – 2011. – № 1. – С. 22 – 24.
7. Каныгина Н. «Когда я мат использую, мне легко доносить мысль» // Московские новости. 14 декабря 2012 г. – Режим доступа: [http://mn.ru/society_edu/20121214/333036562.html].
8. Кихтан В. В. Онлайн-журналистика в России: становление, тенденции и перспективы развития: Дис. ... канд. филол. наук. 10.01.10. – М., 2004. – 237 с.
9. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
10. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 86 – 108.
11. Левин А. Иваново: Национальные обычаи «выстреливают» и в глубинке // Московские новости. 5 октября 2012 г. – Режим доступа: [<http://mn.ru/oped/20121005/328204323.html>].
12. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 584 с.
13. Миронюк С. Интервью. 2 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://gia.ru/news_companu/20091102/191638051.html.
14. Полонский А. В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. – 2012. – № 6. – Режим доступа [<http://www.discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>].
15. Саенко Л. Не ходи в магазин! // Московские новости. 24 ноября 2012 г. – Режим доступа [<http://mn.ru/oped/20121124/331385321.html>].
16. Новейшая история «Московских новостей» // Режим доступа: [<http://www.gipp.ru/print.php?id=40336>].

«MOSCOW NEWS»: TYPOLOGICAL AND COMMUNICATION-TECHNOLOGICAL ASPECTS

R. Arabyat

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
rabeeiarabyat@gmail.com*

The article discusses the basic communicative and technological characteristics of the newspaper "Moscow News" and its Internet project. It must be admitted that the edition and its online version are demanded by a wider audience due to the success of both journalists and thought-out combining of the advantages of traditional, print media and new online technologies.

Keywords: mass media, "Moscow News", online project, online technology, media, infographics, audience, content.

УДК 811.161

СЛОВАЦКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В 1989 – 1992 ГГ.

М. А. Бондарь

*Российский центр
науки и культуры
в Братиславе, Словакия*

*e-mail:
alebond@rambler.ru*

В статье характеризуется трансформация периодической печати Словакии на общенациональном и региональном уровнях после коллапса социалистической системы.

Ключевые слова: общенациональная газетная периодика, общенациональная журнальная периодика, религиозная периодика, региональная периодическая печать.

Формирование новой модели словацкой периодики началось в 1989 г. и проходило первоначально в рамках Чехословакии как единого федеративного государства. Этот процесс, протекавший в 1989-1992 гг., непосредственно связан с падением социалистической системы и началом политических, экономических и социальных преобразований.

В 1989-1990 гг. были созданы новые условия для функционирования прессы:

– во-первых, в конце 1989 г. Федеральное Собрание ЧСФР отменило статью конституции о ведущей роли коммунистической партии, что привело к изменению положения средств массовой информации в политической системе: СМИ перестали быть инструментом политической власти. В то же время в связи со своим новым статусом пресса лишилась государственных субсидий и дотаций и должна была научиться работать в условиях рыночной экономики, то есть сама искать источники финансирования своей деятельности;

– во-вторых, закон № 86/1990 «О периодической печати и других средствах массовой информации» заложил основы для формирования института частной прессы;

– в-третьих, в 1990 г. была ликвидирована система выдачи разрешений на выпуск периодических изданий, и их регистрация стала носить заявительный характер.

Все это привело к стабильному увеличению количества периодических изданий (см. таблицу №1). Однако многие из них, едва успев появиться, исчезали, не просуществовав и года, при этом расходы на издание периодики постоянно возрастали.

Таблица 1

Словацкие периодические издания в 1989-1992 гг [5, s. 93-102; 8, s. 109]

Год	Общенациональные		Региональные издания	Всего
	газеты	журналы		
1989	12	192	122	326
1990	17	293	182	492
1991	18	341	174	533
1992	19	385	293	697

Общенациональная газетная периодика

Следует отметить, что процесс формирования новой системы периодической печати Словацкой Республики имел ряд особенностей и был во многом обусловлен политической ситуацией, сложившейся в 1989-1992 гг. в Чехословакии, в состав которой до 1993 г. входила Словакия.

Открывшиеся в этот период возможности свободно создавать как общественно-политические организации, так и партии, опирающиеся на различные идеологические платформы, послужили отправной точкой для создания многопартийной системы, внутри которой неизбежно возникла конкуренция между партиями, следствием которой стала борьба за голоса потенциальных избирателей. Для того чтобы победить на выборах, созданным политическим и общественным объединениям необходимо было, с одной стороны, консолидировать усилия своих членов и сторонников, а с другой – повысить доверие к себе со стороны избирателей с целью увеличения процента голосов, отданных за них на выборах. Достичь этих целей было невозможно без широкого информирования общественности о деятельности партийных и общественных организаций, поэтому одной из характерных особенностей этого периода являются попытки создания партийной печати.

К созданным в 1989-1992 гг. партийным изданиям, чья целевая аудитория складывалась, с одной стороны, из членов политических или общественных объединений, а с другой – их потенциального электората [2], относятся:

– газета «Гласность» (Verejnost', 1989 – 1992), которая был органом «Общественного движения против насилия» (VPN), на тот момент главной оппозиционной силы в Словакии, и выходила 1-2 раза в неделю. В 1992 г., после того как члены названного движения перешли в другие политические партии, газета прекратила свое существование;

– «Народная газета» (Ľudové noviny, 1989 – 1990), орган Социал-демократической партии Словакии, существовала очень короткое время. Она была создана для проведения предвыборной кампании и после проведения выборов была закрыта;

– газета «Время» (Čas, 1989 – 1991) была выразителем идей Демократической партии. Впервые газету под таким названием стали издавать представители словацкого демократического движения в 1944 г. во время Словацкого народного восстания. В 1945-1948 гг. она была органом Демократической партии и выходила тиражом 80 тыс. экз [10, s. 28 – 29]. В феврале 1948 г. партию распустили, но выпуск газеты был продолжен, поскольку официальным преемником Демократической партии стала партия Словацкого возрождения. Газета стала выходить тиражом 200 тыс. экз [10, s. 25]. под новым названием «Народ» (Ľud). В 1989 г. обновленная Демократическая партия снова стала издавать газету «Время», однако издание оказалось нерентабельным, а партия не была готова длительное время покрывать убытки из своей партийной кассы.

– «Словацкая газета» (Slovenský denník, 1990-1994) – орган Христианско-демократического движения (KDH), продолжившая традиции одноименной газеты, которую в 1910 г. в Будапеште начал издавать Милан Ходжа и которая во времена первой Чехословацкой республики являлась органом словацкого филиала аграрной партии. Учредители «Словацкой газеты» исходили из того, что более 40 лет словакам не хватало политической газеты христианской ориентации. Преследовали они и более прозаические цели: в июне 1990 г. должны были состояться выборы, на которых Христианско-демократическое движение хотело добиться успеха. «Словацкая газета» стала выходить тиражом 100 тыс. экз., однако вскоре ее тираж снизился до 60 тыс., а к моменту ее закрытия в 1994 г., едва достигал 15 тыс. экз. Причину резкого сокращения читательской аудитории следует искать в неактуальности тем, поднимавшихся в газете, и ее плохом графическом оформлении;

– газета «Коридор» (Koridor, 1992-1993) – рупор «Движения за демократическую Словакию» (HZDS) – выступала за независимость Словакии. Газета начала выходить тиражом 60 тыс. экз. Затем в её деятельности наметилась тенденция, характерная для всей словацкой партийной прессы: произошло падение тиражей, сопровождавшееся ростом долгов, следствием чего стало закрытие газеты.

Этим вновь созданным газетам не удалось закрепиться на только что начавшем формироваться словацком рынке прессы. Причина этого не только в том, что они не имели достаточных источников финансирования. Падение тиражей произошло вследствие конкуренции с электронными СМИ, сокращения доли читателей, выписывающих газеты, неразвитости рекламного рынка. Причины неудачи партийных газет заключались и в том, что эти печатные издания создавались «под выборы» и не имели четких стратегии своего дальнейшего развития.

Вторая характерная особенность формирования периодики Словакии была обусловлена тем, что в 1989 – 1992 гг. перед словаками остро встала проблема национального самоопределения. Для чехов, имевших в прошлом свою государственность (X – середина XVII в.), которые в 1918 – 1939 гг. и в 1945 – 1992 гг., ощущали себя государствообразующей нацией в составе Чехословакии, основной задачей после распада социалистического лагеря стала демократизация общества и реформирование экономики. Словаки же, имевшие номинально свою государственность только в 1939 – 1945 гг., видели свою главную цель в ее обретении. Следствием этого стала дестабилизация обстановки в стране и крайняя политизация печатных СМИ Словакии. Поэтому в 1989 – 1992 гг. наиболее востребованными стали газеты и журналы, пропагандировавшие идею «национального возрождения».

К таким изданиям относятся:

– ежедневная газета «Народное возрождение» (Národná obroda, 1990 – 2005), в качестве издателя которой в 1990 г. выступило тогдашнее словацкое правительство. В 1991 г. газета перешла в собственность редакционного коллектива. Редакция газеты стремилась опираться на традиции, заложенные словацким поэтом, публицистом, литературным критиком и одним из организаторов Словацкого национального восстания Ладиславом Новомеским (1904 – 1976), выступавшим в 1945 – 1948 гг. за возрождение словацкой нации. Эта газета с момента

своего основания отличалась, с одной стороны, от печатных изданий других партий и общественных движений, а с другой – от изданий, имевших ярко выраженные черты националистической прессы, поскольку ставила цель стать оперативным, информированным и объективным источником информации для словацкого населения.

По сути это была первая попытка создания в Словакии качественной независимой газеты. Несмотря на то, что в качестве издателя выступило само словацкое правительство, оно же само настояло на том, чтобы «Народное возрождение» выходило с подзаголовком «независимая газета граждан Словакии». Наибольший тираж газета имела в 1991 г. – 80 000 экз.; потом тиражи начали резко падать в связи с постоянным сокращением читательской аудитории. Если в 1995 – 1997 гг. ежедневная аудитория газеты составляла около 4,4 до 4,6% населения страны, то 1998 – 1999 гг. она снизилась до 2% (соответственно, тираж составил 20 000 экз.) [8, s. 111];

– «Литературный еженедельник» (*Literárny týždenník*), созданный в 1988 г. по разрешению Коммунистической партии Словакии и ставший в начале 90-х гг. прошлого века центром общественных дискуссий в стране. В 1990 – 1992 гг. еженедельник занял отчетливо националистическую позицию. К числу авторов этого издания принадлежал, например, участник Словацкого национального восстания 1944 г., писатель Владимир Минач (*Vladimír Mináč*), который в 1992 г. организовал общественное движение «Конгресс словацкой интеллигенции в Доновалах» (*Kongres slovenskej inteligencie na Donovaloch*). Декларация, принятая на учредительном собрании этого движения, оказала решающее влияние на формирование независимой Словацкой Республики;

– еженедельная «Словацкая народная газета» (*Slovenske narodne noviny*, 1990), в качестве издателя которой выступило культурно-научно-просветительское общество «Словацкая матица». Продолжая традиции одноименной газеты, издаваемой Л. Штуром с 1845 по 1848 г., журналисты новой «Словацкой народной газеты» последовательно отстаивала право словаков на самоопределение;

– еженедельная газета «Новый словак» (*Nový Slovák*, 1992 – 1993), пропагандировавшая идею независимого словацкого государства и по духу напоминавшая газету «Словак», выходившую в 1938 – 1945 гг. Это издание воспринималось определенной частью населения Словакии как экстремистское. Так, например, газета открыто заявляла, что ей интересны только люди, разделяющие идею обретения Словакией независимости. Значительную часть материалов в ней составляли интервью с известными политическими и общественными деятелями, видными деятелями культуры, в которых те высказывались по вопросу обретения Словакией суверенитета. Газета была закрыта в 1993 г., когда ее тираж с 35 тыс. экз. упал до 15 тыс.

В оппозиции к курсу названных выше газет в начале 1990-х гг. XX в. оказался выходивший с 1946 по 1993 г. еженедельник «Культурная жизнь» (*Kultúrny život*), который занял либеральную прочехословацкую позицию. Эта позиция нашла поддержку у ряда таких созданных в это время независимых общественно-политических изданий, как «Арена и фрагмент К» (*Arena и Fragment K*), «Форум гражданского общества» (*Forum občanskej spoločnosti*). Несколько особняком стоит в этом ряду еженедельник «Мосты» (*Mosty*), издававшийся с 1991 по 2007 г. сначала еженедельно, а затем два раза в месяц. В 1991-1992 гг. редакция журнала не только заняла прочехословацкую позицию, но и активно выступала за сохранение федерации, а после разделения ЧСФР свою задачу видела в поддержке идеи «чехословацкой взаимности» [11].

Процесс поляризации печатных словацких СМИ в это время идет не только по вопросу существования Чехословакии как единого государства, но и о выборе политического и экономического пути развития страны. Следствием этого стало размежевание газет по политическим пристрастиям на левые и правые, что является еще одной характерной чертой формирования новой системы периодической печати Словацкой Республики в 1989 – 1992 гг.

Выразителем левых взглядов становится общественно-политический еженедельник «Новое слово» (*Nové slovo*), созданный еще в 1944 г. во время словацкого национального восстания. После подавления восстания издание «Нового слова» было приостановлено и возобновлено в 1945 г. по инициативе Густава Гусака. Однако в конце апреля 1952 г. в рамках борьбы с так называемым буржуазным национализмом еженедельник снова был закрыт и появился в киосках только в 1968 г., т.е. во время «Пражской весны». Хотя «Новое слово» было органом словацкой компартии, в годы перестройки этот еженедельник активно выступал за демократизацию общественной жизни в рамках существующего на тот момент социалистического строя, благодаря чему завоевал репутацию одного из наиболее критически настроенных словацких периодических изданий.

В 1991 г. редакция «Нового слова» столкнулась с резким падением тиражей. Видимо, чтобы привлечь внимание читателей к еженедельнику, в 1994 г. его переименовали в «Новое слово без респекта» (Nové slovo bez rešpektu). Однако и это его не спасло, и в 1998 г. его издание было прекращено. Через год, в 1999 г., появился еженедельник «Слово» (Slovo), который можно рассматривать в качестве идеологического преемника «Нового слова», поскольку редакционный коллектив по-прежнему придерживался левых взглядов в освещении политической, культурной и экономической жизни страны. В 2010 г. вышел последний печатный номер «Слова»; в настоящее время этот еженедельник выходит только в интернет-версии [12].

На читателей, придерживающихся правых взглядов, был рассчитан выходивший в 1991 – 1996 гг. еженедельник «Домино-эффект» (Domino efekt), а с 1997 по 2007 г. его преемник «Домино-форум» (Domino fórum), имевший подзаголовок «критический еженедельник о политике, экономике, цивилизации и культуре». В последний год своего существования в связи с финансовыми трудностями «Домино-форум» выходил два раза в месяц. «Пришло время, когда мы должны признать, – говорится в редакционной статье, опубликованной в последнем номере издания, – что мы игнорировали требования рынка. В то время как периодическое издание должно время от времени обновляться, читатели длительное время получали «Домино-форум» в неизменной форме» [6].

Из названных периодических изданий в настоящее время выходят в свет только «Словацкая народная газета» и «Литературный еженедельник». Последний, несмотря на свое название, представляет собой скорее общественно-политическое, чем культурно-просветительское издание. Сейчас придерживающийся консервативной линии «Литературный еженедельник» издается Ассоциацией словацких писателей и выходит один раз в две недели (ранее он выходил один раз в неделю). Остальные культурно-просветительские и общественно-политические периодические издания были закрыты, что, как считает А. Бобраков-Тимошкин, стало следствием «падения читательского интереса к общественно-культурной проблематике» [1] в сложившихся новых реалиях постсоциалистического пространства.

Общенациональная журнальная периодика

Для общенациональной журнальной периодики 1989-1992 гг. характерно появление новых изданий, различных с точки зрения типологии и периодичности выхода в свет.

В 1990 г. выходит в свет первый номер бульварного, а по терминологии Дануши Серафиновой и Йозефа Ватрала (Danuša Serafinová, Jozef Vatrál), иллюстрированного и развлекательного журнала [9, s. 314] «Плюс 7 дней» (Plus 7 dní). Новым для словацкого рынка становится появление в 1991 г. экономического журнала «Тренд» (Trend). Большой популярностью в это время пользуются также журналы, публикующие на своих страницах телевизионные программы. В 1990 г. начинают издаваться еженедельники «Радио и телевидение» (Rozhlas a televízia) и «Евротелевидение» (Eurotelevízia), а в 1991 г. – выходящий два раза в неделю журнал «Теле плюс» (Tele plus). Выпуск первого был прекращен в 1996 г; остальные два выходят и в настоящее время.

Кроме того, в это время появляются периодические издания, которые ранее никогда не издавались в Словакии. Это, например, журналы для мужчин и рекламные журналы.

К особенностям этого периода развития журнальной периодики можно также отнести увеличение количества узкоспециализированных изданий. Наряду с издававшимися ранее журналами, посвященными искусству: «Памятники и музеи» (Pamiatky a muzea, 1952 г.), «Музей» (Muzeum, 1953 г.); литературе – «Точка зрения словаков» (Slovenske pohľady, 1846 г.) «Обзор мировой литературы» (Revue svetovej literatury, 1965 г.), «Ромбоид» (Romboid, 1966), «Культура слова» (Kultura slova, 1967 г.), «Прикосновение» (Dotyky, 1988 г.), появляются еще три журнала. Это «Историческое обозрение» (Historicka Revue, 1990 г.), «Книжное обозрение» (Knížna revue, 1991) и «Народное просвещение» (Narodna osveta, 1991). Все эти журналы, имеющие различную периодизацию (от ежемесячной до ежеквартальной) издавались небольшими тиражами и в 2010 г. В качестве их издателей выступают различные общественные организации.

Религиозная периодика

В 1989 – 1993 гг. возрождается религиозная периодическая печать.

В 1990 г. растет тираж еженедельной «Католической газеты» (Katólicke noviny), первый номер которой датируется 1849 г. и которая в 1951-1989 гг. издавалась под надзором государства и имела мизерный тираж. В 90-е гг. ситуация резко меняется - она входит в десятку самых читаемых периодических изданий Словакии – благодаря тому, что на ее страницах не только рассказывается о жизни католической церкви в Словакии, но и поднимаются актуальные про-

блемы общественной жизни, развития словацкого языка, культуры, литературы. В настоящее время еженедельник издается издательством «Общество святого Войтеха» (Spolok sv. Vojtecha) и имеет подзаголовок «Традиционная газета современного христианина».

В 1989–2005 гг. ежеквартально выходил бесплатный журнал «Борьба за души» (Zápas o duši), издание которого осуществлялось за счет добровольных пожертвований. Поскольку редакция журнала ставила своей единственной целью формирование религиозного мировоззрения читателей, то ее внимание было сосредоточено исключительно на церковной жизни и теологических вопросах. В нем, в отличие от «Католической газеты», принципиально не публиковались материалы, поднимающие важные для общества проблемы. Узко теологическую направленность имеет также издающийся ежеквартально с 1990 г. издательством «Семинар священников в честь святого Горазда» (Kňazský seminár sv. Gorazda) журнал «Горазд» (Gorazd).

В это же время легальный статус приобретают издания, предназначенные для молодежи, распространявшиеся до 1989 г. в самиздате:

– ежемесячный журнал «Зерно» (Zrno), ставящий своей целью осуществление религиозного воспитания молодежи в доступной для них форме и на понятном для этой возрастной группы языке;

– ежемесячный журнал «Свет» (Svetlo), выходящий с 1989 по 2004 г. и рассчитанный на детей в возрасте от 10 до 14 лет.

Для словаков, исповедующих протестантство (таких в Словакии по официальным данным 11%), издается журнал «Творчество» (Tvorba). Основанный еще в 1940 г. словацким поэтом, переводчиком и протестантским священником Э. Б. Лукачем (E. B. Lukáč), журнал выходил 1 раз в год. В 1991 г. меняется его периодизация: с 1991 по 1996 г. он выходит 10 раз в год. На его страницах публикуются как материалы общественно-политической, культурно-просветительской и религиозной тематики, так и художественные произведения. В 1996 г. вследствие банкротства издательства «Tranoscius», финансировавшего выпуск журнала, вышел только один номер журнала. Для спасения журнала в 1997 г. было создано издательство «Творчество-Т» (Spoločnosť pre Tvorbu T Tvorba-T), и с 1997 г. журнал выходит четыре раза в год при финансовой поддержке словацкого министерства культуры.

Региональная периодика

До 1989 г. Словакия делилась на 3 области (края), включая Братиславу.

Соответственно, издавались три ежедневные областные газеты – «Голос народа» (Hlas ľudu), «Курс» (Smer), «Восточнословацкая газета» (Východoslovenské noviny) тиражом 40 – 60 тыс. экз. – и две ежедневные городские газеты. Одна в Братиславе, имевшей статус области, – «Вечерняя газета» (Večerník) тиражом 50 тыс. экз. – и вторая в Кошицах – «Кошицкий вечер» (Košícký večer) тиражом 28 тыс. экз. Их финансирование осуществлялось областными и городскими комитетами словацкой коммунистической партии и местными органами исполнительной власти. После прекращения ими финансирования региональной периодики в 1991 г. редакционные коллективы, с одной стороны, вынуждены были искать новые источники финансирования, а с другой стороны, избавившись от опеки партийных органов, получили возможность расширить тематическую составляющую своих изданий, прежде всего, конечно, за счет реализации принципа плюрализма.

Газета «Голос народа», находившаяся некоторое время в собственности издательства «Аш-пресс» (H-Press) была, например, из областной трансформирована в межрегиональную и стала выходить с подзаголовком «Голос четырех западнословацких и четырех центральнословацких областей». Потом эту газету короткое время издавало ООО «Мабекс» (Mabex, s. r. o.), после чего газета была продана АО «ВМВ» (VMV, a. s.), руководство которого 31 марта 2000 г. и приняло решение о ее закрытии.

Газета «Курс» с 1992 г. стала называться «Словацкий восток» (Slovenský východ). Смена названия была не случайной. В 1918 г., еще когда Словакия входила в состав Венгрии, вышел в свет тиражом 500 экз. первый номер одноименной газеты, которая стала, как считает Ян Джуйко (Ján Džujko), «первой словацкой региональной газетой и одновременно пионером словацкой прессы, издававшейся в Восточной Словакии после 1918 г.» [4, s. 198]. До образования Чехословакии журналисты «Словацкого востока» видели свою цель в консолидации словаков, проживавших в восточной части Венгрии, на основе пробуждения в них чувства национального самосознания. Во время существования первой чехословацкой республики газета, выходящая с 1918 по 1937 г., активно пропагандировала идею чехословацкой взаимности. В 1992 – 1996 гг., до своего слияния с проправительственной газетой «Луч» (Lúč), она не скрывала своего оппозиционного характера и своего критического отношения к политике, проводимой

М. Мечъяром. По сведениям журнала «Тренд» правительство В. Мечъяра выделило на создание газеты «Луч» 40 млн. словацких крон [3].

Газета «Луч» сыграла особую роль в развитии постсоциалистической региональной периодики в Словакии. Она была создана в 1992 г., а через год, в 1993 г., произошло слияние газеты «Луч» с «Восточнословацкой газетой», и она стала выходить под названием «Луч – Восточнословацкая газета» (Lúč - Východoslovenské noviny). По данным фонда Фридриха Эберта, после создания газеты «Луч» издательский холдинг «Восточнословацкий металлургический завод – ВМЗ» (VSŽ), а также все смежные предприятия всю рекламу стали отдавать названной газете, в связи с чем издатель «Восточнословацкой газеты» оказался в очень трудно финансовом положении и был вынужден согласиться на слияние газет «Луч» и «Восточнословацкой газеты» [7, s. 9].

Это была единственная ежедневная межрегиональная газета, которая смогла успешно конкурировать с общесловацкими ежедневными газетами. Ее успех объяснялся следующими причинами:

– во-первых, новая газета опиралась на традиции издания «Восточнословацкой газеты», в которой широко освещались не только события, происходившие в регионе, но и в целом в стране и за рубежом [3];

– во-вторых, в то время мощный издательский холдинг «Восточнословацкий металлургический завод – ВМЗ» (VSŽ), частью которого, в частности, была газета «Луч – Восточнословацкая газета», имел возможность дотировать издание, вследствие чего газета продавалась по существенно более низким ценам, чем другая словацкая периодика [8, s. 126]. В 1999 г. после банкротства издательского холдинга она была продана немецкой издательской группе «Ферлагсgruppe Пассау» (Verlagsgruppe Passau), а в 2000 г. прекратила свое существование вследствие слияния с другой региональной газетой «Корсар» (Korzár).

После 1989 г. наметилась тенденция к росту городских вечерних газет. Наряду с издававшимися до 2000 г. в Братиславе «Вечерней газетой» и до 2004 г. «Кошицким вечером» стали выходить еще две газеты: с 1993 по 1999 г. «Вечерняя газета» (Večerník) в Банска Быстрице тиражом 3 – 5 тыс. экз. и с 1990 по настоящее время «Прешовская вечерняя газета» (Prešovský večerník) в Прешове тиражом 10 тыс. экз.

Новым для словацкого регионального рынка СМИ было также появление и резкое увеличение количества районных и городских рекламных периодических изданий.

Диаметрально противоположная тенденция наметилась в области издания заводской прессы (известной в России до 1991 г. как многотиражная печать). Количество заводских газет постепенно уменьшалось, а оставшиеся трансформировались в так называемую корпоративную прессу, обеспечивающую необходимую предприятиям связь с общественностью.

В целом, после 1989 года заметно расширился объем новостных изданий, в т. ч. журналов, улучшилось и их полиграфическое исполнение. Например, в «Новом словаке» при подготовке газеты к изданию впервые в стране была применена компьютерная верстка: в типографию представлялся уже готовый оригинал-макет, который нужно было только механически размножить, дополнив фотографиями, место и размеры которых на всех полосах газеты были уже точно определены. В то же время появился первый налет бульварности, иногда в опубликованных материалах нарушались этические принципы вследствие все еще недостаточного понимания журналистами того, в чем заключается журналистская независимость в творчестве и какова степень их ответственности перед обществом, а в некоторых случаях наблюдался и недостаточный уровень профессионализма. Одним словом стандартный набор симптомов, свойственных переходному периоду, когда пресса переходила из сферы государственного регулирования в частные, не всегда опытные руки [5, s. 100].

Таким образом, анализ процесса формирования новой системы периодической печати Словацкой Республики в 1989 – 1992 гг. показал, что для этого этапа характерны следующие особенности:

– во-первых, стремительный рост количества периодических изданий и нестабильность рынка печатных СМИ Словакии;

– во-вторых, передача в процессе приватизации государственных и партийных газет и журналов в частные руки посредством акционирования их трудовыми коллективами;

– в-третьих, расцвет партийной прессы, обусловленный происходящими в стране политическими преобразованиями (строительство многопартийной системы, ставшее возможным после 1989 г. вследствие ликвидации монополии словацкой коммунистической партии на власть);

- в-четвертых, политизация печатных СМИ, связанная с необходимостью решения насущных на тот момент для словаков вопросов, связанных с национальным самоопределением, а также выбором дальнейшего политического и экономического пути развития Словакии;
- в-пятых, появление периодических изданий, ранее никогда не издававшихся в Словакии, например: журналы для мужчин и рекламные журналы;
- в-шестых, возрождение религиозной периодической печати;
- в-седьмых, трансформация традиционной региональной периодики, существовавшей во времена социалистической Словакии, в соответствии с новыми экономическими условиями и требованиями рынка, а также резкое уменьшение количества заводских газет («многотиражек»).

Список литературы

1. Бобраков-Тимошкин А. Словацкая культурная периодика: расцвет или упадок? // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре, 2004, № 4. – С. 125-130.
2. Дранишников Е. А. Партийные издания в структуре печатных СМИ России: типологические характеристики и содержание (на примере прессы политических партий 2008–2011 гг.). // Медиаскоп, 2011, вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/956> (дата обращения: 25 апреля 2012).
3. Čikovský K. Kúpou Lúča na trh regionálnej tlače vstúpil nemecký koncern Verlagsgruppe Passau. // ETREND – 1999, 17.02. URL: <http://www.etrend.sk/trend-archiv/rok-/cislo-Febru%C3%A1r/kupou-luca-na-trh-regionalnej-tlace-vstupil-nemecky-koncern-verlagsgruppe-passau.html> (дата обращения: 24.09.2011).
4. Džujko J. Slovenský východ (1919) a formovanie slovenského národného povedomia na východnom slovensku. // Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove: 3. študentská vedecká konferencia. Zborník príspevkov. – Prešov, 2008. – S. 198-209.
5. Holina V. Zmeny mediálnej situácie na Slovensku po roku 1989. // Otázky žurnalistiky: časopis pre teóriu, výskum a prax prostriedkov masovej komunikácie, 1998, č. 1. – S. 93-102;
6. Kočíšek L., Augustín R. Domino fórum končí, nahradí ho obnovený Domino efekt viac podobný časopisu. // Mediálne.sk. – 2007, 14.02. URL: <http://medialne.etrend.sk/tlac-spravy/tyzdennik-slovo-konci-presuva-sa-na-internet.html> (дата обращения: 24.09.2011).
7. Masovokomunikačné media na Slovensku: vlasnícke pomery a ich vplyv na mediálnu, politickú a spoločenskú orientáciu médií. – Bratislava: 3 Media spol. s.r.o., 1998. – 27 s.
8. Mediálna ročenka – Slovensko: 1990-2000. – Bratislava: Mediálny inštitút, 2001. – 185 s.
9. Serafinová D., Vatrál J. Transformácia periodickej tlače na Slovensku po roku 1989. // Studia Academica Slovaca 38. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2009. – S. 307-317.
10. Šefčák L., Sand J. Masové media a ekonomika: ekonomické teórie a žurnalistika. – 1 vyd. – Bratislava: Ekonóm, 2006. – 180 s.
11. Týždenník Mosty po štvrtom roku existencie. // Sme. – 1996, 09.05.
Týždenník Slovo končí, presúva sa na internet. // Mediálne.sk. – 2010, 28.07. URL: <http://medialne.etrend.sk/tlac-spravy/tyzdennik-slovo-konci-presuva-sa-na-internet.html> (дата обращения: 24.09.2011).

SLOVAK PERIODICAL PRESS IN 1989 – 1992

M. A. Bondar

*Russian Center for Science
and Culture in Bratislava,
Slovakia*

*e-mail:
alebond@rambler.ru*

The article describes the national and regional-level changes in Slovak periodical press, which occurred after the downfall of socialist system.

Keywords: national press, national magazines, religious periodicals, regional periodicals.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ЯПОНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. ОВЧИННИКОВА И В.Я. ЦВЕТОВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ВЕТКА САКУРЫ» И «ПЯТНАДЦАТЫЙ КАМЕНЬ САДА РЕАНДЗИ»)

И. Докучаева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Shiho@mail.ru

В статье представлен компаративный анализ двух произведений о Японии известных советских журналистов-международников – В. Овчинникова и В. Я. Цветова, оказавших существенное воздействие на формирование у россиян медийного образа «страны восходящего солнца».

Ключевые слова: образ страны, медийный образ, международная журналистика, Япония.

Формирование образа страны как искусства целенаправленного управления впечатлением приобретает в наши дни всё большее значение. Сегодня очевидно, что образы одного государства, создаваемые другими, серьезно влияют на восприятие мирового сообщества и сограждан этих стран. Планомерное создание позитивного имиджа государства становится одним из ключевых условий его успешности в современном мире [1]. В последнее время исследованиям в этой области уделяется пристальное внимание.

Вопросам формирования образов различных государств, в том числе и Японии, посвятили свои работы Молодяков В. Э., Богдан Е. Н., Шевцов О. Л., Жилина Л. В., Куланов А. Е., Ложкина А. С. и прочие. Исследователи отмечают чрезвычайно важную роль средств массовой информации, деятельности выдающихся журналистов в формировании и развитии образов различных государств мира. К авторам, внёсшим большой вклад в создание образа современной Японии в восприятии массовой российской аудитории, относятся видные журналисты-международники В. Овчинников и В. Цветов, чьи публикации 1960-х-1980-х гг. сформировали у читателей и телезрителей многомерный «портрет» нашего дальневосточного соседа. Медийный образ «страны восходящего солнца», создаваемый каждым из этих авторов, имеет как общие черты, так и индивидуальные особенности, обусловленные различием в мировоззрении и творческой манере этих авторов, оставивших яркий след в развитии отечественной международной журналистики.

Целью данной статьи стало сопоставительное изучение образа Японии, создаваемого названными авторами для выявления его совпадающих характеристик и различий, выявляющих индивидуальную специфику творчества В. Овчинникова и В. Цветова.

Чтобы постигнуть, каким является образ Японии в России на данный момент, необходимо изучить историю его формирования. Именно с этим расчетом мы обращаемся к главным трудам известных советских журналистов-японистов – «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы» В. В. Овчинникова и «Пятнадцатый камень сада Реандзи» В. Я. Цветова.

Как корреспондент газеты «Правда», с 1962 по 1968 г. Всеволод Владимирович работал в Японии. Результатом работы, кроме публикации регулярных очерков, корреспонденции и заметок, стало обобщающее произведение «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы», впервые изданное в журнале «Новый мир» в 1970 г. [2]. Владимир Яковлевич Цветов пребывал собственным корреспондентом советского телевидения в «стране восходящего солнца» с 1976 по 1983 г., его книга о Японии «Пятнадцатый камень сада Реандзи» была опубликована в 1986 г. в московском «Политиздате» [3, с. 560].

Обе книги, предназначенные для широкого круга читателей, традиционно состоят из вступления, заключения и нескольких глав. Написаны они от первого лица и обнаруживают смешанный язык повествования, претендующего на объективность, и субъективный стиль. В них присутствуют диалоги, цитаты, статистические данные, народный фольклор, исторические экскурсы и лирические отступления. Помимо этого, авторы приводят распространённые в тот период в Японии словосочетания и выражения с подробным объяснением их значений, что позволяет читателю – через приобщение к языку – глубже погрузиться в мир произведения. При написании «Ветки сакуры» и «Пятнадцатого камня сада Реандзи» журналисты опирались на работы отечественных и зарубежных исследователей (в случае В. Я. Цветова, преимущест-

венно североамериканских ученых). И если В. Овчинников, на наш взгляд, преследовал основной целью расширение кругозора читателей, то второй публицист сосредоточился именно на противопоставлении японских реалий американским, выявлении отношения США к восточному государству. Авторы также обращаются к ряду изданий зарубежной прессы – таких, как «Fortune», «Der Spiegel», «The Economist», «Le Monde», «L'Espresso», «Chicago Tribune», «Time», «Aussenpolitik», «Chemical Abstracts» и др. – в основном для того, чтобы продемонстрировать читателю «западный взгляд» на японцев и Японию.

Стоит отметить, что Владимир Яковлевич местами оперирует терминами, мало понятными широкой аудитории – такими, например, как «тотальная шаблонизация», «социальная мимикрия», «гипертрофированный практицизм», «гальванизация» и прочими, что приводит к снижению доступности текста. Согласно нашим подсчетам, примерно 80% содержания книги «Пятнадцатый камень сада Реандзи» посвящены экономической составляющей японской действительности, вопросам производства, системе найма, деятельности ведущих японских фирм. В оставшихся 20% затрагиваются здравоохранение, образование, религия, культура, семейный уклад и другие элементы общественной жизни. «Ветка сакуры» имеет содержание прямо противоположное, экономике здесь отведено меньше 20 % текста. Полагаем, что данная разница не случайна – время написания книги В. Цветова пришлось на период перестройки в СССР и сопутствующие ему поиски оптимальной модели экономического и социального развития, выход же другой, напротив, благополучно совпал с «оттепелью» в Советском Союзе, которая в сравнительно малой степени затронула общественно-политическую сферу, но ярко проявилась в сфере культуры и искусства [4].

Обратимся к отраженному в публикациях авторов мнению о японском «экономическом чуде»: Всеволод Владимирович не сосредоточивается на данном явлении, а лишь отмечает, что именно «обычай работать у конвейера до замужества в сочетании с японской системой платить при найме крайне низкую ставку, увеличивая ее в зависимости от стажа, и сделал девичьи руки наиболее прибыльными для нанимателей». Этот факт жестокой эксплуатации женского труда, по мнению Овчинникова, служит одной из причин возникновения японского «экономического чуда» [5, с. 153]. Цветов обращает пристальное внимание на указанное явление, детально анализирует его причины и приходит к выводу, что это миф, который придуман на Западе: «Объяснение японского рывка действием закона неравномерности экономического развития капитализма показалось слишком рискованным для буржуазных ученых. Они предпочли науке мифы и легенды и ступили на тропинку, давно протоптанную церковниками, изобретая в лице Японии нового Мессию» [6].

Взгляды на японское трудолюбие у авторов расходятся. Если Овчинников считает, что японцы народ трудолюбивый, а капиталисты-работодатели наживаются на этом путем жестокой эксплуатации, особенно женского труда, то Цветов полагает, что это миф, «придуманный для наращивания военной мощи», и приводит статистику отношения японцев к работе: «Целью научных поисков было выяснить, как японцы распорядились бы временем, будь у них возможность выбирать занятие: лишь 2 % опрошенных заявили, что отдали бы часть своего времени труду; остальные 98 %, перечислив разные способы времяпровождения, так и не вспомнили о труде» [6].

Повествуя о японской вежливости, В.В. Овчинников делает вывод, что жители островов учтивы избирательно: «Заметив знакомого, японец считает долгом прежде всего замереть на месте, даже если дело происходит на середине улицы и прямо на него движется трамвай. Затем он как бы переламывается в поясице, так что ладони его вытянутых рук скользят вниз по коленям, и, застыв еще на несколько секунд в согбенном положении, осторожно поднимает вверх одни лишь глаза» [5, с. 13]. Что касается посторонних лиц – все наоборот, они воспринимаются как «неодушевленные предметы». Цветов тоже обращает внимание на проявления вежливого поведения, но с упором на меркантильность таких действий: японцы вежливы «до тех пор, пока не теряют на этом морально и материально» [6]. В итоге оба публициста приходят к одинаковым выводам, но по-разному толкуют причины существующей ситуации.

О японских корпорациях и их вершущах автор «Ветки сакуры» упоминает вскользь, не занимаясь подробным освещением деятельности концернов и предприятий, положению трудящихся в них, лишь коротко обличает поведение руководителей и владельцев, сочувствуя простым рабочим. Владимир Яковлевич, напротив, пристальное внимание уделяет организации производства. Подробно описывает внутренний механизм деятельности корпораций, приводит интервью с главами и подчиненными. Среди компаний в книге представлены, в основном, крупнейшие и самые знаменитые: «Sony», «Mitsubishi», «Toyota», «Nissan», «Matsushita Electric» (и ее основной бренд «Panasonic»). Цитируя основателя фирмы «Sony» Акио Мориту,

автор дает понять читателю, насколько сильно повлияли США на сложившуюся обстановку в деловом мире Японии: «К счастью, у нас действует система пожизненного найма, которую по иронии судьбы нам навязали США в период оккупации». Довольству правителей процветающих фирм противопоставляется положение простых рабочих. «Треть работающих японцев находится на грани неврастения. Почти 40% рабочих концерна «Мацусита Дэнки» спасаются от неврастения с помощью сильнодействующих лекарств» [6].

В отношении описания гендерных ролей в книгах, можно утверждать, что Всеволод Владимирович проявляет интерес преимущественно к женской части населения: журналист охватывает все возрастные и социальные группы – от школьниц до пожилых женщин и от домохозяек до гейш. Цветов больше рассказывает о положении мужчин в обществе. О женщинах упоминается не часто: «традиция предписывает рассматривать женщину только как жену и мать. Эта традиция вместе с другими неформальными ущемлениями женских прав превращает в стеклянную клетку, изолирующую японку от мира и жизни» [6].

Говоря о набожности в Нихон коку (официальное название Японии) [7] Овчинников полагает, что по обусловленным историческими факторами причинам, японцы не придерживаются строго только одного вероисповедания, приводит данные опросов: «общее число верующих в стране вдвое превышает численность населения. Это означает, что каждый японец причисляет себя и к синтоистам, и к буддистам, участвует в ритуалах обеих религий» [5, с. 23]. Цветов находит жителей островов совсем не религиозными людьми, которыми правит лишь практицизм и стремление к показному.

Описывая национальную одежду, Всеволод Владимирович констатирует, что «на свадебных церемониях и сейчас еще можно видеть старинный наряд, предназначенный для самых торжественных случаев: черные кимоно с белыми родовыми гербами. В современной жизни место соперничающих родов заняли конкурирующие фирмы, а роль гербов на кимоно унаследовали значки этих фирм, которые обычно носятся служащими на лацканах пиджаков» [5, с. 115]. Цветов свидетельствует о том же: «Японская женщина ассоциируется с кимоно, как японский пейзаж – с горой Фудзи. Однако увидеть на улице большого города японку в кимоно не легче, чем разглядеть вершину Фудзи из задымленного Токио» [6].

Культура, литература, искусство, кинематограф – о творческой стороне жизни населения Овчинников пишет много и часто, в основном в положительном ключе: «Бесспорной похвалы заслуживают образовательные передачи, документальные телевизионные фильмы в форме лирических репортажей с мест». Публицист отмечает, что японцы много читают, и «около двадцати ежемесячных журналов общим тиражом свыше миллиона экземпляров целиком посвящены поэзии», восхищается ремеслами [5, с. 241]. Цветов полагает, что празднества в стране устраиваются из практических соображений – укрепляют общинный дух, эксплуатируемый предпринимателями Японии ради собственной выгоды. В японских фильмах показывают множество «бессмысленных, неоправданных убийств», а литература «низкопробная», но поэты прошлого нарекают «непревзойденными мастерами» [6].

Рассказывая о главной в жизни японского народа вершине – горе Фудзияме, оба автора описывают свое восхождение на гору, подчеркивая популярность этого занятия в стране, но при этом возмущаются отсутствием порядка и чистоты на склоне, сойдясь на мысли, что это просто «тысячелетний отвал шлака» [6].

Визуально-иллюстративный ряд обеих книг посвящен в большинстве своем иллюстрациям трудовых будней и быта японцев.

Описывая отношения «Ниппон коку» с другими странами, Овчинников мало пишет об СССР и Европе – в основном для статистики, куда больше внимания уделяя США. Неоднократно упоминаются времена американской оккупации, описывается вред, который она нанесла жителям страны. Довольно часто упоминается Китай, ввиду глубоких познаний автора-востоковеда об этой стране, где началась его карьера журналиста-международника, собственного корреспондента газеты «Правда». Владимир Яковлевич много пишет об отношениях Японии с СССР и США – в основном при освещении экономического сотрудничества. Сравниваются японская и американские модели производства и управления на предприятиях – в пользу первой. Освещаются внешнеэкономическая политика и торговые отношения с Европой, Китаем и Малайзией.

Подводя итог сравнительному анализу образа Японии в произведениях обоих авторов, стоит отметить, что во многих случаях мнения и взгляды международных журналистов на жизненный уклад в этом государстве не совпадали, однако каждый старался дать ему объективную оценку. Причины отличий лежат, на наш взгляд, как и во временной – шестнадцатилетней разнице в сроках написания текстов, так и в несходстве тематических предпочтений каждого из публици-

стов. Цветов углубился в экономические вопросы, отразил взгляды как советских, так и американских ученых по данной тематике. Овчинников же, наоборот, сосредоточился на культуре и искусстве – что сделало его публикацию более доступной для понимания массовым читателем и значительно расширило читательскую аудиторию. Нельзя не отметить, что в «Ветке сакуры» не содержится и сколько-нибудь явной лобовой пропаганды преимуществ социализма, чего не удалось избежать в другом автору.

На наш взгляд, именно В.В. Овчинникову лучше удалось поддержать и дополнить существующие в сознании людей образные представления, не в последнюю очередь потому, что журналист уделил особое внимание объяснению читателю значений слов и оборотов, стойко ассоциирующихся с Японией, таких как «Страна Восходящего Солнца», «камикадзе», «гейша», «кимоно», «харакири» и пр. Это помогло читателю сохранить экзотичность и романтичность представлений о далёком государстве [8]. Владимир Яковлевич же постарался их развенчать, сделав более обыденными и зачастую отрицательными. [9, с. 153].

Это позволяет сделать вывод о том, что из двух изученных нами произведений, именно «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы» сыграла более значимую роль в формировании медийного образа Японии. И хоть влияние второй книги является умеренным, оба текста в комплексе позволяют составить более полную и объективную картину формирования изучаемого нами явления – образа Японии.

Список литературы

1. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиа-скоп. 2008. – № 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://mediascope.ru/node/252> (дата обращения 02.09.12)
2. Овчинников В. Ветка сакуры тридцать лет спустя // Окно в Японию. 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://ru-jp.org/iabo6.pdf> (дата обращения 30.05.12)
3. Грабельников А. А. Журналисты XX века: люди и судьбы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 824 с.
4. Молодяков В.Э. Образ Японии в России – непочитанный доклад. // Живой журнал. 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://molodiakov.livejournal.com/43505.html?thread=208113> (дата обращения 18.04.12)
5. Овчинников В. Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 288 с.
6. Цветов В. Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи // Либрусек. [Электронный ресурс] Режим доступа. – URL: <http://lib.rus.ec/b/242269/read> (дата обращения 2.02.12)
7. Япония // Википедия. [Электронный ресурс] Режим доступа. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Япония> (дата обращения 2.02.12)
8. Молодякова Э. В. Изучение Японии в постсоветской России // Россия и Япония: Соседи в новом тысячелетии // Центр изучения современной Японии. – 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа. – URL: <http://japanstudies.ru/docs/2004-АИРО-1.pdf> (дата обращения 18.03.12)
9. Жилина Л.В. Формирование общественного мнения россиян о Японии и японцах в конце XX – начале XXI вв. (по материалам журнальной публицистики): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2006. – 279 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF JAPAN IN V.V. OVCHINNIKOV AND V.Y. TSVETOV'S WORKS (BASED ON THE BOOKS "TWIG OF SAKURA" AND "THE 15TH STONE OF THE REANDZI GARDEN")

I. Dokuchayeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Shiho@mail.ru*

The article represents the results of comparative analysis of two books about Japan, written by famous Soviet journalists Vsevolod Ovchinnikov and Vladimir Tsvetov, foreign correspondents in this Eastern country and creators of impressive media image of Japan in 1960-1980th.

Keywords: media image, Japan, Soviet international journalism.

ИСТОРИЯ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ НЫНЕ БЕЛГОРОДСКИХ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «ЛЕНИНСКИЙ ПУТЬ», «ПОБЕДА БОЛЬШЕВИЗМА», «ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЕ КОЛХОЗЫ»)

Д. В. Зверева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
finis.ita@yandex.ru*

Рассматривается история газет не существующих ныне районов Белгородской области в аспекте их тематико-жанрового наполнения. Проведенный анализ позволил установить сходные формальные признаки трех изданий; определить магистральные тематические направления; описать особенности жанровой палитры районных изданий региона в 1945 – 1950 гг.

Ключевые слова: история региональных печатных изданий, послевоенный период; районные газеты; магистральные темы, жанровая палитра публикаций.

Введение

Печатные издания районов Белгородской области послевоенного пятилетия в настоящее время почти не изучены. Факультет журналистики Белгородского госуниверситета с первых лет своего существования стал одним из центров изучения истории журналистики региона: преподаватели, соискатели и студенты факультета, выполняя исследования разного уровня, способствовали накоплению и описанию значительной части материала по истории областных и районных печатных изданий, радио- и телевидения на Белгородчине. Избранный для изучения период и материал также представляют большой интерес с точки зрения истории развития региональной журналистики: анализ не существующих ныне районных газет помогает не только лучше узнать историю региона «изнутри», но и понять, чем жила периферийная районная журналистика в послевоенные годы, какие темы и жанры были приоритетными в тот период, ещё до образования Белгородской области в 1954 г.

Были исследованы следующие издания не существующих ныне районов Белгородской области: газета «Ленинский путь» – орган Ладомировского райкома ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся Воронежской области (1945 – 1950 гг.); «Победа социализма» – орган Больше-Троицкого РК ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся Курской области (1945 – 1946 гг.); «За большевистские колхозы» – орган Боброво-Дворского РК ВКП (б) и исполкома райсовета депутатов трудящихся Курской области (1945 – 1946 гг.)

Все проанализированные печатные издания имели сходные выходные данные: тираж 2000 экз., объем – 2 п. л., формат – А3, выходили два раза в неделю – по четвергам и воскресеньям. Колонтитулы изученных газет содержат традиционный для советских изданий девиз – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

1945 г. – последний год Великой Отечественной войны и третьей пятилетки. Последующие годы исследуемого нами периода принадлежат к четвертой пятилетке (1946 – 1950 гг.), основная хозяйственно-политическая цель которой была сформулирована И.В. Сталиным: «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах». В соответствии с этими задачами развивались и исследуемые нами газеты, формировался их контент и основные тематические направления.

Представим результаты анализа содержания названных изданий с точки зрения жанрово-тематического разнообразия.

Тематика

Проведенный анализ позволил установить «магистральные» темы изученных изданий, такие как военная ситуация, сельскохозяйственная, партийная жизнь, международная и культурная тематика. Интересно отметить, что и названия рубрик, раскрывающих ту или иную тему в разных газетах, одинаковы.

Военная тематика

1945 – год завершения Великой Отечественной войны, поэтому большая часть контента изученных изданий этого периода посвящена ситуации на фронтах. Рубрики, освещающие

данную тему: «От Советского Информбюро» - оперативные информационные сводки ТАСС с фронтов; «Письма с фронта»; в рубрике «На фронтах Отечественной войны» размещались сводки ТАСС, публикуемые в формате обзора новостей за определенный промежуток времени. Например: «*Войска 3-го Белорусского фронта 20 января штурмом овладели городами Восточной Пруссии – Тильзит, Гросс, Скайсгиррен, Ауловенен, Жиллен и Каукамен – важными узлами коммуникации и сильными опорными пунктами обороны немцев в Кенисбергском направлении, а также с боями заняли более 250 других населенных пунктов*» [Ленинский путь, 1945, № 4].

Сельскохозяйственная тематика

Исследованные нами издания выходили в административных районах, в тот период территориально принадлежавших Курской и Воронежской, а затем (с 1954 года) - Белгородской области, то есть в черноземном, преимущественно аграрном, регионе. Большое количество публикаций в газетах посвящено севу и уборке тех или иных сельскохозяйственных культур, деятельности колхозов, отдельным личностям, проявившим себя в сельском хозяйстве. Постоянные рубрики в данном тематическом блоке публикаций: «На колхозных полях», «По Советскому Союзу», «По нашему району», «Советы агронома», «Советы садовода», «Пресс-клише ТАСС». Характерным примером может служить заметка «Полторы нормы в день» О. Оводенко: «*Организованно проходят весенние полевые работы в колхозе им. Ленина Ладомировского сельсовета. В 6 часов утра все колхозники уже находятся в поле, каждый на своем загоне. Почти все колхозники выполняют и перевыполняют дневные нормы. Застрельщиками высокой производительности труда являются звеньевая молодежного звена Капустина Праксавья и член правления колхоза Олейник Ирина. На быках они боронуют по полторы нормы в день*» [Ленинский путь, 1946, № 14].

Партийная жизнь

Одним из наиболее значительных по объему в районных газетах периода является блок публикаций, посвященных партийной жизни. Здесь можем видеть как информационные материалы с партийных заседаний и съездов, так и большое количество нежурналистских текстов (партийные документы, приказы, распоряжения), при этом информация имеет не только местный, но и всесоюзный охват. Рубрики в данной тематической группе: «В райкоме ВКП (б)», «Партийная жизнь», «Комсомольская жизнь», «Советы агитаторам».

Характерный пример публикации этого тематического блока находим в газете «За большевистские колхозы» – «VI районная комсомольская конференция» [За большевистские колхозы, № 1, 8 янв. 1947]. Текст написан в жанре информационного отчета, предмет отобрания – партийная конференция. Автор приводит перечень вопросов, обсуждавшихся на собрании, пофамильный список выступавших, а также список комсомольцев, вошедших в пленум, который был избран на конференции.

Международная тематика

Материалам, касающимся вопросов внешней политики и международных событий, в содержании районных газет периода отводится значительное место: публикации международного характера можно встретить в каждом номере газет, что связано, на наш взгляд, с возросшим влиянием СССР на мировой арене. Эта тематика в основном представлена международными обзорами и обзорами, которые пишут местные авторы, а также информационными заметками, которые составляются по материалам ТАСС. Рубрики в этих тематических блоках: «Международный обзор» (постоянные авторы – В. Гришанин, А. Михайлов) – текст, как правило, состоит из двух частей, посвященных двум событиям мирового масштаба. Приведем пример международного обзора: «*На протяжении последних недель английская печать и радиообозреватели с необычайным усердием занимаются «разъяснением» причин срыва Лондонской сессии Совета Министров иностранных дел. Вся эта пропаганда направлена к тому, чтобы запутать читателей газет и снять с подлинных виновников ответственность за срыв переговоров*». Далее автор пишет, что только советская печать обозначает причины: «*...В.М. Долотов указывает, что американские круги сулят Германии миллиарды американских долларов, якобы для ее экономического восстановления. <...> В западных зонах проводится не политика содействия восстановлению мирной индустрии, а политика торможения и застоя промышленности, в результате чего неиспользуемое оборудование все больше теряет свою ценность, портится и разрушается. <...> Ответственность за срыв сессии целиком падает на три западноевропейские делегации, пытавшиеся навязать несправедливое и реакционное решение вопроса*» [В. Гришанин. Ленинский путь, 1948, № 3]. Еще одна рубрика данного тематического блока – «За рубежом», включающая короткие сообщения на основе материалов ТАСС. Например: «*Из-за нехватки угля в Англии должны пре-*

кратить работу предприятия, производящие предметы роскоши. Это повлечет за собой безработицу 14 тысяч человек. Считают, что к концу февраля количество безработных в Англии достигнет 500 тысяч человек» [Победа социализма, 1946, № 6].

Культурная тематика

Материалы, посвященные вопросам культуры и культурной жизни, встречаются в исследованных изданиях крайне редко. Кроме того, ни в одной из газет мы не встретили постоянных рубрик, посвященных культуре. Приведем красноречивый пример заметки из газеты «Ленинский путь» под названием «Фильм, воспитывающий патриотические чувства», посвященной кинокартине «Суд чести». Автор начал с пересказа сюжета: двое советских ученых изобрели новое обезболивающее средство, но поскольку оно еще недостаточно проверено, его описание держится в тайне. Вдруг информация о лекарстве появляется в американской печати. Секрет выдал один из ученых – Лосев, лишенный, по словам автора, чувства патриотизма. Добротворский, второй ученый, заступает за своего «друга-соавтора». Суд чести помог разоблачить Лосева, а Добротворскому – разобраться в своих заблуждениях по поводу товарища: «...«Суд чести» разоблачает безродных космополитов, то есть людей, равнодушных к судьбам своей Родины», – приходит к выводу автор публикации [Ленинский путь, 1949, № 11].

Жанровая палитра

На страницах исследованных газет мы не увидели разнообразия жанровой палитры, существующей сегодня. Как представляется, это связано, в первую очередь, со спецификой рассматриваемого периода. Во-вторых – с территориальной принадлежностью СМИ и, кроме того, с уровнем профессиональной подготовки сотрудников этих изданий. Таким образом, районные газеты изученного периода, авторами которых по преимуществу являлись не журналисты-профессионалы, публикуют в основном информационные тексты (наиболее частотны заметки, информационные отчеты, встречались публикации с элементами репортажа и интервью). Однако на страницах исследованных изданий можно встретить примеры аналитических жанров – передовые статьи, обозрения. Из художественно-публицистических жанров встретились портретные очерки, посвященные знаменитым людям, приуроченные, как правило, к юбилейным датам их рождения, а также (очень редко) – фельетоны.

Отметим также: в исследованных изданиях присутствует большое количество нежурналистских материалов. Это разнообразные письма в редакцию, материалы-советы от специалистов в своей области (советы агронома, садовода), а также разнообразные документы, отражающие хронику партийной жизни. Представим подробнее фрагменты наиболее показательных в жанровом отношении публикаций.

В соответствии с традициями советской прессы, каждый номер газеты открывает передовая статья, посвященная наиболее острым, актуальным проблемам. Как правило, она касается вопросов ведения сельского хозяйства или посвящена какой-либо знаменательной дате, событию. Передовицы исследованных нами газет в основном оригинальные, без авторской подписи, поскольку выражают позицию редакции.

Так, например, передовая статья в газете «Ленинский путь» (№ 52, от 29 июня 1947 года) посвящена приближающемуся учебному году: *«Большую работу предстоит провести в этом году. Пять школьных зданий капитально отремонтировать, остальным произвести текущий ремонт. <...> Большевикская партия и правительство уделяют исключительно большое внимание школе. Вместе с тем и предъявляют к школе большие требования и задачи. Безусловно, с этими большими задачами одним школам не справиться. Поэтому святой долг сельских советов, партийных организаций, комсомола и всей остальной общественности района взять в свои руки это весьма большое государственное дело» [Готовиться к новому учебному году // Ленинский путь, 1947, № 52].*

В номере газеты «Победа социализма» от 1 января 1945 г. читаем передовицу «1945 – год окончательных побед над врагом»: *«Сегодня советский народ четвертый раз в условиях Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков встречает новый 1945 год. У всех одно единодушное стремление – в 1945 году скорее достичь окончательной победы над гитлеровской Германией, выполнить указания товарища Сталина – водрузить знамя победы над Берлином» [1945 – год окончательных побед над врагом // Победа социализма, 1945, № 1].*

Одна из передовиц газеты «За большевистские колхозы» посвящена вопросам животноводства: *«Восстановить и превзойти к концу 1948 года довоенный уровень поголовья КРС, овец и коз и к концу 1949 года – поголовье свиней, значительно превзойти довоенный уровень по всем видам продуктивного скота к концу пятилетки – такова задача, поставленная*

февральским Пленумом ЦК ВКП (б). В борьбе за дальнейшее развитие общественного животноводства решающая роль принадлежит кадрам. Товарищ Сталин учит нас, что «...из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» [За большевистские колхозы, № 77, 17 окт. 1948 г].

Как уже было отмечено, в исследованных газетах преобладают публикации информационных жанров, в основном это заметки, информационные отчеты, посвященные партийным собраниям, вопросам сельского хозяйства и местным новостям. Например, заметка «Весело встретили Новый год», опубликованная в газете «За большевистские колхозы» и посвященная празднованию Нового года в Н.-Хуторной школе: «Учащиеся декламировали стихотворения о Великой Отечественной войне, о героях-воинах Красной Армии, освободивших нашу землю от фашистской неволи. Ведь эти дети были свидетелями немецкого гнета. Два года назад школа была разрушена немцами, завалена всяким хламом. Дети бродили за стенами школы. Они не могли учиться. И вот теперь, когда черные дни оккупации ушли в безвозвратное прошлое, когда в школе снова закипела молодая творческая жизнь, праздник ощущается с особой силой» [Миляева, Костенко, Свистунов. Весело встретили новый год // За большевистские колхозы, 1945, № 2].

Среди публикаций на тему партийной жизни наблюдаем большое количество информационных отчетов. Приведем показательный фрагмент: «Селин, председатель исполкома райсовета, касается работы сельских советов, большинство которых глубоко не занимается вопросами сельского хозяйства. <...> Пузиков, секретарь первичной парторганизации колхоза «Красный маяк», приводит пример отдельных коммунистов, приезжающих из райцентра и поверхностно относящихся к своему делу» [С районного партийного собрания // Победа социализма, 1945, № 5, 19 янв.].

Отметим, что на страницах исследованных газет нам встретились публикации с элементами таких современных и часто используемых в журналистской практике материалов, как интервью и репортаж.

Так, в газете «Ленинский путь» выделяем материал с элементами репортажа: «Просторное помещение клуба переполнено. Секретарь райкома ВКП (б) тов. Ковригин открывает районное предвыборное совещание избирателей. В своей речи он говорит: <...> Да здравствует славная коммунистическая партия и вождь нашего народа тов. Сталин (Бурные аплодисменты из зала)» [Районное предвыборное совещание представителей трудящихся // Ленинский путь, 1947, № 3-4]. Мы не можем квалифицировать данный текст как репортаж, поскольку после вступительного репортажного абзаца следуют перепечатки речей всех выступавших, что роднит эту публикацию с информационным отчетом.

В том же издании наблюдаем «Ответы товарища В. М. Молотова на вопросы американского журналиста Йоганнеса Стила»: «Вопрос: достаточно ли будет репараций с Германии в размере 10 млрд долларов, чтобы покрыть сколько-нибудь существенную часть ущерба, причиненного германским захватчиками? Ответ: Для Советского Союза этого было бы, конечно, мало, но все же это могло бы дать некоторое удовлетворение советскому народу. Вопрос: Кто получил больше репараций вплоть до настоящего момента: Великобритания, Соединенные Штаты или СССР? Ответ: Несомненно, что СССР получил гораздо меньше, чем союзники» [Ленинский путь, 1947, № 29]. Цитированный фрагмент позволяет заключить, что эту публикацию нельзя квалифицировать как интервью (на основе современных критериев), так как интервьюер максимально обезличен и не выступает в тексте лицом, ведущим беседу.

На страницах исследованных изданий изредка встречаются и публикации в жанре фельетона. Приведем фрагмент фельетона из газеты «Ленинский путь», свидетельствующий о стиле фельетониста: «В фонвизинскую героиню превратился заведующий райФО тов. Трегубов. Наставление Простаковой применил в поучении своих финансовых работников: – Деньги есть, – говорит он, – нужно собирать, а денег нет – агитация не поможет. А поэтому не вникать ни в какую политико-массовую работу, ваше дело – деньги. <...> Так выглядит политический невежа в чине заведующего райФО» [М., Митрофанушка в райФО // Ленинский путь, 1945, № 46].

Еще один пример наглядно демонстрирует стилистику тогдашних публикаций: в газете «За большевистские колхозы» в непостоянной рубрике «Вместо фельетона» был опубликован материал Н. Иванова «Перед зеркалом». Текст посвящен некоей Шуре Б., которая интересуется только косметикой и гонится за ее новинками. По словам автора, недавно Шура попробовала средство, которое обезобразило ее внешность. Н. Иванов подытоживает: «Эти девушки, а вернее сказать, барышни, с отсталыми взглядами, в погоне за красотой, начали себя уродо-

вать. Им, видимо, невдомек, что лучшая красота в природе – красота естественная. О девушках с перевязанными щеками полезно бы обсудить вопрос на райкоме комсомола, так как некоторые из них считаются комсомолками» [За большевистские колхозы, № 45, 1945].

Отметим: на страницах исследованных нами газет критикуются в основном нерадивые колхозники и социальные явления, связанные с жизнью и работой в сельхозобъединениях, но мы не встретили публикаций, хоть в какой-то мере критикующих представителей властных структур. Критика не рассчитана на «додумывание» и самостоятельный поиск путей решения проблемы со стороны читателя. В конце каждого текста дается четкая программа действий в виде совета или императива. Критические материалы всегда содержат точные имена, фамилии и должности критикуемых. Следовательно, авторы надеются на стопроцентное узнавание и порицание нерадивых героев публикаций.

Яркий пример публикации критического характера – заметка «Неаккуратный бригадир» в газете «Победа социализма»: «В колхозе «Искра», Борисовского сельсовета в бригаде № 2, где бригадиром тов. Ботвина Клавдия Анохриевна, плохо поставлена трудовая дисциплина. <...> Было решение заседания правления и общего собрания о снятии тов. Ботвиной с работы, но до сих пор это решение не выполнено. Очень уж жаль председателю Буханину расстаться с «хорошим» бригадиром» [К-к, Неаккуратный бригадир // Победа социализма, 1945, № 56].

Заключение

Исследование изданий не существующих ныне районов Белгородской области позволило прийти к выводу, что газеты в целом отражали проблемы и потребности региона. Преобладание публикаций сельскохозяйственной тематики и освещавших партийную жизнь районов связано с особенностями исторического периода 1945–1950 гг., а также с территориальным расположением районов в черноземном – преимущественно аграрном в исследуемый период – регионе СССР. Международные события также нашли широкое отражение на страницах районных изданий, что объясняется возросшим влиянием Советского Союза на мировые процессы после победы в Великой Отечественной войне. Наибольшее число в изученных изданиях информационных публикаций, в частности – заметок, позволяет представить типичный авторский состав районов, формировавшихся большей частью из материалов рабкоров, селькоров и внештатников. Нельзя не отметить постоянное наличие в изданиях партийных документов, что неслучайно, поскольку пресса изученного периода была партийно-советской, а также критических выступлений императивного характера.

Таким образом, содержание типичных периферийных районных изданий СССР послевоенного периода, газет «Ленинский путь», «За большевистские колхозы» и «Победа социализма», помогает составить представление о жанрово-тематическом наполнении районов Белгородчины, одного из черноземных регионов 1945–1950-х годов.

HISTORY OF ALREADY NON-EXISTING BELGOROD DISTRICT NEWSPAPERS (CASE OF THE NEWSPAPERS “LENINSKIY PUT”, “POBEDA BOL’SHEVIZMA”, ZA BOL’ZHEVISTSKIYE KOLKHOZY”)

D. V. Zvereva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
fnis.ita@yandex.ru*

The article deals with the history of actually non-existing newspapers of the Belorod region districts from the point of topical and genre specifications. The data under analysis let correlate similar formal features of the three editions, consider magistral topical vectors, and describe the genre features of the newspapers.

Keywords: history of regional printed media of the After WWII period, district newspapers, magistral topics, genre spectrum of publications.

УДК 070

ГАЗЕТА «BILD»: ТИП ИЗДАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, СТРУКТУРНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В. В. Колесникова
И. И. Карпенко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
vikyk@yandex.ru
karpenkoirina@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается история и особенности функционирования газеты «Bild» (Германия). Анализ издания делается с учетом структурных и содержательных характеристик газеты.

Ключевые слова: Bild, журналистика ФРГ, «желтая» пресса.

Девяностые годы ушедшего столетия стали не только временем перестройки типа нашего государства, но и относятся к появлению такого понятия, как «желтая» («бульварная») пресса. В России газеты и журналы данного рода в то время только развивались, а в Европе они были уже настолько популярны, что являлись объектом исследований многих лингвистов, философов, психологов и т. д. И это объяснимо, поскольку «именно «желтая» пресса играет первостепенную роль в формировании и распространении массовой культуры».

Так, например, во время «холодной войны» особой популярностью отличилась немецкая газета «Bild». Ее тираж тогда насчитывал примерно 5 млн. экземпляров, и это вызывало неизменный интерес многих ученых.

Сегодня тиражный показатель «Bild» столь же высок, как и прежде, и актуальность данной работы определяется необходимостью исследования этого феномена с позиции изучения потребностей аудитории, рентабельности и популярности издания. Осмысление функционирования подобного типа печатных СМИ дает возможность сформулировать модель популярной и востребованной газеты.

В качестве эмпирической базы исследования выступает совокупность номеров газеты «Bild» за весь период ее существования.

Методология исследования избрана с учетом реализации поставленной цели. Использовались научные методы, к которым относятся системно-структурный подход (с целью анализа структуры и закономерностей организации текста в газете и газетного пространства), описательно-сопоставительные методы качественного и количественного анализа данных, методы сплошной выборки, научно-статистический метод. В работе также использовался метод систематизации материала путем составления таблиц и схем.

Системно-структурный подход с целью анализа структуры и закономерностей организации текста в современных газетах в целом помогает понять, как издания достигают успеха на рынке, добиваясь больших тиражей, эффективны влиянию на массовое сознание. Несмотря на вытеснение печатных изданий электронными, до сих пор во всем мире популярностью пользуются издания так называемой «желтой» прессы. Во многом газеты данного типа в погоне за читателем и высокими рейтингами дублируют друг друга. Привнося в свою издательскую политику нечто новое с целью выделиться из общей массы периодики подобного рода, издатели часто забывают, что это «хорошо забытое старое», и они идут по пути такого гиганта, как «Bild». Шпрингеровское «детище» интересно всем: от концепции издания до оформления отдельного номера. Изучая газету с точки зрения языкового дискурса, можно понять, каким образом ей удастся воздействовать на читателей, чтобы реализовывать миллионные тиражи. Изучая историю издания, можно узнать, как успешно «выжить» среди множества изданий-конкурентов, достичь успеха и его удержать, достигнув желаемых показателей популярности и высокого тиража.

Интересно пронаблюдать тенденцию изменений в «Bild» на протяжении десятилетий:

1950-е гг. 24 июня 1952 г. вышел первый номер газеты. Он содержал четыре полосы и, с целью привлечения аудитории, распространялся бесплатно. Позднее на газету была установлена фиксированная цена – 10 пфеннигов за номер, и её тираж составлял приблизительно 455 000 экземпляров. Первоначально «Bild» была газетой для розничной торговли и продавалась

на лотках уличных торговцев, а позднее она стала доступной и по подписке, но так называемый «абонемент» не был популярен и акцент на него не делался, поэтому он быстро закончил свое существование. Верстка первого номера издания была специфической, что, вероятно, было продиктовано рекламным характером выпуска, – на первой и последней полосе газеты размещались только фотографии на актуальные темы мирового масштаба (см. Приложение 1). Важность материалов подчеркивалась не только размером размещаемой фотографии, но и длинными подписями к иллюстрациям. Разворот издания включал в себя непосредственно журналистские материалы. Размещенные на нем публикации в силу того, что это был первый номер издания, состоял исключительно из сообщений сторонних журналистских организаций, в первую очередь, внутренних и иностранных информационных агентств и средств массовой информации: «Associated Press», «Deutsche Presse-Agentur», «United Press», «Eigener Bericht», «Landestdienst Nord» и др. Сенсационность, которая стала ключевым аспектом в работе издания на многие годы вперед, была заложена уже в первом номере «Bild», на страницах которого преобладают броские и яркие заголовки, направленные на привлечение внимания к газете: «*Grenze bei Helmstedt wird gesichert!*» («Граница около Хельмштедта гарантируется!»)* (Bild, 22.06.1952), а сверху крупными буквами «*Fahndung...*» («Поиск...») (Bild, 22.06.1952); «*Grosse drei...*» («Огромные три...») (Bild, 22.06.1952); «*Funker...*», («Радиооператор...») (Bild, 22.06.1952); «*Banditen...*» («Бандиты...») (Bild, 22.06.1952). Цель газеты также заключалась еще в том, чтобы рассказать об успехах немецких спортсменов на первой послевоенной Олимпиаде в Хельсинки, в которой ФРГ принимала участие. Однако для привлечения внимания читателя заголовки газеты ограничивались не только данной темой: «*Spione auf der anderen Erde*» («Шпионы с другой земли») (Bild, 22.06.1952); «*Zwei Jungs unterwegs in Afrika*» («Два мальчика проездом в Африке») (Bild, 22.06.1952), и др.

Образцом стиля и содержания «Bild» для ее издателя Акселя Шпрингера стала бульварная печать Великобритании, с которой он близко познакомился во время британской оккупации в Гамбурге. При создании газеты Шпрингер видел «Bild» как печатный вариант коммерческого телевидения, набирающего на западе популярность: сенсационный, яркий, визуализированный, культивирующий природные чувства и инстинкты человека: «*Joan Collins spielt für Arthur Rank*» («Джоан Коллинз играет для Артура Ранка») (Bild, 28.06.1952) (см. Приложение 2); «*Die erste 1000 DM gewonnen*» («Первые выигравшие 1000 немецких марок») (Bild, 28.06.1952); «*Verbrecher floh mit Kellnerin als Geisel*» («Преступник сбежал с заложницей-официанткой») (Bild, 15.09.1965); «*Todesangst! Frau Ponto in Amerika versteckt*» («Страх перед смертью! Фрау Понто скрывается в Америке») (Bild, 08.08.1977); «*Gaby Köster wieder da!*» («Габри Кёстер возвращается!») (Bild, 03.09.2011) и др. Согласно политике Акселя Шпрингера с самого начала издания газеты ее номера были четко структурированы: на первой полосе размещалась информация политического характера, последняя же полоса номера представляла собой преимущественно сплетни о видных деятелях политики, культуры и искусства. Остальной контент «Bild» состоял из подборки материалов из информационных агентств, комиксов, кулинарных подборок, полезных советов и художественных произведений (Z. Scherburne «*Ein Kuss für die Braut*» (Ц. Шербурн «Поцелуй для невесты») (Bild, 28.06.1952); Thomas Jahn-Troppau «*Der Fall Dr. Med. Uhner*» Томас Ян-Тронпау «Случай доктора Уннера» (Bild, 28.06.1952); Peter Hugh «*Die Amourösen Abenteuer der Moll Flanders*» (Питер Хуг «Любовные приключения Молль Фландерс») (Bild, 15.09.1965); Peter Hugh «*Mit dir fahre ich durch die Hölle*» (Питер Хуг «С тобой пройду я через ад») (Bild, 16.09.1965) и др.). При главном редакторе Рудольфе Михаэле (с октября 1952 г.) «Bild» начала печатать меньшее количество фотографий и больше текста. Изменилось также отношение к верстке заголовков: крупные заголовки стали размещаться не только применительно к сенсационным материалам и материалам, являвшихся ключевыми в номере, но и к другим, менее значимым текстам. К примеру, на первой полосе «Bild» наряду с сенсационным материалом, посвященным бракосочетанию немецкого политика Вальтера Шилиа и его юной невесты Барбары, размещен материал, посвященный недавним «солнечным взрывам» с описанием последствий: «*Es regnete Sahara-staub, Sommer wird schön. Menschen nervös. TV-Bilder wackeln. Mehr Lust auf Sex*» («В Сахаре дождь. Лето будет прекрасным. Люди нервные. ТВ-картинка трясется. Больше удовольствия в сексе») (Bild, 09.05.1988) (см. Приложение №4).

«Bild» предлагала материалы, касающиеся непосредственно интересов простого обывателя: «*Arzt darf Liebesgeheimnisse der Patientin nicht preisgeben*» («Врач не может раскрыть секреты любви пациентки») (Bild, 28.06.1952); «*Tötung auf Verlangen*» («Убийство по заказу»)

* Здесь и далее по тексту работы перевод Виктории Колесниковой.

(Bild, 28.06.1952); «*Siebenschläfer: Sonne im ganzen Bundesgebiet*» («*Семь спящих: солнце по всей стране*») (Bild, 28.06.1952); «*Horoskop*» («*Гороскоп*») (Bild, 28.06.1952); «*Unter uns Frauen*» («*Среди нас, женщин*») (Bild, 28.06.1952) и т. п.

Политика же, несмотря на кажущуюся важность (данные материалы размещались на первой полосе), всегда отодвигалась на второй план. Так, в первых номерах издания доля материалов, затрагивающих темы политики составляла порядка 17 % от общего числа текстов номера. В числе таких текстов: «*Die drei Außenminister wurden sich einig*» («*Три министра иностранных дел пришли к согласию*») (Bild, 28.06.1952); «*Stalin in Todesgefahr*» («*Сталин в смертельной опасности*») (Bild, 04.03.1953), днем позже «*Moskau verheimlicht den Tod Stalins*» («*Москва скрывает смерть Сталина*») (Bild, 05.03.1953). В 1955 г. у газеты появился собственный талисман – Лилли, карикатурная девочка, вышедшая из-под пера Райнхарда Бойтина и сопровождавшая все номера «Bild» вплоть до 1970-х годов (см. Приложение 5). На основе этого талисмана был создана кукла, которая впоследствии послужила прототипом американской куклы Барби. В 1956 г. тираж издания приблизился к 2,5 млн. экземпляров и продолжал расти вплоть до ухода с поста главного редактора Рудольфа Михаэля и, таким образом, к концу 1958 г. составил уже 3 млн. экземпляров. Появилось воскресное приложение «Bild am Sonntag», а 14 октября 1957 г. – региональное берлинское издание «Bild». 25 мая 1959 Аксель Шпрингер заложил фундамент для здания издательства и типографии на Кохштрассе в Берлине. К этому моменту «Bild» стала самой популярной ежедневной газетой Европы [Enzersberger 1971, 25].

1960-е гг. После прихода на пост главного редактора Карла-Хайнца Хагена газета приобрела яркую антикоммунистическую направленность, стала активно выступать против территориального и политического разделения Германии: «*Seit dem 13. August 1961 16 Millionen hinter Stacheldraht. Berlin kocht vor Empörung*» («*С 13 августа 1961 16 миллионов за колючей проволокой. Берлин кипит от гнева*») (Bild, 14.08.1961). С 1962 г. политика издания снова меняется, когда во главе «Bild» становится более либеральный редактор Петер Бэниш: издание стало публиковать больше материалов так называемой «легкой» тематики, героями которых становились кинозвезды, видные деятели культуры и спорта (певица Жюльетт Греко – «*Juliette Greco nahm Überdosis Schlaftabletten*» («*Жюльетт Греко приняла сверхдозу снотворного*») (Bild, 15.09.1965); известный миллионер и коллекционер антиквариата Гюнтер Захс – «*Gunther Sachs tröstet Odile*» («*Гюнтер Захс утешает Одиль*»), музыкальные группы мировой популярности «Роллинг Стоунз» – «*München: "Stones" kamen durch Hintertüt*» («*Мюнхен: "Стоунз" прошли сквозь заднюю дверь*») (Bild, 15.09.1965) и «Битлз» – «*Beatle Ringo ist Vater*» («*Битл Ринго теперь папа*») (Bild, 15.09.1965); шведская и американская актриса Грета Гарбо – «*Die Göttliche wird 60*» («*Божественной будет 60*») (Bild, 15.09.1965) и др.). Так, в сентябре 1965 г. из общего числа материалов, размещенных на первой полосе издания данная тематика полностью превалировала. Только два первополосных материала так или иначе касались политики: «*Nicht auf andere verlassen! Wir müssen mehr für Deutschland und Europa tun*», («*Не полагаться на других! Мы должны больше делать для Германии и Европы*») (Bild, 15.09.1965); «*Das ist ein Krieg der Phantasie*» («*Это война воображения*») (Bild, 15.09.1965). В остальном содержании газеты, если и затрагивалась тема политики, то это были внутривнутриполитические вопросы и отношения исключительно внутри страны: «*Botschafter nach Bukarest?*» («*Ботшафтер в Бухаресте?*») (Bild, 15.09.1965); «*Nach der Wahl*» («*После выборов*») (Bild, 15.09.1965); «*Vau-Rekord*» («*Рекорд в строительстве*») (Bild, 15.09.1965) и т. д. В это время «Bild» активно участвовала в акции «фонарщика у Бранденбургских ворот» («*Fackeln am Brandenburger Tor*»), в 1961 г. на страницах издания появляется новая рубрика «*Der Osten handelt – was tut der Westen? Der Westen tut NICHTS!*» («*Восток действует – что делает Запад? Запад НИЧЕГО не делает!*»), которая выделялась ярким графическим элементом, имитирующим колючую проволоку (см. Приложение 6). В ней публикуются материалы, связанные с перемещением граждан из восточной Германии в западную. Позже начались открытые выступления в адрес Акселя Шпрингера в связи с угрожающей властью монополии издательства, в руках которого находилось более 50 % рынка немецкой прессы. На сегодняшний день – «свыше 80 % тиражей всех ежедневных и воскресных газет, издаваемых в Германии» [Юрченко 2010, 76] (к примеру, «Bild», «Bild für Frau», «Auto Bild», «Sport Bild», «Forbs», «Geo», «Gala», «Icon», «Computer Bild», «Die Welt», «Beobachter», «Ok!» и др.). В результате обсуждения Верховной комиссии прессы вышло постановление (1968 г.), согласно которому издательство Акселя Шпрингера вынуждено было отказаться от издания пяти журналов [«*Die Pressefreiheit ist betrocht*» 1968]. В 1965 г. поднялась цена «Bild»: с 10 до 15 пфеннигов. В 1967 г. Аксель Шпрингер сформулировал магистральные линии издательства, направленные против антинационалистических выступлений на страницах печатных изданий и настраивавшие Германию на воссо-

единение. 1 апреля 1968 года впервые появилось региональное издание «Bild – Мюнхен». Двадцать первого июля 1969 г. на страницах «Bild» была опубликована первая цветная фотография, публикация которой была приурочена к первому полету на Луну американского космического экипажа. Конец шестидесятых ознаменовался скандальными публикациями о нападении на студенческого руководителя Руди Дучке, о «претензиях» со стороны «левой» интеллигенции, членов писательской партии «Группа 47».

1970-е гг. Приведшая в 1968 г. к эскалации дискуссия «Bild» со студенческим движением и немецкой интеллигенцией, в начале 1970-х гг. находилась в центре критики. Эти открытые дискуссии во многом поспособствовали тому, что тираж издания до миллиона экземпляров. Очередные магистральные изменения в политике издания наметились с 6 августа 1971 г., когда во главе редакции стал Гюнтер Принц. Стиль газеты на этом этапе можно охарактеризовать как «смесь из секса, “Facts & Fiction”, политики, преступлений и полезных советов». Ставка на новую политику издания, предусматривающую отход от политики, обеспечила рост читательской аудитории и тиражей изданий. Так, в 1971 г. «Bild» стала выходить четырехмиллионным тиражом. Росту численности экземпляров также способствовали благотворительные акции, проводимые впервые новым редактором: помощь детям, страдающим болезнями сердца (продлилась до 2006 г.), «“Bild” борется за Вас», направленная на поддержку нуждающихся читателей. В 1974 г. социолог Хорст Холзер впервые проанализировал читательскую аудиторию «Bild», которая выглядела следующим образом: 34 % – квалифицированные рабочие; 23 % – прочие рабочие; 23 % – служащие; 10 % – владельцы и руководители предприятий, фрилансеры, самостоятельные предприниматели; 4 % – ведущие служащие; 3 % – аудитория, занятая в сельском хозяйстве; 3 % – прочие. В эти годы на волне растущей популярности «Bild» открывает 15 дополнительных региональных изданий. Интерес к изданию усиливался благодаря тому, что газета постоянно оказывалась в центре скандалов, разгорающихся на политической почве. «Популярность» газеты увеличилась и после «обличений» писателя Гюнтера Вальрафа, проработавшего в «Bild» около 3-х месяцев под псевдонимом Ханса Эсера и разочлившего принципы работы её журналистов.

1980-е по 2000-е гг. В 1982 г. «Bild» суммарный ежедневный тираж издания составлял 5 млн. экземпляров. Однако, несмотря на такой успех, в издательстве не было стабильности. Во многом причиной тому явилась в 1985 г. смерть учредителя издания и лидера концерна Акселя Цезаря Шпрингера (1912 – 1985 гг.). С этого момента главные редакторы начали меняться чаще: Хорст Фуст (1981 – 1988 гг.), Вернер Руди (1988 – 1989 гг.), Питер Бартельс (1989 – 1991 гг.), Ханс-Херман Тидье (1989 – 1992 гг.), Клаус Ларасс (1992 – 1997 гг.), Удо Рёбель (1998 – 2000 гг.), Кай Дикманн (с 2001 по настоящее время). Учредитель «Bild» в своем завещании обязал своих наследников не продавать его издательство вплоть до 2015 года. Сегодня наследницей и полноправным владельцем империи Акселя Шпрингера является его пятая жена Фрида Шпрингер. Не смотря на видимые структурные изменения и экономические трудности издательства до 1990 г. в Западной Германии открываются еще 9 региональных редакций и основываются новые локальные редакции в Дрездене, Лейпциге, Хемнице, Магдебурге, Халле и Мекленбург-Передней Померании. Суммарный тираж, падение которого связано с затратами издательства на открытие новых филиалов, составил в 1990 г. 4,5 млн. экземпляров и оставался постоянным вплоть до 1998 года. К этому времени только в пяти федеративных землях Германии «Bild» не было региональных представительств. Также примечательным для этого периода времени стал тот факт, что концерн Акселя Шпрингера активно бойкотировал германскую реформу правописания.

2000-е – сегодняшний день. После 1998 г. «Bild» ощутила на себе общий экономический спад газетной отрасли. Из-за прогрессирующего развития Интернета как средства новой журналистской коммуникации и, как следствие, снижения запроса на печатные издания в период между 1998 и 2006 гг. «Bild» потеряла один миллион читателей. До сегодняшнего дня эта тенденция сохраняется. Еще одним фактором, повлиявшим на экономическое положение издания в данный период, явилось дорогостоящее расширение берлинской штаб-квартиры, которая обошлась концерну примерно в 400 млн. евро и переезд редакций «Bild» и «Bild am Sonntag» из Гамбурга в Берлин, который окончательно состоялся в марте 2008. 1 января 2001 г. издание выходило общим тиражом 4,36 млн. экземпляров, что позволило изданию оставаться в шестерке самых больших ежедневных газет мира. С 2006 г. «Bild» ввела сквозную рубрику, так называемый, «столбец коррекции», который размещался на второй полосе издания. В данном месте размещались поправки, вносимые в ложные или ошибочные сообщения, но не корректировки. Это была добровольная инициатива редакции, в которую поступало большое количество писем с требованиями публикации опровержения. На сегодняшний день, как отмеча-

ет исследователь Хайнц Пюрер, «Bild» является крупнейшей по тиражу среди надрегиональных газет Германии [Pürer 1994, 108].

Анализируя «Bild» как «жёлтое» издание с шестидесятилетней историей, в ней можно заметить все типологические черты бульварных изданий: эпатажирующее освещение табуированной тематики, сенсационность, тематический эклектизм, превалирование визуальной составляющей над текстовой. Остановимся подробнее на каждой из них.

Под **эпатажирующим освещением табуированной** тематики подразумевается эксплуатация тем, на которые в обществе налагается «табу». Причем эксплуатируются они настолько, насколько кажется это неприемлемым: данные темы превалируют над всеми остальными. В тематическом ряду можно выделить следующий набор предметных областей:

– во-первых, это интимные отношения, как в узком понимании (межполовые – «*Ist das J. Los Neuer?*» («*Это новый (парень – В. К.) Джей Ло?*») (Bild, 20.07.2011); «*Harry Potter will heiraten*» («*Гарри Поттер хочет жениться*») (Bild, 22.08.2011)) так и в широком (внутрисемейные – «*Im März kommt Victorias Baby zur Welt*» («*В марте у Виктории родится ребенок*») (Bild, 18.08.2011); «*Volksmusik-Stars Stefan Mross & Stefanie Hertel Ehe kaputt?*» («*Браку звезд народной музыки Штефана Мросса и Стефании Хертель пришел конец?*») (Bild, 16.09.2011); «*136 Tage Angst*» («*136 дней страха*») (Bild, 16.09.2011) и др.

«Желтая» пресса ставит перед собой цель развлекать читателя любой ценой и соответствует неразвитому читательскому вкусу;

– во-вторых, бульварная пресса не дает покоя людям, оказавшимся в своем роде «нюсмейкерами». Оказавшись в центре внимания аудитории, они порой не ожидают, какие «сюрпризы» им могут преподнести работники «желтых» изданий. Каждый человек является носителем новостей, с конкретными именами связаны те или иные события мирового масштаба. Но, если в качественной прессе детальное рассмотрение жизни человека используется для раскрытия характера героя, либо для журналистского расследования, то в «желтой» прессе обычно один из фактов личной жизни того или иного героя становится причиной для сенсации, критики или насмешки. Например, в номере макдербургской «Bild» за 16 августа 2011 г. причиной сенсации и критики стал немецкий политик Кристиан фон Бойтихер, который «хотел стать министром Шлезвиг-Гольштейна» (дословный перевод). Но из-за «сексуальной аферы» с 16-летней школьницей дорога в большую политику ему была закрыта: «*Der CDU-Politiker und die 16-jährige. Sex beim 1. Treffen*» («*Политик Христианско-демократического союза и 16-летняя. Секс при первой встрече*») (Bild, 16.08.2011). В подробностях на стр. 8 можно прочитать все детали обсуждения этого случая, увидеть соответствующие фото, но только не узнать самого главного: что теперь ожидает землю Шлезвиг-Гольштейн, кто из политиков будет вместо него и т. д.

Стоит заметить, что качественная пресса ограничивает свое вмешательство в частную жизнь этическими нормами, тогда как «желтая» эти нормы смело нарушает. В этом случае возможно столкновение двух мнений, что следует больше учитывать: право публики на информацию или право человека на личную жизнь и безопасность. Условно можно выделить виды вмешательства массовой прессы в частную жизнь: «мягкий» и «жесткий». «Мягкое» вмешательство можно еще назвать поверхностным, поскольку речь идет о публикации новостей – событий из жизни знаменитостей (свадьбах, разводах, дней рождения и т. п.). Как правило, о них знает только определенный круг участников, но сведения о таких событиях не являются закрытыми или интимными: «*Scheel & Barbara. Küsse, Sonne und ein bißchen Pügel*» («*Шиль и Барбара. Поцелуи, солнце и немного драки*») (Bild, 09.05.1988); «*Im März kommt Victorias Baby zur Welt*» («*В марте у Виктории родится ребенок*») (Bild, 18.08.2011); «*Heidis Urlaub auf Traum-Jacht*» («*Отпуск Хайди на яхте ее мечты*») (Bild, 16.08.2011) и др. «Жесткий» вид вмешательства в частную жизнь подразумевает глубокое проникновение в сферу неофициальных, интимных отношений, в том числе в сферу здоровья: «*Ariane (4) ist schwer lungenkrank. Große Sorge um Prinzessin Maximas jüngste Tochter*» («*У Арианы тяжелая болезнь легких. Огромное беспокойство принцессы Максими о младшей дочери*») (Bild, 04.08.2011); «*Vaterschaftstest positiv*» («*Тест на отцовство положительный*») (Bild, 29.07.2011); «*DDR-Dopingopfer greifen Radlegende an*» («*Жертвы допингов становятся легендарными велосипедистами*») (Bild, 06.08.2011) и др.;

– и, наконец, к ряду табуированных тем относится тема смерти, тем более в криминальной форме. В «желтой» прессе эта тема, особенно в последнее время, является также причиной для сенсаций. Описание аномальных и чрезвычайных обстоятельств здесь служит не мотивацией разобраться в произошедшем, а еще одним поводом сыграть на чувствах читателя, напугать его. Усилить этот процесс помогает метод оксюморона, когда сочетается несочетае-

мое: «Amy Winehouse in der Urne ihrer Oma beigesetzt» («Эми Уайнхаус похоронила свою бабушку в урне») (Bild, 27.07.2011); «Schnulzen-Hasser verprügeln Schlager-Stars» («Ненавистники слащавых песен избili non-звезд») (Bild, 01.08.2010); «Der Fall Gäfgen heute vor Gericht. Schmerzens-Geld für Kinder-Mörder? Herr Richter, verhindern Sie das!» («Сегодня судебное дело Гафгена. Кровавые деньги за убийцу ребенка? Господин судья, предотвратите это!») (Bild, 04.08.2011). Нередко на одной полосе таких изданий можно встретить юмористические материалы рядом с материалом об убийстве, события из религиозной жизни рядом с порнографией и т. п. В качестве примера рассмотрим первую полосу этого же номера от 16 августа 2011 года. Сразу же возле заголовочного комплекса на черном фоне мы видим портрет провинившегося политика, а справа от него эксцентричное фото Хайди Клум в откровенном купальнике с яхтой ее мечты. Ниже помещено фото Папы Римского с крупным заголовком: «Папа Бенедикт встречается с молодежью мира», где автор детализирует эту новость, а слева фотография почти полностью обнаженной девушки в бикини с подписью: «Anne wird heute 22!» («С днем рождения! Анне будет сегодня 22!») (Bild, 16.08.2011).

Следующей типологической чертой массовых изданий является **сенсационность**. Выход очередного номера невозможен без сенсации, поскольку она призвана нарушать равновесие читателя в своей предварительной установке на то или иное событие. Поиск таких событий, скандалов – задача всех журналистов, работающих даже в элитарных изданиях. Но освещаются сенсации в массовых и качественных изданиях с разными целями. В «желтой» прессе они нужны только для того, чтобы привлечь внимание, поскольку специфика всех бульварных изданий заключается в эмоциональном воздействии, и никаком другом. В отличие от качественных изданий, «желтые» всегда призывают своего читателя сопереживать, причем вызывая в большинстве случаев тревогу и гнев, а не радость и ликование. Желание печатать сенсации чаще в «желтых» изданиях сталкивается с ограниченным количеством соответствующих событий в действительности. Таким образом, имеют место ложные сенсации, которые отрицательно влияют на доверие аудитории: «Hatte die Erde früher 2 Monde?» («Было ли у Земли ранее 2 Луны?») (Bild, 04.08.2012). Кроме вымышленных фактов, здесь речь идет и о смещении основного акцента с главного события на какую-либо второстепенную деталь, и о нарушении правильной последовательности событий. Ярким примером смещения акцента в новости может служить материал «Keiner glaubte so fest an den Fall der Mauer wie Axel Springer» («Никто так не верил в падение стены, как Аксель Шпрингер») (Bild, 13.08.2011), который вышел в свет в день пятидесятилетия со дня падения Берлинской стены. Однако, материал посвящен не данному знаменитому в истории Германии событию, а Акселю Шпрингеру и его видению проблемы. Такие сообщения основаны на дезинформации, субъективности и «мономерности», а это недопустимо в качественной прессе. Следовательно, можно сказать, что «желтизна» не отражает действительность, а инсценирует ее. В изданиях данного типа, в частности «Bild», отсутствует информационный баланс: «вымышленные» сенсации смещают его в свою сторону. Отсюда следствие – одновременный избыток и недостаток информации, где недостаток связан с обращением журналистов к однотипным материалам и их игнорированием многих других проблем, экономического и политического характера. Таким образом, сами же журналисты «сужают» кругозор своего читателя, создавая лишние информационные потоки и «шум» вместо того, чтобы наполнить издание другой полезной информацией. Например, за август 2011 г. мы не увидели ни одной публикации, касающейся кризиса в Греции и в Испании, например, или участия Германии в жизни других государств Евросоюза, то есть тех тем, которые становились центральными новостями в качественных изданиях на протяжении большого отрезка названного года. Важнее с точки зрения редакции «Bild» оказываются поиски коровы Ивонны и награда нашедшему: «10 000 Euro Belohnung. Rettet Kuh Yvonne!» («10 000 евро вознаграждение. Спаси корову Ивонну») (Bild, 13.08.2011); «Fährtenleser Toni ist Yvonne auf der Spur» («Перемещающийся читатель Тони отслеживает Ивонну») (Bild, 16.08.2011); «Feuer frei auf Kuh Yvonne!» («Открыт огонь на корову Ивонну») (Bild, 19.08.2011); «Yvonne hat 100 Kilo zugenommen!» («Ивонна набрала 100 кг!») (Bild, 23.08.2011); «Yvonne wieder da!» («Ивонна возвращается!») (Bild, 25.08.2011); «Rodeo ins Kuh-Glück» («Родео в коровьем счастье») (Bild, 03.09.2011) и т. д. На тринадцати из тридцати страниц номера оказывается предпочтительней разместить рекламу, чем новости мирового масштаба.

Подобные примеры ведут к появлению тематического эклектизма. Чтобы понять сущность данного словосочетания, выясним, что значит «эклектизм». Это слово в архитектуре, по данным Большой советской энциклопедии, означает «соединение разнородных художественных элементов» и «имеет место в период упадка больших художественных направлений», как направление философии, по энциклопедическим данным, – «построение системы путём соче-

тания различных признаваемых истинными положений, заимствованных из разнообразных философских систем». Соответственно, тематический эклектизм – это смешение материалов на разные темы, отсутствие структуры и пропорции их размещения в пределах одного номера. Если в качественной прессе мы видим размещение публикаций, полностью подчиненное идеологии информационной ценности, то в «желтой» прессе на первой полосе мы встречаем все, что может максимально привлечь публику. Так, по словам Ирины Добашиной, «голая грудь Жанны Фриске сегодня оказывается интересней, чем последнее заявление Дмитрия Медведева...», а в Европе и США «...чаще обращаются к новостям о Бритни Спирс, нежели о НАТО». Исключением сегодня не является и «Bild». О ее тематических предпочтениях в контексте политических трансформаций государства подробнее речь пойдет во второй главе. Но для примера, можем сказать, что в том же номере от 16 августа 2011 г. на первой полосе собраны всевозможные «новости» с той целью, чтобы хоть как-нибудь привлечь внимание читателя. Интересно, что если выделять способы проявления эклектизма в «желтой» прессе, то в «Bild», на наш взгляд, происходит жесткое столкновение серьезных материалов и «нулевой» информации, служащей только для развлечения. О равнозначности между важными и незначительными событиями говорить сложно, а вот особая ситуация в истории газеты наблюдалась при редакторе Петере Бознише, когда материалы с низким уровнем общественной значимости вытеснили информационно важные материалы на второй и даже третий план (см. выше).

Наконец, одной из основных характеристик «желтой» прессы считается превосходство визуальной составляющей над текстовой. Визуализация является общей тенденцией всех мировых СМИ, однако в качественных изданиях иллюстрации пропорционально гармонируют с текстовыми материалами. В «желтой» прессе, в частности «Bild» как ярком представителе этого направления в печати, наблюдается экспансия «ярких» оформительских элементов: цвета, иллюстраций, заголовков.

Как уже отмечалось, с первых номеров Аксель Шпрингер видел свою газету как аналог телевидению. А это подразумевает огромное количество фото и краткие комментарии к ним, описание событий. Такая тенденция сохранилась до сих пор: количество и масштабы иллюстраций превосходят содержательную часть. Кроме того, для «Bild» как для яркого представителя «желтой» прессы фотографии и карикатуры играют ключевую роль, поскольку на первом месте стоит не информация, как в качественной прессе, а визуальная составляющая.

Проведя небольшое исследование издания шпрингеровского концерна, можно сказать, что феномен газеты «Bild» заключается в следующем:

– «Bild» является ярким представителем бульварной («желтой») прессы Германии, а также Европы в целом.

На сегодняшний день она является одной из первых по рейтингу популярности среди печатных СМИ во всем мире. Ее ежедневный тираж составляет более 4,5 млн. экземпляров. По словам исследователей, обращавшихся до нас к исследованию данного издания, характеристика «Bild» как массовой популярной газеты традиционна, а это и есть причина такого интереса к газете большого числа наблюдателей.

Наряду с полученными фактами, интересно пронаблюдать исторические изменения в газете в контексте редакторской политики издания. Целью первого номера газеты от 24.06.1952 г., вышедшего в качестве «печатного варианта телевидению», было освещение событий на спортивной олимпиаде в г. Хельсинки, где бывшая ФРГ впервые принимала участие. Развиваясь и набирая обороты, у газеты появилась собственная политика, и в 1960-е гг. она активно выступает за объединение Восточной и Западной Германии. Идет в ход полный спектр инструментов: лозунги, «плакаты» с призывами, графические элементы и карикатуры, манипулирующие людьми на подсознательном уровне. Появляется символ газеты – «Лилли», популяризирующий стиль жизни в большом городе. После воссоединения двух государств неоднократно меняется политика главных редакторов, определявших, что публиковать «главнее» на тот или иной момент в истории государства: политику или спорт, звезд, сплетни и т. п.

«Bild» является одним из первых печатных СМИ мира, применившее цветную печать в своей деятельности. Это говорит о высоком профессионализме оформителей и журналистов издания, осознавших, какую роль играет цвет при выделении текстовых материалов. Было время, когда тираж «Bild» значительно падал, ее авторитет для читателя был достаточно подорван. Но спустя десятилетия, издание снова «крепчает», проводя политику популяризации и культивирования интересных аудитории тем: тираж издания снова увеличивается благодаря эпатажирующему освещению табуированной тематики, сенсационности, тематическому эклектизму, превалированию визуальной составляющей над текстовой.

На сегодняшний день наметился спад интереса к «Bild», о чём свидетельствует отказ

аудитории от получения бесплатных (!) рассылок газеты, связанных с 60-летним юбилеем издания. Во многом этот спад наметился, во-первых, благодаря «эволюции» читателя, желающего получать более взвешенную и правдивую информацию, его отход от сенсационности и развлекательности, а во-вторых, благодаря появлению альтернативного средства массовой коммуникации – Интернета, куда сегодня сильно смещен акцент, когда речь идет о получении информации.

Список литературы

1. Bild (Zeitung) [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Deutschland – 2012. – Режим доступа : [http://de.wikipedia.org/wiki/Bild_\(Zeitung\)#Die_1950er_Jahre](http://de.wikipedia.org/wiki/Bild_(Zeitung)#Die_1950er_Jahre), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем.
2. Enzersberger H. M.: Gedichte 1955 – 1970. // H. M. Enzersberger. Frankfurt a. Main, 1971.
3. Kain F. Das Privatfernsehen, der Axel Springer Verlag und die deutsche Presse: die medienpolitische Debatte in den sechziger Jahren. / F. Kain Münster – Hamburg 2003.
4. Strassner E. «Bild» – Deutschlands modernste Zeitung // Hans J. Bucher, Erich Strassner. Mediensprache, Medienkommunikation, Medienkritik. Tübingen, 1991.
5. Большая Советская Энциклопедия, Т. 48, М.: 1957 г. – с. 669.
6. Добашина И. «Феномен бульварной прессы» [Электронный ресурс] // И. Добашина «Феномен бульварной прессы» в журнале «Новый Взгляд»: – Электрон. дан. - М.: 2009. – № 11.- Режим доступа: <http://www.newlookmedia.ru/?p=2474>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Засурский Я. Н. Надо ли бороться с «желтизной» / Я. Н. Засурский, В. Л. Богданов // Энциклопедия жизни современной журналистики. Т. 2. М., 1998.
8. Юрченко И. В. Вербальные и невербальные механизмы воздействия «желтой» прессы на массовое сознание: на материале немецкой газеты «Bild», австрийской газеты «Kronen Zeitung» и швейцарской газеты «Blick». / И. В. Юрченко: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. – Москва, 2012. – 258 с.

«BILD»: PUBLICATION TYPE, FEATURES OF FUNCTIONING, STRUCTURE AND CONTENT CHARACTERISTICS

V. V. Kolesnikova
I. I. Karpenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vikyk@yandex.ru
karpenkoirina@bsu.edu.ru*

The article deals with the history and the peculiarities of the German newspaper «Bild». The analysis is done with the publication of the structural and content characteristics of the newspaper.

Keywords: Bild, German journalism, «yellow» press.

УДК 070

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ

А. П. Короченский
Е. О. Труфанова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
korochensky@bsu.edu.ru
trufanova19@rambler.ru*

В статье дан сравнительный анализ освещения в ведущих газетных изданиях России интеграционных процессов на постсоветском пространстве через изучение концепта «интеграция», представленного в газетной периодике.

Ключевые слова: интеграция, концепт, постсоветское пространство, газетная периодика.

Важнейшей отличительной особенностью развития цивилизации в последние десятилетия можно назвать усиливающиеся интеграционные процессы. Во второй половине XX в. активно образуются различные межгосударственные союзы, содружества, сообщества и организации. Они объединили в разных географических регионах множество государств, что дало основания говорить о региональной интеграции как характерной черте современного мира. Среди значимых признаков сегодня можно отметить и повышение взаимозависимости экономик различных государств, и интенсивный переход развитых стран от замкнутых национальных хозяйств к экономике открытого типа. Интеграционные процессы, происходящие как на макро, так и микроуровнях, обусловлены с одной стороны, закономерностями экономического развития мирового хозяйства в целом, с другой - особенностями его становления на современном этапе. Проявляются они в углублении международного разделения труда, интернационализации финансово-экономических связей, развитии и укреплении региональных международных структур [1].

В развитии современной России интеграционный подход не менее актуализирован. Экономика нашей страны находится на этапе вхождения в глобальное мировое хозяйство. Достойное место в нем Российская Федерация займет при условии активного участия в международных интеграционных процессах. Ведь в условиях глобализации развитие страны невозможно без тесного взаимодействия с международными экономическими и финансовыми организациями, а также с ближними и дальними соседями.

В качестве рабочего определения интеграции нами может быть предложена следующая формулировка. Итак, интеграция – это добровольное объединение двух или более самостоятельных экономических или политических субъектов в некую ассоциацию посредством различных форм связей, в том числе надгосударственного уровня, с целью эффективного и взаимовыгодного сотрудничества.

Проблема интеграции в мировую экономику стала для России особенно остро после распада СССР. На постсоветском пространстве возникла объективная необходимость построения новой формы экономического объединения. Поиск модели интеграционного сплочения этих территорий идет на протяжении двух десятилетий. Российская Федерация выступает активным сторонником углубления регионального сотрудничества бывших Советских республик [11]. Стоит заметить, что всё это время интеграционная архитектура на экономическом, политическом и социальном уровнях претерпевает постоянные изменения. Для стран бывшего СССР путь единения оказался весьма извилистым: от столь противоречивого, согласно экспертным оценкам, СНГ до подающего большие надежды ЕвразЭС.

В программной статье, посвященной формированию Евразийского экономического союза, опубликованной 3 октября 2011 г. в газете «Известия», тогда еще кандидат на пост президента России, Владимир Путин писал, что воссоздать структуру, подобную СССР – задача нереальная, однако на базе Таможенного союза и ЕЭП можно создать полноценный экономический союз. В. Путин подчеркнул: «Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе – это веление времени» [20].

В феврале 1999 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан заключили договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ЕЭП), обозначив при этом три этапа интеграции. В рамках первого было образовано Евразийское экономическое сообщество ЕврАзЭС. Функции этой международной экономической организации заключаются в «формировании общих внешних таможенных границ входящих в неё стран» и выработке «единой экономической политики, общего рынка» [21]. Договор о её создании был заключен Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном в октябре 2000 г. С 2006 по 2008 г. в ЕврАзЭС входил также Узбекистан.

Вторым этапом интеграции стало образование Таможенного союза. В 2010 г. он объединил Белоруссию, Казахстан и Россию. На образованном едином пространстве ТС «не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера» [21].

Следующий этап интеграции – Единое экономическое пространство. В декабре 2010 г. президенты трех стран Белоруссии, Казахстана и России подписали пакет документов, заложивших нормативные основы ЕЭП. На этом этапе интеграции «к свободному движению товаров и услуг добавилось свободное движение капиталов и рабочей силы» [21]. Помимо этого, члены ЕЭП могут проводить слаженную макроэкономическую политику.

Вопрос становления Таможенного Союза и ЕврАзЭС сегодня стоит крайне остро. Основная проблема медийного освещения подобной тематики в прессе заключается, с одной стороны, в новизне и сложности самого предмета анализа, с другой, – в противоречивости общей интеграционной ситуации. Особую позицию по вопросу вступления в Таможенный Союз занимает Украина. Не случайно тема подключения Киева к Таможенному союзу активно обсуждалась и продолжает обсуждаться в средствах массовой информации России и Украины, при этом высказываются различные, нередко контрастные точки зрения и оценки. Украина находится в подвешенном состоянии между таможенной тройкой и Европейским союзом, что отражается в особенностях освещения украинскими СМИ вопросов интеграции на постсоветском пространстве. Весной 2011 г. российский лидер В. Путин публично предложил Украине присоединиться к ТС. С этого времени в украинских СМИ не утихают дискуссии вокруг возможного членства страны в Таможенном союзе.

Данная статья посвящена сравнительному исследованию репрезентации в ведущих газетах России вопросов интеграции на постсоветском пространстве, в частности - проблематике становления Таможенного Союза и ЕврАзЭС, как одного из наиболее актуальных тематических блоков международной информации. в период с 2010 по 2012 гг. (это время активного освещения интеграционных процессов в СМИ в связи с актуализацией этой темы на международной арене)

Объектом исследования являются публикации ведущих российских газетных изданий «Известия», «Независимая газета», «Российская газета». Выбор периодики обусловлен, во-первых, охватом аудитории, на который претендуют представленные газеты, во-вторых, тем, что издания имеют разные типологические характеристики, в-третьих, тем, что, в соответствии с дифференциацией общественно-политических позиций, различается их информационная политика. Изучались публикации, посвященные проблемам становления Таможенного Союза и ЕврАзЭС, собранные методом сплошной выборки из российских газетных изданий за период с 2010 по 2012г.г..

Предмет исследования – специфика освещения интеграционной проблематики в СМИ, включая различия в репрезентации концепта «интеграция» в российской газетной периодике.

Самостоятельным участником международных отношений постсоветская Россия становится в результате Беловежских соглашений 1991 г. Произошедший развал Советского Союза привел к образованию 8 декабря 1991 г. нового интеграционного образования – Содружества Независимых государств. Примечательно, что готовность бывших республик СССР интегрироваться была различной. Одни восприняли идеи сближения положительно (Белоруссия, Армения, Киргизия, Казахстан), другие были против участия в каких-либо структурах СНГ (страны Прибалтики), третьи отнеслись к интеграционным замыслам сдержанно (Украина, Грузия, Туркменистан, Узбекистан), а четвертые и вовсе избрали весьма прагматичную позицию, расценивая членство в СНГ, прежде всего, как механизм «цивилизованного развода».

Уже в середине 1990-х гг. на постсоветском пространстве формируется многоуровневая структура интеграции. В 1995 г. подписывается первое соглашение о Таможенном союзе между Россией, Белоруссией и Казахстаном, к ним вскоре присоединяются Киргизия и Таджикистан. Таким образом, возникает так называемое «ядро СНГ» из нескольких государств, «готовых к более продвинутой формам сотрудничества». В 1999 г. подписывается договор «пятерки» о

формировании Таможенного союза и Единого экономического пространства, а в 2000 году «пятерка» трансформируется в ЕврАзЭС. В качестве образца взяты принципы объединения государств Евросоюза. Однако отличительной особенностью становится тот факт, что в рамках ЕврАзЭС все решения принимаются на основании консенсуса, и при этом они обязательны к исполнению. Исследователи отмечают главную задачу ЕврАзЭС – «изменить качественное содержание бывшего Таможенного союза, создать на его базе полноценную международную экономическую организацию с четкой структурой и эффективным механизмом, поднять взаимодействие экономик стран – членов сообщества на более высокий уровень и таким образом реализовать возникшую у стран «пятерки» потребность в более тесном хозяйственном сближении».

В своем роде переломным и революционным для постсоветского пространства становится 2003 год, когда был запущен проект Единого экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Украина позже самоустранилась, однако три остальных участника продолжили его реализацию. Временное «интеграционное затишье», наступившее через некоторое время после подписания Соглашения, было нарушено Договором от 6 октября 2007 г., согласно которому Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация формируют Таможенный союз [21]. В 2009 г. на уровне глав государств и правительств были приняты и ратифицированы около 40 международных договоров, составивших основу Таможенного союза [21].

1 июля 2010 г. Таможенный кодекс начал применяться на территории России и Казахстана. 6 июля 2010 года Таможенный кодекс вступил в силу на всей территории вошедших в него стран. 1 апреля 2011 г. на границе России и Белоруссии отменён транспортный контроль. Его перенесли на внешний контур границ Таможенного союза [12]. А 1 июля 2011 года на границах России, Казахстана и Белоруссии отменён таможенный контроль. Его перенесли на внешний контур границ Таможенного союза [21].

Документы о создании ЕЭП вступили в силу 1 января 2012 года. Это означает начало полноценного функционирования Единого экономического пространства. Его сформировали три страны Таможенного союза – Беларусь, Казахстан, Россия. Таможенный союз как объективная реальность действует и переходит в более высокую стадию интеграции, обеспечивающую свободу движению товаров, услуг, капитала, рабочей силы, равные условия для субъектов хозяйствования, для существования Единого экономического пространства. Если интеграция будет успешной, к 2015 году должно появиться более крупное образование – Евразийский экономический союз (ЕЭС) [«Первый шаг к Евразийскому союзу»].

Как показал проведенный нами анализ 324 публикаций в российских газетах на тему интеграции на постсоветском пространстве, жанры опубликованных материалов распределились следующим образом:

- событийные заметки – 40
- репортажи – 12
- корреспонденции – 126;
- комментарии – 24;
- статьи – 88;
- аналитические интервью – 32;
- обзоры прессы – 2.

Таким образом, большую часть текстов, касающихся интеграционной проблематики на постсоветском пространстве, составляют материалы информационных и аналитических жанров. Благодаря аналитике печатная периодика эффективнее других СМИ выполняет свои задачи в вопросах, требующих развёрнутого аргументирования.

Язык медийных текстов играет ключевую роль в воздействии на массовую аудиторию и на формирование у нее определенного восприятия действительности. Языковая картина мира, формируемая газетной периодикой, отражается в ключевых понятиях – концептах. Сегодня «концепт» – одно из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Однако, несмотря на то, что это понятие давно утвердилось в современной когнитивистике, существует множество дефиниций концепта, которые существенно варьируются различными научными школами, а также отдельными учеными. Так, В. И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», как «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [6]. С. Г. Воркачев определил концепт как «операционную единицу мысли», «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное

этнокультурной спецификой». Е. С. Кубрякова, в свою очередь, определяет «концепт» следующим образом: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [15]. «Свёрнутым» текстом именуется концепт В. А. Маслова, предложившая следующее определение этого феномена: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры».

Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую куртину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру). Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [17].

Учитывая особенности этого понятия, которые удалось выявить вышеназванным исследователям, мы попытаемся сформулировать следующее рабочее определение. Концепт – это ментальная единица, некое обобщенное представление, репрезентирующее определенные смыслы, закрепившиеся за тем или иным словом.

Основной процедурой, позволяющей выявить репрезентанты концепта «интеграция», в настоящее время является отбор значимых единиц в рамках метода контент-анализа. Научный потенциал названного метода обусловлен тем, что в роли единиц подсчета может выступать практически любой компонент текста массовой информации – как вербальный (слово, словосочетание, имена политических деятелей и т.д.), так и относящейся к медиаряду (повторяющиеся образы, аудио и видеофрагменты). Именно такой подход позволяет исследователю составить адекватное представление о социальной реальности, репрезентируемой средствами массовой коммуникации. При этом «текст ... рассматривается в качестве объективированного опосредованного отражения социальных интересов и политических взглядов сторон, участвующих в процессе массовой коммуникации» [9].

Для реализации цели данного исследования было прочитано и подвергнуто анализу в общей сложности более 300 газетных публикаций заявленной тематики из изданий «Российская газета», «Известия», «Независимая газета».

Сформированный массив текстов позволил увидеть и общие для всех рассматриваемых газет черты в освещении процессов интеграции стран бывшего Советского Союза и те особенности, которые связаны с типологией и общественно-политической позицией каждого издания.

«**Российская газета**» является «рупором власти». Не случайно именно в этом издании тема интеграции на постсоветском пространстве звучит наиболее часто и обстоятельно. На газетных полосах появляются репортажи, информационные заметки, отчеты о встречах лидеров стран евразийского сотрудничества, проведении различных саммитов, форумов, семинаров, заседаний. Нередко на страницах издания можно встретить аналитические статьи, где исследуются тенденции интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также интервью и комментарии видных политических деятелей, экспертов в области экономики и политики.

Однако в «РГ» изложение событий основывается не только на подаче информации о происходящем, но и на изъяснении правительственной точки зрения. Именно поэтому в качестве экспертов в издании зачастую выступают высокопоставленные чиновники, озвучивающие официальную позицию по интеграционному вопросу. Что же касается иных специалистов-экспертов, высказывающихся в «Российской газете», то их мнение, как правило, созвучно с правительственной точкой зрения.

В январе 2010 года «РГ» так писала о начале действия Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана: «*по сути, образовался новый гигантский рынок, который насчитывает 160 миллионов потребителей*» [«В треугольнике свободы», Российская газета № 5080 (1)]. Заместитель председателя Комитета Госдумы по бюджету и налогам Александр Коган на страницах издания заявил: «*Такое понятие, как отечественный товар, уступит место союзному товару, то есть произведенному в Таможенном союзе. Соответственно, постепенно мы будем привыкать к тому, что отечественными производителями в России будут считаться казахские и белорусские товаропроизводители, и наоборот*» [«В треугольнике свободы», Российская газета № 5080 (1)]. Концепт «интеграция» в данном контексте представляется как глобальное, масштабное единение экономик трех стран.

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выступая на полосах издания, говорит о подписании Таможенного договора между Россией, Белоруссией и Казахстаном с большим энтузиазмом. Однако он считает, что на достигнутом нельзя останавливаться, необходимо «дви-

гаться дальше к единому экономическому союзу». Назарбаев уверен, что будущее за Евразийским союзом в новом его прочтении: *«Нам хотят навязать единую западную культуру как абсолютом, ее ставят выше истины. Но у нас есть своя культура и своя история»* [«С Миром», Российская газета № 5087 (8)].

А Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко и вовсе заявляет со страниц издания, что *«наши отношения это больше, чем дружба, это – родство»* [«У нас одна душа», Российская газета. Союз. Беларусь-Россия № 545 (13)].

В данном случае в рамках концепта «интеграция» можно говорить о возникновении смыслового контекста «единение братских народов». Помимо этого издание делает упор на то, что нынешние интеграционные процессы это, прежде всего, восстановление «былых связей». Д. Медведев на страницах издания заявляет: *«Это три страны, у которых была общая история, общее прошлое, а сегодня мы создаем общую экономику»* [«Пространство на время», Российская газета № 5637 (261)]. Первый вице-премьер правительства Игорь Шувалов также отмечает, что подобное «укрепление международного экономического сотрудничества помогает преодолению экономических трудностей». Таким образом, концепт «интеграция» в «РГ» приобретает черты процесса «антикризисного» характера.

Нурсултан Назарбаев отметил, что *«с началом его (прим.: Таможенного союза) работы качественно изменятся экономические отношения между участниками этого соглашения... они перейдут на новый, более высокий уровень... появится обширнейшее поле для совместной деятельности, начнется более активное движение капиталов, трудовых ресурсов, идей, наконец»* [«Казахстан начинает модернизацию и выигрывает», Российская газета №5105 (26)]. Из чего можно заключить, что концепт «интеграция» в отношении стран бывшего СССР приобретает значение «сближение государств на прагматических основах».

В издании часто появляются публикации, описывающие бесчисленное количество выгод и преференций, которые сулит странам-участницам членство в интеграционных группировках на постсоветском пространстве. Это еще один способ наглядно продемонстрировать выгодность подобного союза. Вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Г. Петров в статье «Крути педали!» отмечает, что *«начавший работать 1 января 2010 года Таможенный союз...быстро доказал, что он выгоден всем участникам»*. По словам Г. Петрова, *«появление общего рынка товаров привело к росту внешнеторгового оборота внутри ТС более чем на треть. В десятилетней перспективе эффект от создания Таможенного союза оценивается примерно в 700 миллиардов долларов дополнительной продукции»* [«Крути педали!», Российская Бизнес-газета №837 (8)].

Издание пишет, что *«стерев таким образом границы, страны мгновенно получили экономическую отдачу - товарооборот трех государств вырос на 40 процентов»* [«Пространство на время», Российская газета №5637 (261)].

При этом авторы публикаций не сомневаются в положительном эффекте от создания ЕЭП. Они уверены, что *«общий рынок услуг, капитала и труда...даст максимальный эффект»*. А в связи с тем, что ЕЭП подразумевает «создание общих правил игры в области инвестиций, субсидий, конкурентной политики, антимонопольного законодательства, государственных закупок» подобное интеграционное объединение даёт *«преимущества для предпринимательства по всему спектру его интересов»* [«Крути педали!», Российская Бизнес-газета № 837 (8)].

В концепт «интеграция» добавляются черты «особости», «уникальности» нового союза. Педалируется образ его «непохожести». На наш взгляд, издание пытается «размежевать» представления о новом объединении стран в Таможенный союз, ЕЭП и ЕврАзЭС, с уже существующим в общественном сознании образом «малоэффективного» СНГ и «тоталитарного» СССР. Кроме того, в складывающемся концепте «интеграция» прослеживаются черты не только «взаимовыгодности» интеграционного союза, но и абсолютной «добровольности» участия стран в объединительных процессах. Так, президент Белоруссии А. Лукашенко со страниц издания заявил: *«Мы идем на это, потому что это выгодно всем трем государствам. Никто своей суверенитет не ограничивает и никакая Россия силой партнеров к интеграции не подгоняет... Думаю, что Россия зря уж слишком оправдывается в Брюсселе, что она кого-то тут «напрягает». Ничего Россия не напрягает»* [«Пространство на время», Российская газета № 5637 (261)].

Помимо этого, на полосах «РГ» активно освещаются различные «рабочие» вопросы: будь то спорные моменты организации работы ТС, проблемы гармонизации технических регламентов и «выравнивания» пошлин или же вопросы разработки так называемых «дорожных карт» по вступлению других возможных участников. Именно последней теме в «Российской

газете» уделяется особое внимание. Директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук Михаил Делягин убежден, что *«естественные союзники, в том числе экономические, у России есть. Здесь в первую очередь должны быть названы такие страны, как Беларусь, Казахстан и Украина. Поскольку без них Россия с экономической точки зрения нормально существовать не сможет»* [«Таможенный союз: возможности, перспективы», Российская газета. Союз. Беларусь-Россия № 458 (22)].

Именно Россия выступает одним из главных инициаторов объединения. Первый вице-премьер России Игорь Шувалов отмечает в «РГ», что наша страна *«будет стремиться к формированию единого экономического пространства в рамках всего Содружества»* [«Параллельный процесс», Российская Бизнес-газета № 745 (12)]. Во многом, уверен Алексей Чичкин, корреспондент «Российской газеты», это связано с тем, что *«российская сторона стремится сохранить "очаги" своего промышленного влияния в СНГ, ибо одних только нефте- и газопроводов для такого присутствия уже недостаточно»* [«Параллельный процесс», Российская Бизнес-газета № 745 (12)].

В «РГ» активно обсуждается тема расширения сферы влияния Евроазиатского содружества: *«О желаниии присоединиться к Таможенному союзу официально высказалась Киргизия. Заинтересованность в членстве в организации выразил и Таджикистан»* [«С 2015 года страны ЕЭП перейдут на рыночные цены на газ», Российская газета № 278].

Особое звучание получает вопрос интеграции Украины в ТС. Российское правительство рассчитывает на ускорение интеграционных процессов с участием республики на постсоветском пространстве: *«Мы готовы предложить украинским партнерам совместную работу по тем интеграционным направлениям, в которых так или иначе Украина принимала участие, но с меньшей активностью, чем это заявлялось первоначально. Хочется надеяться, что тяжелый период в жизни украинского народа позади и можно будет выстраивать нормальные межгосударственные отношения, строить планы в сфере экономики, укреплять взаимодействие в социальной сфере»* [«Не только на экспорт», Российская газета № 5111 (32)]. «Российская газета» разнообразно аргументирует пользу вступления Украины в ТС, придерживаясь не только «позитивной» тональности. Так, в одной из публикаций в «РГ» президент России В. Путин дает понять, как «невесело» будет Киеву кооперироваться с ЕС и как выгодно с Россией. Глава российского государства обрисовал весьма мрачные перспективы: *«Украине лучше бы присоединиться к Таможенному союзу, а не двигаться к ЕС. Вряд ли им удастся вывезти свои продукты на европейский рынок. Экономический выигрыш Киева в случае вступления в ТС составил бы ежегодно 9 млрд долларов. Молока у украинцев в Европе купят в лучшем случае два литра, авиапром умрет, судостроение развиваться не будет... А у нас ведь кооперация колоссальная. Это же понятно: был единый так называемый народно-хозяйственный комплекс СССР... У нас ментальность общая и язык общий»* [«Дорога эволюции», Российская газета № 5601 (225)]. В высказываниях В. Путина прослеживаются идеи «народного единства», «общего исторического пути». Таким образом, концепт «интеграция» вновь дополняется «ностальгическими» чертами.

Доктор экономических наук, академик РАН, ответственный секретарь Комиссии Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана С. Глазьев на страницах издания отмечает, что *«для Украины наступает время стратегического выбора внешнеэкономической стратегии»*. И по мнению эксперта, этот выбор очевиден: *«Стремление Украины вступить в Евросоюз повлечет за собой серьезную потерю роста ВВП, ухудшение общей структуры экономики Украины, превращение Украины в резервуар дешевой рабочей силы и, вследствие этого, потерю реального экономического суверенитета. При интеграции Украины в экономические структуры Евразии макроэкономические прогнозы намного более благоприятные. Прирост ВВП Украины в ближайшие десять лет составит около двух сот миллиардов долларов, вырастет конкурентоспособность украинского машиностроения, авиастроения и кораблестроения. При этом процедура принятия решений в Таможенном Союзе прозрачна, суверенитет ни одного из государств-членов ТС не ущемляется ни на йоту»* [«Киеву напомнили про ЕврАзЭС», Российская газета № 5660]. Таким образом, «Российская газета» пытается отразить отсутствие альтернативы движению в сторону Евразийской интеграции.

Издание даёт возможность Киеву держать «ответное слово», размещая в одной из публикаций мнение Украины по данному вопросу. В «РГ» ответ на вопрос «Рассматривает ли Украина свои перспективы в рамках Таможенного союза?» давал директор Национального института стратегических исследований при президенте Украины Андрей Ермолаев. По его мнению, *«Таможенный союз является проектом и продуктом ЕврАзЭС. Украина не член этой организации. Когда Россия предложила нам вступление в Таможенный союз, встала про-*

блема не просто правильных, выгодных или не выгодных условий сотрудничества, речь шла прежде всего о стратегическом выборе. Выгоды, которые обсуждаются сейчас от участия в Таможенном союзе, еще стоит пересматривать. Они не так бесспорны, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, ТС слишком молод, чтобы можно было говорить о явных прорывных преимуществах. Считаю, что Украина как страна, которая не входит в ЕвразЭС, имеет право просто понаблюдать за развитием событий в ТС» [«Вокруг бассейна», Российская Бизнес-газета № 818 (36)].

В общем, издание охарактеризовало «нестабильный» внешнеполитический курс Украины как стремление «оседлать сразу два стула». В издании высказывается мнение, что это обусловлено «не столько экономическими соображениями, сколько психологическим барьером, появившимся на почве мифа о том, что Евросоюз станет своеобразным гарантом геополитической безопасности Украины. В то же время Украина понимает и не хочет упустить те потенциальные экономические возможности, которые может дать членство в ТС» [«На двух стульях», Российская Бизнес-газета № 821 (39)].

Пожалуй, еще одной отличительной чертой освещения интеграционной проблематики «Российской газетой» становится некоторая «казенность» публикаций. Безусловно, процессы интеграции, чем глубже они становятся, требуют согласования множества технических вопросов, деталей, компромиссных решений. Однако в «РГ» уделяют много внимания организационной «шлифовке» работы Таможенного союза. При этом на страницах издания совершенно не затрагиваются важные проблемные стороны интеграции, в том числе, это касается финансовых вопросов.

В «РГ» семантико-когнитивный профиль «интеграция» в смысловой динамике приобретает черты «реинтеграции». То есть на страницах издания формируется образ воссоединения, пусть и на новых принципах, прежде распавшегося интегрированного блока.

Концепция освещения процессов интеграции на постсоветском пространстве в «Известиях», несмотря на то, что издание позиционирует себя независимым, очень близка к официальной, репрезентированной в «Российской газете». В издании по аналогичной схеме выстраивается доказательная база выгоды евразийского союза. На страницах газеты описываются многочисленные преференции, которые принесет странам экс-СССР участие в интеграционных блоках [«Россия создает свой Евросоюз», Известия, 30 ноября 2009].

Кроме того «Известия», по сути, стали площадкой «идеологического» воздействия на аудиторию в вопросах интеграции. Ведь именно здесь была напечатана программная статья В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» — публикация, которая, с одной стороны, выполнила функцию политической платформы кандидата в президенты РФ, с другой стороны, оказалась настоящим драйвером процессов интеграции на постсоветском пространстве.

В публикации В. Путин говорит о перспективах развития интеграции на постсоветском пространстве: «Строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в будущем Евразийского экономического союза». На страницах издания он весьма детально представил свое концептуальное видение будущего ЕвразЭС. В. Путин пишет, что «речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР». Политик предлагает модель «мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом». При этом, говорится в статье, «было бы ошибкой противопоставлять Евразийский союз и СНГ. У каждого есть свое место и своя роль». «Убежден, создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания», — подчеркнул В. Путин [«Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», Известия от 3.10.2011].

С опорой на концепцию нового интеграционного проекта можно выделить следующие черты концепта «интеграция»:

- во-первых, уникальность, так как не подразумевается воссоздание СССР или реставрация СНГ. Интеграция в рамках ЕвразЭС строится на новой ценностной, политической, экономической основе;
- во-вторых, эффективность и выгода. С одной стороны союз выгоден гражданам и бизнесу стран-участниц. С другой, — для государств это действенный способ борьбы с мировым экономическим кризисом;

- в-третьих, динамика в развитии;
- в-четвертых, «наднациональность» (подразумевается создание единого права, которое будет регулировать общественные отношения во всех государствах-участниках данного объединения по одинаковым принципам);
- в-пятых, открытость (приветствуется присоединение других партнеров, и прежде всего стран Содружества);
- в-шестых, союз становится своеобразной «связкой» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Однако, на наш взгляд, как бы ни отрицали этот факт создатели данного амбициозного интеграционного проекта, наличие определенных параллелей с бывшим СССР налицо. Концепт «интеграция» в данном контексте видится как «воссоединение» стран бывшего Советского пространства. Но на страницах издания усиливаются черты «принципиальной новизны» и высокой эффективности Евразийского Союза, ведь он способен «держат удар» перед вызовами времени.

Обнаруживая ярко выраженное стремление издания к популяризации идей евроазиатской интеграции среди населения стран Содружества, «Известия» пытаются уйти от «канцелярского», излишне официозного стиля, реже прибегают к формальным описаниям различных событий, сухо изложению фактов. Издание доходчиво доводит до читателя информацию о возможных последствиях интеграции. По сути, «Известия» пытаются превратить интеграцию в понятный, привлекательный для граждан проект [«Россия, Белоруссия и Казахстан слились в Таможенном союзе», Известия от 28.01.2008].

Редакционная политика «Известий» созвучна с мыслью: «Мы хотим взглянуть на то, в каких муках рождается единое экономическое пространство трех стран».. Со страниц «Известий» порой звучит критика в адрес интеграционных группировок на постсоветском пространстве: «Выяснилось, что многие положения кодекса Таможенного союза, мягко говоря, несовершенны. И в силу этого вредны российской экономике. Уже возникли проблемы с импортом иномарок, вина, куриных окорочков» [«Пограничное состояние», Известия от 03.03.2010].

Обсуждалось в «Известиях» и нежелание Украины вступать в ТС, дискутировались так называемые российско-украинские торговые «войны» - в частности, «сырная» и «вагонная». В издании выражено мнение Киева на этот счет: «Сейчас мы говорим не про причину, а про последствия. Сегодня «сырная война», завтра карамельная, послезавтра трубная, потом начнется строительная или какая-нибудь другая. Это не имеет никакого значения, потому что все они – это способ давления на Украину, чтобы она вступила в Таможенный союз» [«Украина готовится к «вагонной войне» с Россией», Известия от 16.03.2012].

В газете освещается затратная сторона интеграционных государственных объединений. Так, экономист Р. Гринберг рассуждает на страницах «Известий» о том, кто должен платить за интеграцию постсоветского пространства. Директор Института экономики РАН приходит к выводу, что «мы не должны быть скрягами и бороться за каждый рубль или доллар в наших действиях, газовых или негазовых войнах. Если мы действительно хотим консолидировать постсоветское пространство, то у нас нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане – это потери, в долгосрочном – однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России». Р. Гринберг утверждает: «Россия слишком велика, чтобы быть равноправным партнером, и это объективно затрудняет любую интеграцию с ее участием» [«Не вижу никакой альтернативы щедрости России при создании Евразийского Союза», Известия от 24.11.2011].

Примечательна еще одна линия в освещении интеграционной тематики на страницах «Известий» - обращение к интеграционному опыту ЕвроСоюза. Однако лейтмотивом проходит прежде всего идеологема о том, что Евразийское объединение имеет превосходство: «Становление Таможенного союза и ЕЭП идет гораздо динамичнее, поскольку учитывает опыт ЕС и других региональных объединений. Мы видим их и сильные, и слабые стороны. И в этом наше очевидное преимущество, позволяющее избежать ошибок, не допустить воспроизводства разного рода бюрократических навесов» [«Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», Известия от 3.10.2011].

«Независимая газета» - это одно из крупнейших периодических изданий в современной России. На страницах этой частной газеты обсуждаются актуальные проблемы общественной, политической и культурной жизни нашей страны, а также процессы за ее пределами. Представление интеграционных процессов на страницах «Независимой газеты» существенно

отличается от других изданий.. Примечателен и тот факт, что «НГ» значительно реже обращается к интеграционной тематике, нежели официальная периодика. Концепт «интеграция» в издании приобретает особые черты. Так, «Независимая газета» считает, что для России Таможенный союз, Единое экономическое пространство и грядущий в 2015 году Евразийский союз лишь способ «поддерживать свое влияние» [Кто бросает вызов России в Центральной Азии? Независимая газета 05.03.2012].

Проводимая газетой параллель с СССР и вовсе приобретает специфический характер. Издание обращается к теме «*братской помощи*», которую Россия и раньше оказывала республикам Союза. «*Экономическая интеграция бывших советских республик имеет денежный эквивалент, причем основные издержки ложатся на Москву. Только в уставный капитал Антикризисного фонда РФ обязана будет внести 7,5 из 10 млрд. долл*» [Путин формирует новый фонд ЕврАзЭС, «Независимая газета» от 10.06.2009]. Вопрос финансовой затратности интеграции для России поднимается в периодическом издании очень часто: «*Взнос России в Антикризисный фонд ЕврАзЭС составит 7,5 млрд. долл. Это немалая жертва для страны, экономика которой несет сегодня ощутимые потери от кризиса*» [Путин формирует новый фонд ЕврАзЭС, Независимая газета от 10.06.2009].

Площадка «Независимой газеты» становится местом оживленных дискуссий, здесь представлены порой совершенно полярные взгляды на те или иные вопросы, связанные с интеграцией на Евразийском пространстве. Зав. отделом Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины С. Толстов, в свой черед, рассуждает на страницах «НГ» о Евразийском интеграционном проекте: «представленная модель далеко не во всем выглядит понятной даже на бумаге. Неудивительно, что ее практическая реализация связана с рядом серьезных проблем и препятствий» [«Россия примеряется к мировым экономическим и политическим процессам», «Независимая газета» от 31.10.2011].

Главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук С. Колчин и вовсе называет стремление России к интеграции «*имперскими амбициями*». По мнению эксперта, из-за этих амбиций РФ жертвует своим благополучием: «*В ближайшей перспективе Таможенный союз несет ей одни убытки. Вероятно, он будет выгоден России позже, когда к нему присоединятся другие члены и когда появится Единое экономическое пространство. Но сейчас это не так*» [«Благополучие вместо имперских амбиций», Независимая газета от 09.02.2010].

На страницах «Независимой газеты» РФ, с одной стороны, предстаёт как «объединительница братских народов», с другой стороны, издание предьявляет «имперский» образ страны. При этом концепт «интеграция» тоже нельзя назвать однородным по смысловой структуре. Интеграция как явление, а также как «объединение стран бывшего Советского Союза в долгосрочной перспективе» оценивается на страницах «НГ» положительно. Что же касается сегодняшнего положения дел в интегрированных группировках, то «Независимая газета» склонна придерживаться мнения об «убыточности» союза на данном этапе. Особое место на газетных полосах отводится для освещения противоречий внутри новых интеграционных образований. Таким образом, в «Независимой газете» акцент сделан на негативных чертах интеграционных процессов. В издании нередки высказывания об «убыточности», «несовершенстве» союза.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф. «Международные экономические отношения» [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/avdokushkin_mejd/00.aspx
2. Акопов А. И. «Некоторые вопросы журналистики: История, теория, практика». Ростов-на-Дону, 2002.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М, 1997.
4. Буторина О., Понятие региональной интеграции: новые подходы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/04/10/butorina/>
5. «Интеграция на постсоветском пространстве» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ecgb.ru/integraciya-na-postsovetskom-prostranstve.html>
6. Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М. В. Пименовой. – Вып. 4. – Кемерово, 2004.
7. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра/ Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004.
8. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
9. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ, М., 2008.
10. Игонина Л., Формирование макрорегиональных хозяйственных комплексов в российской экономике// Фундаментальные исследования. – 2005. – № 9 – С. 99-103/ Текст – [Электронный ресурс] / Режим доступа:http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780518

11. «Интеграция на постсоветском пространстве» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ecgb.ru/integraciya-na-postsovetskom-prostranstve.html>
12. Качура А. «На границе России и Белоруссии отменен транспортный контроль» /Текст – [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=441422&cid=7>
13. Косикова Л. С. «Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика» /Текст – [Электронный ресурс] / Режим доступа:http://www.eurasianhome.org/File/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf
14. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / У/. Е Кройчик И Основы творческой деятельности журналиста СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.
15. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004, № 1
16. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН - СЛЯ - 1993, №1.
17. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2004.
18. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/>
19. Пути мировой интеграции. Перспективы развития СНГ. Материалы и тексты выступлений участников круглого стола Петербургского международного экономического форума/ Текст – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://forumspb.com/upload/shorthand/shorthand_204_ru.pdf
20. Путин В. В. «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
21. Сайт Таможенного союза [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://tsouz.ru/AboutETS/Pages/default.aspx>

THE REPRESENTATION IN RUSSIAN NEWSPAPERS OF INTEGRATION PROCESSES OF POST-SOVIET REPUBLICS

A. P. Korochensky
E. O. Troufanova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
korochensky@bsu.edu.ru
trufanova19@rambler.ru

The article contents the comparative study of the media representation of integration of post-Soviet republics in big Russian newspapers “Rossiyskaya Gazeta”, “Izvestia”, “Nezavisimaya Gazeta” in 2010-2012. The analysis of the concept “integration” is basical in the study.

Keywords: media representation, concept, post-Soviet republics, “Rossiyskaya Gazeta”, “Izvestia”, “Nezavisimaya Gazeta”.

УДК 070

«ИЗГОИ» И «МАРГИНАЛЫ»: ИЗОЛЯЦИОНИЗМ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЛИНИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НПФ «ПАМЯТЬ»)

**Д. Н. Нечаев
А. Е. Волкова**

*Институт
политического анализа
и стратегий, г. Воронеж*

*e-mail:
nechaevpolitia@rambler.ru
alina-volkova@ro.ru*

В статье рассматривается процесс институционализации русских националистических движений на примере НПФ «Память». Значительное внимание в исследовании уделено информационной политике данной организации, выстраиванию её

отношений с медиасообществом и широким общественным мнением. Автор показывает причины неудач движения «Память» в разрезе политической мобилизации русских в условиях демократии советской и постсоветской России.

Ключевые слова: национализм, русские националистические организации, националистические движения, партии, гражданское общество, информационная политика.

Во второй половине 80-х годов начался период политических реформ, вошедших в историю как эпоха перестройки и гласности. В процессе политических преобразований возник феномен неформальных объединений (либеральных, националистических), которые к началу 1990-х гг. во многом стали оппозиционными политической монополии КПСС.

Вместе с тем русские националистические организации, функционировавшие в период 1980-х гг., в первую очередь НПФ «Память», а также русские националистические партии и движения, возникшие в 1990-х годах, в особенности «Русское национальное единство» (РНЕ), не смогли воспользоваться плодами демократических реформ. Следствием этого стала минимальная поддержка со стороны коренного русского населения и отсутствие шансов вхождения во власть. Одной из причин подобной ситуации выступил фактор взаимодействия со СМИ и медиасообществом.

Национально-патриотический фронт (НПФ) «Память» является националистической организацией русских и русскоязычных граждан, которая возникла в начале 1980-х гг. в Москве. Ряд исследователей отмечает, что название данной организации было взято из заглавия романа русского писателя-почвенника В. Чивилихина «Память». Получая мощную поддержку среди части Союза писателей СССР (славянофильское направление), движение «Память», несмотря на противодействие спецслужб, постепенно набирало политическую силу и влияние. С началом политических реформ середины 1980-х годов организация стала позиционировать себя как русское националистическое движение, претендуя на миссию агрегирования и артикулирования интересов широких социальных групп титульной (русской) нации.

Рассматривая информационную составляющую деятельности неформальных объединений начала политических реформ в СССР и в особенности национально-патриотического объединения «Память», следует отметить, что именно они как независимые общественные организации стали первыми ньюсмейкерами, которые заявили о себе в самом начале эпохи гласности. В частности, в мае 1987 г. на Манежной площади в Москве был проведен один из первых митингов протеста против угнетения русского народа, который получил освещение в информационном пространстве страны. Инициирован он был национально-патриотическим фондом «Память».

В. и Т. Соловей, характеризуя общество «Память», отмечают, что оно стало «символом и наиболее известной манифестацией русского национализма перестроечной эпохи... Организованный им 6 мая 1987 г. митинг, по-видимому, вообще был первой массовой политической акцией эпохи перестройки. С его участниками лично встретился тогдашний глава московской городской организации КПСС Борис Ельцин, а «Память» (более широко – русский национализм) стала предметом оживленного обсуждения среди членов коммунистического синклита – Политбюро ЦК КПСС. В принципе, тогда перед русским национализмом открылся шанс возглавить массовую политическую мобилизацию» [1, с. 316–317].

В 1986 – 1987 гг. организации с названием «Память» появились во многих крупных городах России. Что характерно, наряду с обществом «Память», которое могло со временем трансформироваться в русскую националистическую партию (славянофилы), в этот же период времени заявила о себе первая праволиберальная организация (западники) – «Демократический союз» В. Новодворской и Е. Дебрянской. Славянофильский тренд не получил поддержки в средствах массовой информации СССР. Наоборот, симпатии населения были именно на стороне либеральных, западных организаций, тогда как сам термин «националист» приобрел в широком общественном сознании сугубо негативные коннотации.

Анализируя материалы печатных и электронных СМИ, освещающие деятельность НПФ «Память» и ее лидера Д. Васильева в период 1987 – 1991 годов, стоит отметить, с одной стороны, общие благоприятные социально-политические условия для развития объединения, а с другой – ряд серьезных стратегических и тактических ошибок, допущенных руководством организации. Что касается условий, это, во-первых, слабость политической власти в СССР, которая при осмысленной и активной работе могла бы дать политическому движению мощную поддержку со стороны значительной части населения и, как следствие, большое влияние. Именно этот путь прошли националистические организации в бывших республиках СССР, особенно в Прибалтике, Грузии и на Украине.

Во-вторых, «руководители главного пропагандистского орудия советского режима – всесоюзного телевидения, Ненашев и сменивший его Кравченко, принадлежали к советским консерваторам, разделявшим с националистами часть символа веры. А информационный заряд ТВ многократно превосходил «площадь покрытия» печатных СМИ, контролировавшихся либералами» [1, с. 315]. Кроме того, НПФ «Память» и аналогичные движения информационно поддерживали такие печатные издания, как журналы «Наш современник», «Сибирские огни», «Север», «Молодая гвардия» и ряд других. Эта поддержка была обусловлена общностью идеологических устремлений, поскольку «в конце 1980-х годов на страницах журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Кубань» и газеты «Литературная Россия» начали публиковаться не только ранее запрещенные труды русских консервативных мыслителей XIX-XX века, но и произведения современных философов и публицистов, причислявших себя к этому идеологическому течению» [2, с. 35].

В-третьих, в арсенале у НПФ «Память» имелись востребованные в обществе лозунги и ценности: прекращение войны в Афганистане, борьба с бюрократизмом, защита историко-культурной среды и экологии. При проведении акций эти месседжи могли бы стать резонансными информационными поводами, формировавшими и позитивный имидж организации, и серьезную политическую поддержку ее лидеров.

Вместе с тем НПФ «Память» не смогла воспользоваться данными позитивными конкурентными преимуществами. Теоретически «если ограничиваться только сферой общественного сознания, то можно увидеть, что национализм образует в нем определенную систему представлений, которые, в зависимости от пласта этого сознания, примитивны, хаотичны, дурно осмысленны – или же, напротив, складываются в целостные идеологические концепции, претендующие на роль философии истории». Однако, с одной стороны, вместо того чтобы продвигать востребованные лозунги и ценности, обозначенные выше, «Память» стала абсолютизировать политические подходы, связанные с противостоянием сионизму и масонству, к которому широкое общественное мнение, воспитанное на интернационализме и политической корректности, не было готово.

К примеру, утверждения Д. Васильева о том, что ложа «Великого Востока» Франции «непосредственно руководит процессами, связанными с жизнедеятельностью в нашей стране всех антинациональных и антипатриотических сил», а «наше Правительство, судя по тем делам, которое оно творит, процентов на 65 состоит из членов масонских организаций» [3], широкой общественности могли показаться по меньшей мере странными. Данная проблематика в значительных сегментах медиасообщества страны, в силу определенной национальной специфики, а также критического отношения к конспирологическим теориям как таковым, воспринималась крайне болезненно и вызывала отторжение, которое переносилось с самих подходов на организацию и ее лидеров.

Показательным примером, иллюстрирующим сложности во взаимоотношениях «Памяти» не только с журналистским, но и с писательским сообществом, может служить инцидент между писательской организацией «Апрель» и некоторыми членами НПФ «Память», произошедший 18 апреля 1990 года в Центральном доме литераторов (Москва) и ретранслированный в журнале «Панорама»: «Около 30 человек «патриотов» со значками «Георгий Победоносец поражает змея копьём» – этот значок обычно носят члены «ПАМЯТИ» – пришли минут за

двадцать до начала, расселись в разных местах зала и развернули плакаты: «Долой сионизм!», «Апрель! Кто ваш спонсор?», «А. Н. Яковлев! Москва – не Тель-Авив, Верховный Совет – не кнессет, КПСС – не херут!», «Демократия – для народа, сионизм – вне закона!», «Друзьям Израиля – не место в Верховном Совете СССР!» [4].

Вполне понятно, каким образом позиционировал данную акцию и в общественном мнении, и в структурах власти ряд представителей медиасообщества. Либеральное движение «Апрель» было показано с позитивной стороны, а НПФ «Память» – с негативной. Подобные акции закладывали тренд к превращению русской националистической организации в маргинальную, а ее линию взаимодействия с обществом – в изоляционистскую.

С другой стороны, лидеры организации в работе со своим активом сделали ставку на внешние элементы и атрибуты: одежду (армейские сапоги, гимнастерки, косоворотки), значки, специфическую лексику в общении, особый стиль поведения, театрализованные военизированные акции. Все это вместе взятое не только не давало позитивного внешнего эффекта, но и, наоборот, производило отталкивающее впечатление.

Более того, это спровоцировало мощную медийную кампанию об угрозе «русского фашизма» – данный термин возник, в первую очередь, в западных СМИ, а потом периодически повторялся в отечественной прессе в отношении каждой русской националистической организации. Стоит отметить, что, помимо прочего, эта кампания спровоцировала значительную часть еврейского населения на эмиграцию из опасения предстоящих погромов, хотя в действительности такой угрозы в советской и постсоветской России никогда не существовало.

Усилению негативного отношения к НПФ «Память» содействовали и конфликты между ее основателями и лидерами. К примеру, в 1987 – 1989 гг. «Память» раздробилась на несколько групп. Общим у них было только название и ряд основных идеологических положений, в том числе представление о «русской идее». Кроме того, ослаблению влияния организации способствовало давление власти, в том числе и правоохранительных органов, отсутствие поддержки в СМИ и в общественном мнении.

В начале 1990-х гг. функционировали Национально-патриотический фронт «Память» Д. Васильева, одноименная структура Н. Филимонова и И. Кварталова, Всемирный антиссионистский и антимассонский фронт «Память» В. Емельянова, Координационный совет патриотического движения «Память» В. и Е. Поповых, Православный национальный патриотический фонд «Память» А. Кулакова и С. Воротынцева, Русское собрание «Память» И. Щеглова, Союз за национально-пропорциональное представительство «Память» К. Смирнова – Осташвили, а также ряд других аналогичных объединений. Так, из «Памяти» Д. Васильева выделились Национал-социальный союз В. Якушева, Республиканская народная партия Н. Лысенко и «Русское национальное единство» (РНЕ) А. Баркашова.

Радикально-этнический вызов обществу со стороны НПФ «Память», акцентирование внимания на «жидомасонстве» привели к тому, что организация настроила против себя не только абсолютную часть интеллектуалов из медиасообщества, но и умеренные слои русского населения. Характерная для «Памяти» опора на почвенническую традицию русских писателей, для которых важным элементом был патриотизм, также в результате становилась объектом острой критики. Более того, в новых условиях Союз писателей России уже не пользовался значительным влиянием, что давало оппонентам повод упрекать его малоизвестных членов, часть из которых разделяла воззрения НПФ, в том, что у них «остались только зависть, злоба и патриотизм как последнее прибежище негодяев» [5, с. 130].

Средства массовой информации России если и обращались к освещению деятельности НПФ «Память», то в исключительно негативных оценках. Руководством организации были допущены и тактические ошибки во взаимодействии со СМИ. Обращения в прокуратуры и суды на ряд СМИ и журналистов, так называемые «визиты» делегаций членов «Памяти» в редакции газет не содействовали симпатиям медиасообщества к НПФ «Память».

В частности, характерным примером может служить визит Д. Васильева в редакцию одного из самых популярных изданий – «Московский комсомолец» – 13 октября 1992 года. В ходе этой акции лидер организации заявил о том, что «пользующийся высоким покровительством «Московский комсомолец» пытается очернить пробуждающееся национальное самосознание россиян», пропагандируя на своих страницах порнографию... На пресс-конференции (созванной Д. Васильевым после посещения «МК», – Прим. авт.) был обнародован текст телеграммы «Памяти» в мэрию Москвы и Моссовет. В ней указывалось, что некоторые депутаты, симпатизирующие «Московскому комсомольцу», принадлежат к сексуальным меньшинствам, «о которых так подробно пишет эта газета» [6].

Анализируя ошибки и просчеты в информационно-политической деятельности НПФ «Память», следует подчеркнуть, что они носили системный характер. Не хватало анализа со-

бытий, прогнозных характеристик, учета расстановки сил и социально-политических предпочтений населения. Отношение к власти, которая в 1992 году проводила глубокие экономические и социальные реформы («шоковая терапия»), негативно отразившиеся на коренном русском населении, было недалевидным и непоследовательным. Организация и ее потенциальные союзники (коммунисты) могли бы воспользоваться шансом мобилизовать русский народ против «космополитичного правительства» Е. Гайдара – Б. Ельцина, «сдобренного американскими советниками», но не сделали этого.

В конфликте осенью 1993 года активисты «Памяти» прямого участия не принимали, однако руководство организации выразило поддержку действиям Президента РФ Б. Ельцина по роспуску Съезда и Верховного Совета РСФСР. Упустила русская националистическая организация и возможность успешного участия в выборах в Государственную Думу РФ 1993 года, поскольку идеологическая доктрина НПФ «Память» отрицала необходимость демократических выборов и расценивала их как «жидомасонское изобретение».

Этим стратегическим просчетом воспользовалась ЛДПР, лидер которой В. Жириновский сумел позиционировать себя как русского националиста, даже несмотря на очевидное несоответствие своей собственной национальной принадлежности и мировоззренческих установок. Таким образом псевдонационалисты смогли найти себе нишу в российском информационном пространстве, заручились поддержкой русского националистического электората и прошли в парламент.

Характеризуя деятельность НПФ «Память», ее взаимодействие с общественным мнением в 1990-е – 2000-е годы, стоит учитывать также исторический контекст и позицию политического руководства страны, которое «всячески избегало обращения к национализму и не только не старалось построить «российскую нацию», но всячески противостояло всем формам национализма, националистические тенденции оказались достоянием маргинальных и экстремистских групп и приобрели радикальный оттенок» [7, с. 568].

Вследствие этих факторов к середине 90-х годов НПФ «Память» Д. Васильева все больше превращалась в маргинальную политическую организацию, не имеющую поддержки в ключевых сегментах отечественного медиасообщества. Реакцией на эту неудачу вместо анализа допущенных просчетов стали еще более радикальные заявления о засилье инородцев в СМИ. В декабре 1994 г. II всероссийский съезд НПФ «Память» позволил себе осудить телевидение за «антинародную, антипатриотическую деятельность» [8].

Данное заявление лишь усилило негативный настрой российского медиасообщества к русской националистической организации. Подобная неприязнь, сформировавшаяся во многом в результате ошибок в теоретической и практической деятельности националистов, оказавшихся неспособными к конструктивному ведению диалога с прессой, усиливалась идеологическими расхождениями. Ведь в тот период СМИ в РФ, как правило, занимали однозначно западническую линию, тогда как националисты были убеждены, что «существует исконное противоречие между Россией и Западом, оно неразрешимо, оно связано с уникальностью России, оно требует постоянного внешнеполитического противостояния с задействованием всех доступных для этого ресурсов» [9, с. 101].

Не пытаясь преодолеть информационный изоляционизм, в феврале 1994 года «Память» выступила одним из учредителей Движения национального возрождения России. Заявленной целью объединения стало восстановление в стране монархического строя, возрождение «триединства Бога, царя и Нации» и «восстановление основ Российской Державы на сословных принципах». Другими учредителями нового движения стали Российский консервативный союз, «Русь державная» и Инновационный социологический центр.

Однако это не помогло ни самой «Памяти», ни движениям, которые сформировали данный политический блок. На выборах в Государственную Думу РФ 1995 и 1999 года русские националистические партии (движения) не смогли выступить удачно. По инерции вместе с НПФ «Память» они воспринимались как изгой и маргиналы. Отчасти это было связано с тем, что «современный национализм черпает себя из опыта традиции ксенофобии, т.е. культурного, цивилизационного, психологического отторжения «чужого», «не нашего», получающего религиозную санкцию» [10, с. 37].

Но нельзя не учитывать и тот факт, что одной из важных причин неудач становления и развития русских националистических движений стало отсутствие выверенной информационной политики со своей стратегией, тактикой, ключевыми месседжами, эффективными информационными поводами, новыми PR-технологиями, наличием эффективных механизмов взаимодействия с ключевыми сегментами российского медиасообщества. По результатам анализа деятельности «Памяти» может сложиться впечатление, что никакой информационной поли-

тики у этой организации не было вообще. Однако подобный вывод стоит признать все же слишком поспешным: разумеется, движение «Память» демонстрировало определенную линию поведения в информационном пространстве. Вместе с тем эта линия отличалась непрофессионализмом и, как следствие, неэффективностью. В результате вплоть до 2003 года умеренно-националистические русские избиратели отдавали свои предпочтения на выборах популистской партии ЛДПР.

Лишь с 2005 года, с началом реализации проекта «Русский марш», НПФ «Память» начинает постоянно появляться в информационном пространстве РФ. Однако упоминания о данной организации не носят массового характера и так же единичны, как упоминания о смерти колоритного лидера-основателя НПФ «Память» Д. Васильева в 2003 году. Одним из немногих примеров является статья «В Липецке почтили икону Донской Божией Матери», где информация об организации крестного хода, посвященного религиозному празднику, приводится со ссылкой на лидера регионального отделения НПФ «Память» Юрия Берникова [11]. Негативное упоминание организации встречается в опубликованной в газете «Псковская губерния» статье «Священный дурман», где «Память» характеризуется в примечании как «русская праворадикальная, антисемитская организация, проповедующая монархизм, фашизм и православный фундаментализм» [12].

Всплеск оппозиционных настроений в конце 2011 г., участие в нем русских националистических движений, противостоящих политическому режиму, в том числе представителей «Памяти», помог трансформации имиджа данного явления, который с однозначно негативно стал видоизменяться к нейтрально-негативному или нейтральному. К примеру, газета «Московские новости», сообщая о санкционированных акциях, посвященных Первомайским праздникам 2012 г., упоминает об акции ультраправых «Гражданский марш» и приводит позицию лидера НПФ: «Член гражданского общества не может не быть членом национального движения», – выразил общее мнение лидер старейшей националистической организации России НПФ «Память» Георгий Боровиков» [13]. Значительную роль в этих изменениях отношения к русским националистам сыграли и западные средства массовой информации, заинтересованные в формировании публичности широкого спектра оппозиционных политических сил: от либералов-западников к левым радикалам и русским националистам.

Вместе с тем почти 30-летняя история движения «Память» как русской националистической организации дает основания полагать, что ее позиционирование в общественном мнении как некоего исторического преемника «Союза русского народа» (черносотенной организации, функционировавшей в начале XX века) и соответствующая линия поведения в информационном пространстве были фатально-трагическими для политической мобилизации русских в условиях демократии. Не стоит забывать о том, что «черносотенцы – бранная кличка, введенная противниками «Союза русского народа», и она прижилась», хотя «в средневековой Руси «черной сотней» называли горожан и свободных крестьян – «земских» людей» [14, с. 198]. Кроме того, во многом именно в результате деятельности «Памяти» возникли мифы о «русском фашизме» и «русском антисемитизме».

Список литературы

1. Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 542 с.
2. Мантиков Б. А. Консерватизм в постсоветской России: между ностальгией и утопией // Политика. – 2012. – № 1 (64). – С. 33 – 54.
3. Масонство. Как правят миром вне Божиих Законов. (Беседа Д.Д. Васильева на семинаре НПФ «ПАМЯТЬ»). – URL: <http://www.russkie-idut.ru/new11/new16.htm> (дата обращения: 14.07.2012).
4. Память. Опыт предварительного описания. Инцидент в ЦДЛ // Панорама. – 1990. – № 8. – URL: <http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p2oram.html> (дата обращения: 14.07.2012).
5. Дейч М. Коричневые. – М.: ТЕРА – Книжный клуб, 2003. – 432 с.
6. Дмитрий Васильев: «С «Московским комсомольцем» мы поступили по-христиански» // Коммерсантъ. – 1992. – 24 октября. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/27753> (дата обращения: 14.07.2012).
7. Дугин А. Г. Этносоциология. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2011. – 639 с.
8. Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. – М.: Фонд ИНДЕМ, 1996. – URL: http://www.partinform.ru/ros_nn/rm_6.htm (дата обращения: 14.07.2012).
9. Казанцев А. А. Грамматика «Русской идеи», или как создавать новые идеологии в России // Полис. – 2010. – № 3. – С. 100-113.
10. Раскин Д.И. Русский национализм и проблематика культурно-цивилизационной идентичности // Полис. – 2007. – № 6. – С. 36 – 44.

11. В Липецке почтили икону Донской Божией Матери // LipetskMedia.ru. – 2011. – 1 сентября. – URL: http://www.lipetskmedia.ru/news/view/5876-V_Lipyetskye_pochtili_ikonu_Donskoi_Bozhiyeyi_Matyeri.html (дата обращения: 14.07.2012).
12. Семенов А. Священный дурман // Псковская губерния. – 2012. – 30 мая. – URL: http://www.gubernia.pskovregion.org/number_593/05.php (дата обращения: 14.07.2012).
13. Мошкин М. Первого мая оппозиция пойдет в разных направлениях // Московские новости. – 2012. – 25 апреля. – URL: <http://mn.ru/society/20120425/316515288.html> (дата обращения: 14.07.2012).
14. Русские. Азбука русского национального самосознания. – М.: Поколение, 2008. – 224 с.

"ROGUE STATES" AND "MARGINALS": ISOLATIONISM INFORMATION LINE OF RUSSIAN NATIONALIST ORGANIZATIONS IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA (THE CASE OF NPF "MEMORY")

**D. N. Nechaev
A. E. Volkova**

*Institute of Policy Analysis
and Strategies, Voronezh*

*e-mail:
nechaevpolitia@rambler.ru
alina-volkova@ro.ru*

The article examines the process of institutionalization of Russian nationalist movements in the example of NPF "Memory". The study focused on information policy of the organization, building relations with the media and the wider public opinion. The authors show reasons for the failures of the movement "Memory" in the context of the political mobilization of Russian in democracy of Soviet and post-Soviet Russia.

Keywords: nationalism, Russian nationalist organizations, nationalist movements, political parties, civil society, information policy.

УДК 811.11

РЕГУЛИРОВАНИЕ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАГМАТИКА

А. О. Панченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:***Panchenkoanna@yandex.ru***

Институт саморегулирования журналистской деятельности существует в мировой практике с начала прошлого века. Функционирование данного института позволяет содействовать формированию так необходимых обществу профессиональных журналистских стандартов подачи информации, а также цивилизованной информационной среды в деятельности средств массовой информации.

Ключевые слова: регулирование, нормы, правила, саморегулирование, механизмы саморегулирования, аудитория.

По мере усложнения общественных отношений всё более возрастает роль этико-регулирующих механизмов, различных форм саморегулирования во всех областях человеческой деятельности. И это имеет важное значение не только в связи с условиями современной общественной жизни. Коммуникационные технологии сегодня могущественны и значимы, и их можно использовать не только во благо людей. Распространение насилия, жестокости, нацизма, порнографии в информационном пространстве, особенно в такой глобальной сети, как Интернет стало приметой наших дней. Поэтому очень важно предотвратить негативные последствия развития массовых коммуникаций, используя механизмы регулирования и саморегулирования СМИ.

Медийная практика подтверждает, что провозглашённые журналистами профессиональные этико-регулирующие нормы нередко нарушаются как в зарубежных странах, так и в России. Это особенно заметно на фоне происходящих ныне процессов гибридизации журналистики с пиаром, рекламой. Поэтому потребность в этичной, ответственной журналистике очевидна и становится в наши дни всё более насущной. А изучение зарубежного опыта профессионально-этического саморегулирования журналистской деятельности позволяет нам оценить возможности применения новых форм регулирующего воздействия на журналистскую практику в целях коррекции негативных явлений и тенденций уже на уровне редакций.

Сегодня проблемы профессиональной этики журналистской деятельности привлекают внимание всех: журналистов, исследователей, а в последнее время – и общественности. У граждан постоянно копят претензии морального характера к сегодняшней журналистике. Но в каких условиях вынуждены работать сегодня многие профессионалы медийной сферы? Достоинство профессии журналиста, её значимость пока что общественностью не обеспечены, материальные условия оставляют желать лучшего, не защищено здоровье, жизнь. Как в таких условиях, когда приходится подрабатывать применением скрытой рекламы, использовать сторонние источники финансирования, можно следовать высоким этическим стандартам?

Однако, этот кризис преодолим. Необходимо начать с малого и признать необходимость журналистской солидарности, повысить общественный авторитет журналистского сообщества. Ведь именно это может поспособствовать формированию среды, в которой могла бы существовать этичная журналистика, ответственная перед аудиторией и перед сообществом коллег. Следовать морально-этическим принципам ответственной журналистики сегодня сложно. Но необходимо всегда помнить, что нравственное состояние среды, в которой трудятся журналисты, напрямую зависит от качества их работы.

По мнению А.П. Короченского, «функционирование средств массовой информации, деятельность журналистов подчиняется общим закономерностям, выявленным наукой об управлении. По мнению теоретиков управления, журналистика, как и все социальные процессы и явления, испытывает на себе действие тех или иных упорядочивающих агентов - регуляторов [15, с. 97], которые обеспечивают *регулирование* (упорядочение посредством внешних воздействий). Регулирование «представляет собой воздействие на объект с тем, чтобы в заданных пределах определить извне режим существования последнего» [15, с. 118].

«Регулирование — (от латинского *regulo* - устраиваю, привожу в порядок) - англ. *regulation*; нем. *Regulierung*. 1. Приведение в порядок, упорядочение (механизма, деятельности

и т. д.); руководство движением, направлением, действиями, отношениями и т. п. 2. Совокупность предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих целью внести известный порядок в ту или др. сферу жизни. 3. Форма целенаправленного управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в управляемом объекте и на его развитие посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей)» [20].

Под социальным регулированием, которое нас непосредственно интересует, понимается упорядочение общественных отношений. Необходимость социального регулирования коренится в действиях объективных законов общественного развития, которые вовсе не предполагают фатальную предопределенность поведения человека. Люди действуют согласно свободе воли в пределах объективно возможных вариантов своих поступков, исходя из условий, а также из субъективных возможностей разумного человеческого действия. Множественность вариантов решений одной общей задачи создает возможность оказывать определенное направляющее воздействие на деятельность людей, то есть регулировать их действия со стороны общества в лице его общественных институтов.

«Регулирование представляет собой форму целенаправленного, управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в объекте и развитие его путем введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей). Регулирование – это так называемое «косвенное» управление наряду с «прямым» – через задание объекту требуемого результата и путей его достижения. Посредством регулирования создаются возможности и ограничения деятельности, которые должны вызвать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемые с точки зрения субъекта управления. Использование методов регулирования предполагает высокую степень самостоятельности управляемых объектов, развитые самоуправление и самоорганизацию в них» [17].

Основную цель регулирования можно определить, как необходимость добиться соответствия между поведением личности и действием общности людей, их интересами, целями и задачами, вытекающими из наличествующих в данном обществе объективных возможностей. Подобная регуляция осуществляется сложным взаимодействием целого ряда средств и методов. Общество на любом этапе своего развития не может обходиться без особого социального механизма, функции которого состоят в том, что он регулирует общественные отношения и поведение людей, поддерживает общественную дисциплину, способствуя, таким образом, целенаправленности функционирования и развития общества в целом и его отдельных элементов, важнейшим из которых является личность.

Традиционно выделяют два вида социального регулирования: нормативное и индивидуальное (казуальное).

В самом общем смысле слова нормативная регуляция означает, что индивиду или группе в целом предписывается, «задается» определенный – должный – вид поведения, его форма, тот или иной способ достижения цели, реализации намерений и т. д., «задаются» должная форма и характер отношений и взаимодействий людей в обществе, а реальное поведение людей и отношения членов общества и различных социальных групп программируются и оцениваются в соответствии с этими предписанными, «заданными» стандартами – нормами.

Нормативное регулирование осуществляется при помощи норм, т. е. общих вариантов, моделей поведения. Признаки норм определяют основные характеристики нормативного регулирования. Во-первых, оно характеризуется неперсонифицированностью адресата воздействия, т. е. носит общий характер, адресовано заранее неопределенному кругу лиц. Во-вторых, нормативное регулирование рассчитано на неограниченно долгое применение во времени. В-третьих, нормативное регулирование рассчитано на множество однотипных жизненных ситуаций. Нормативное регулирование отражает типичное в общественных отношениях, оно не учитывает особенности и специфику конкретных ситуаций, поэтому в реальной жизни обобщенные предписания норм дополняются индивидуальным регулированием.

Благодаря появлению норм как средств управления общество избавляется от необходимости регулировать одни и те же случаи поведения только в индивидуальном порядке. Оно получает возможность, прогнозируя типические ситуации путем практического применения норм или образцов поведения, обеспечивать необходимую социальную направленность поведения людей, сохранять его организованность и динамичность.

Важнейшим признаком нормативного регулирования является его системность. Система нормативного регулирования – это совокупность социальных и технических норм, при помощи которых оказывается целенаправленное упорядочивающее воздействие на общественные отношения.

Нормативная система – это не простая механическая сумма отдельных видов нормативного регулирования, а именно система. Сложившееся в этой системе соотношение общего и отдельного, целого и частей придает ей новое качество, отличное от простой совокупности, признаков, свойственных различным видам нормативного регулирования. Общественные отношения подвергаются воздействию ряда социальных норм. В каждом конкретном случае между нормам складывается определенная субординация. Такая иерархическая связь отдельных норм разных видов отражает системный, целостный характер нормативного регулирования.

Если использовать термины науки об управлении, то медийную организацию можно рассматривать, как коллектив особого рода, обеспечивающий систематический сбор, анализ, интерпретацию, обработку, оформление и передачу информации, предназначенной для массовой аудитории. Функционирование и развитие этой системы регулируется с помощью различных методов управления: прямого воздействия (через приказы, распоряжения, выдачу производственных заданий и контроль за их исполнением); формирование мотивов и потребностей (через материальное и моральное стимулирование за результаты труда); формирование системы ценностей (через воспитание и привитие определённых морально-этических установок).

Безусловно, когда журналистика только начала развиваться, когда количество изданий было невелико, прессу легко было контролировать, используя цензуру, лицензирование, административное принуждение. Однако с появлением радио, телевидения и других видов СМИ, на смену авторитарным методам пришли более передовые и более многообразные методы управления, например, юридические в виде законов о прессе, о доступе журналистов к информации и пр. В США и странах Западной Европы деятельность журналистов в определённой степени стандартизуется в виде профессиональных норм и правил (стандартов), которым обязан следовать в своей деятельности работник СМИ.

По мнению А. П. Короченского, «журналистика, как и многие другие виды деятельности, с трудом поддаётся стандартизации и нормированию. К тому же, как установили специалисты по управлению, ужесточение формально закреплённых норм имеет свои пределы в любом виде деятельности, за которыми их применение становится дисфункциональным. Любая функционирующая социальная система (не исключая журналистику) отличается значительной степенью внутренней гибкости, и введение стандартов и норм лишь отчасти решает проблему регулирования отношений и связей в системе» [13, с. 217].

Сложная система не может функционировать, исходя только из внешних правил и воздействий. Обычно регулирование дополняется внутренним саморегулированием, которое в СМИ осуществляется в недрах журналистского сообщества и коллектива.

«Саморегулирование [self-adjustment, self-regulation] – самостоятельное реагирование объекта управления на внешние воздействия (возмущения), нарушающие его нормальное функционирование. Саморегулирование достигается с помощью обратной связи и осуществляется в форме самонастройки и самоорганизации. Программа управления объектом строится так, чтобы дать системе, управляющей им, возможность приспосабливаться (адаптироваться) к реальным условиям, к случайным отклонениям от ожидаемых показателей».

Доказано, что чем меньше регламентирована программа и структура объекта управления, тем выше способность его приспособления к реальным условиям.

В публикации на информационном портале «Саморегулирование» от 15 мая 2012 г. утверждается: «прообразы современных саморегулируемых организаций можно найти в самых отдаленных уголках человеческой истории, их обязательным условием возникновения становилось усложнение экономических связей между людьми, возникновение городов, необходимость защиты собственных интересов» [16].

Первой саморегулируемой организацией, зафиксированной в истории, стало сообщество врачей, клятва Гиппократова – это, по сути, первый свод стандартов деятельности. Средневековая Европа, представляющая собой замкнутые сословные корпорации, может дать примеры различных самоорганизаций человеческих обществ. Италия X века стала родиной цеховой организации производства, вышедшей позже за пределы итальянских городов-государств, и объединившей представителей одной профессии, в том числе и с целью отстаивания интересов цеха перед властью, поддержания честной конкуренции внутри объединения, укрепления собственных позиций на рынке за счет производства качественных товаров. Можно вспомнить также средневековые объединения купцов – гильдии, создаваемые для защиты торговли и купечества от власти феодалов и пиратов, а также для получения привилегий.

К началу 2012 г. в Российской Федерации федеральным законодательством было установлено обязательное членство в саморегулируемых организациях для участников профессиональной или предпринимательской деятельности в 10 сферах деятельности:

- деятельность арбитражных управляющих;
- аудиторская деятельность;
- кредитная кооперация;
- оценочная деятельность;
- деятельность ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов;
- инженерные изыскания;
- архитектурно-строительное проектирование;
- строительство;
- деятельность в области энергетического обследования;
- теплоснабжение.

Законодатель планирует расширение сферы обязательного саморегулирования, в настоящее время в Государственную думу внесено более 10 законопроектов направленных на введение саморегулирования на обязательной основе в различных сферах деятельности.

Специальным законодательством установлена возможность создания саморегулируемых организаций в девяти сферах деятельности, членство в которых для субъектов профессиональной или предпринимательской деятельности является добровольным:

- профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг;
- деятельность негосударственных пенсионных фондов;
- кредитная кооперация;
- кадастровая деятельность;
- рекламная деятельность;
- деятельность жилищных накопительных кооперативов;
- деятельность патентных поверенных;
- посредническая деятельность по урегулированию споров (медиация);
- деятельность микрофинансовых организаций.

Почему нигде не указана журналистская деятельность? Ответ на этот вопрос мы попытаемся найти далее.

На сегодняшний момент существует немало споров вокруг того, что же такое саморегулирование СМИ. Некоторые специалисты в области права СМИ утверждают, что под саморегулированием следует понимать только добровольные средства воздействия на СМИ, то есть именно те, которые являются продуктом свободного волеизъявления журналистов. Сторонники данной теории категорически отвергают любые попытки законодательно обязать СМИ к учреждению органов саморегулирования, либо поощрить их за это.

Другие концепции не отрицают возможность существования так называемого «законодательного саморегулирования», когда закон обязывает СМИ учреждать орган саморегулирования. Критики данного подхода считают, что это создаёт препятствия для развития демократических институтов и морально-этических норм.

Существует также третий подход, который базируется на понятии «законодательного каркаса», когда в закон включены основные принципы концепции саморегулирования с целью их детализации в практических руководствах, кодексах профессиональной этики и других институтах саморегулирования СМИ. То есть закон в данном случае не обязывает, а наделяет средства массовой информации правом создавать добровольные органы саморегулирования.

«Саморегулирование СМИ – это совместные усилия профессионального сообщества средств массовой информации по добровольному определению принципов, руководящих работой редакции, и их соблюдению в открытом процессе информирования общественности. При этом независимые СМИ берут на себя долю ответственности за качество общественного дискурса в стране при полном сохранении редакционной самостоятельности в его формировании» [24], – такое определение даёт саморегулированию СМИ М. Харасты, представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ.

На наш взгляд, это определение является наиболее точным, потому что саморегулирование – это действительно не цензура и даже не самоцензура. Оно состоит в установлении и соблюдении минимальных принципов журналистской этики при полном сохранении редакционной свободы в том, что сообщать и какие мнения высказывать.

В своей работе «Положительные стороны саморегулирования СМИ. Сбалансированность прав и ответственности» М. Харасты определяет пять причин для развития средствами массовой информации саморегулирования СМИ:

1. Оно сохраняет редакционную свободу.
2. Оно помогает минимизировать вмешательство государства.
3. Оно содействует повышению качества СМИ.

4. Оно служит свидетельством ответственности СМИ.

5. Оно способствует доступу читателей к СМИ [24].

Безусловно, характер саморегулирования СМИ зависит от ряда факторов: от формы государственного правления, степени развития демократических институтов, культурно-исторических, нравственных и других особенностей конкретного общества и государства. Эти условия и являются первопричинами существования либо добровольного саморегулирования СМИ, либо законодательного саморегулирования.

Если проследить историю становления и развития добровольных органов саморегулирования СМИ в развитых демократических государствах Западной Европы, можно заметить, что на конфликтных этапах взаимоотношений общества и СМИ определяющую роль в стабилизации ситуаций сыграло именно государство. Кроме того, можно привести в качестве примера Великобританию и США, в которых демократические институты сложились в целом гораздо раньше европейских, однако родиной добровольного саморегулирования СМИ является именно континентальная Европа.

При всем многообразии существующих подходов под саморегулированием СМИ чаще всего понимают негосударственную организационную систему, обеспечивающую социальную ответственность СМИ, то есть ответственность СМИ за свою деятельность не перед государством на основании закона, а перед обществом на основании добровольно принятых профессионально-этических норм.

Механизмы саморегулирования в сфере СМИ успешно функционируют во многих странах мира. Положительным опытом в международной практике саморегулирования является разрешение информационных споров. В качестве реакции на тенденцию роста числа информационных споров в мире повсеместно возникают специфические структуры, обладающие специальными информационно-правовыми и информационно-этическими полномочиями. Например, в Великобритании такого рода структуры имеют особо разветвленный и четко выраженный специализированный характер. Различаются они прежде всего предметной направленностью своей компетенции: Общество газетчиков, Общество по стандартам в рекламной деятельности, Комиссия по жалобам на прессу, Ассоциация газетных издателей и др.

Достаточно известны и авторитетны как в своих странах, так и за их пределами датская Комиссия по делам прессы, а также финский СПС – Совет публичного слова – орган Союза журналистов Финляндии, созданный в 1968 г. именно для рассмотрения информационных споров. Этот орган наделен полномочиями давать конкретное толкование (в рамках того или иного информационного деликта) общим этическим принципам финской журналистики.

В Швеции, стране с населением всего 8,5 млн. чел., существует почти такая же по степени разветвленности система разрешения споров в сфере массовой информации, как и в Великобритании. Комитет прессы по вопросам соблюдения журналистской этики, своеобразный суд журналистской чести, был учрежден шведскими журналистами еще в 1916 г. Его по праву можно назвать патриархом среди органов по рассмотрению информационных споров, действующих в мире. Именно этот опыт планировалось весной 1917 г. перенести на российскую почву, когда российские газетчики подготовили проект, учреждающий такой же орган в Санкт-Петербурге. К сожалению, последующие известные события не позволили воплотиться в жизнь данному плану.

В любом случае, журналист всегда имеет в своём арсенале целый спектр возможных решений, выбирая между неэтичным и этичным поступком. Стремление к правде присуще любому цивилизованному человеку, однако даже высоконравственные журналисты допускают ошибки в условиях повседневной жизни, когда приходится мириться с дефицитом времени и отсутствием возможности проанализировать тщательно обстоятельства и информацию.

Список литературы

1. <http://www.pcmlp.socleg.ox.ac.uk>
2. <http://www.newsombudsmen.org/>
3. www.medialaw.ru
4. www.pcc.org.Uk
5. www.media-accountability.org
6. www.wanewscouncil.org
7. Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2004. – 432 с.

8. Беглов С.И. Империя меняет адрес. Британская печать на рубеже тысячелетий. - М.: факультет журналистики МГУ, 1997. – 136 с.
9. Беглов С.И. Четвёртая власть: британская модель. История печати Великобритании от «новостных писем» до электронной газеты. - М.: из-во Московского университета, 2002. – 256 с.
10. Воронина О. А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. – МЦГИ.: Проект Гендерная экспертиза. М., 1998 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.medialaw.ru/publications/books/gender/4-4.html>.
11. Законы и практика средств массовой информации в Европе, Америке, Австралии. Под ред. Федотова М.А. – М.: «Права человека», 1998. – 456 с.
12. Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. – Ростов н/Д.: Издательство Ростовского государственного университета, 2003. – 280 с.
13. Короченский А.П. Регулятивная роль медиакритики / Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. – Отв. ред.: Казакова Ю.В. – М.: ФЭГ, 2004. – 399 с.
14. Лазарева Н. Британские газеты продают доверие. – Журналист, №2, 2009. – С. 34 – 35.
15. Лебедев П.Н. Очерки теории социального управления. Л., 1975. – С. 97.
16. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2011. – № 5. С. 48-56. – Режим доступа: http://banvo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=516:2012-08-16-09-39-28&catid=1:2012-08-09-04-23-17&Itemid=2
17. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.
18. Путеводитель по саморегулированию СМИ. Все вопросы и ответы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ifar.ru/library/book287.pdf>
19. Расбриджер А. Предисловие главного редактора «Гардиан» к первому сборнику статей Иана Мэйса [Текст] // Мэйс И. Работа над ошибками: опыт омбудсмена газеты «Гардиан». – М.: Институт проблем информационного права, 2005. – С. 4 – 7.
20. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова, 1998 г. – С. 324.
21. Соболев И. Саморегулирование средств массовой информации: британский опыт [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://medialaw.ru/selfreg/5/n2.htm>
22. Ткач А. Органы саморегулирования СМИ: зарубежный опыт [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.medialaw.ru/publications/zip/76/sam.htm>.
23. Филатова А. Пресс-омбудсмен в России: неуместная фантазия или насущная необходимость? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unesco.ru/files/cd/ci-acts/books/self2/01.html>.
24. Харасты М. Путеводитель по саморегулированию СМИ. Все вопросы и ответы. – Вена, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ifar.ru/library/book287.pdf>.

THE REGULATION AND SELF-REGULATION IN JOURNALISM: THEORY AND PRAGMATICS

A. O. Panchenko

**Belgorod National
Research University**

e-mail:

Panchenkoanna@yandex.ru

The institute of journalistic self-regulation exists in the world practice for a long time. The establishment of this institute can promote a so necessary community of professional journalistic standards of information presentation and civilized information environment in the mass media.

Keywords: regulation, self-regulation, standards, rules, institutions of self-regulation, audience.

ПЕДАГОГИКА

УДК 004

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ МУЗЫКИ)

Л. П. Алешникова

*Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail:

laleshnikova@mail.ru

Вопросы оценки в музыкальном исполнительстве являются важными и актуальными, так как от них напрямую зависит успех обучения. Оценка в учебной практике художественно-творческих учебных заведений имеет специфические особенности. Оцениваться должны компетенции, которые необходимы в исполнительстве и педагогике с учетом специфики музыкального творчества. Экзамены, зачеты должны оцениваться комплексно, по нескольким параметрам. Использование большей оценочной шкалы (10-ти балльной) даёт возможность более тонко градуировать показатели выступлений исполнителей-музыкантов. Опытным-экспериментальным путем было определено, что традиционные формы оценки имеют ярко выраженный стрессовый характер и ведут к потере интереса к занятиям музыкой, поэтому требуют изменения.

Ключевые слова: музыкальное исполнительство, музыкальное образование, оценка, оценка музыкального исполнения.

Подготовка специалиста в области художественно-творческого воспитания и музыкального образования сталкивается сегодня с рядом серьёзных трудностей. Современная жизнь, с присущей ей динамикой и стремлением к обновлению, постоянно выдвигает новые задачи перед педагогами и обучающимися. Одна из них связана с категорией **оценки**, кардинальной категорией в теории и практике обучения.

Оценка как таковая «определяется общим контекстом актуальных вопросов, которые касаются оценки успешности реализации образовательного процесса», пишут В. С. Собкин и Е. А. Калашникова [9]. Поскольку современный образовательный процесс в России по ряду параметров отличается от образовательного процесса семидесятых-восемидесятых годов минувшего столетия, отличаться должна по логике вещей и оценка его успешности.

Особый ракурс проблемы – оценка в учебной практике **художественно-творческих** учебных заведений, в частности, музыкальных школ, колледжей и вузов. Вопросы, дискуссионные в ареале общей педагогики, не теряют своей остроты и в этой специфической сфере. Более того, обретают в ней подчас ещё большую дискуссионность. Из чего исходить, из каких параметров, определяя достижения учащегося-музыканта? Каковы основные, наиболее важные слагаемые оценки, если трактовать последнюю как **комплекс** (а именно на этом настаивают ведущие специалисты, включая и музыкантов). Имеются ли у оценки как педагогического феномена какие-либо побочные, сопутствующие эффекты и в чём они выражаются? Необходимо ли считаться с ними и в какой мере?

Найти ответы невозможно без теоретико-методической разработки и экспериментального исследования комплекса вопросов, связанных с категорией оценки в педагогике, в частности, «педагогике искусства» на примере преподавания музыкально-исполнительских дисциплин, в котором объектом исследования является теория и практика оценки в преподавании музыки, а предметом исследования - оценка как принципиально важный компонент процесса обучения музыкально-исполнительскому искусству.

Вопросам отметок и оценок посвящены психолого-педагогические исследования Ш. А. Амонашвили, Б. Г. Ананьева, Ю. Б. Бабанского, Л. И. Божович, Л. С. Выготского,

Дж. Брунер, А. И. Липкиной, И. Я. Лернер, С. Л. Рубинштейна; труды музыкантов-педагогов и методистов: А. Д. Алексеева, В. Ю. Григорьева, Г. М. Когана, Я. И. Мильштейна, Г. Г. Нейгауза, С. И. Савшинского и др., исследования специалистов в области музыкального воспитания и образования: Л. Г. Арчажниковой, Г. А. Аванесовой, И. В. Евтушенко, О. П. Кузьменко, А. В. Малинковской, А. И. Николаевой, И. Н. Немыкиной, С. Б. Серяковой, Л. А. Рапацкой, Г. М. Цыпина, П. А. Хазанова и др, затрагивающие вопросы обучаемости, мотивации, межличностных контактов учителей и учащихся.

В отдалённые исторические эпохи, в России, как и большинстве других стран, неудовлетворительной оценкой учебной деятельности служили телесные наказания учащихся. При позитивных результатах наказания отсутствовали, что являлось поощрением учащихся.

Примерно с середины XVIII в. в России стали и практиковаться словесные оценки: «учение и поведение хорошее...» или «учение и поведение плохое». Эта система в её различных словесных вариантах продержалась достаточно долго, пока на смену ей не пришла отметка, выраженная цифрой. Разные варианты цифровых обозначений (5, 7, 10, 12, 25, 100 - балльная) существовали до Указа Министерства народного просвещения (1837 г.), утвердившего 5-балльную систему.

С начала существования балльной системы велись споры относительно её целесообразности. А. Н. Страннолюбским, П. Г. Редкиным и другими видными российскими дидактами высказывались мнения, согласно которым «цифра» - не лучший вариант осмысления сделанного обучающимся и подлежащего педагогической оценке.

Идеи П. Н.Игнатьева, предложившего в 1916 г. произвести реформу системы оценок и упразднить систему баллирования, получили продолжение в решениях новых советских властей и инициированном А. В. Луначарским Постановлении Народного комиссариата просвещения «Об отмене отметок» (май 1918 г.). Около 20 лет советская школа формально жила без отметок. В 1935 г. решением СНК СССР и ЦК ВКП (б) в советской школе была восстановлена в правах 5-балльная система оценок, только вместо цифр ставились отметки-аналоги: «отлично», «хорошо», «средственно», «плохо» и «очень плохо». В 1944 г., произошел возврат цифровых оценок: «отлично» опять превратилось в 5 баллов, «хорошо» - в 4 балла, и т. д.

В 1950 – 60 гг. XX в., интерес к отметке как атрибуту учебно-образовательного и воспитательного процесса вновь обострился. Противники традиционной интерпретации отметки доказывали, что цифра не даёт подлинного представления о явлении, которое ею оценивается, что **цифра не передает всех нюансов** педагогического явления. В.А. Сухомлинский, зная, что отметка может быть и пристрастной, и ошибочной, имея вследствие этого нежелательные психологические последствия для школьника, предложил (и внедрил в своей школе) идею: выставлять оценку только за успехи учащегося.

Обобщение и анализ наиболее распространённых в педагогической среде подходов и точек зрения на оценку, дают возможность выделить те из них, которые имеют сегодня наибольшее количество сторонников, согласно которым педагогическая оценка является отражением в тех или иных условных знаках (цифрах, словесных отметках) мнения педагога (или группы педагогов) относительно:

- 1) меры и степени усвоения учащимся определённых систем знаний, разветвлённости этих систем, глубины и основательности знаний;
- 2) владения требуемыми в данной отрасли учебной деятельности и на данном этапе обучения умениями и навыками (обозначенными в учебных программах, где указано на их обязательный уровень);
- 3) соответствия поведения учащегося установленным нормам и правилам, эталонным образцам поведения;
- 4) выполнения учащимся его учебных обязанностей, его отношения к занятиям, его добросовестности и ответственности;
- 5) динамики общего развития учащегося, обогащения его интеллектуального потенциала в ходе обучения, расширения диапазона его учебных интересов, запросов, потребностей;
- 6) способности к самостоятельной учебной деятельности, релевантной возрастным и индивидуальным возможностям учащегося;
- 7) расширения креативных возможностей учащегося, способности выходить на творческий уровень при решении учебно-образовательных задач;
- 8) активизирующей и мотивирующей функции оценки.

В художественно-творческой деятельности, в том числе и в занятиях музыкой, педагогическая оценка **должна соотноситься со спецификой того или иного вида учебной деятельности**, той или иной учебной дисциплины. Рассматривая содержательную сторону оценки, её слагаемые, необходимо ответить на вопрос: что в музыкальных занятиях, конкретно

в деятельности обучающихся в музыкально-исполнительских классах, предполагает оценку как таковую, может и должно выступать в качестве её объекта.

Контрольные испытания в виде зачетов, экзаменов и т. д. должны быть связаны с основными ветвями профессиональной деятельности, то есть с исполнительством и педагогикой. Оценки, фигурирующие на этих контрольных мероприятиях, должны быть релевантными тем основным компонентам, которые образуют эти виды деятельности. Оцениваться должна степень профессиональной подготовленности, те знания, умения, опыт, те **компетенции**, которые необходимы в исполнительстве и педагогике. Под наблюдением должна находиться **трандисциплинарная система знаний**: владение всесторонне развитым, отшлифованным техническим мастерством; эмоциональность игры, художественную образность и творческую инициативу. В некоторых учебных заведениях полагают, что следует также принимать во внимание динамику профессионального роста учащегося, объём и качество его работы в течение отчётного периода времени. Высказывается мнение, что следует учитывать меру и степень самостоятельности учащегося в обучении.

Все эти подходы находятся в **системной связи**. Деятельность музыканта-исполнителя **системна**; она, говоря словами М. С. Кагана, «целостна и одновременно внутренне организована», демонстрируя неразрывную связь компонентов, «необходимых и достаточных для её функционирования» [3, с. 36]. Из этого следует, что **системная деятельность – принцип системности должен быть отражён и в оценке этой деятельности**.

Преподавательская деятельность в музыкально-исполнительских классах требует многих и разноуровневых компетенций, далеко выходящих за границы исполнительской технологии. В своё время Г. Г. Нейгауз писал: «... Учитель игры на любом инструменте (будем считать и человеческий голос инструментом) должен быть прежде всего учителем, то есть разъяснителем и толкователем музыки. Особенно это необходимо на низших ступенях развития учащегося: тут уже совершенно неизбежен **комплексный** метод преподавания, то есть учитель должен донести до ученика не только так называемое «содержание» произведения, не только зарезать его поэтическим образом, но и дать ему подробнейший анализ формы, структуры в целом и деталях, гармонии, мелодии, полифонии, фортепьянной фактуры, короче, он должен быть одновременно и историком музыки, и теоретиком, учителем сольфеджио, гармонии, контрапункта и игры на фортепиано» [4, с. 196].

Структура экзамена, зачета или коллоквиума должна быть **релевантна поставленной задаче**, а результаты испытания должны оцениваться **комплексно**, по нескольким параметрам, то есть по тому же принципу, что и исполнительский экзамен. Параметрами оценки могут различные качества и свойства, однако базовыми должны быть:

- а) **знание материала**, отражённого в программных требованиях,
- б) **интеллектуальный потенциал в его проекции на профессиональную деятельность**,
- в) **логика мышления**,
- г) **культура речи учащегося**,
- д) **умение вести диалог**,
- е) **способность к самооценке, самодиагностике**.

В колледжах и вузах разной профильной ориентации, а соответственно и с разным контингентом обучающихся, содержание и структура контрольных испытаний должны быть различными. Требования по той или иной музыкально-исполнительской дисциплине в консерватории и, скажем, институте культуры не могут быть идентичными. Поскольку различны целевые ориентиры этих вузов, различны их профили – различным должно быть и отношение к этим дисциплинам, понимание их функций и роли, их трактовка в учебно-образовательном процессе. Должны отличаться требования к экзаменуемым по этим дисциплинам, принципы оценивания их достижений. Таким образом, рассматривая проблему оценки, необходимо принимать во внимание:

- статус учебного заведения, его целевую направленность, то есть кого, каких специалистов готовит данное учебное заведение и что от них потребуется в дальнейшем;
- реальные профессиональные возможности обучающихся, их наличный потенциал. Правильнее исходить из того, насколько студент приблизился к своему индивидуальному «максимуму», в какой мере реализовал свои исполнительские возможности;
- соответствие трудности экзаменационных программ реальным исполнительским возможностям студентов;
- недостаточную дифференцированность шкалы оценок, используемых в ряде музыкальных учебных заведений.

Решая проблему оценки на контрольно-проверочных мероприятиях в музыкальных учебных заведениях, стоит внимательно присмотреться к принципам оценивания, которые практикуются на некоторых международных исполнительских конкурсах. Диапазон цифровых оценок на конкурсах достаточно широк: от 25 баллов и вплоть до 100 баллов. Это даёт возможность более тонко градуировать показатели выступлений исполнителей-музыкантов.

Опытно-экспериментальным путем мы рассмотрели комплекс вопросов, связанных с педагогической оценкой в художественно-творческой (музыкальной) деятельности, выявили основные недочёты в практике оценивания учебной деятельности учащихся-музыкантов и апробировали в практической деятельности, предложенные нами рекомендации оценок.

Данные педагогических наблюдений, осуществлявшихся на протяжении 2008 - 2012 гг., анализировались, обобщались, составив в итоге базу для дальнейшего движения исследовательской мысли, для формулирования определённых выводов, которые образовали **порядковую шкалу***. Шкала выглядит следующим образом:

- экзамены с сопутствующими им оценками имеют значение не только как способ измерения достижений учащегося, но и как эффективный метод регуляции психических механизмов, связанных с отношением учащихся к процессу обучения;

- оценки экзаменуемым должны основываться не на абстрактных представлениях педагога и его коллег о том, каким следует быть исполнению музыкального произведения его качественному уровню и прочее, а из реальных возможностей учащегося на данном этапе его развития;

- технические огрехи на музыкально-исполнительских экзаменах, равно как и сбои в работе памяти далеко не всегда свидетельствуют о недостаточно добросовестном отношении учащегося к занятиям. Чаще они являются естественным результатом недостаточного сценического опыта учащегося, недостаточной практики публичных выступлений;

- начиная со средних классов Детских музыкальных школ и на последующих ступенях обучения целесообразно использовать комплексный, дифференцированный подход к оценке, основанный на выделении наиболее важных параметров исполнения – таких как творческая инициативность учащегося, эмоциональность игры, художественная образность, техничность и др.;

- негативное влияние на экзаменационную оценку учащегося может оказать узко ремесленный подход к обучению, сконцентрированный всецело на решении двигательнотехнических задач.

В беседах с учащимися, их ответы вполне возможно свести к трём типовым вариантам.

Вопрос: Нужно ли выставлять оценки за публичные выступления, в том числе и на экзаменах? В чём, собственно, смысл и предназначение оценок (отметок)?

а) Да, отметки нужны. Они показывают, кто хорошо, добросовестно учится, а кто – нет (60 % ответов).

б) Да, отметки нужны, но иногда хотелось бы, чтобы их не выставляли (35 % ответов).

в) Не знаю. Не задумывался об этом (5 % ответов).

Вопрос: На Ваш взгляд, всегда ли отметка за выступление бывает справедливой и правильной? Случается ли, что мнение учителя и ученика по поводу отметки не совпадают?

а) Отметки обычно бывают справедливыми и правильными. Их выставляют наши учителя, а они хорошо знают, кому и какую отметку надо поставить (78 % ответов).

б) Наверное, не всегда отметки бывают справедливыми и правильными. Некоторые учителя «придираются», бывают слишком строгими (20 % ответов).

в) Не знаю что ответить (2 % ответов).

Вопрос: Возникают ли сильные переживания, если полученная отметка ниже той, которую хотелось бы получить? Или отметка сама по себе не играет особо важной роли, не влияет на отношение к занятиям, к педагогу?

а) Любая отметка ниже «пятёрки» вызывает сильное огорчение (49 % ответов).

б) Не могу сказать, что отношение к отметке безразличное, но и серьёзных огорчений «четвёрки» и «четвёрки» с минусом не доставляют. К чему расстраиваться из-за «четвёрки»? Четыре балла – это «хорошо». Пять баллов – это «отлично», почти идеал, но «идеально» у нас в школе никто не играет (35 % ответов).

в) Бывает по-разному. Иногда отметка огорчает, иногда не очень (36% ответов).

В беседах с педагогами выяснилось, что у большинства собеседников вопрос о педагогической оценке не впервые оказывался предметом их профессиональной озабоченно-

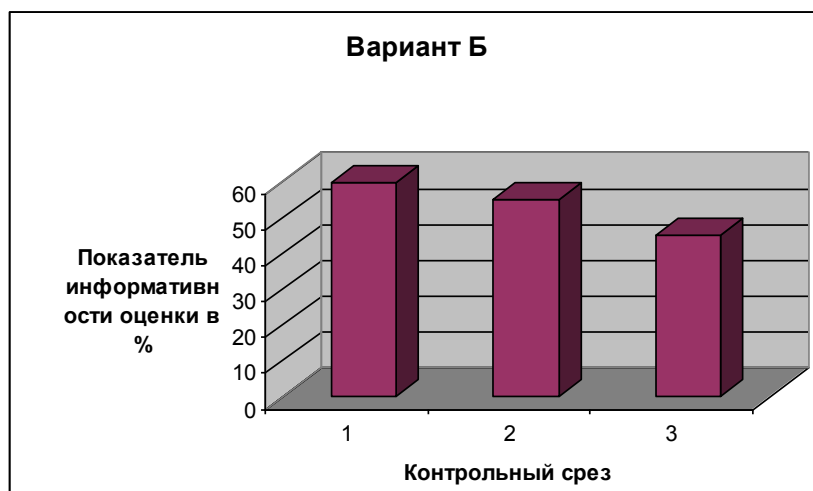
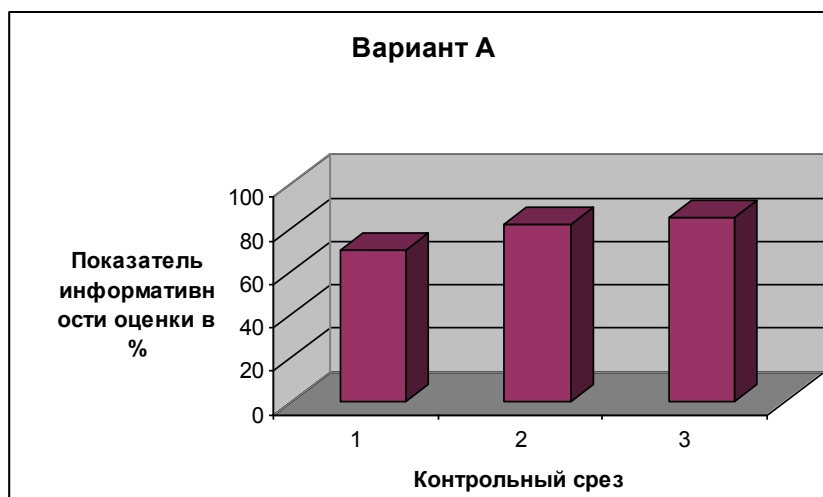
* Что касается расположения позиций на этой шкале, то есть иерархически-порядкового фактора, то отношение к нему, разумеется, может быть сугубо личностным, субъективным.

сти. В их суждениях, опирающихся на личный педагогический опыт, ощущалось глубокое знание проблемы, понимание её сложности и многоаспектности. В предложениях, высказывавшихся ими по ходу бесед, было немало интересного, перспективного в плане улучшения контрольно-проверочных процедур.

Обширный и разнообразный материал, обработанный методом **контент-анализа** выявил ключевые теоретико-методические воззрения, суждения, мнения респондентов, по проблеме оценки учебной деятельности учащихся-музыкантов. Наиболее распространённые и профессионально значимые из них:

1. Оценка как фактор педагогического процесса не утратила своей актуальности, хотя в ряде случаев нуждается в определённой корректировке;
2. Необходимо, чтобы оценка вбирала в себя различные компоненты учебной работы, а не только отражала конкретные качественные итоги экзаменационного выступления учащегося;
3. Чем более дифференцирована шкала оценок, тем больше возможностей у экзаменаторов объективно и точно определить результаты работы учащегося;
4. Оценка не может абстрагироваться от профиля учебной деятельности учащегося, от особенностей его специальности;
5. Необходимо учитывать прямые и побочные эффекты экзаменационной оценки: влияние на психологическое состояние учащегося и на качество учебно-образовательного процесса.

По результатам трёх контрольных «срезов» сравнительно-сопоставительного анализа информативности двух видов оценок и эффективность двух вариантов контрольно-проверочных процедур – варианта «А», разработанного нами, и варианта «Б» (в его традиционном формате) показал предпочтение варианту «А».

Современной педагогике требуются широко образованные, эрудированные, инициативно мыслящие специалисты, владеющие коммуникативными механизмами, культурой об-

щения с молодежью, умеющие говорить и слушать, способные к эффективному диалогу и т.д. Готовить такого специалиста надо заблаговременно, уточняя уровень его подготовленности на соответствующих контрольно-проверочных мероприятиях. Целевая направленность и структура этих мероприятий должны быть в известной мере изоморфны той деятельности, к которой молодого человека готовили в стенах профессиональных музыкальных учебных заведений.

Список литературы

1. Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2001. – 464 с.
2. Амонашвили Ш. А. Обучение. Оценка. Отметка. – М.: Знание, 1980. – 96 с.
3. Каган М. С. Человеческая деятельность – М.: Музыка, 1974.
4. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепьянной игры. – М.: Гос. муз. изд-во, 1958. – С. 196.
5. Мачильский В. Еще о педагогических оценках на уроке музыки Музыка в школе – № 2, 1987, М. «Просвещение». – С. 35 – 38.
6. Меркулова С. К проблеме оценки компетентности. Высшее образование в России. – № 2, 2008. М., Просвещение. – С. 163 – 165.
7. Методы системного педагогического исследования. – Л., 1980, с. 153.
8. Остапенко А. Может ли школьная оценка быть справедливой? Народно образование. – № 1, 2006. М., Просвещение. – С. 125–131.
9. Собкин В. С., Калашникова Е. А. Социология школьной отметки. / В. С. Собкин, Е. А. Калашникова // Педагогика. 2011. – № 3.
10. Эльконин Д. Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д. Б. Эльконин; ред.-сост. Б. Д. Эльконин. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 384 с.

ISSUES OF EVALUATION DEVELOPMENT IN MODERN TEACHING-LEARNING PROCESS (ON THE EXAMPLE OF MUSIC TEACHING)

L. P. Aleshnikova

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

*e-mail:
laleshnikova@mail.ru*

Evaluation issues in musical performance are important and up-to-date, as the successful training directly depends on them. Evaluation in the educational practice of art creative educational establishment has specific peculiarities. Competencies that are necessary in musical performance and pedagogy considering the specification of musical creativity must be evaluated. Exams and credits must be evaluated and integrated on the basis of several characteristics. The usage of a greater estimation scale (ten point system) gives the opportunity to grade the results of musical performers much more subtly. According to the research it was determined that the traditional forms of evaluation have an expressive stressful character and lead to a loss of interest to music activities, thus they require some changes.

Keywords: musical performance, music education, evaluation, evaluation of musical performances.

УДК 004.9:378.147.008

КОМПЬЮТЕРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО СТИЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ*

О. В. Бойченко¹**Е. И. Ерошенкова²****И. Ф. Исаев²**

¹⁾ *Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова*

e-mail: taganrog@land.ru

²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

*e-mail: eroshenkova@bsu.edu.ru
Isaev@bsu.edu.ru*

Аннотация. Современная программа модернизации образования высшей школы ориентирована на поиск и реализацию новых подходов к решению задачи повышения качества профессиональной подготовки. Предполагается, что в своей деятельности высшие учебные заведения будут создавать предпосылки, необходимые для развития у будущих специалистов тех профессионально важных качеств, наличие которых делает их востребованными на рынке труда. Одним из таких качеств является самостоятельность. В условиях современного образовательного процесса высшей школы решающую роль в становлении самостоятельности и инициативы студентов играет компьютерное сопровождение самостоятельной работы студентов, обеспечивающее формирование инновационного стиля профессиональной деятельности будущего специалиста.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, компьютерные средства обучения, инновационный стиль, профессиональная деятельность.

В условиях современного образовательного процесса высшей школы решающую роль в становлении самостоятельности и инициативы студентов играет самостоятельная учебная работа. Именно эта организационная форма характеризуется наиболее значительными образовательными и развивающими потенциалами, реализация которых в решающей степени предопределяет качество профессиональной подготовки будущих учителей. То, как выпускник пользуется приобретенными в вузе знаниями, насколько гибко он решает возникающие методические задачи, успешно добывает новую информацию, анализирует ее, критически оценивает и мотивированно использует в своей деятельности, в значительной степени зависит от того, насколько образовательный процесс в высшей школе ориентирован на развитие у студентов инициативы, самостоятельности и ответственности.

Самостоятельная работа студентов как сложная, полифункциональная познавательная деятельность осуществляется в форме последовательной смены этапов, включающих в себя определение цели самостоятельной работы, конкретизацию поставленных познавательных (практических) задач, самооценку степени готовности к её осуществлению, выбор способа решения поставленной задачи, планирование самостоятельной работы, практическая реализация плана и анализ полученных результатов. Развитие у студентов навыков самостоятельной работы в решающей степени предопределяется вовлечением их в систематическую деятельность по усвоению содержания современных научных текстов.

Учебно-профессиональная деятельность студентов обеспечивает возникновение и последующее развитие у них тех качеств, которые востребованы обществом, ориентированном на личный успех как результат собственной инициативы.

Общие подходы компьютерного сопровождения самостоятельной работы студентов, обеспечивающее формирование инновационного стиля профессиональной деятельности будущего специалиста профессиональной компетентности преподавателей высшей школы отражены в Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009 – 2013 гг.). Вхождение России в мировое образовательное пространство актуализирует необходимость обращения к зарубежному опыту решения данной проблемы.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 - 2013 гг. в рамках проекта "Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза", соглашение №14.А18.21.0098.

Результаты анализа психолого-педагогической и методической литературы по проблеме совершенствования самостоятельной работы студентов показывают, что понятие «самостоятельная работа» чаще всего рассматривается как метод обучения (И. А. Архипова), форма организации учебной деятельности студентов (Р. А. Низамов, П. И. Пидкасистый и др.), вид учебной деятельности (А. К. Жарова, М. Н. Скаткин, П. И. Пидкасистый, А. К. Юров и др.), средство обучения и управления процессом профессионального становления будущего специалиста (С. И. Архангельский, В. К. Буряк, Н. Д. Никандров, П. И. Пидкасистый, В. А. Якунин и др.).

Значительный вклад в понимание сущности самостоятельной работы студентов внесли исследования в области культуры умственного труда учащихся К. В. Бардина, Б. А. Ермолаевой, В. П. Кузовлева, В. А. Кулько, Г. Д. Цехмистровой и др.

Вместе с тем, несмотря на значительное число выполненных исследований, касающихся особенностей самостоятельной учебной работы студентов, в настоящее время практически отсутствуют данные об особенностях компьютерного сопровождения самостоятельной работы студентов, обеспечивающее формирование инновационного стиля профессиональной деятельности будущего специалиста, выполняющими различные функции и характеризующимися различной предметной направленностью. Именно самостоятельная работа выступает важнейшей составляющей образовательного процесса, благодаря которой будущие учителя обретают психолого-педагогическую компетенцию должного уровня. К сожалению, в настоящее время отсутствует научно обоснованная система представлений о том, как следует проектировать образовательный процесс, чтобы в нем имели место организационные, содержательные и методические предпосылки эффективной самостоятельной работы студентов педагогических специальностей.

Анализ того положения, которое в настоящее время в высшей школе занимает компьютерное сопровождение самостоятельной работы студентов, обеспечивающее формирование инновационного стиля профессиональной деятельности будущего специалиста, убеждает в существовании достаточно острых противоречий между:

- современными требованиями к уровню развития самостоятельности будущих учителей и ограниченными возможностями становления их как субъектов самостоятельной познавательной деятельности;
- возрастающим объемом самостоятельной работы, реализующими государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования нового поколения, и низкой эффективностью системы педагогического руководства этой организационной формой деятельности студентов;
- преобладанием традиционных методов контроля и оценки результатов самостоятельной работы студентов и актуализацией у преподавателей и студентов потребности в показателях, на основе которых возможно принимать решения о необходимости стимулирования самостоятельной работы студентов.

В этой связи нами была проведена работа по: системному исследованию самостоятельной работы студентов; обоснованию феномена превращения самостоятельной работы студентов младших курсов в фактор последующего становления самостоятельной познавательной деятельности как сложного системного образования; разработке компьютерного сопровождения самостоятельной работы студентов, обеспечивающего формирование инновационного стиля профессиональной деятельности будущего специалиста.

В настоящее время существенно обострилось противоречие между всевозрастающей эталонной составляющей передачи информации и качеством ее воспроизведения, возможностью использования в процессе решения различного рода задач. В этом плане представляется актуальным вопрос о механизмах трансляции знаковой информации в условиях образовательного пространства в системе современного высшего профессионального образования. Информатизация образовательного процесса на сегодняшний день является одной из самых актуальных задач практически для любого учебного заведения. Следует отметить, что проекты создания «единого информационного пространства университета», «глобальной вычислительной среды школ города», «автоматизированной интегрирующей общегородской обучающей сети» и т.п. зачастую превращаются в банальные «проекты». Причинами неудач является не только, и зачастую не столько, отсутствие должного финансирования, а отсутствие должной предпроектной проработки предметной области, поверхностный анализ требований и полученные на его основе неполные спецификации, увлечение глобальными вопросами и пр.

В контексте образовательного процесса – управление знаниями (knowledge management) – это система накопления и обмена информацией между преподавателями, обу-

чаемыми и внешними консультантами, т. е. участниками информационного обмена учебного заведения. Данная система строится на основе базы знаний или базы данных, из которой участники информационного обмена и получают информацию, и, в обязательном порядке, пополняют ее приобретенными знаниями и опытом. В большей мере ответственность по внесению новой информации лежит на преподавательском составе и консультантах, но вместе с тем возможность делиться приобретенными знаниями и опытом предоставляется и обучаемым. Созданное таким образом хранилище позволяет не только эффективно строить учебный процесс, но и с минимальными усилиями обновлять информацию с обнародованием результатов научных изысканий, появлением новых технологий, совершенствованием процессов и пр.

Естественно, для поддержки целостных структур этих данных необходимо использовать специализированные системы управления. На сегодняшний день можно назвать следующие доступные (с открытым исходным кодом, распространяемые бесплатно) инструменты для создания системы управления знаниями:

- Wiki-среды (MediaWiki, DokuWiki и др.);
- Коллективный блог (например, с использованием WordPress, Drupal или Textpattern);
- СДО Moodle.

Примером созданной на основе wiki-среды системы обмена знаниями может служить Wikipedia.org. Пользователи всемирной сети Интернет вносят различную информацию в виде статей. Только в русскоязычной части Википедии насчитывается более 300 тысяч, а общее количество на 10 языках превышает 7 млн. статей.

Можно с уверенностью сказать, что применение систем управления знаниями в образовательном процессе вуза позволяет значительно улучшить качество обучения, уменьшает накладные расходы, связанные с организацией учебного процесса и делает процесс познания более увлекательным для студентов.

Современный этап развития общества характеризуется интенсивностью и глубиной проникновения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Значительную роль при этом играет информатизация системы образования (Федеральные целевые программы (ФЦП): «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» и «Развитие единой образовательной информационной среды (2001 – 2005 год)»), которая осуществляет формирование и становление членов этого общества. Сегодня стало понятно, что переход образования на качественно новый уровень, соответствующий одной из главных задач российского общества – подготовки конкурентоспособного кадрового потенциала, невозможен без существенных последовательных изменений процесса обучения, при котором в качестве ядра концепции развития принимается процесс информатизации всего образовательного пространства и формирования информационной культуры всех его участников.

В ходе изучения информации, распространяемой разработчиками систем, а также фирмами-представителями, удалось провести сравнение систем: TEST_MAT (ЮРГУЭС, Россия), TechLab CourseMaster (Восточно-сибирский институт МВД РФ, Россия), Аванта (ВГУЭС, Владивосток, Россия), CPKknowledge (УДО, Россия), Орокс, xDLS.

Полученные данные, позволяют говорить о преимуществах и недостатках отдельных систем и указывают на состояние рынка информационно-обучающих систем в целом. Существует вероятность того, что некоторые данные будут приведены с искажениями. Это связано, в первую очередь, с тем, что информация по анализируемым компьютерным системам обучения зачастую предоставляется не полная и зачастую носит излишне описательный характер. Во-вторых, т.к. необходим анализ, позволяющий наиболее точно обозначить направления возможного дальнейшего совершенствования ИОС, три-пять критериев оценки существующих систем, явно недостаточны. Поэтому, были выбраны следующие параметры: Контроль знаний, вид (Да/Нет, Multi choice, Последовательность, Соответствие, Ввод числа, Ввод слова, Анализ ответа в естественном виде, Область на рисунке); max число ответов в вопросе, Математический анализ результатов тестирования, Ведение списка студентов; Ведение списка преподавателей; Наличие средств безопасности; Классификация знаний; Описание учебных материалов; Адаптивное обучение; Технология построения; Среда реализации; Internet; Off-line режим; Следование стандартам (например, IMS-Question&Test Interoperability).

В ходе изучения известных методов контроля знаний обучаемых были определены недостатки существующих систем: отсутствие практических схем надежной защиты (особенно, в случае систем работающих в сети Internet с применением Web-технологий); отсутствие доста-

точно оправданного подхода к дифференциации ответов; использование только ставших классическими вариантов тестов – multichoice (выбор одного или нескольких правильных вариантов ответа из списка предложенных), ввод одного или нескольких чисел либо слов, составляющих правильный ответ; отсутствие возможности импорта/экспорта тестовых модулей других систем контроля знаний. Все это явно указывают на необходимость создания метода автоматизированного контроля знаний обучаемых.

Несмотря на значительное число выполненных исследований, касающихся особенностей информационных образовательных систем (ИОС), в настоящее время практически отсутствуют четко сформированные подходы к созданию высокоэффективных средств обучения. Именно целостная структура ИОС, поддерживающая процесс обучения от знакомства со стандартами специальности, отдельными дисциплинами до работы с учебными текстами и прохождения контроля знаний на различных этапах обучения выступает важнейшей составляющей образовательного процесса, благодаря которой будущие специалисты приобретают компетенцию должного уровня.

На наш взгляд, проблема относительно низкой эффективности самостоятельной работы студентов, связана с рядом причин, среди которых наиболее важной является отсутствие системного подхода к развитию этой значимой во всех отношениях организационной формы учебного процесса. Именно представления о тексте как одной из форм презентации содержания самого учебного предмета, его месте в образовательном процессе, практической значимости, оцениваемой с точки зрения перспектив профессиональной карьеры и личностного роста, задают общее направление, работы студента с текстом. Самостоятельная работа с текстом повышает информированность студента в соответствующей предметной области, расширяет возможности его поисковой деятельности, стимулирует овладение приемами эффективной переработки текстовой информации, способствует проявлению творческой активности.

На сегодняшний день в любой отрасли науки либо уже используются, либо находятся в стадии разработки системы компьютерной автоматизации разного типа. Не рассматривая общие вопросы, связанные с необходимостью автоматизации того или иного процесса, не вдаваясь в споры «за» и «против» использования вообще компьютерных систем мы предположили, а затем и подтвердили, что информационно-поисковые, советующие, контролирующие комплексы программ не только эффективны, но и просто необходимы в образовании. Самостоятельная работа студентов, с применением программно-технических средств, бесспорно, будет более эффективной в сравнении с классической ее реализацией. На основе актуальности данной темы «Компьютерное сопровождение самостоятельной работы студентов, обеспечивающее формирование инновационного стиля профессиональной деятельности будущего специалиста» автором была создана автоматизированная информационная система. К программе предъявляются следующие требования: систематичность, возможность всестороннего контроля процесса обучения со стороны преподавателя, контроль за процессом порождения на основе имеющихся текстов, снижение времени на поиск необходимой информации, предоставление студентам выбора наиболее интересного для них текста по выбранной цели.

Как и любая деятельность, самостоятельная работа студентов, осуществляется на основе тех ресурсов, которыми располагает её субъект. В дальнейшем, говоря о ресурсах, мы будем иметь в виду нечто такое, чем должен располагать субъект деятельности и без чего невозможно достичь (материализовать) поставленные цели.

В качестве одного из важнейших ресурсов, выступает объем временных затрат, в границах которых студент может себе позволить работать самостоятельно. При этом их объем, первоначально задаваемый нормативами временных затрат, предусмотренных учебным планом, в последствии изменяется как в сторону увеличения, так и уменьшения. Например, студент с развитым чувством ответственности, работает сверх этих нормативов, осуществляя самостоятельную работу не только за счет времени, предусмотренного учебным планом, но и времени, которое, отводится, например, на отдых. Это экстенсивный путь усвоения материала в ходе самостоятельной работы. Возможна интенсификация самостоятельной работы студентов за счет развития у них новых когнитивных структур, наличие которых позволяет усваивать в единицу времени больший объем необходимой информации. В этом случае у студента появляется возможность за отведенное учебным планом время либо дополнительно расширить свой кругозор по соответствующему предмету, либо высвободившееся время потратить на самостоятельную работу по другой учебной дисциплине, или вообще, заняться чем-то далеким от образовательного процесса.

Если студент не вписывается в нормативы временных затрат, отводимых на самостоятельную работу, и у него не формируются необходимые познавательные структуры, то в этом случае преподаватель трансформирует исходные тексты таким образом, что самостоятельное усвоение студентом их содержания, осуществляется на должном уровне в рамках времени, отведенного учебным планом. Иными словами, студент работает с текстами, которые, с одной стороны, адаптированы к уровню его познавательного развития, а с другой – не смотря на адаптацию, сохраняют все содержательные особенности текста – оригинала.

К функциональным возможностям автоматизированной информационной системы относятся:

- предоставление обучаемому доступа к постоянно обновляемой и расширяемой базе учебных текстов, в которой представлено содержание подготовки по соответствующей специальности;
- создание прогноза относительно возможности достижения образовательных целей в отведенные для этого сроки;
- осуществление сбора, обработки, отображения и сохранения сведений, характеризующих процессы преобразования текстов и особенностей психического состояния субъекта учебной деятельности;
- обеспечение промежуточного и итогового видов контроля знаний с учетом прогресса становления познавательных структур;
- предоставление обучаемому помощи со стороны системы;
- обеспечение наличия оснований для оценки результатов самостоятельной работы обучаемых;
- предоставлять обучаемому возможность реализовывать схему работы на уровне, соответствующему его притязаниям.

Реализованная программная система имеет одно главное и несколько вспомогательных окон. Это окно имеет четыре части – панель «Навигация», на которой расположены в логической последовательности кнопки отображения информации или вызова других функций программы, панель переключения текущей функции программы, панель отображения выбранной специальности и дисциплины, а также основная часть окна, где отображается основная информация.

Краткий алгоритм работы с системой студента следующий:

- регистрация студента (либо ввод пароля и учетного имени для ранее зарегистрированного пользователя);
- выбор специальности;
- выбор учебной дисциплины;
- знакомство с требованиями государственного образовательного стандарта по выбранной дисциплине;
- выбор темы из программы курса;
- просмотр литературы и выбор необходимого источника;
- работа с текстом;
- контроль знаний.

Несмотря на значительное число выполненных исследований, касающихся особенностей ИОС, в настоящее время практически отсутствуют четко сформированные подходы к созданию высокоэффективных средств обучения. Именно целостная структура ИОС, поддерживающая процесс обучения от знакомства со стандартами специальности, отдельными дисциплинами до работы с учебными текстами и прохождения контроля знаний на различных этапах обучения выступает важнейшей составляющей образовательного процесса, благодаря которой у будущих специалистов формируется инновационный стиль профессиональной деятельности.

COMPUTER SUPPORT OF THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE STYLE OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF STUDENTS INDEPENDENT WORK

O. V. Boichenko¹
E. I. Eroshenkova²
I. F. Isaev²

¹⁾ Taganrog State Institute

e-mail: taganrog@land.ru

*²⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail:

eroshenkova@bsu.edu.ru

Isaev@bsu.edu.ru

The current program of modernization of education high school is focused on finding and implementing new approaches to the problem of increasing the quality of training. It is assumed that the operation of institutions of higher education will create the prerequisites for the development of future professionals of the important qualities of a professional, which can make them in demand in the labor market. One of these qualities is independent. In today's educational process of higher education a crucial role in the independence and initiative of students playing computer support students' independent work, ensuring the formation of innovative style professional future specialist.

Keywords: independent work of students, komryuterny tutorials, innovative style, professional activity.

ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА У ШКОЛЬНИКОВ*

Н. Г. Медведева¹

Н. Л. Шеховская²

¹⁾ Курский государственный университет

*e-mail:
medvedeva.kursk@mail.ru*

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

*e-mail:
shehovskaya@bsu.edu.ru*

Статья посвящена проблеме подготовки будущих учителей начальных классов к формированию целостной картины мира у младших школьников. Автором представлено теоретическое обоснование реализации в практике начальной школы принципа единства и взаимодополнительности научного, художественно-эстетического и религиозного познания, выявляется система психолого-педагогических условий и средств формирования целостной картины мира у младших школьников.

Ключевые слова: инновации в педагогическом образовании, картина мира, образ мира, модель мира, целостная картина мира, мировоззрение, мирозерцание, мироощущение, целостность развивающейся личности, холистический подход, антропологический подход.

Современная образовательная практика – от начальной ступени обучения до высшего профессионального образования – вступила на путь реформирования, инновационных преобразований. Отличительной особенностью образовательного стандарта для начального звена школы является положение о том, что личность учащегося должна представлять собой целостное образование. До сегодняшнего дня обучение в школах продолжало оставаться узкопредметным, что не способствовало формированию в сознании школьников целостной картины мира и, как следствие, целостной личности. Традиционное разделение содержания школьного обучения на автономные учебные предметы уже в начальной школе приводило к тому, что знания так и оставались разрозненными сведениями, искусственно расчлененными по предметному признаку. В результате этого младший школьник не воспринимал целостно ни учебный материал, ни тем более картину окружающего мира, хотя младший школьный возраст является сенситивным периодом для «целостного схватывания реальности». Такая тенденция сопряжена с риском нарушения целостности личности, что неизменно ведет к тяжелым психологическим и духовно-нравственным потерям.

Однако в теории образования, научной педагогике и образовательной практике до настоящего времени не имеют должного разрешения психолого-педагогические условия и механизмы формирования целостной картины мира на различных ступенях обучения, включая и начальное звено школы; практикующий учитель начальной школы мало знаком с проблемой формирования целостного образа мира не только на теоретическом уровне, но и практически не владеет инструментарием, с помощью каких методик можно измерить, насколько целостно окружающий мир представлен в сознании ребенка, каково технологическое решение проблемы формирования у младших школьников целостной картины мира. Поэтому в данной статье мы ставим цель описать опыт подготовки будущих учителей начальных классов к формированию целостной картины мира у младших школьников в Курском государственном университете.

Нами был разработан курс для подготовки магистров «Технологии формирования целостной картины мира на начальной ступени обучения», включающий следующие разделы:

- раздел 1 «Философско-теоретические предпосылки формирования целостной картины мира в отечественной и зарубежной педагогике»,
- раздел 2 «Технологии формирования целостной картины мира у детей на этапе предшколы – школа»,
- раздел 3 «Возможности современных УМК в контексте формирования целостной картины мира у младших школьников».

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение № 14.А18.21.0098.

Цель дисциплины – знакомство обучающихся с философско-научными взглядами, педагогическими условиями и средствами формирования целостной картины мира у детей на начальной ступени обучения в истории педагогики и возможностями их реализации в современном начальном образовании, а также подготовка будущих педагогов к работе по формированию целостной картины мира у детей на основе знания современных УМК.

Задачи дисциплины:

1) изучение теоретических основ формирования целостной картины мира у детей младшего школьного возраста (философские и психолого-педагогические основания формирования целостного образа мира; экскурс в историю педагогики и психологии; теоретические предпосылки современных и инновационных программ, ставящих задачу целостного освоения мира младшими школьниками);

2) деятельностное освоение обучающимися методов, форм, условий, средств, принципов и технологий формирования целостной картины мира младших школьников;

3) анализ содержания учебного материала в современных УМК в аспекте формирования целостной картины мира у детей младшего школьного возраста;

4) обоснование возможности использования изучаемого подхода в условиях современной общеобразовательной школы.

Курс выстроен в русле комплексного сочетания исторического, персонифицированного, системно-структурного и контекстного подходов к рассмотрению проблемы формирования целостного образа мира. Персонифицированный подход позволяет изучить не только творчество конкретных персоналий, но и тенденции, заложенные в работах ученых, педагогов, философов, в разное историческое время занимавшихся рассматриваемой проблемой. Системно-структурный подход дает возможность представить творчество конкретного ученого как единую систему, включающую структурно-функциональные компоненты, и выделить наиболее значимые проблемы в его творчестве. Исторический и контекстный подходы позволяют рассмотреть изучаемую проблему относительно современных социальных, научных и образовательных реалий.

В теоретической части курс «Технологии формирования целостной картины мира на начальной ступени образования» направлен на знакомство обучающихся с инновационной парадигмой формирования целостного образа мира у младших школьников.

Практическая часть курса целиком ориентирована на деятельностное освоение обучающимися различных технологий формирования целостной картины мира у младших школьников.

Ведущими дискуссионными темами курса являются следующие:

– Как в сознании развивающегося человека происходит построение многомерного образа мира?

– Какую картину мира должна задавать ребенку школа?

– Как должны преодолевать педагогом противоречия между той картиной мира, с которой ребенок приходит в школу, и той, что предлагает учитель?

– Как научить школьника самостоятельно строить образ мира в условиях, когда этот мир уже «обозначен», «препарирован» для него и навязывается системой СМИ как некая «картинка мира»?

– Какова специфика профессиональной деятельности учителя при формировании целостной картины мира в начальной школе?

– Каковы особенности диагностики сформированности целостного образа мира у младших школьников?

– Каковы возможности формирования целостного образа мира в условиях конкретных УМК?

– Каковы особенности прогнозирования и проектирования индивидуальной траектории формирования целостной картины мира ребенка в условиях школьного образования?

– Какова специфика организационных форм обучения; типология, структура и методика проведения различных типов занятий по формированию целостного образа мира младших школьников; возможности применения инновационных педагогических технологий?

Раскрывая концептуальное содержание каждого из изучаемых разделов, помимо современных исследований, мы обращаемся также к философско-педагогическому осмыслению проблемы формирования у учащихся «округленного мирозерцания», наиболее представленному в трудах К. Д. Ушинского. Кратко представим взгляды К. Д. Ушинского на проблему формирования в сознании школьников целостного образа мира, которые сегодня являются инновационными в психолого-педагогической науке.

В работе К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» проводится мысль о том, что целостная картина мира как систематизированное и целостное представление об окружающем мире выступает базовой системой ориентиров человека. Картина мира, в понимании К. Д. Ушинского, есть ментальная модель мира, которая хранится в памяти народа, его сознании, культуре как системное представление о пространственно-временном существовании мира, бесконечности Вселенной и движущих силах развития, месте и назначении человека в мире. Системообразующим компонентом целостной картины мира выступает религиозная вера, христианское (евангельское) учение о сущности человека, его месте и назначении в мире. Картина мира является духовным образованием, «духовной призмой», через которую преломляется воспринимаемый человеком окружающий мир и вырабатывается отношение к нему.

Картина мира в педагогической антропологии К. Д. Ушинского выступает как многомерный образ мира, что полагает особые свойства человеческого разума и души, способности «собственно человеческого» видения мира (восприятия), способности дифференцировать мир через познание его целостности. Она имеет сложную структуру и содержание, включает относительно целостную совокупность мыслей, верований, духовных установок и моделей поведения («идей», «генеральных понятий»), определяющих жизнедеятельность, существование и развитие данного общества. Центром формирования целостного образа мира выступает идея одухотворения, духовного развития человека.

По К. Д. Ушинскому, человек сам строит образ мира согласно потребностям своего собственного опыта. Он не просто фиксирует существующие в мире связи и отношения, но «конструирует» их, определенным образом «видит» и «строит» мир, что определяет выбор им стратегии поведения. Педагог подчеркивает: «Каковы бы ни были внешние обстоятельства, все же человек сам составляет мир. Ибо мир управляется и идет сообразно идеям, чувствам, нравственным и умственным стремлениям человека, и от внутреннего его состояния зависит видимое состояние общества». При этом «учение и воспитание в тесном смысле этого слова могут иметь большое влияние на идеи, чувства, нравственные и умственные» [2, с. 18 – 19].

Содержание целостной картины мира составляют, согласно К. Д. Ушинскому, чувственно-эмоциональные и волевые переживания человека в сочетании с его верой и знаниями, смысловой направленностью и познавательной устремленностью человека на конкретную предметную реальность. Вера выступает системообразующим компонентом целостной картины мира и процесса ее формирования у развивающегося человека. Вера образует в его мировоззрении «твердую опору, не подвергнутую сомнению», она «руководит поступками, оставляя при этом свободу мысли»; вера проявляется и удерживается, несмотря на противоречие опыта и ума, «святая вера ... дает место науке; признает *свободу воли*; хранит исторические предания» [1, с. 356].

Религиозная вера и наука, научное познание в педагогической системе К. Д. Ушинского выступают как инвариантное (вечное) и временное (изменяющееся, развивающееся). Наука и научное образование призваны дать знание законов внешнего и внутреннего мира, развить ум, сознание и самосознание человека. Но научное образование не есть «сама жизнь», оно не дает полного представления о мире, причинах и источнике его существования и развития. К. Д. Ушинский высоко оценивал значимость науки как особой человеческой деятельности для развития человека и общества. Особую роль в умственном и нравственном развитии педагог отводил естествознанию. «Учение Дарвина... есть, по нашему суждению, не только такое учение, которое придает живой смысл всему естествознанию и может сделать его самым могучим образовательным предметом для детства и юности, но и заключает в себе глубокий нравственный смысл, оно фактически показывает нам, что мы живем посреди великого процесса творчества и вечного совершенствования, двигателем которого является неведомая, но чувствуемая нами причина, перед которой и самый гордый ум склонится с благоговением» [2, с. 379].

Однако развивающее и облагораживающее влияние науки возможно лишь в том случае, если ее цели не сводятся только к прагматическим. Наука, в понимании К. Д. Ушинского, становится фактором духовного становления человека, если выступает в высшем, «бескорыстном» значении как особая, высшая и благородная деятельность-служение.

К. Д. Ушинский рассматривает науку как «способ чтения в книге природы воли Творца». Познание, считает педагог, – это процесс приближения к истине. Человек в своей познавательной деятельности идет от незнания к знанию, на основе уже познанного проникает в новые тайны природы, мира и человека, удивляясь, постигает их богатство, что в свою очередь укрепляет его в вере. Вера и наука выражают целостность, единство и неделимость человеческой природы, единство разума и чувства, интеллекта и аффекта. Их единство и гармоничность

позволяют человеку осознать себя частью и «живым органом мирового духовного развития человечества».

Религиозная вера и научное знание в педагогической системе К. Д. Ушинского соотносятся по принципу взаимодополнительности и гармонизации. Он утверждает, что «человеку одними знаниями не прожить, и потому вера нужна ему как дополнение знаний», поскольку «поле потребностей жизни человеческой» не ограничивается познанием, оно значительно шире. Дети, по мысли педагога, обладают способностью «врожденности веры», и эту способность необходимо «облагородить и развить чувством эстетического и морального, чувством христианства, и тогда сбудется изречение апостола: «сердцем верится в правду» [3, с. 356].

Художественно-эстетическое мировосприятие выступает необходимой предпосылкой формирования целостной картины мира у ребенка на начальной ступени обучения. В формировании эстетической картины мира наибольшую значимость, по мнению ученого-педагога, имеют труд, восприятие природы, изучение родного языка, религия, а также «сама жизнь» (отношения и поступки человека), «заряженные» высокой нравственно-эстетической силой. Идея целостного и гармонического художественно-эстетического мировосприятия и миропонимания пронизывает учебные книги К. Д. Ушинского, определяет их структуру и характер самого содержания материала в книгах.

В основе учения К. Д. Ушинского о человеке и его педагогической системе лежит холистический подход, истоки которого восходят к идее христианского целополагания. Мир есть высшая всеохватывающая целостность, обнимающая собой области физического, биологического, психологического, рационального и метафизического. Человек целостен, его «бытие и благоденствие» обуславливаются целостным миром. Человек есть часть мира, а его целостность обуславливается религиозным началом, выступающим тем стержнем, который объединяет разрозненные понятия и представления в целостную картину мира – единство Бога, человека и мира.

Целостность личности человека и его души задана его природой (тварной и вечной, божественной). Образ Божий дает человеку начало личности, ее целостности. Творец наделил человека и способностями ее обретения: способностью самосознания, самовидения, самополагания, даром слова, свободой воли, разумом. Духовная, душевная и телесная ипостаси человека едины, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Человек только «задан», ему «дана» способность развиваться, совершенствоваться, облагораживаться. Он наделен «творящей жизненной силой» и способен стать «человеком духовным» благодаря возможности к непрерывному и прогрессивному развитию. Именно духовность в человеке определяет начало его цельности и органической иерархичности. Целостность, «неразделенность» атрибутов души (разум, чувство, воля, совесть) есть условие ее развития и обогащения.

Целостность человека, его души обуславливают и характер образовательного процесса, воспитания и обучения ребенка, которые должны рассматривать «человека всего», во всех его проявлениях и состояниях, чтобы помочь «дитяти» реализовать как природные силы и способности, так и духовное начало. Целостность развивающейся личности ребенка в учении К. Д. Ушинского рассматривается как «психический закон» детской души, которому должна соответствовать и система обучения. В «Письмах из-за границы» («Педагогическая поездка по Швейцарии») К. Д. Ушинский подчеркивает, что первоначальное обучение призвано построить в душе ребенка «прочное здание ясного, живого и верного мирозерцания», «стройный образ мира», «живое» представление о мире: природе, истории страны, человеке. При определении содержания обучения в общеобразовательной школе, включая прежде всего начальную ступень, необходимо «иметь в виду не науки в их отдельности, а душу учащегося в ее целостности и ее органическое, постепенное и всестороннее развитие». Не науки, подчеркивает педагог, должны «схоластически укладываться в голове ученика, а знания и идеи, сообщаемые науками, должны органически строиться в светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь». «Каждый класс, начиная с самого младшего, – пишет педагог, – должен иметь свое округленное мирозерцание, доступное возрасту учеников, и в центре этого мира, отразившегося в детской душе, должна блеснуть, как солнце, все освещающая и согревающая, нравственная, гуманная христианская идея» [4, с. 137 – 138].

Таким образом, единство и взаимодополнительность научного образования, художественно-эстетического познания и религиозной веры выступают в педагогике К. Д. Ушинского определяющим принципом в формировании целостной картины мира у ребенка на начальном этапе обучения. Этот принцип является конкретным выражением триединства основоположений педагогики К. Д. Ушинского (православие, народность, антропологизм) и определяет содержание и метод (технологии) формирования целостного образа мира у учащихся.

Развивая идею народности, К. Д. Ушинский раскрывает содержание образования на начальном этапе, ориентированное на ценностно-смысловые приоритеты, поскольку главное в образовании – «внутреннее устройство души и духа», а не «формальное развитие рассудка». Он подчеркивает, что в жизни ребенка есть короткий период (начальное обучение), когда педагогу следует обогащать его душу, и «тратить это время исключительно на, так называемое, развитие рассудка было бы величайшей ошибкой и виной перед детством; а эта ошибка не чужда новейшей педагогике» [2, с. 386].

Основу «строя души» составляет «духовная память», или «память развития», которая и есть собственно человеческая память, становящаяся функцией духовного развития человека. Ядром строя души, средоточием всех душевных явлений и первым проявлением душевного стремления являются переживания, «чувствование». Содержанием образования ребенка, формирования у него целостной картины мира выступает культура (народная культура), которая составляет «собственно человеческое» измерение, включая систему ценностных ориентиров, идей и понятий. В такую систему входят родной язык, история, вера, философия, наука, религия, литература, традиции, образ мысли, образы родины, природы, человека, переживания и модели поведения человека, семья. Формирование целостной картины мира становится возможным, согласно К. Д. Ушинскому, *если образование ребенка осуществляется в языке народа, науке, религии, истории страны, традициях, литературе.*

Основным источником развития целостной личности, формирования целостной картины мира у развивающегося человека К. Д. Ушинский считал *родной язык*. Слово он рассматривает как духовный архетип, несущий энергию, способную подчинять себе реальное, порождать особое состояние души и мысли. Слово есть духовное, внутреннее орудие, которое является главным средством человеческого развития. Слово аккумулирует в себе духовный, культурный и социальный опыт нации, установку на правильное понимание смыслов, выстраивание связной системы понятий об окружающем мире, образы мира, аффективно-смысловые образования, традиции, нормы морали. Родное слово, в понимании К.Д. Ушинского, есть эффективное средство развития детей, ключ к пониманию духовной жизни народа. Родной язык является одним из предметов, который с точки зрения его воспитательных возможностей ни с чем не сравним.

Основу *технологии формирования целостного образа мира* в педагогике К. Д. Ушинского составляет *метод*. Особенность технологического решения проблемы состоит в том, что дидактический метод К.Д. Ушинского не игнорирует живую, развивающуюся, целостную детскую душу. Процесс познания в начальной школе осуществляется в единстве индуктивно-дедуктивного, интуитивного и логического способов движения мысли ребенка. Наиболее органично такое единство реализуется через организацию познавательной деятельности ребенка в книге «Родное слово. Год третий. Первоначальная практическая грамматика с хрестоматией». Здесь К. Д. Ушинский показывает метод, с помощью которого ребенок под руководством педагога «открывает тайны» возникновения, развития и существования языка и слова как высшей способности человека. Это научный метод, который в современной терминологии определяется как «анализ через синтез». Суть дидактического метода К. Д. Ушинского составляет руководство самостоятельной исследовательской работой учащихся. Сократический метод, по убеждению педагога, должен быть основным, поскольку он пробуждает самостоятельную мысль школьника, а суть этого метода состоит в том, что педагог своими вопросами обостряет противоречия между имеющимися у ученика фактами и мыслями, вводя их «в светлый круг сознания», «сталкивает» их, что приводит к формированию разумной мысли.

Ребенок не просто получает знание, научные сведения, он овладевает научным методом, что принципиально отлично от простого усвоения информации. В дидактико-методической системе К. Д. Ушинского метод есть «душа» знания, опыта, фактов, изучаемых законов. Школьник овладевает методом познания не ради получения некой информации, а для «более глубокого начала», выходящего за пределы того, что преподается. Обучение методу научного знания означает побуждение ученика к самостоятельной мысли, ее движению, к порождению нового, высшего, целостного знания. Метод осваивается ребенком в процессе «живого применения» к данным опыта. В связи с этим наблюдение и самонаблюдение К. Д. Ушинский рассматривает в качестве ведущих методов познания, образования и развития ребенка на начальном этапе обучения. Наблюдение явлений окружающего мира, природы, событий и жизни людей, собственных душевных проявлений становится необходимой предпосылкой формирования целостного представления о жизни и мире. Оно позволяет ученику увидеть мир целостно, с разных позиций, открыть, что он не исчерпывается только физической и психической действительностью, что, кроме этого, существуют и другие его грани и измерения: область ценностей и смыслов, веры и религиозного опыта, что представлено и реализовано через учебные книги К. Д. Ушинского.

Проведенный нами анализ педагогического наследия К. Д. Ушинского позволяет от-рефлексировать *педагогические условия*, которые обеспечивают формирование целостной картины мира у школьников на начальном этапе обучения.

Во-первых, обеспечение целостности педагогического процесса в образовании ребенка, что достигается системностью его компонентов: цели-ценности, содержание, средства, метод, формы организации, критерии оценки эффективности, результат. Отличительной особенностью подхода К. Д. Ушинского является то, что воспитание – основа образования и развития личности. Обучение есть средство, «могущественнейший орган» воспитания.

Во-вторых, ребенок, его личность и душа обладают способностью к саморазвитию, творческой самостоятельной активности. Учитель призван организовать его деятельность, «дать средства» для развивающей, творческой, самостоятельной деятельности. К ним относятся включение школьника в исследовательское познание, сопровождающееся «чувством открытия истины» и предполагающее: расширение и обогащение чувственного опыта ребенка представлениями о мире, человеке, самом себе; овладение ребенком научными методами познания (анализ через синтез, наблюдение, самопознание, самонаблюдение, системно-функциональный анализ явлений языка и мира, понимание, интерпретация); развитие интеллектуальной и личностной рефлексии; единство интуитивного и логического способов движения мысли ученика в учебном познании.

В-третьих, одушевление и одухотворение всего образовательного процесса начальной школы, что обеспечивается как содержанием образования, его методами, так и характером и способами взаимодействия ребенка с миром, культурой, другим человеком, самим собой.

В-четвертых, развитая личность учителя, его вера, характер, психологический такт, увлеченность наукой, способность быть посредником в культуре, науке и образовании.

Реализация всех названных условий позволит, по выражению К. Д. Ушинского, в сознании «дитяти» сформировать «целостный (хоть и не вполне) образ мира». Воспитывая у ребенка разностороннее освоение действительности (научное, духовное, эстетическое), можно эффективно решать задачи формирования представлений и понятий о единстве мира, его познаваемости и многогранности. Книги К. Д. Ушинского «Родное слово» вводят детей в науку как в «живое изъяснение мира», способствующее тому, что в голове ученика укладываются знания и идеи, сообщаемые науками; эти идеи «органически выстраиваются в светлый и обширный взгляд на мир». Содержание учебных книг дает «округленное» мирозерцание, в центре которого «блестит нравственная, гуманная христианская идея».

Список литературы

1. Ушинский К. Д. Вопрос о душе в его современном состоянии / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: В 11 т. – М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1948. – Т. 3.
2. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: В 11 т. – М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1949. – Т. 8.
3. Ушинский К. Д. Религия как историческая форма функционирования человеческой психики: Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии» / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: В 11 т. – М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1950. – Т. 10.
4. Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: В 11 т. – М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1948. – Т. 3.

INNOVATIVE ORIENTATION IN FUTURE TEACHER TRAINING AIMED AT FORMING INTEGRAL WORLDVIEW AT SCHOOLCHILDREN

N. G. Medvedeva¹
N. L. Shehovskaya²

¹⁾ *Kursk State University*
e-mail:
medvedeva.kursk@mail.ru

²⁾ *Belgorod National Research University*
e-mail:
shehovskaya@bsu.edu.ru

The article is devoted to the problem of future primary school teacher training aimed at forming integral worldview at primary school schoolchildren. The author gives theoretical substantiation of realization of the principle of unity and complementarity of scientific, artistic, educational and religious outlook. The system of psychological and educational conditions and means of forming integral worldview at primary schoolchildren is revealed.

Keywords: innovations in education, world view, world image, world model, integral worldview, world outlook, world seeing, world perception, integrity of a developing personality, holistic approach, anthropological approach.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И СОДЕРЖАНИЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ЦЕНТРАХ ДИДАКТИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Т. А. Питерскова¹
И. В. Ирхина²

¹⁾ Пензенский
государственный
педагогический университет
им. В.Г. Беллинского

e-mail:
tanja_p84@mail.ru

²⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
Irhina@bsu.edu.ru

Осуществлен анализ учебных программ и моделей повышения квалификации научно-педагогических кадров в центрах дидактики высшей школы Германии, который показал, что содержательно они практически не отличаются. Особый акцент в повышении квалификации преподавателей высшей школы делается на развитии медийной компетенции. Образовательный процесс главным образом выстраивается с использованием модульных технологий в соответствии с принципами информативности и вариативности. Актуальными проблемами центров дидактики высшей школы Германии являются оценка эффективности повышения квалификации преподавателей, а также отсутствие единой модели повышения квалификации преподавателей высшей школы, введение общих стандартов повышения квалификации (в отношении содержания и методики), по которым могла бы быть осуществлена аккредитация модулей.

Ключевые слова: повышение квалификации, преподаватель высшей школы, дидактика высшей школы, послевузовское образование.

Цель повышения квалификации преподавателей в центрах дидактики высшей школы (ЦДВШ) Германии в настоящее время сводится к развитию их профессиональной компетентности. Это способствует обеспечению повышения качества высшего профессионального образования.

В соответствии с целью и на основе компетентностного и личностно-ориентированного подходов с начала 1990-х гг. в ЦДВШ Германии стали разрабатываться модели повышения квалификации преподавателей. Так, в 1995 г. в ЦДВШ г. Дортмунд была разработана модель повышения квалификации «Старт в обучение», которая включает в себя три модуля (рис. 1) [4].

Первый модуль включает в себя вопросы основ дидактики высшей школы. Особое внимание уделяется вопросам мотивации обучения в вузе, организации и проведению учебных занятий, а также формам и средствам обучения в высшей школе. По завершении данного модуля слушатели получают сертификат первого уровня, который подтверждает их профессиональную квалификацию и дает право перейти к изучению второго модуля.

Второй модуль направлен на развитие и углубление представлений преподавателей высшей школы об организации и осуществлении учебного процесса в вузе. По окончании второго модуля также предусматривается получение сертификата второго уровня.

В процессе изучения третьего модуля слушатели включаются в проектную деятельность, в рамках которой активно занимаются одной проблемой по выбору.

Объем каждого модуля рассчитан на 60 – 80 академических часов. По окончании прохождения курса (всех трех модулей) можно получить сертификат, подтверждающий профессиональные компетенции преподавателя высшей школы.

В 2004 г. руководитель ЦДВШ г. Билефельд В.-Д. Веблер предложил модель повышения квалификации, ориентированную на формирование профессиональных компетенций у преподавателей вузов [9].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение №14.А18.21.0098.

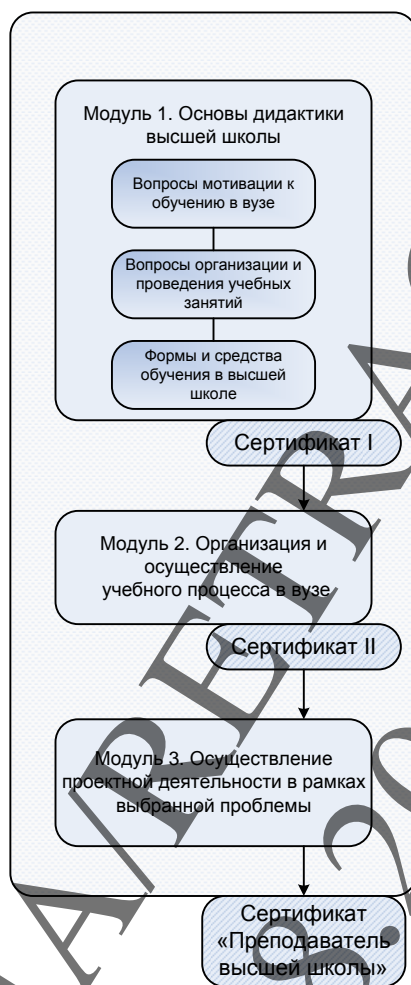

Рис. 1. Модель повышения квалификации преподавателей в ЦДВШ г. Дортмунд «Старт в обучение»

Модель включает в себя 3 модуля общим объемом 200 часов – 80, 60, 60 часов соответственно.

В процессе изучения первого модуля рассматриваются основы дидактики высшей школы: планирование и проведение учебных занятий в высшей школе, технология проведения занятий с большим числом студентов, способы мотивации обучающихся и пр. Кроме этого слушатели проходят педагогическую практику и по завершении модуля представляют отчет в форме письменного планирования семестрового курса.

В рамках второго модуля, который составляют 60 часов, продолжается углубленное изучение вопросов, связанных с планированием, проведением учебных занятий в высшей школе, организацией контроля знаний обучающихся. Особое внимание уделяется анализу и оценке собственной педагогической деятельности.

В процессе изучения третьего модуля слушатели рассматривают вопросы проблемно-ориентированного обучения в вузе в рамках конкретной дисциплины. Таким образом, речь идет о специализации, тогда как в рамках первых двух модулей изучаются вопросы общей дидактики высшей школы.

Наряду с этим в процессе повышения квалификации слушатели активно вовлечены в различные другие виды деятельности, которые слушатели выбирают сами. Полученные знания отрабатываются в ходе организованной педагогической практики. По прохождении курса слушатели обязаны представить отчет, который включает в себя календарно-тематический план работы, учебно-методические разработки для студентов, контрольно-оценочные материалы по курсу, самоанализ проведенной работы и пр.

Анализ моделей повышения квалификации преподавателей в крупных ЦДВШ г. Дортмунда и г. Билефельда показал, что в них отдается предпочтение модульному обучению. Его сущность заключается в дроблении информации на определенные дозы – модули.

Причем все модули в представленных моделях повышения квалификации преподавателя высшей школы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Иными словами, для моделей характерна структурная иерархия, т.е., не пройдя первый уровень, слушатель не имеет права посещать учебные занятия второго уровня, поскольку содержание каждого последующего модуля, как правило, является логическим продолжением предыдущего.

Однако некоторые ЦДВШ Германии осуществляют повышение квалификации преподавателей по моделям, несколько отличным от выше представленных. Так, например, в ЦДВШ г. Брауншвейг слушатели курсов повышения квалификации могут посещать любой из 7 предложенных модулей в любой последовательности [2]. Представим данную модель повышения квалификации преподавателей в виде рис. 2.

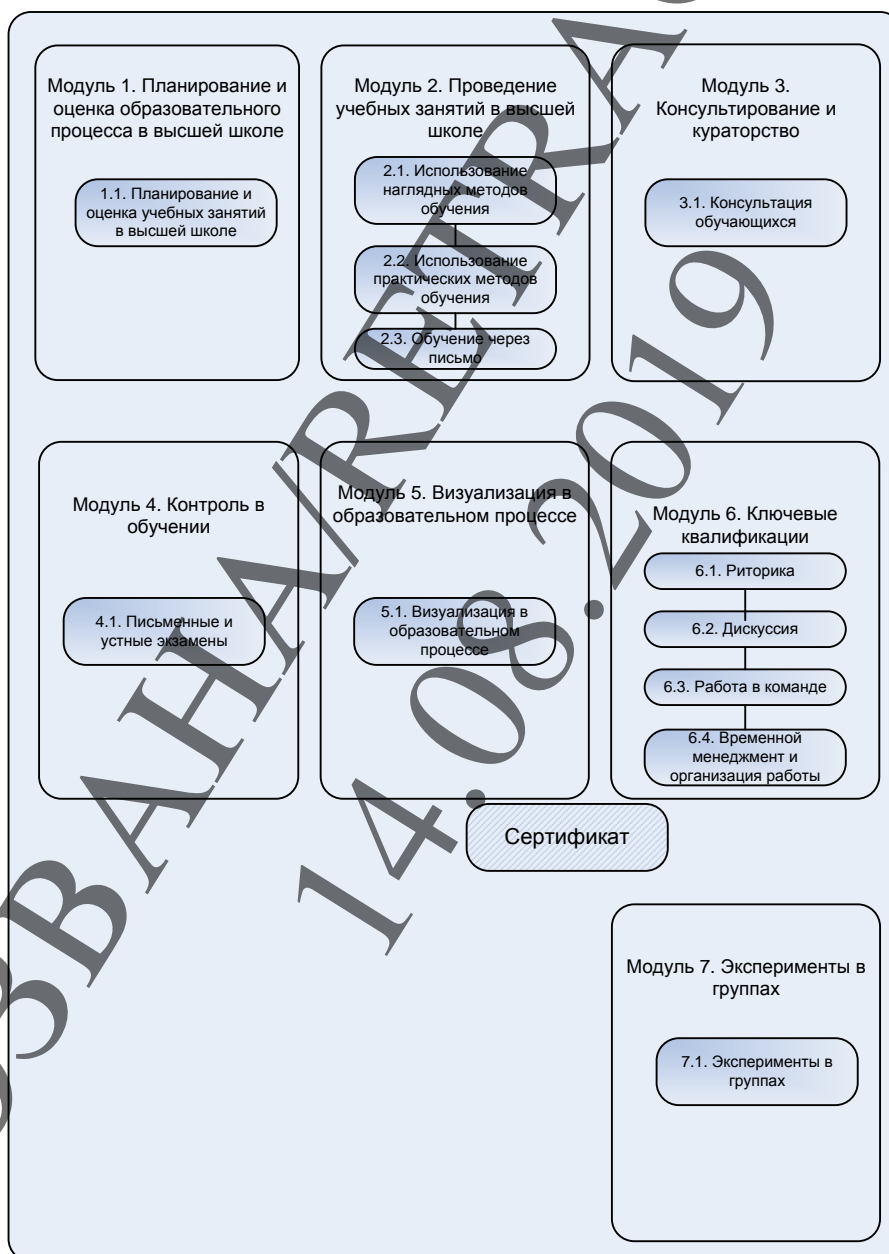

Рис. 2. Модель повышения квалификации преподавателей в ЦДВШ г. Брауншвейг

Отметим, что можно пройти как весь курс повышения квалификации, т. е. все 7 модулей, состоящих из 12 тематических блоков, так и один мастер-класс.

В рамках первого и второго модулей модели повышения квалификации преподавателей в ЦДВШ г. Брауншвейг изучались основы дидактики высшей школы: рассматривались вопросы планирования и оценки (16 ч.) и проведения образовательного процесса в высшей школе (40 ч.).

Одинаковое количество часов (16 ч.) отведено на изучение таких вопросов, как консультация обучающихся и кураторство в третьем модуле, визуализация в пятом модуле и проведение экспериментов в группах в седьмом модуле.

Наименьшее количество часов (8 ч.) отводится вопросам осуществления контроля знаний обучающихся в четвертом модуле.

Наибольшее количество часов (56 ч.) отводится развитию ключевых компетенций в шестом модуле. К ним относятся коммуникативная компетенция, основы риторики, умение вести дискуссию и работать в команде.

Проанализировав деятельность ЦДВШ г. Брауншвейга, мы пришли к выводу о том, что данная модель повышения квалификации преподавателей была достаточно востребованной. В период с 1997 по 2000 гг. в курсах повышения квалификации приняло участие 562 слушателя, было проведено 54 мастер-класса. Исходя из количественных показателей, данные результаты говорят, на наш взгляд, о довольно эффективной работе ЦДВШ г. Брауншвейга. Немаловажную роль сыграло при этом отсутствие иерархии в структуре модели, которая позволяет преподавателю высшей школы самостоятельно планировать долговременный курс повышения квалификации, состоящий из краткосрочных мастер-классов, с учетом личных интересов и потребностей, т. е., как говорит Х.-Д. Раабке, по принципу «дидактического самоопределения» [2].

Такая структура модели повышения квалификации имеет и ряд недостатков. Считаем неправомерным говорить о стабильной системе повышения квалификации в ЦДВШ г. Брауншвейга. Прохождение полного курса с получением сертификата основано лишь на желании и личной инициативе преподавателей, в то время как в ЦДВШ г. Дортмунда, г. Билефельда повышение квалификации преподавателей осуществляется систематически и регулярно. Это, в свою очередь, гарантирует его эффективность и качество.

По прохождении курсов повышения квалификации в ЦДВШ г. Брауншвейга можно получить сертификат, подтверждающий профессиональную квалификацию по дидактике высшей школы. Для этого необходимо посетить первые 5 модулей (планирование и оценка образовательного процесса в высшей школе, проведение учебных занятий в высшей школе, консультирование и кураторство, контроль в обучении, визуализация), один мастер-класс из шестого модуля «Ключевые квалификации», что в совокупности составляет 112 часов аудиторного времени; провести учебное занятие с использованием полученных на курсе знаний с целью систематического самоанализа и контролируемого применения теоретических знаний, посетить учебное занятие одного из руководителей курса (12 ч.). Таким образом, для получения сертификата необходимо посетить курс повышения квалификации в объеме 124 академических часа.

Сертификат подтверждает, что слушатель «успешно прошел курс повышения квалификации». Однако считаем правомерным согласиться с исследователем К. Борхард, которая подчеркивает, что подобная формулировка требует дополнительных разъяснений и уточнений. Следует отметить, что вопрос оценки результатов повышения квалификации преподавателей высшей школы в ЦДВШ возник еще в 1980-х гг. и остается актуальным по настоящее время. Об этом свидетельствуют работы исследователя Л. Хубер, который обозначал данную проблему «совершенно не решаемой» [7, с. 75]. Вслед за ним в 1990-х гг. ученые Й. Борц, Н. Деринг, В. Хагер, У. Флик объясняют отсутствие эмпирических работ по вопросам оценки эффективности повышения квалификации преподавателей в ЦДВШ Германии разнообразными методическими трудностями, с которыми связано измерение результативности и эффективности деятельности ЦДВШ [6]. Причины недостаточной изученности рассматриваемой проблемы исследователь Г. Гиббс видит, во-первых, в отсутствии необходимой теоретической базы для проведения подобных исследований и, во-вторых, в отсутствии модели для оценивания качества образования в области дидактики высшей школы в Германии.

Таким образом, одной из актуальных проблем ЦДВШ Германии является оценка эффективности повышения квалификации преподавателей. В настоящее время этот вопрос активно дискутируется в кругах научной общественности и исследователи (К. Тумсер-Даут, Г. Гиббс и др.) находятся в поиске решения обозначенной проблемы [5; 8].

Как показал анализ моделей повышения квалификации преподавателей в различных ЦДВШ Германии, в содержании повышения квалификации в начале XXI в. произошли некоторые изменения. В учебные планы был включен мастер-класс по теме «Использование ин-

формационных технологий в образовательном процессе вуза» [1]. Так, согласно учебному плану, который был разработан комитетом по дидактике высшей школы и по которому работают крупнейшие ЦДВШ Германии, а именно в г. Берлин и в г. Эссен, в разделе «Организация образовательного процесса» особое место занимает тема «Использование новых технологий и средств мультимедиа».

Эти нововведения были обусловлены процессом информатизации образования в целом и деятельностью Союза федеральных земель по вопросам образования и поддержки научных исследований и Конференцией ректоров высших школ в частности. Так, согласно данным Р. Шульмайстера, в 2002 – 2003 гг. оба учреждения констатировали острую необходимость в образовательных мероприятиях, служащих формированию медиа-компетенций. Многие исследователи (К.-Д. Цип, Р. Шульмейстер, К. Борхард и др.) рассматривают медиа-компетенцию как одну из четырех составляющих обучающей компетентности [2]. Ее сущность заключается в способности интегрировать в обучение медийные средства (визуальные, мульти-медиа).

В решении Союза федеральных земель по вопросам образования и поддержки научных исследований от 17 июня 2002 г. мы находим: «В настоящее время широкое внедрение новых средств в образовательных процесс высшей школы часто сопряжено с определенными затруднениями, поскольку преподаватели не располагают достаточными знаниями о возможностях использования новых средств. Поэтому необходимо организовать систематические курсы повышения квалификации преподавателей высшей школы по проблемам медиа-дидактики, медиа-техники и организации учебного занятия с использованием средств мультимедиа. Без соответствующих образовательных мероприятий широкое внедрение новых средств осуществить невозможно. Целью ЦДВШ должно быть оказание помощи в этом направлении» [3, с. 124].

Такая же позиция представлена в заключении 199-ого пленума Конференции ректоров высших школ от 17 – 18 февраля 2003 г. Образовательный процесс с применением средств мультимедиа рассматривался не только как техническое нововведение, но и как средство, которое служит улучшению качества обучения в вузе.

ЦДВШ мобильно отреагировали на данные рекомендации. Об этом свидетельствует проведенный анализ учебных программ ЦДВШ: с 2003 г. в содержании повышения квалификации преподавателей высшей школы вопрос формирования медиа-компетенции занимает особое место (ЦДВШ г. Берлин, г. Эссен, г. Билефельд, г. Гамбург и др.).

Проведенный анализ различных моделей повышения квалификации преподавателей в ЦДВШ Германии позволил сделать вывод о том, что содержательно они практически не отличаются. Особый акцент в повышении квалификации преподавателей высшей школы делается на развитии медийной компетенции. Образовательный процесс главным образом выстраивается с использованием модульных технологий в соответствии с принципами информативности и вариативности.

В настоящий момент в ЦДВШ Германии обсуждаются проблемы, связанные с отсутствием единой модели повышения квалификации преподавателей высшей школы. К. Борхард утверждает, что решение по поводу введения общих стандартов повышения квалификации (в отношении содержания и методики), по которым могла бы быть осуществлена аккредитация модулей, является сложным в силу специфики теории обучения в высшей школе [2]. Этот вопрос остается на настоящий момент нерешенным. Однако в кругах научной общественности осуществляется поиск решения данной проблемы, а также ведется кропотливая работа по разработке инновационной концепции повышения квалификации преподавателей в ЦДВШ Германии.

Список литературы

1. Berendt B. Hochschuldidaktische Aus- und Fortbildung für Lehrende im Baukastensystem (Veranstaltungsmodelle, Strukturelemente, Hochschuldidaktische Materialien). – Hamburg: AHD, 1980. – 178 S.
2. Borchard Ch. Hochschuldidaktische Weiterbildung – Akzeptanz und Wirkung. Eine Analyse am Beispiel des Bausteinprogramms WindH – Weiterbildung in der Hochschullehre. – Münster: Lit, 2002. – 232 S.
3. Bundes-Länder-Kommission für Bildungsplanung und Forschungsförderung (BLK 2002): Breiter Einsatz von Neuen Medien in der Hochschule. Strategiepapier. Beschluss vom 17. Juni 2002 // Hochschuldidaktische Qualifizierung. Strategien und Konzepte im internationalen Vergleich. – Bielefeld: W. Bertelsmann Verlag GmbH & Co.KG, 2005. – S. 123 – 134.
4. Dany S. Start in die Lehre. Qualifizierung von Lehrenden für den Hochschulalltag. – Berlin: Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2007. – 235 S.
5. Gibbs G. Preparing university teachers world-wide: Issues and practices // Das Hochschulwesen. – 1997. – № 45. – S. 18 – 20.
6. Hager W. Kriterien der Effektivität von Trainingsprogrammen // Pädagogische Psychologie im Streit um ein neues Selbstverständnis – Bericht über die 5. Tagung der Fachgruppe «Pädagogische Psychologie» in der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. – Landau: Empirische Pädagogik, 1996. – S. 259 – 267.

7. Huber L. Zur Lage der hochschuldidaktischen Fortbildung von Hochschullehrern – und zu ihrer Bedeutung für die hochschuldidaktische Strategie // IZHD (Interdisziplinäres Zentrum für Hochschuldidaktik) Hamburg. Hochschuldidaktische Fortbildung für Hochschullehrer. Aufgaben und Erfahrungen. Hochschuldidaktische Arbeitsberichte. Band 12. – Hamburg: IZHD, 1980. – S. 1 – 37.

8. Thumser-Dauth K. Evaluation hochschuldidaktischer Weiterbildung, Entwicklung, Bewertung und Umsetzung des 3P-Modells. – Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2007. – 248 S.

9. Webler W.-D. Lehrkompetenz – über eine komplexe Kombination aus Wissen, Ethik, Handlungsfähigkeit und Praxisentwicklung. – Bielefeld: UniversitätsVerlagWebler, 2004. – 57 S.

THE FEATURES OF THE TEACHER TRAINING ORGANIZATION AND CONTENT AT THE HIGHER EDUCATION DIDACTICS CENTERS IN GERMANY TODAY

T. A. Piterskova¹

I. V. Irhina²

¹⁾ *Penza State Pedagogical
University n.a. V.G. Belinsky*

*e-mail:
tanja_p84@mail.ru*

²⁾ *Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Irhina@bsu.edu.ru*

The article considers the analysis of educational programs and models of academic staff professional development at the higher education didactics centers in Germany, which showed that substantively they are not practically different. The particular emphasis in the professional development of teachers in higher education is placed on their media competence development. The educational process is mainly built by using modular technologies, in accordance with the information content and variability principles. The current problems of the higher education didactics centers in Germany are the evaluation of academic staff professional development and the lack of a unified model for staff developing in higher education, the introduction of common standards for training (in relation to the content and methods), which could be a basis for the accreditation of modules.

Keywords: training and retraining, scientific and teaching staff, didactics of higher school, continuing education.

ОТЗВАН НА 14.08.2012

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.01

К ИСТОКАМ «НЕКЛАССИЧЕСКОЙ» ПСИХОЛОГИИ: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ ПСИХИКИ В СТАТЬЕ Л. С. ВЫГОТСКОГО «МЕТОДИКА РЕФЛЕКСОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

В. А. Карнаухов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
karnauhov_va@rbcmail.ru*

Излагается опыт понимания содержания первой «официальной» статьи Л. С. Выготского, с которой мыслитель пришел в психологию и навечно остался в ее истории. В ходе острой полемики с представителями эмпирической психологии исследователем закладывались онтологические основы «неклассических» представлений о предмете психологии и ее методе в контексте решения вопросов о природе психики.

Ключевые слова: Л. С. Выготский, предметная область, онтологические основы культурно-исторической психологии.

В современной российской психологии в последнее десятилетие заметно повысился интерес к методологическим проблемам. Среди них центральными, хотя и не в достаточной степени эксплицированными по сравнению с другими, продолжают оставаться вопросы о предмете, методе и, соответственно, о психике, сознании. Несмотря на то, что в этом плане, без сомнения, особое значение имеют работы классиков мировой психологии, их анализу, как в прежние времена, так и в современной науке, уделяется неоправданно мало внимания. Эта участь не миновала и творчества одного из самых выдающихся психологов XX в. Л. С. Выготского. Однако его позиция, являясь уникальной, заслуживает особого внимания. Лев Семенович пришел в психологию не только как человек с радикальными намерениями реформатора, но и как энциклопедически образованный человек, наделенный гениальной интуицией, как проницательный, разносторонне одаренный ученый «со свежим взглядом», мышление которого не было обременено ригидными схематизмами академического – «базового», как сказали бы в наши дни – профессионального образования.

Внимательное чтение работ раннего периода творчества Л. С. Выготского позволяет сделать однозначный вывод: мыслителя в самом начале его пути в науке в наибольшей степени беспокоили именно методологические проблемы современной ему психологии. Как ответственный ученый, пришедший в новую для него сферу профессиональной деятельности, он поставил перед собой задачу ответить на первостепенные для психологической науки вопросы: что является *предметом* психологии, при помощи какого *метода* «психическую реальность» можно изучать? Окончательно – аргументированно и развернуто – он сформулирует свое научное кредо в 1927 в хорошо известной методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» [1]. Но вариант позитивного решения этих вопросов в «первом приближении» был предложен им в докладе на 2-м Всероссийском съезде по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 г. на тему: «Методика рефлексологического исследования в применении к изучению психики», который был опубликован в виде статьи «Методика рефлексологического и психологического исследования» [2] – теоретической работы, начинающей библиографический список научных трудов мыслителя в статусе профессионального психолога.

Попытка толкования идейного содержания статьи позволяет нам говорить о том, что Лев Семенович хорошо понимал необходимость решения проблемы предмета и метода в контексте ответа на ставший сакраментальным к тому времени (и, увы, продолжающий оставаться таковым в наши дни) для психологии вопрос: *что есть психика/сознание?* Несмотря на то, что работа в целом посвящена критике метода рефлексологического исследования, наиболее значимыми для формулирования положений будущей культурно-исторической теории являются рассуждения Л. С. Выготского именно о *психике и предметной сфере* психологии.

Обосновывая свою позицию, исследователь выражает уверенность в необходимости преодоления ограниченности эмпирической психологии, построенной на принципах классической парадигмы: «Все толкает науку о поведении человека *выйти за пределы классического эксперимента и искать другие средства познания*» [2, с. 43 – 44]. (*Курсив автора.* – В. К.). Но для этого нужны *иные и основания, и средства для понимания реалий действительности*, подлежащих изучению в психологии. Для решения этой задачи он обращается к анализу дихотомии «психика/мысль – речь/речевое поведение». Выготский исходит из того, что мысль – это «только заторможенный рефлекс, задержанный, оборванный <...> рефлекс, в частности, словесное мышление – наиболее частый случай задержанного речевого рефлекса. <...> Мысленно произнесенное слово, т. е. без шевеления губ и шепота, – ведь оно все равно было и остается двигательной реакцией, условным рефлексом, без которого мысли нет» [2, с. 47 – 48]. (*Здесь и далее курсив наш.* – В. К.). Следует попутно заметить, что в данном случае мы в первый и далеко не в последний раз встречаемся с поразительной интуицией Л. С. Выготского: экспериментальные исследования по изучению механизмов речи («речедвижений»), на основании результатов которых можно было более или менее надежно что-то предполагать и утверждать, появились в советской психологии значительно позже – только в конце 1950-х годов (например: Жинкин Н. И. Механизмы речи, 1958.).

По убеждению Выготского «рефлексология обязана учитывать и мысли, и всю психику, если она хочет понять поведение. *Психика – только заторможенное движение*, а объективно не только то, что можно пощупать и что видно всякому. То, что видно только в микроскоп, или телескоп, или при рентгеновских лучах, – тоже объективно. Также объективны и заторможенные рефлексы» [2, с. 48]. Далее следуют очень важные для понимания психики мысли: «*Какой-либо рефлекс в его ответной части (движение, секреция) сам становится раздражителем нового рефлекса той же самой системы или другой системы.* <...> При той гигантской, колоссальной роли, которую в системе поведения играет именно *психика*, т. е. *невьявленная группа рефлексов, было бы самоубийством для науки отказываться от обнаружения ее косвенным путем через отражение ее на других системах рефлексов*» [2, с. 49].

Безусловно, общеупотребимая в то время в профессиональном психологическом сообществе рефлексологическая терминология «режет» слух и «бьет» в глаза, затрудняет адекватное понимание мысли и поэтому мы вынуждены пойти на риск и предпринять попытку выразить мыслимое Л. С. Выготским в терминах современной науки и при этом невольно «вчитывать» в его рассуждения свои представления. А из контекста следует, в чем мы уверены, что психологическая мысль, если она пребывает в «*онтологической плоскости*» сознания психолога (теоретика или практика), предполагает оперирование *понятием* «психика» как *вербальным конструктом*, раскрывающим (а точнее, – конструирующим) рациональными средствами содержание той, «другой», реальности, понимание которой не выводимо из содержания терминов, описывающих рефлекторную и высшую нервную деятельность, поскольку «теми методами, какими описывается мозг, описать сознание невозможно; оно *уже имплицировано и допущено* в построении самих физических методов» [6]; (см. также: [5]). Термин «*онтология*» в данном случае мы понимаем в том философском смысле, который в него вкладывает М. К. Мамардашвили. Он говорит, что мы часто «переживаем нашу жизнь, когда ее причины и события <...> располагаем в таких местах и придаем им такие объяснения, которые ничего общего не имеют с тем, что происходит в действительности, если *под действительностью или реальностью понимать* в данном случае *выявление некоторых независимо от нас действующих сцеплений и механизмов, которые составляют онтологическую реальность сознания* в отличие от представленной в головах реальности (в последнем случае слово «реальность» можно взять в кавычки)» [7]. И еще находим у этого же автора: «*Онтологическим является утверждение о мире, имеющее природу неких общих посылок и допущений, а не о конкретных явлениях*» [5].

Если следовать предложенной логике, то «психическое» относится Л. С. Выготским к той категории явлений, «внутренним элементом самого существования которых является с самого начала то, о действии чего можно и, главное, приходится говорить *на специально соз-*

даваемом для этого языке» [6]. И, подчеркнем, вне такого языка, а значит и вне правил, по которым можно вообще что-то помыслить о психике, «психика», «психическое» (соответственно, сознание, мышление и т. д.) остается фикцией и становится условием для появления разного рода псевдонаучных «мифов», таких, как, например, отождествление психического с физиологическим или их «параллельное» сосуществование. Необходимо отметить, что, к сожалению, почти титанических усилий Л. С. Выготского и тех, кто последовал за ним, не хватило, чтобы такой подход к пониманию психики стал исходной посылкой для дальнейших теоретических и экспериментальных поисков. Современная отечественная психология (и, отнюдь, не только в учебниках!) изобилует примерами, когда психика – наивно-открыто или непробиваемо-догматично, или «по умолчанию», контекстуально – понимается все еще как «субстанция» – некая «натуральная сущность», локализованная в каких-то участках церебрального аппарата, объясняемая или как «свойство нервной системы», или как «функция мозга». В связи с этим невольно воспроизводится в памяти – как напоминание и предупреждение – известное высказывание материалиста «без страха и упрека» Ф. Энгельса: «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» [8, с. 563].

Так какое же содержание «свернуто» в понятии «психика», если следовать за мыслью Л. С. Выготского?! На этот вопрос автор отвечает, что за понятием «психика» стоят «*невывявленные рефлексы (немая речь), внутренние рефлексы, недоступные прямому восприятию наблюдающего, могут быть обнаружены часто косвенно, посредственно, через доступные наблюдению рефлексы, по отношению к которым они являются раздражителями*» [2, с. 49]. Зафиксируем этот чрезвычайно важный момент: именно в данном пункте «классическая» модель понимания познающего субъекта дает «сбой» и оказывается в тупике, и, соответственно, обнаруживает свое бессилие логика «классической рациональности». Казалось бы, есть вполне обоснованное утверждение: поскольку мышление (сознание) недоступно в измерении, а, соответственно, – и в наблюдении, следовательно, его не существует вовсе. Однако, банально отмахнуться от мышления (сознания) никак не представляется возможным – в «классической рациональности» именно с него начинается сам акт познания (вспомним знаменитое декартовское «*Cogito, ergo sum*»); об этом же говорит наличие факта того, что «оно уже имплицировано и допущено в построении самих физических методов» [6], и поэтому, по образному выражению Л. С. Выготского, сколько не «гони сознание в дверь – оно войдет в окно» [3]. При наличии такой «тотальности» явлений сознания они неизбежно появляются как «вторая» субстанция (к великому сожалению, понимаемая исключительно в эмпирически-натуралистическом духе, с чем категорически не соглашался сам Выготский) – лишнее метрических тензоров «непротяженное» мышление. Все это, в конечном счете, приводит к «великой путанице» в истории научной мысли – ко всякого рода «дуализмам», «параллелизмам», «материализмам», «идеализмам», «спиритуализмам» и многим другим «измам», которые в онтологическом срезе ровным счетом ничего не стоят и ничего не дают для адекватного понимания психики, сознания, мышления, а только уводят в сторону и сбивают с толку.

Далее возникает вопрос: «*не выявленные*» – кем и «*недоступные восприятию*» – кого? Сам собою напрашивается ответ: не выявленные и недоступные восприятию, в первую очередь, для реактолога, рефлексолога и физиолога, изучающих поведение и высшую нервную деятельность в строгом соответствии с *принципами и требованиями классической науки* (в первую очередь, физиологии высшей нервной деятельности), поскольку их задача состоит в том, чтобы понятием «рефлекторная деятельность» охватить (описать и объяснить) все возможные проявления жизнедеятельности на уровне рефлексов, реакций и процессов высшей нервной деятельности. Более того, поведенческие реакции человека в образовавшейся лакуне, закрытой для известных к тому времени в науке «объективных» средств наблюдения, оттормаживаются или, наоборот, активируются неспецифическими (т. е., не совпадающими с теми, которые соответствовали бы биологической – *естественной* – природе компонентов, составляющих рефлекс) раздражителями – речевыми (*искусственными, культурными* по происхождению и генезису) стимулами. Отсюда следует, что *понятие* «психика» несет в себе (точнее, вероятно, должно нести) такое содержание, которое позволяет объективировать, описывать и объяснять феномены, недоступные в познании для реактологии, рефлексологии и физиологии высшей нервной деятельности так же, как виноград для лисицы в известной басне Эзопа.

Психология, по логике Л. С. Выготского, направлена на изучение непосредственно не наблюдаемых, но вполне реальных и объективных агентов – «невывявленных рефлексов». Однако изучение таких феноменов в психологии должно осуществляться не со стороны познания содержания обеспечивающих их нервно-физиологических процессов (вспомним, по прогнозам

Ф. Энгельса [8] – это обязательно когда-нибудь случится, однако не принесет ожидаемого результата), но – со стороны, где в высшую нервную деятельность вторгаются «инородные» (не естественные) образования – искусственные речевые «стимулы-средства», амплифицирующие поведенческие реакции. Именно здесь, *в области, где искусственные стимулы «конструируются», «производятся» и «вводятся» в процесс жизнедеятельности человека, а не в нейронных лабиринтах мозга, находится точка приложения сил психологии*. Выготский отмечает, что «...у человека легко выделяется одна группа рефлексов, которую правильно было бы назвать системой рефлексов социального контакта» [2, с. 52]. «Это рефлекс, – продолжает он, – на те раздражители, которые, в свою очередь, могут быть созданы человеком. Слово услышанное – раздражитель, слово произнесенное – рефлекс, создающий тот же раздражитель. Эти обратимые рефлекс, создающие основу для сознания (переплетенности рефлексов), служат основой и социального общения, и коллективной координации поведения, что, между прочим, указывает на социальное происхождение сознания» [2, с. 52]. И если «рефлексология строит фундамент нервной деятельности, – подытоживает Выготский, – то психология – высшую надстройку» [2, с. 55]. И, наконец, он формулирует радикальный вывод, одновременно направленный как против субъективной психологии, так и против «объективной» рефлексологии в пользу новой психологии, лишенной их «пороков»: «Субъективных состояний самих по себе – вне пространства и причины – не существует. Не может, значит, существовать и наука, изучающая их. Но изучать поведение человека без психики, как этого хочет рефлексология, так же нельзя, как и изучать психику без поведения» [2, с. 58].

Не составляет особого труда обнаружить, что здесь Л.С. Выготский впервые обнажает «меч» своей мысли против порожденного классической традицией дуализма. И хотя он и в конце своего творческого пути будет возвращаться к этому больному для психологии вопросу, логика его рассуждений в поисках основы для снятия «вечной» проблемы оттачивается уже здесь: с онтологической точки зрения «непротяженной» материи не существует, следовательно, нечего и «копья ломать». «Субъективного» нет самого по себе, как субстанции, оно есть «внутренний момент» «объективного» – поведения. (И именно поэтому для Льва Семеновича близок Б. Спиноза, а не, например, Р. Декарт.). И сложности, по большому счету, начинаются не здесь, где осмысливается *психическое и его место в мире*, а в плоскости, где осуществляется процесс построения основ его познания и, соответственно, метода, т. е. в плоскости, подчиняющейся эпистемологической «юрисдикции».

Краткий экскурс в проблематику статьи, с которой Л. С. Выготский пришел в психологию и остался навечно в ее истории, красноречиво свидетельствуют о том, что для него наивысший интерес представляли проблемы психики, предмета и метода, решение которых возможно только в контексте методологии становящейся науки. Уже в этой начальной точке своего творчества в области психологии он предлагает неординарное решение. Его новаторство заключается в том, что, пытаясь ответить на «главные вопросы» науки о душе, он *онтологизирует* предметную сферу психологии: начинает строительство внутрипредметной онтологии методологии психологии, полагая, видимо, что в противном случае просто не представляется никакой возможности освободиться из плена «эмпирического болота» парадигмы классической психологии. И в этом смысле мы солидарны с рассуждениями Е. Ю. Завершневой о том, что, по большому счету, в целом «вклад Выготского в психологию определяется даже не тем, что он создал «еще одну» психологическую концепцию, но прежде всего проблематизацией психологии, ее онтологического базиса, умением видеть в ней «архитектуру вопросов» [4]. Л. С. Выготский буквально с первых шагов в профессиональной деятельности привораживает к себе напряженным интеллектуальным поиском некоего «предела», то есть *предмета*, «который выделяется как предельный, на котором мы рассуждаем о возможном горизонте нашего мышления и практики относительно данного предмета» [6]. Другими словами, Л. С. Выготский притягивает поиском некой универсальной *идеи психики*, идеи «колесности», как сказал бы М. К. Мамардашвили [6]). (Сравните: «...Что есть «колесо» в смысле *идеи*? – *Весь горизонт наших возможностей передвижения*. <...> Или, например, «домность». Какая? Что такое «домность»? <...> Это ритм и одновременно горизонт, и релям человеческой жизни, которая производится в таком виде тысячелетия. Мы не представляем себе жизни вне дома. Куда бы мы не пришли – мы замыкаем пространство вокруг себя, обязательно вспоминаем или думаем о доме. «Дом» есть *идея*, а мы – *внутри идеи*. *Наше мышление внутри идеи*» [6].)

Эта новая для психологии идея звучит своеобразным обертонном в контексте зарождающейся *психологической онтологии* как самостоятельной дисциплинарной онтологии становящейся науки, внутри которой только и возможно мышление об этом явлении. Заметим, что в современной Льву Семеновичу науке о душе эта проблема заботила очень немногих

теоретиков и практиков психологии. Одним из исключений являются теоретические изыскания К. Левина, посвятившего немало строк в своих произведениях философским проблемам психологии. Остается сожалеть о том, что мы никогда не узнаем, о чем беседовали Курт и Лев Семенович во время пребывания знаменитого немецкого психолога в Москве в 1933 году.

Таким образом, попытка понимания задачи, решаемой Л. С. Выготским в своих первых психологических студиях, позволяет вычитывать мысли, согласно которым «психическое» (соответственно, сознание, мышление и т. д.), в первую очередь, – спекулятивное понятие, то есть, интеллигентный конструкт (а вовсе не «субстанция», не «натуральный» предмет и не свойство какого-либо «материального» образования, например, мозга). Данное понятие, по логике мыслителя, своим содержанием выводит на понимание того, что человек, являясь, прежде всего, природным существом, осуществляет жизненно необходимые процессы взаимодействия со средой посредством механизмов рефлексорной деятельности, вполне адекватно описываемых в терминах физиологии высшей нервной деятельности. В то же время, человек принадлежит не только миру природы, но и социальному миру культурно-исторических явлений, составляющих его «вторую природу». Социальные влияния и воздействия, обнаруживающие себя в процессах организации жизнедеятельности человека, осуществляются все теми же нервно-физиологическими механизмами (других и сегодня наука просто не знает), но *иницируют их функционирование* не естественные, а специально сконструированные и преднамеренно построенные *искусственные (культурные)* агенты. Физиология высшей нервной деятельности, парадигма которой построена в соответствии с принципами идеала «классической» науки, а также рефлексология и реактология, не могли объективировать и исследовать эти явления адекватно их природе, поскольку последние – неспецифические с точки зрения биологии (и физиологии), неестественные по происхождению и генезису. *Психология*, наоборот, *может и должна* решить эту проблему (и в этом смысле она будет «последней наукой» [1, с. 436]) при помощи своих, предварительно разработанных, собственных познавательных инструментов, «заточенных» на те явления, которые недоступны познавательным средствам естественных наук. Взаимодействия между двумя науками, имеющими непосредственное отношение к «психическому», должны строиться исходя из правила: физиология (и рефлексология, реактология) отвечает за «фундамент» – «материальный базис» – нервную деятельность, психология несет ответственность за «высшую надстройку» – за искусственные, созданные в культуре и истории, знаково-символические конструкции, как в последствии определит их природу сам Л. С. Выготский, оказывающие воздействие человека на человека и человека на самого себя.

Л. С. Выготский первым из психологов во всей многострадальной истории науки о душе понял необходимость и приступил к формированию внутрипредметной онтологии как базовой части методологии психологии, основанной не на постулатах, а вопреки «логике» классической рациональности. Это позволило ему аргументированно сформулировать принципиально иной подход к пониманию психики и приступить к обоснованию «неклассического» понимания предмета и метода психологии.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса/Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологи/Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 291 – 436 с.
2. Выготский Л. С. Методика рефлексологического и психологического исследования/Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологи/Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 43 – 62.
3. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения/Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологи/Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 78 – 98.
4. Завершнева Е. Ю. «Путь к свободе»: К публикации материалов из семейного архива Л. С. Выготского/Новое литературное обозрение, 2007, – №5 (85). – С. 67 – 90. Электронная версия: <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2007/85/za7.html>
5. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии. – Постнеклассическая психология. Журн. конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 45 – 70.
6. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. – М.: "Лабиринт", 1996. – С. 7 – 154. Электронная версия: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamaro2/index.htm>
7. Мамардашвили М. К. Органы онтологии/Доклад в Институте философии (г. Москва) 1 апреля 1986 г. Электронная версия: http://www.philosophy.ru/library/mmk/mamard_organy.html
8. Энгельс Ф. Диалектика природы/Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.

TO THE ORIGINS OF THE “NON-CLASSICAL” PSYCHOLOGY: THE ATTEMPT OF GIVING AN INTERPRETATION OF THE NOTION “PSYCHE” IN THE ARTICLE “REFLEXOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL RESEARCH METHODOLOGY” BY L. S. VYGOTSKY

V. A. Karnauhov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
karnauhov_va@rbcmail.ru*

The article deals with the interpretation of the first “official” article by L. S. Vygotsky, with which the great thinker came into psychology and stayed in its history forever. During the sharp discussion with the representatives of the empirical psychology, L. S. Vygotsky laid down the foundations of “non-classical” notions about the subject of psychology and its methodology in the context solutions about the nature of psyche.

Keywords: L. S. Vygotsky, subject field, ontological foundations of the cultural-historical psychology.

УДК 378:316.6

ВЛИЯНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

В. М. Кузьмина

*Курский институт
социального образования
(филиал) Российского
государственного
социального университета*

e-mail:**kuzmina-violetta@yandex.ru**

В статье раскрываются результаты эмпирического исследования, направленные на изучение влияния типологических особенностей саморегуляции на степень адаптации студентов к процессу обучения в вузе.

Ключевые слова: адаптация, саморегуляция, студенчество.

Существенным моментом для понимания изменений в растущем человеке, происходящих в процессе обучения (в школе, в вузе), в процессе адаптации, является четкое представление отечественных психологов и педагогов об активном характере освоения человеком опыта предшествующих поколений и современности. Человек не столько усваивает социальный опыт путем научения, сколько в процессе ознакомления с ним преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации, по-своему использует его в организации и осуществлении разного рода деятельностей. Для сельской молодежи этот тезис имеет определяющее значение, поскольку, поступив в вуз, она не только получает квалификацию по какой-либо специальности, но и трансформирует через свои ценности, понятия, установки, новые ценностные ориентации, понятия, благодаря чему происходит успешно процесс адаптации студентов к новым социальным условиям жизни и обучения. Насколько процесс адаптации будет успешен, во многом зависит от активности субъекта. Особое место среди многих проблем психологической науки занимает проблемы сознательной регуляции человеком собственных усилий, своей предстоящей активности. Разрабатываемый в отечественной психологии деятельностный подход (истоки его в трудах Б. Г. Ананьева, М. Я. Басова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна) к исследованию психического у человека, позволил разграничить аспекты поведения, связанные с действием природных сил и социальных влияний и аспекты поведения связанные со специфически человеческим видом активности – деятельностью [1]. Именно в деятельности человек становится относительно автономным от биологических и социальных влияний и обретает возможность управлять своим поведением. Основными характеристиками субъектной активности являются ее творческий характер, способность к самостоятельности, саморегуляции и самоорганизации (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, О. А. Конопкин и др.) [3]. Отсюда понятно, что проблема закономерностей регуляции человеком своей активности занимает одно из центральных мест в общем контексте субъектного подхода к изучению психики человека.

В общей форме вопросы саморегуляции затрагивали С.Л.Рубинштейн и А.Н. Леонтьев. Огромная заслуга в постановке и раскрытии важных аспектов проблемы психической саморегуляции принадлежит научной школе В. М. Бехтерева. В трудах В. М. Бехтерева и его последователей Б. Г. Ананьева, М. Я. Басова, А. Ф. Лазурского, В. Н. Мясищева и других можно найти много теоретических и экспериментальных разработок по созданию основ психического саморегулирования. Б. Г. Ананьевым трактуется работа головного мозга как сложная контуров регулирования с многочисленной цепью звеньев. Такая организация включает объекты регулирования, измерительные и исполнительные устройства, механизмы обратной связи. Можно думать, что в мозговой деятельности человека совмещены все типы обратных связей, свойственные живым управляющим системам. М. Я. Басов предлагает рассматривать понятие регуляции поведения в двух смыслах. Первый, наиболее широкий, связан с общей установкой личности и общим направлением ее активности. Второй, затрагивающий регуляцию в собственном смысле слова, касается структуры процесса и способов его организации. В результате, мы можем констатировать, что в трудах В. М. Бехтерева и его последователей (Б. Г. Ананьев, М. Я. Басов, А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев и др.) присутствуют теоретические и практические разработки по созданию основ психического саморегулирования.

В это же время, в 1960 – 1980-е гг., представители зарубежной психологии также занимались изучением как роли сознания в осуществлении процессов саморегуляции, так и проблем диагностики способностей человека к саморегуляции. Данные исследования проходили в рамках бихевиористского направления (Ф. Кэнфер), когнитивной психологии (Ю. Куль), социальной психологии (Ч. Кули) и др. направлений. Внимание исследователей направлено на изучение рационально-рассудочных механизмов детерминации отдельных действий, при этом недостаточно учитываются биологические основы индивидуальности, предметное содержание деятельности, роль сознания в осуществлении процессов саморегуляции.

Термин «саморегуляция» используется достаточно широко. В психологии существует множество различных определений саморегуляции. Анализируя подходы исследователей к определению понятия саморегуляция, необходимо отметить точку зрения И. И. Чесноковой. Автор считает, что саморегуляция является «завершающим звеном целостного процесса самосознания».

Б. В. Зейгарник определяет саморегуляцию как сознательный процесс, направленный на управление своим поведением. По ее мнению в процессе саморегуляции раскрываются внутренние резервы человека, дающие ему относительную свободу от обстоятельств, обеспечивающие даже в самых трудных условиях возможность самоактуализации. Развитый в работах Б. В. Зейгарник и ее учеников подход к исследованиям проблемы саморегуляции как интеллектуальной опосредованности поведения дает психологические ориентиры в направлении поисков тех граней, где норма как социальные индикаторы поведения «управляема» на основе расширения компенсаторных возможностей психической саморегуляции личности [2].

Сознательность процесса саморегуляции подчеркивается многими исследователями. Так, Г. С. Никифоров под психической саморегуляцией понимает сознательные воздействия человека на психические процессы, состояния, свойства, выполняемую им деятельность, собственное поведение [4].

Таким образом, в отечественной психологической науке различные аспекты саморегуляции рассматривались в трудах К. А. Абульхановой-Славской, Б. В.Зейгарник, О. А. Конопкина, В. И. Моросановой, А. К.Осницкого, В. И. Степанского и др. [5] Результатом данных исследований стало выделение двух направлений - саморегуляции деятельности и личностной саморегуляции.

Всего было исследовано 1146 студентов КГСХА и КИСО (филиала) РГСУ, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Эмпирическая база исследования

КГСХА, факультет	1 курс	3 курс	5 курс
зооинженерный	95	87	59
ветеринарный	82	91	78
финансовый	81	76	68
КИСО (филиал) РГСУ, специальность			
«Психология»	25	25	20
«Социальная работа»	84	65	80
«Финансы и кредит»	50	45	35
Итого	417	389	340

Результаты проведенного исследования позволяют нам констатировать факт принадлежности большей части сельских студентов к типологическим группам «смешанного» и «зависимого» типа. Сам процесс воспитания в деревне базируется на принятии взаимопомощи от других людей. Сельские студенты никогда не росли изолированно, они привыкли советоваться, «оглядываться на других», они знали, что окружающие люди им не враги, к ним всегда можно обратиться за советом, подсказкой. В связи с этим, сельские студенты, оказавшиеся в иной социальной среде, требующей от них самостоятельности в принятии решений, независимости, автономности в деятельности, развитого самоконтроля, оказываются беспомощными.

В соответствии с нашей гипотезой о взаимосвязи уровней социально-психологической адаптации и типами саморегуляции, нам необходимо выделить группы студентов с заданными типами саморегуляции на основании такого системного качества личности, как «эффективная самостоятельность». Выделение типов позволит нам сделать выводы о необходимости обучения саморегуляции тех студентов, для которых симптомокомплекс таких личностных качеств

как целеустремленность, уверенность, ответственность, развитый самоконтроль и др. является чуждым, или сформированным не в полной мере. Была проведена статистическая обработка результатов исследования по методике Г.С. Прыгина «автономности-зависимости» по тау Кендалла (τ).

Таблица 2

Корреляционная связь между адаптацией и типом саморегуляции

Факультеты	Значение показателей
Зооинженерный факультет КГСХА	0,816
Ветеринарный факультет КГСХА	0,333
Финансовый факультет КГСХА	0,333
Спец-ть «Психология» КИСО	-0,816
Спец-ть «Социальная работа» КИСО	0,333
Спец-ть «Финансы и кредит» КИСО	0,333
Курсы	
1 курс	-0,333
3 курс	0,333
5 курс	1,000
Категория студентов	
городские	-0,333
сельские	0,333

Примечание: данные корреляции между показателями, приводимыми в таблице, значимы на 5% уровне ($p < 0,05$).

Анализируя полученные данные, отметим, что сильно выраженная обратная связь между типами саморегуляции и уровнем социально-психологической адаптации характерна для студентов психологического факультета КИСО, в то время как сильно выраженная прямая связь характерна для студентов – пятикурсников зооинженерного факультета КГСХА. Умеренная отрицательная корреляция между типами саморегуляции и уровнем социально-психологической адаптации выявлена у городских студентов 1 курса. Умеренная положительная корреляция свойственна сельским студентам 3 курса зооинженерного, ветеринарного, финансового факультетов КГСХА, а также по специальности «социальная работа», «финансы и кредит» КИСО. Качественный анализ изучения взаимосвязи уровней адаптации и типов саморегуляции позволил выявить, что для студентов с «автономным» типом саморегуляции характерен высокий уровень социально-психологической адаптации, для «смешанного» типа – средний уровень, для «зависимого» типа – ниже среднего или низкий уровень адаптации.

Была также установлена взаимосвязь между типами саморегуляции и качеством знаний студентов на основании анализа промежуточных аттестационных баллов. Так, более высокий уровень качества знаний свойственен для студентов с «автономным» типом саморегуляции, студентам со «смешанным» типом – средний уровень качества знаний.

Мы пришли к выводу о том, что, выявив студентов со «смешанным» или «зависимым» типом, необходимо осуществлять целенаправленную работу по обучению саморегуляции, что также найдет свое отражение в успешности протекания процесса адаптации личности сельских и городских студентов.

Выделенные типы саморегуляции позволяют нам не только моделировать свое поведение по отношению к сельским ребятам, но и делают необходимым соотнесение между собой результатов предыдущих исследований по изучению уровней тревожности, сниженного настроения, самочувствия, активности, настроения, а также необходимо сравнить аттестационные показатели по различным предметам студентов с разными типами саморегуляции.

Для нас важно также соотнести типы саморегуляции сельских студентов с достижениями в учебе. Для этого необходимо поднять аттестационные ведомости, например по 1 курсу. Именно на 1 – 2 курсах проходятся основные дисциплины гуманитарного цикла, и их изучение не представляет большой сложности для студентов, так как программа базируется фактически на школьных курсах, т. е. изучаемые дисциплины знакомы студентам со школьной скамьи. Результаты аттестации очень плохие, студенты по предметам гуманитарного цикла показали низкий уровень знаний, который выразился в большинстве удовлетворительных и неудовлетворительных оценок. Настораживает факт не аттестованных студентов, так как преподаватель по предметам не смог найти возможность оценить уровень знаний студентов по причине непопущаемости студентами данных дисциплин. Это означает, что категория не аттестованных сту-

дентов еще не адаптировалась к новой социальной роли, к новой социальной ситуации, и именно это студенты требуют повышенного внимания со стороны педагогов и кураторов.

Нам необходимо оценить степень влияния выявленных типов саморегуляции на качество получаемых знаний. Данная процедура важна на 1 курсе, так как она позволяет обозначить, выявить группу студентов, особо нуждающихся в помощи, руководстве со стороны преподавателей.

Результаты сравнительного анализа показали, что только сельские студенты с «автономным» типом саморегуляции имеют отличные оценки, студенты с «зависимым» типом составляют среднее количество, и больше всего в классе студентов со «смешанным» типом, что отражается на их учебе в качестве оценок «4» и «3». А это означает теоретический вывод о том, что тип саморегуляции во многом предопределяет качество получаемых знаний со стороны сельских студентов.

И мы в этом видим большую прогностическую возможность: определив типы саморегуляции сельских студентов на первом курсе, мы не только определяем примерный уровень аттестационных показателей, но и можем разработать программу по обучению саморегуляции студентов с целью внесения корректив процесс обучения, что также найдет свое отражение в успешности протекания процесса адаптации и социализации личности сельских студентов.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1968. – 338 с.
2. Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б. Саморегуляция в норме и патологии / Б. В. Зейгарник, А. Б. Холмогорова // Психологический журнал. – Т. 10. – 1989. – № 2. – С. 122 – 132.
3. Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 128 – 135.
4. Моросанова В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 6. – С. 5 – 17.
5. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека / Г. С. Никифоров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
6. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5 – 19.

IMPACT OF THE TYPOLOGICAL SPECIAL FEATURES OF SELF-ADJUSTMENT ON THE PROCESS OF THE SOCIOPSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF THE URBAN AND RURAL STUDENTS

V. M. Kuzmina

*The Kursk institute of the
social formation (branch)
of the Russian state social
university*

*e-mail:
kuzmina-violetta@yandex.ru*

The article considers the results of the empirical study of the impact of the typological special features of self-adjustment on the degree of the adaptation of students to the process of instruction in Institute of Higher Education.

Keywords: adaptation, self-adjustment, students.

УДК 159.923.378

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕСТАНДАРТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ СТУДЕНТАМИ ГУМАНИТАРНЫХ ВУЗОВ*

Е. М. Турок¹
Н. И. Исаева²

¹⁾ *Смоленский гуманитарный университет*

e-mail: totem-Elena@yandex.ru

²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

e-mail: nisaeva@bsu.edu.ru

Предпринята попытка теоретического анализа отечественного и зарубежного психолого-педагогического опыта в области реализации и совершенствования психологической работы со студенческой молодежью в нестандартных профессиональных ситуациях, анализируются гендерные особенности переживания нестандартных ситуаций студентами гуманитарных специальностей. Разработана программа факультатива или спецкурса для студентов в рамках групповой и индивидуальной психокоррекционной работы в сфере профессионального самоопределения.

Ключевые слова: гендер, переживание, нестандартные профессиональные ситуации, психологическая поддержка, творческое мышление.

Интенсивные изменения, происходящие в последние десятилетия в российском обществе, задают новые ориентиры во всех сферах общественной жизни и предъявляют новые требования к личности. Сегодня востребован человек творческий, интеллектуально развитый, умеющий учиться, гибко адаптироваться к постоянно меняющимся жизненным ситуациям, способный применять полученные знания на практике, искать пути рационального и нестандартного разрешения возникающих проблем. В современных условиях общество предъявляет более высокие требования к высшему профессиональному образованию, выполняющему социальный заказ в подготовке специалистов, обладающих глубокими устойчивыми профессиональными знаниями (Ильин Е. П., 2001; Викторова И. Г., 2003; Зеер Э. Ф., 2003; Иоголевич Н. И., 2003; Клещина И. С., 2003; Бендас Т. В., 2006) [6].

Вузовский этап профессионального становления личности – очень ответственный и сложный этап, в течение которого юноша или девушка должны получить знания, научиться самостоятельно работать над собой, приобрести специальные навыки. В процессе профессионального становления происходит развитие личности, освоение профессионально ориентированных видов деятельности, усвоение новой социальной роли, приобретение профессионального опыта. Во время обучения в вузе на личность действуют внешние и внутренние факторы, которые могут, как препятствовать, так и способствовать ее профессиональному становлению [1].

Современные исследования студенчества как одной из стратегически важных социальных групп актуализируются в связи со следующими обстоятельствами: во-первых, общая нестабильность и кризисное состояние современного российского социума; во-вторых, трансформация модели внутри вузовской социализации личности, наблюдаемая за последние два десятилетия социально-экономических и общественных перемен; в-третьих, изменение вектора социально-педагогических и воспитательных технологий, реализуемых в российской высшей школе [там же].

В настоящее время одной из главных концепций теории и практики современного образования является личностно-ориентированная модель обучения, обеспечивающая развитие всех структурных компонентов личности студента. Одним из условий реализации данной концепции является учет индивидуально-личностных особенностей, главным образом влияющих на успешность учебно-профессиональной деятельности студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях [8]. Особое значение при этом имеет включение в анализ гендерной составляющей, что позволяет выявить основные аспекты гендерного влияния на выбор специальности, профессии, на учебную и внеучебную активность юношей и девушек, проследить гендерную специфику отношения студенческой молодежи к перспективам собственного трудоустройства, их социаль-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение №14.А18.21.0098.

ную и политическую активность, стратегии поведения в сложных нестандартных профессиональных ситуациях.

В последние десятилетия большинство научных экспериментальных исследований посвящены проблеме изучения гендерных различий психофизиологических функций (Venbow С. Р., 1996; Stanly J. С., 2001; Клещина И. С., 2003; Шибкова Д. З., Мальцев В. П., 2008; Быстров А. И., 2009), интеллектуальной деятельности (Dan J., 1998; Иоголевич Н. И., 1999; Дружинин В. Н., 2001; Чораян И. О., 2003; Зверева С. В., 2005), профессиональных психофизиологических свойств и качеств личности (Shneider W., 1993; Климов Е. А., Шадриков В. Д., 1996; Бодров В. А., 2000; Голиков Ю. Я., 2002; Долгова В. И., Шумакова О. А., 2006) [8].

Все выше сказанное актуализирует поиск ответов на вопросы, связанные с определением критериев и показателей сформированного профессионального самосознания, выработкой адекватных способов его формирования с учетом гендерных особенностей.

Таким образом, цель данной статьи состояла в изучении гендерных различий переживания нестандартных профессиональных ситуаций студентами гуманитарных вузов и попытке спроектировать и обосновать программу спецкурса для студентов в рамках групповой и индивидуальной психокоррекционной работы в сфере профессионального самоопределения.

В периоды глобальных перемен общественной жизни обостряется особое чувство – чувство ценности человеческой личности. Переориентация теории и практики гуманитарных наук, в первую очередь, психологии и педагогики, на человека и его развитие, возрождение гуманистической традиции является важнейшей задачей современной высшей школы. В связи с этим ключевой идеей модернизации образования в России является идея развития. В этой идее заключаются следующие основополагающие цели: создание условий для развития личности; запуск механизмов развития и саморазвития личности; превращение образования в действенный фактор развития личности. Определяющим условием реализации этих целей является пробуждение субъектности в каждом участнике образовательного процесса. Однако до последнего времени в отечественной психологии одной из малоизученных тем оставалась совокупность вопросов, связанных с развитием субъектности и индивидуальности личности [1].

Так, в научных разработках, посвященных проблемам подготовки специалистов, традиционно исследовались, в основном, процессы развития мотивационной и операциональной стороны достижения профессионализма (В. Г. Асеев, О. С. Гребешок, А. И. Зеличенко, В. П. Ильин, Т. Б. Климина, В. И. Ковалев, С. П. Крягжде, Т. В. Кудрявцев, Ю. Н. Кулюткин, В. Д. Шадриков и др.), т. е. личность, ее развитие рассматривались с позиций функционального подхода.

В наше время с развитием гуманистической направленности в науке и образовании видится целесообразным изучение личности как целостного явления. Как подчеркивал С. Л. Рубинштейн, «в психическом облике личности выделяются различные стороны личности; но при всем своем многообразии, различии и противоречивости основные свойства, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются в единстве личности» [цит.: по Барсукова А. Д.].

Гуманистическое направление в психологии предлагает рассматривать особенности формирования специалиста на всех этапах данного процесса с позиций личностно-ориентированного подхода (К. А. Абульханова-Славская, А. Г. Асмолов, М. Н. Берулава, Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, В. И. Слободчиков, И. С. Якиманская и др.) и не отделять профессиональное развитие от личностного. Личностный подход, по К. К. Платонову, это принцип личностной обусловленности всех психических явлений человека, его деятельности, его индивидуально-психических особенностей [1]. И. А. Зимняя, в свою очередь, подчеркивает, что личностно-ориентированный подход предполагает максимальный учет национальных, половозрастных, индивидуально-психологических, статусных особенностей обучающихся [3].

В свете новой социальной ситуации, сложившейся в нашей стране, в связи с ломкой социальных стереотипов необходимо отметить актуальность изучения особенностей профессионального становления личности с учетом социально-культурного понимания гендера. При этом в основе данной позиции лежит понимание гендера как одной из базовых характеристик личности, которая оказывает влияние на другие ее характеристики, в том числе и на профессиональное становление личности, и на особенности процесса формирования самосознания [6].

Само содержание понятия «гендер» – социальные представления о мужчине и женщине – позволяет рассматривать его как семантическое пространство, изменяющее сознание и самосознание личности. Понятие «гендер» включает в себя: биологический пол; полоролевые

стереотипы, рассматриваемые как общественные представления, матрица, в рамках которой развиваются индивидуальные представления личности о себе как о мужчине или женщине; гендерные нормы и полоролевою идентичность [там же]. Гендер характеризует социальный статус, который определяет индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступ к власти [2].

Гендерные представления личности могут оказывать корректирующее влияние как на постановку задач, которые решаются в процессе социализации, так и на способы и возможности их решения. Во многих работах отмечается известная степень влияния гендера на формирование профессионального самоопределения и направленности личности (Д. П. Барам, Н. И. Вакулова, Л. А. Головей, Е. П. Ильин, И. С. Кон, С. П. Крягжде, Л. Н. Ожигова, С. Сингер, Б. Штефлер и др.). При этом подавляющее число исследований, отражающих гендерные особенности профессиональной деятельности, носит констатирующий характер [там же].

Профессиональное самосознание на этапе подготовки в вузе в общих чертах соответствует структуре самосознания личности. Каждый ее компонент имеет свою структуру и свое содержание. Сформированность профессионального самосознания находит свое выражение в уровне сформированности каждого его компонента. Высокий уровень развития профессионального самосознания, адекватная и устойчивая «Я-концепция» обеспечивают конструктивное профессиональное поведение. Профессионалы, обладающие высоким уровнем самосознания, характеризуются уверенностью в себе, удовлетворенностью профессией, стремлением к самореализации, эффективностью работы, способностью к принятию творческих, самостоятельных решений в нестандартных профессиональных ситуациях [4]. Поэтому профессиональное самосознание требует специальной работы по его развитию, формированию, между тем оно зачастую складывается стихийно.

Все это актуализирует поиск ответов на вопросы, связанные с определением критериев и показателей сформированного профессионального самосознания, выработкой адекватных способов его формирования с учетом гендерных особенностей, а также вопросов связанных с оказанием психологической помощи и поддержки студентам в нестандартных профессиональных ситуациях в процессе обучения [8]. В качестве нестандартной ситуации, в данном случае, мы рассматриваем ситуацию, в которой у человека возникает состояние психического напряжения. Она возникает в процессе деятельности в наиболее сложных, трудных условиях, как в повседневной жизни, так и в особых ситуациях (перед спортивными соревнованиями, экзаменами, во время космического полета). Причем нестандартная ситуация может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие, вплоть до полной дезорганизации деятельности.

Предпринятое Ю.В. Филоненко с соавторами социологическое исследование «Социализация и воспитание студентов вузов», верифицирует анализ специфики социализации юношей и девушек в современном вузе и позволяет выявить ряд отличий, детерминирующих гендерную специфику социализации студентов [11]. Так, девушкам, по мнению авторов, свойственны колебания в оценке удовлетворенности выбранной специальностью, вузом и факультетом, а юноши демонстрируют прагматизм и реализм, обосновывая выбор профессии ее востребованностью на рынке труда. Большая удовлетворенность выбором вуза, факультета и специальности характерна для юношей — они чаще уверяли, что, даже имея гипотетическую возможность нового выбора вуза, они бы поступали в то же вуз на тот же факультет (68 % против 58 %), тогда как девушки чаще говорили о выборе другого факультета. Девушкам свойственны сомнения и колебания — они чаще говорят о выборе другого вуза, другого факультета. В то время как треть студентов затрудняются в оценке перспектив будущего трудоустройства, а каждая четвертая не задумывается об этом или пессимистично настроена в отношении трудовых перспектив, юноши больше осведомлены относительно перспектив своего трудоустройства после окончания вуза [там же]. Указанные данные могут свидетельствовать о том, что время, проведенное в вузе, девушками чаще рассматривается как некий промежуточный период социализации, а не базис для будущей профессионально-специализированной карьеры.

Таким образом, особо актуальными в настоящее время становятся вопросы психологической поддержки студентов в нестандартных профессиональных ситуациях, а также подготовки и реализации программ, направленных на развитие у студенческой молодежи собственных ресурсов (интеллектуальных, эмоциональных, личностных), позволяющих успешно преодолевать сложные, кризисные ситуации в процессе становления профессионального самосознания. В решении данных вопросов значительная роль отводится также проблеме социального пола или гендера, поскольку одно из основных поведенческих различий между мужчинами и женщинами состоит в их реакции на стресс. Мужчинам больше свойственно отвечать на стресс реакцией «борьба или бегство», тогда как женщины способны управлять своим стрессом ответом

«забота и дружба». Так, на стрессовые ситуации женщина реагирует путём защиты и стремлением к социальным контактам и поддержке, но, как правило, с другими женщинами. У мужчины же появляется желание найти и обезвредить источник стресса или скрыться от него [7].

Переживание событий непосредственно представлено в сознании личности. Личностный смысл события, согласно Л. Р. Фахрутдиновой, имеет две основные субъективные формы представленности в сознании – «аффективную» и «вербальную» [10]. Аффективная форма существования личностного смысла события – это эмоциональное переживание. Эмоция определенной модальности сигнализирует о личностном смысле событий. Вторая форма – вербализация личностного смысла события, воплощение его в определенной системе общественно выработанных и зафиксированных значений. Система установок субъекта по отношению к значимым для него событиям обнаруживается в его оценочных суждениях, которые классифицируются сознанием по схеме логических дихотомий» [там же].

Женщины хуже справляются с эмоциональными проблемами и возникающими трудностями, сильнее переживают семейные и личные конфликты. Женщины, испытывая подавленность, стремятся думать о возможных причинах своего состояния. Эта реакция «тщательно обдумать» приводит к навязчивому фокусированию на проблеме и увеличивает уязвимость женщины по отношению к стресс-фактору. Мужчины, наоборот, пытаются отгородиться от депрессивных эмоций, концентрируясь на чем-то другом, например осуществляя физическую активность, чтобы таким способом разрядить возникшее негативное напряжение [там же].

Женщины при разрешении конфликтов больше ориентируются на чужое мнение, что объясняется, по мнению И. В. Грошева, их большей конформностью. Отсюда при разрешении конфликта с участием женщин велика роль посредника [7].

В своем исследовании, посвященном анализу гендерных различий в проявлениях настойчивости, рискованности и самоконтроля у студентов разного пола, а также взаимодействию этих проявлений в ходе решения нестандартных, сложных профессиональных ситуаций, Иващенко А. В. и Макарова Н. Г. приводят следующие данные: «Существуют значимые различия между средними показателями настойчивости у мужчин и женщин мужчины отличаются от женщин большей направленностью на общественно значимые цели установочно-целевого компонента [5]. Более выраженными значения по альтруистичности мотивационного компонента оказались у мужчин, в отличие от женщин – они стремятся оказывать помощь окружающим людям, приобретать новые знания и умения, постоянно желая узнать что-то, не известное ранее. Причина этого может крыться в гендерных ролях, приписанных обществом, заключающихся в силе природы мужчины, его способности помогать другим людям, потребности доказывать собственное превосходство, а также в женской склонности рассчитывать и полагаться на других, ее стремлении реализовать себя в личной сфере. В отличие от женщин, у мужчин в большей степени выражено стремление достигать поставленных целей, преодолевать возникающие трудности на пути к ним, завершать дела и получать результат. Большой предметностью и субъектностью продуктивного компонента отличаются мужчины. Они чаще, чем женщины, способны к выполнению обязательной, но совсем не интересной работы, стремятся к быстрому достижению успеха и победе при минимальной затрате времени, тем самым развивая уверенность и самостоятельность в себе и своих силах. Причиной подобных результатов в двух указанных компонентах могут быть полоролевые нормы и стереотипы, усвоенные мужчинами в связи с реализацией в профессиональной сфере, в стремлении достичь успеха» [8].

Кроме того, выявлены различия в значениях самоконтроля на мужской и женской выборках, показаны достоверные различия с превосходством показателей у мужчин над женскими показателями в контроле за действием при неудачах, в контроле за действием при планировании. Стремясь к достижению цели, мужчины в большей степени, чем женщины, склонны осуществлять ретроспективный анализ своего поведения и совершенных ошибок, чтобы не допустить их в будущем, но перед началом деятельности они разрабатывают план своих действий для реализации поставленных целей. Причина подобных результатов кроется в гендерных ролях и стереотипах, при которых мужчина не позволяет себе ошибаться дважды в одном и том же, в отличие от женщин, допускающих такую возможность. А также в природной сущности мужчины, заключающейся в его рациональности, способности планировать свою деятельность, умении выбирать наиболее оптимальные стратегии решения задач без колебаний, что является для него естественным процессом, в отличие от женщины, которую считают иррациональной [6].

Сравнительный анализ различных ее компонентов позволил определить общее и особенное в психологической структуре настойчивости у мужчин и женщин.

1. И мужчины и женщины при достижении цели умеют решать свои личные проблемы, способны помогать другим людям в реализации их идей. Сочетание таких компонентов для любого

нормального человека, живущего в цивилизованном обществе, вне зависимости от пола является вполне естественным.

2. Мужчины при достижении цели и встретившихся на пути неудачах обвиняют окружающих и обстоятельства, не способны взять на себя ответственность за совершенные ошибки. Женщины в данном случае не завершают начатую деятельность по причине отсутствия веры в собственные силы.

3. При достижении целей мужчины рассчитывают и полагаются полностью на себя, постоянно сохраняя в памяти те идеи, которые они хотят воплотить в жизнь, а женщины испытывают радость в случае положительного результата или огорчение при отрицательном результате. В соответствии с природной сущностью и жизненными обстоятельствами мужчины прежде всего думают о выполнении поставленных задач любыми способами, не ожидая при этом помощи от других, а женщины всегда эмоционально реагируют на ситуации, которые выходят у них из-под контроля.

4. Женщины удерживают цели в голове длительное время, разрабатывая разные способы их реализации, а в случае неуспеха всегда готовы обратиться за помощью к другим, боясь взять на себя ответственность, даже могут обвинить в своей неудаче окружающих. Женщина, зная о своих природных функциях и социальных ролях, которых она старается придерживаться, уверена, что всегда может рассчитывать на кого-то, кто будет находиться рядом, поэтому намного проще относится к неудачам, в отличие от мужчин. Сравнение факторных структур настойчивости свидетельствует о схожести и специфичности их проявления [12].

Однако, кроме подобного рода частных исследований, акцентирующих внимание на отдельных индивидуально-психологических характеристиках, опосредующих отношение и переживание сложных, нестандартных ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью, существуют исследования, в рамках которых предприняты попытки выделения некоторой типологии реагирования на нестандартные, сложные ситуации, возникающие в ходе профессиональной деятельности. В частности, психологами Потсдамского университета (Германия) и Зеленогурской высшей педагогической школы (Польша) был разработан опросник AVEM, учитывающий профессиональную активность (субъективное значение деятельности, профессиональные притязания, готовность к энергетическим затратам, стремление к совершенству при выполнении заданий, а также способность сохранять дистанцию между профессиональной и личной сферой), стратегии преодоления проблемных ситуаций (отказ от дальнейшего выполнения профессионального задания, особенно в случае неудач), эмоциональный настрой на предстоящую деятельность (сознание социальной пригодности и полезности). При использовании этого опросника авторы методики выделили 4 типа людей в отношении их поведения и переживаний в профессиональной среде.

Тип G (нем. gesund) — здоровый, активный, способный к решению трудовых проблем, придающий работе высокое (но не экстремальное) значение, контролирующий собственные энергетические затраты, отмеченный конструктивным способом преодоления ситуаций неудач и поражений, которые рассматриваются субъектом деятельности не как источник фрустрации и негативных эмоций, а как стимул для поиска активных стратегий их преодоления. Обобщая, можно представить тип G как образец положительной установки на выполнение деятельности, усиленной мобилизирующим воздействием положительных эмоций.

Тип S (нем. sparsam) — экономный, бережливый, со средним уровнем мотивации, энергетических затрат и профессиональных притязаний, выраженной склонностью к сохранению дистанции по отношению к профессиональной деятельности, удовлетворенностью результатами своего труда. Характерной чертой этого типа является общая жизненная удовлетворенность, источником которой могут быть ситуации, не связанные с работой. Следует, однако, заметить, что такая «экономная» стратегия поведения эффективна лишь в ограниченных временных рамках. В длительной перспективе вероятно возрастание профессиональной неудовлетворенности на фоне успешности других людей. В случае необходимости психологическое вмешательство может быть направлено на повышение мотивации деятельности (мотивационный тренинг).

Тип A — тип риска A, соответствующий классическому описанию Фридмана и Розенмана (Friedman, Rosenman, 1974), характеризующийся экстремально высоким субъективным значением профессиональной деятельности, большой степенью готовности к энергетическим затратам, низкой устойчивостью к фрустрации и стрессам. Высокий уровень негативных эмоций, являющийся следствием психической перегрузки, стремления к совершенству и связанной с этим неудовлетворенности эффективностью своей деятельности, а также отсутствие социальной поддержки позволяют отнести этот тип к группе риска с вероятностью достаточно быстрого развития синдрома профессионального выгорания. Этот тип можно рассматривать как клас-

сический пример типа А, встречающийся в литературе, посвященной описанию стресса (Фридман и Розенман).

Тип В (англ. burnout) — отмечен низким субъективным значением деятельности, низкой стрессоустойчивостью, ограниченной способностью к релаксации и конструктивному решению проблем, тенденцией к отказу в трудных ситуациях, постоянным чувством беспокойства и беспредметного страха. Следует отметить, что при низком субъективном значении деятельности наблюдается сходство типов В и S, однако различие между ними заключается в том, что тип В не способен к сохранению необходимой дистанции по отношению к работе. Это приводит к дополнительным психическим нагрузкам, постоянной неудовлетворенности собой, снижению общей психической устойчивости организма, апатии и нежеланию выполнять профессиональные задачи.

Выделенные типы поведения встречались с различной частотой у учителей мужского и женского пола. Тип G чаще встречался у мужчин, чем у женщин (соответственно 31 и 16%), тип А — чаще у женщин, чем у мужчин (соответственно 52 % и 33 %), типы S и В были выражены у мужчин и женщин примерно одинаково (соответственно 10 % и 11 % и 26 и 21 %) [6].

Кроме того, в ряде исследований были также установлены половые особенности адаптации к профессии. Н. Г. Колызаева (1989 г.) выявила особенности профессиональной адаптации мужчин и женщин. У женщин на первый план выступает социально-психологический аспект, у мужчин — профессионально-деятельностный. Отмечены также разнонаправленные изменения в процессе адаптации личностных характеристик: у женщин эти изменения происходят в основном в эмоционально-коммуникативном блоке, а у мужчин — в коммуникативно-волевом. Т. А. Кухарева (1980 г.), изучавшая адаптацию молодых инженеров, обнаружила, что женщины более настойчивы в достижении целей, мужчины же умеют лучше организовать свою работу и более конформны.

В целом, обобщая результаты проанализированных исследований, следует заметить, что действительно существуют качественные различия между отношением и переживанием нестандартных жизненных и профессиональных ситуаций в зависимости от преобладающей гендерной направленности.

Одним из вариантов психологического сопровождения студентов в нестандартных профессиональных ситуациях в рамках учебно-воспитательного процесса является формирование и развитие у последних творческого независимого мышления с учетом индивидуально-личностных характеристик. В современном обществе востребованы специалисты, обладающие «гибкостью», способностью к адаптации, творческим мышлением, способностью к саморазвитию, восприятию чего-то нового и необычного, способностью быстро и правильно находить пути выхода из различных нестандартных жизненных ситуаций. Поэтому становление у студентов в процессе обучения в вузе творческих качеств — одна из важных сторон профессиональной подготовки будущих специалистов.

Психологами также был выделен ряд условий, стимулирующих и способствующих развитию творческого мышления:

- ситуации незавершенности или открытости, в отличие от жестко заданных и строго контролируемых;
- создание, разработка приемов и стратегий, предметов и инструментов для последующей деятельности;
- стимулирование ответственности и независимости;
- акцент на самостоятельных разработках, наблюдениях, чувствах, обобщениях [9].

Решение творческих задач дает возможность вырабатывать у студентов такие качества, как компетентность, эмпатию, умение устанавливать контакты и без потерь разрешать возможные конфликтные ситуации в профессиональной деятельности, умение быстро реагировать на изменяющиеся условия и находить адекватные пути выхода из тех или иных профессиональных или жизненных ситуаций.

Таким образом, для успешного профессионального становления личности педагогам необходимо помнить о том, что одна из главных ролей в данном процессе принадлежит творческому потенциалу, который необходимо не только развивать, но поощрять и поддерживать у студентов в процессе обучения в вузе.

Программа психологической работы со студентами в нестандартных профессиональных ситуациях должна состоять, по меньшей мере, из трех блоков, которые будут решать следующие задачи: диагностика индивидуально-личностных свойств; тренинг психических состояний и развитие творческих способностей.

Первая задача (**1 блок**) решается с помощью психодиагностического инструментария. Основной целью данного этапа является как можно более глубокое познание студентом самого себя, своих личностных свойств, способностей, направленности, интересов, смысложизненных ориентации, базисных убеждений, самооценки, стрессоустойчивости и т. д.

Задача **второго блока** состоит в том, чтобы научить, уже довольно хорошо знающего свои индивидуальные особенности студента, управлять своим психическим состоянием в различного рода нестандартных профессиональных ситуациях, адекватно оценивать последние и адаптироваться к ним.

Проблема психической адаптации представляет собой важную область научных исследований, расположенную на стыке различных отраслей знания, приобретающих в современных условиях всё большее значение. В этой связи адаптационную концепцию можно рассматривать как один из перспективных подходов к комплексному изучению человека. Эффективная психическая адаптация представляет собой одну из предпосылок к успешной профессиональной деятельности.

Задача **третьего блока** состоит в том, чтобы научить студентов находить творческие, нестандартные решения при возникновении сложных профессиональных ситуаций. Формирование творческого мышления, а следовательно, и становление творчески мыслящей личности, должно осуществляться в ходе как учебной деятельности, так и внеучебной. В первом случае через введение специального курса «Развитие творческого мышления» в учебный процесс. Студентам в данном случае предлагается не только освоение теоретических основ развития творческого мышления, но и практическая часть, позволяющая выявить уровень развития творческого мышления посредством оценки четырех основных качеств творческого мышления: быстроты, гибкости, оригинальности и точности, а также развитие каждого качества в отдельности через решение практических задач. В ходе учебных занятий также ведется подготовка студентов к выработке умений разработать и предложить систему специальных занятий для развития каждого качества творческого мышления, адаптировать эту систему для учебного процесса. По нашему мнению, для повышения эффективности работы педагога, направленной на развитие творческого мышления, процесс обучения в вузе должен включать в себя еще и такие компоненты, как:

- формирование знаний о том, что такое творчество, творческое мышление, каковы особенности развития творческого мышления, методы и формы выявления и обучения в разных условиях;

- формирование личностного отношения к учащимся (как, впрочем, и к любому человеку) не как к объекту педагогического воздействия, а как к субъекту контролируемого педагогического взаимодействия, в ходе которого происходит развитие и обучение учащегося (а в идеале и самого педагога тоже);

- обучение основным организационным формам, психологическим и дидактическим методам практической работы с учащимися в образовательных учреждениях разного типа.

В целом, подготовка таких специалистов позволит будущему педагогу отказаться от стереотипов, строить учебные занятия в соответствии с требованиями, предъявляемыми обществом, делать свои занятия не просто познавательными, разнообразными, а главное эффективными в усвоении и последующем применении знаний.

Список литературы

1. Барсукова А. Д. Гендерные особенности формирования профессионального самосознания студентов вуза : автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – Ставрополь, 2006.
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
3. Гуревич К. М. Дифференциальная психология и психодиагностика. Избранные труды. – СПб.: Питер, 2008.
4. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономоренко В. А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: Психологический аспект. – Минск: Университетское, 1985.
5. Иващенко А. В., Макарова Н. Г. Гендерные различия в проявлении волевых черт характера у студентов // Вестник ОГУ. – 2005. – № 4.
6. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008.
7. Кабардов М. К., Аминов Н.А., Гусев С.А. Исследование специфики переживания события психотерапии // Психологические исследования 2010 – № 6 (14).
8. Ходак Н. А. Гендерные особенности психофизиологических функций студентов технических и гуманитарных специальностей // Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. – Челябинск, 2010.

9. Фатеева С. А. Роль творческого мышления в формировании профессиональных качеств у студентов в образовательном пространстве вуза // Образование. Педагогика. – Изд.: Сибирский государственный технологический университет, 2006.

10. Фахрутдинова Л. Р. Психология переживания. Казань, 2008.

11. Филоненко Ю.В. Гендерные аспекты социализации студентов вузов / Гендерная социология. – Ростов-на-Дону, 2011.

12. D'Mello M. Gendered selves and identities of information technology professionals in global software organizations in India // Information Technology for Development. 2006. Vol. 12 (2). – P. 131 – 158.

GENDER ASPECTS OF EXPERIENCE OF NON-STANDARD PROFESSIONAL SITUATIONS BY HUMANITIES UNIVERSITIES STUDENTS

E. M. Turok¹

N. I. Isaeva²

*¹⁾ Smolensk humanitarian
University*

*e-mail:
Elena@yandex.ru*

*²⁾ Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nisaeva@bsu.edu.ru*

The article deals with the analysis of domestic and foreign psycho-pedagogical experience in the field of realization and perfection of psychological work with student's youth in non-standard professional situations. The paper reveals the gender features of experience of non-standard situations by students of humanitarian specialities. The educational employment or a special course of the program is developed for students within the limits of group and individual psychological correction works in sphere of professional self-determination.

Keywords: gender, experience, non-standard professional situations, psychological support, creative thinking.

УДК 155.966.6:316.6

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА ПОСЛЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ*

Н. Г. Фирсова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
firsova@bsu.edu.ru*

Статья содержит результаты психологического исследования особенностей самооценки пожилых людей после выхода на пенсию. Выявлены различия в оценке себя между социально-активными (работающими) и социально-неактивными (неработающими) пенсионерами. В статье доказывается необходимость сохранения и поддержания психического здоровья пенсионеров путем формирования их самооценки, создания условий для их самореализации и саморазвития.

Ключевые слова: самооценка, самоотношение, выход на пенсию.

Выход на пенсию – это один из наиболее важных этапов в жизни человека, который в литературе называют «шоком». С другой стороны, период выхода на пенсию – это острый и быстродействующий стресс, помогающий пожилому человеку постепенно реабилитироваться, используя механизмы социальной адаптации (инкорпоризация), компенсации (на основе «присвоения» положительных характеристик себе), негативной социальной идентичности самооценки за счет ее ретроспективного анализа, сближение идеальной и реальной самооенок и ориентацию на жизнь детей и внуков.

Как личностному образованию самооценке отводится значимая роль в общем центральном контексте формирования личности – ее возможностей, направленности, активности, общественной значимости [1]. Самооценка, как таковая, автономно является очень важным, если не ключевым, элементом самосознания, она характеризуется как стержень этого процесса, как показатель индивидуального уровня его развития, как интегрирующее начало, органично включенное в процесс самопознания. С самооценкой связываются оценочные функции самосознания, вбирающие в себя эмоционально-ценностное отношение личности к себе и отражающие специфику понимания ею самой себя [2]. Становится всё более очевидной невозможность их рассмотрения без анализа.

Знание истинной самооценки не только помогает человеку понять причины его успешности или неуспешности, но и является основой для коррекционной работы по формированию адекватной самооценке. Изучение самооценки позволяет понять особенности личности, поведения и деятельности, а также качественное своеобразие внутреннего мира [5]. В пожилом возрасте основные достижения человека уже в прошлом, он уже прожил большую часть своего социального времени, основная ценностная характеристика которого связана со стремлением личности к самовыражению, самореализации [3]. Ему остается проводить «инвентаризацию» сделанного: всматриваться в себя, в свое прошлое, оценить степень актуализации своей жизни. Оценка человеком прожитой жизни зависит от ряда факторов, прежде всего от степени реализации целей, которые он ставит перед собой в молодости.

В этот возрастной период происходит изменение личностных характеристик. А так как самооценка является важнейшим личностным показателем, имеющим многофакторный характер, социально обусловленный и неодинаково выраженный у разных людей, то и она претерпевает изменения. Самооценка – это то, что индивид значит сам для себя, это ценностный, а не когнитивный показатель. «Самооценка – это наличие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он обладает, отвечая на вопрос: «Не что Я имею, а чего это стоит, что это значит, означает?» [1].

Очевидно, что люди позднего возраста вынуждены приспосабливаться не только к изменениям социальной ситуации, но и реагировать на изменения в самих себе. В этой связи возникает вопрос: как пожилой человек оценивает себя, свое существование в свете новых обстоятельств, в которых он оказался, и те изменения, которые он наблюдает у себя. По сути это вопрос о самооценке как важнейшем регуляторе поведения человека в позднем возрасте.

* Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта «Инициатива» НИУ БелГУ, ВКГИ 014-2012.

В связи с этим проблема исследования самооценки пожилых людей после выхода на пенсию становится особенно актуальной для современной возрастной психологии и определяется необходимостью:

- поиска путей решения проблемы социального аутсайдерства в среде неработающих пенсионеров;
- сохранения и поддержания психического здоровья пенсионеров путем формирования их самооценки, создания условий для их самореализации и саморазвития;
- разработки направлений психологического сопровождения лиц пенсионного возраста как перспективной и активно востребованной социальной группы.

Особенности самооценки выявлялись с помощью ряда психодиагностических процедур: методики М. Куна «Кто Я?» (модификация Т. В. Румянцевой), методики исследования высоты, устойчивости и адекватности самооценки (Дембо – Рубинштейн), методики Моткова О. И. "Самооценка личности" и опросника самоуважения М. Розенберга.

В исследовании принимали участие люди пожилого возраста после выхода на пенсию (работающие и неработающие пенсионеры). Объем выборки – 92 человека, из них 46 женщин и 46 мужчин в возрасте от 55 до 61 года.

При рассмотрении и сравнении результатов по двум выборкам, были выявлены отличия группы работающих пенсионеров от группы неработающих пенсионеров. Для анализа особенностей высоты, устойчивости, адекватности и степени дифференцированности самооценки мы использовали данные, полученные с помощью методики Дембо-Рубинштейн.

Необходимо отметить, что по всем шкалам наблюдается достаточно широкий разброс индивидуальных данных.

Медиальный профиль реальной самооценки отражает средний уровень самооценки у неработающих пенсионеров практически по всем шкалам (рис. 1). В общем профиле самооценки просматривается ее повышение по шкалам «умелые руки», «характер», «внешность» и занижение – по шкалам «здоровье» «ум». Низкий уровень по шкале уверенность в себе свидетельствует о неудовлетворенности испытуемыми данной группы своими возможностями, об ощущении слабости, о сомнении в способности вызывать уважение у других людей. При этом 15% испытуемых отказались показать желаемую позицию, мотивируя тем, что они практически не имеют возможности ее реализовать из-за своего образа жизни. Данный факт раскрывает сложность адаптации неработающих пенсионеров к сложившейся ситуации – выход на пенсию и к новому социальному статусу – пенсионер.

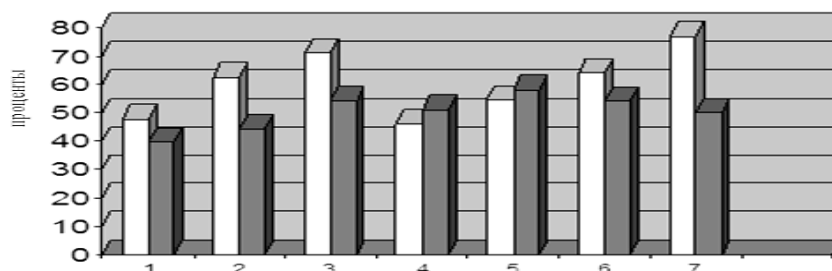

Рис. 1. Распределение работающих и неработающих пенсионеров с различной выраженностью уровня самооценки, %

Примечание. Шкалы: 1 – здоровье, 2 – ум, 3 – характер, 4 – авторитет, 5 – умелые руки, 6 – внешность, 7 – уверенность в себе; □ – работающие; ■ – неработающие

У работающих пенсионеров высокий уровень самооценки обнаружен по шкале «уверенность в себе», «характер», «ум, способности» и «внешность». Их ответы раскрывают положительную установку на перспективу, связанную с самореализацией в трудовой деятельности. Полученные данные подтверждают данные, полученные в исследовании Малининой О. И. [4].

Полученные результаты относительно уровня притязаний свидетельствуют о низком уровне притязаний у неработающих и среднем – у работающих пенсионеров. Различия в уровне притязаний пенсионеров двух групп и по критерию Стюдента, и по критерию Фишера являются достоверными (соответственно 4,3347; 4,9637). При этом по шкале «здоровье» и «авторитет» уровень притязаний у неработающих пенсионеров выше, чем у работающих (рис.2).

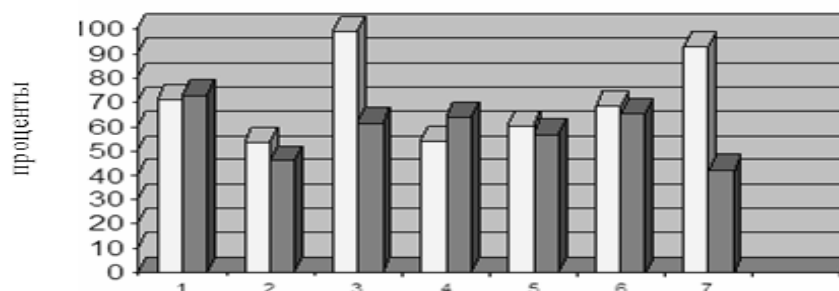

Рис. 2. Распределение работающих и неработающих пенсионеров в соответствии с уровнем притязаний

Примечание. Шкалы: 1 – здоровье, 2 – ум, 3 – характер, 4 – авторитет, 5 – умелые руки, 6 – внешность, 7 – уверенность в себе; □ – работающие; ■ – неработающие

Данные по уровню самооценки и уровню притязаний позволили определить степень расхождения между уровнем притязаний и уровнем самооценки, а также степень дифференцированности притязаний и самооценки. Оказалось, что неработающие пенсионеры переживают сильную неуверенность в себе, испытывают сильное желание разобраться в себе, в своих возможностях. Как правило, они очень охотно идут на общение, ищут в нем поддержки и опоры. Небольшое расхождение между уровнем притязаний и уровнем самооценки, в обеих группах свидетельствует о том, что испытуемые ставят перед собой цели, которые действительно стремятся достичь. Но сам уровень притязаний – низкий, что свидетельствует о неблагоприятном развитии их личности.

У неработающих пенсионеров «идеал», либо совпадал с реальной самооценкой – «пусть все остается как есть», «так пускай и будет» (у 23 % респондентов), либо респонденты отмечали желаемую позицию формально (у 17 % респондентов). В данном случае своей регулирующей функции идеальная самооценка не выполняла, также отметим, что лишь 2 % испытуемых из группы неработающих пенсионеров указали желаемую позицию как достижимую. В то же время реальная самооценка испытуемых с активным приспособлением к старости (работающие пенсионеры) не отождествлялась с достижимой. Позиция «могу», но «не хочу», раскрывая конфликтное отношение к себе в целом, или к той или иной стороне личности, свидетельствует о неблагополучии человека в той или иной области и, в частности, в профессиональной деятельности. Неполное заполнение шкал 12 % респондентов может свидетельствовать о низком уровне самооценки и о часто скрытых притязаниях.

Для группы неработающих пенсионеров характерно общее снижение уровня самооценочной структуры: уровень идеальной самооценки ниже, чем в группе работающих пенсионеров (если она выделяется респондентом); занижение реальной самооценки (ярко выражена в случае дезадаптации к новой социальной ситуации и к старению), практически полное слияние позиций достижимой и реальной самооценки (у некоторых испытуемых просматривается слияние всех трех элементов).

Повторное измерение самооценки через 14 дней позволило оценить такое свойство самооценки как устойчивость (табл. 1). Оказалось, что у работающих пенсионеров самооценка более устойчивая, чем у неработающих, а уровень притязаний изменился одинаково незначительно у всех пенсионеров независимо от группы.

Таблица 1

Средние значения выраженности показателей самооценки и уровнем притязаний после 1-го и 2-го замеров у работающих и неработающих пенсионеров

	Неработающие		
	СО	УП	Степень расхож. между УП и СО
Показатели различий уровня самооценки и уровня притязаний (после 1 и 2 замеров)	8,2	1,4	6,4
	Работающие пенсионеры		
	3,1	1,4	1,2

Анализ уровня общей самооценки позитивного развития личности неработающих пенсионеров показал отсутствие гендерных различий (табл. 2). В то же время женщины более вы-

соко оценивают такие качества, как нравственность, воля, и гармоничность, а мужчины – самостоятельность, креативность и экстраверсия. В «образе Я» у женщин доминируют такие качества, как: экстраверсия, воля и нравственность, в «образе Я» мужчин – экстраверсия, самостоятельность и нравственность. Как видим, пожилые люди, независимо от пола, в большей мере считают себя открытыми для других и нравственными и в меньшей – гармоничными и креативными. При этом, показатель самооценки гармоничности у мужчин ниже, чем у женщин. Исходя из того, что низкая гармоничность личности обнаруживается гораздо чаще у людей с неблагоприятными внутренними психологическими и физическими факторами, можно утверждать следующее: мужчины более остро переживают выход на пенсию. Связано это с резким изменением социального статуса мужчины: профессиональная отставка, потеря функции «добытчика» в семье. Потеря социального статуса женщины компенсируется тем, что дом и семья по-прежнему занимают большую часть времени женщин.

Таблица 2

Средние значения выраженности по самооценке качеств личности у людей пожилого возраста после выхода (неработающие)

№ шкалы	Качества личности	Самооценка качеств личности		
		мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
1	Нравственность	2,85	2,95	2,9
2	Воля	2,82	3,1	2,96
3	Самостоятельность	3,1	2,65	2,8
4	Креативность	2,4	2,38	2,9
5	Гармоничность	1,93	2,22	2
6	Экстраверсия	3,34	3,32	3,18
7	Общая самооценка	2,7	2,8	2,25

Анализ самооценки качеств личности у людей пожилого возраста, работающих после выхода на пенсию, показывает, что уровень общей самооценки у мужчин и у женщин практически не отличается, есть различия по отдельным факторам (табл. 3). В частности, если в «образе Я» женщин доминируют такие качества, как экстраверсия и самостоятельность, то у мужчин – креативность и нравственность. Если для мужчин важно быть нравственным, то для женщин это качество не столь значимо, в то же время значимая для женщин самостоятельность, не столь актуальна для мужчин.

Таблица 3

Средние значения выраженности по самооценке качеств личности у людей пожилого возраста, работающих после выхода на пенсию

№ шкалы	Качества личности	Самооценка качеств личности		
		Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
1	Нравственность	3,36	3,28	3,32
2	Воля	3,35	3,4	3,37
3	Самостоятельность	3,26	3,53	3,4
4	Креативность	3,46	3,38	3,42
5	Гармоничность	3,53	3,37	3,45
6	Экстраверсия	3,31	3,45	3,44
7	Общая самооценка	3,37	3,4	3,39

Сравнительный анализ уровня самооценки работающих и неработающих пенсионеров позволил обнаружить следующие факты (рис. 3). Во-первых, работающие пенсионеры имеют средний уровень общей самооценки личностных переменных, а не работающие – низкий. Во-вторых, уровень самооценки всех качеств личности работающих пенсионеров выше уровня самооценки неработающих пенсионеров. Т.е., работающие пенсионеры оценивают выраженность позитивных качеств личности и личность в целом существенно выше, чем это делают неработающие пенсионеры. В-третьих, работающие пенсионеры считают нравственность, креативность и экстраверсию наиболее характерными для них качествами, неработающие к таким качествам относят экстраверсию и самостоятельность. В-четвертых, работающие пенсионеры

считают, что из представленных качеств у них менее развита гармоничность, неработающие – воля. Оценка достоверности различий для двух независимых выборок по критерию Стьюдента показала их значимость (6,66).

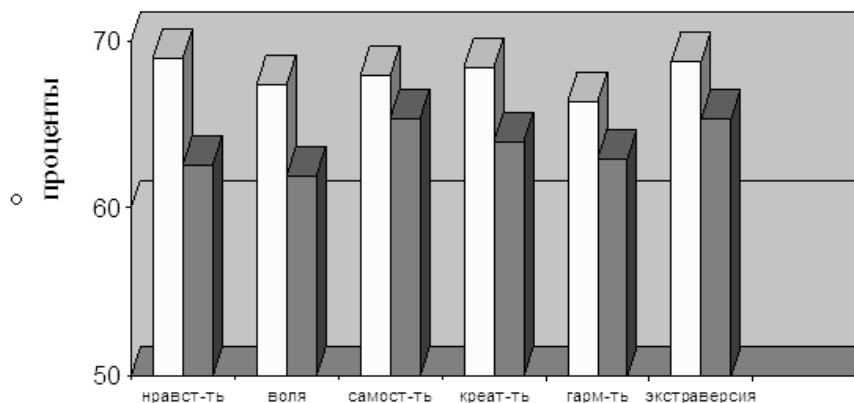

Рис.3. Показатели выраженности самооценки отдельных факторов личности работающих и неработающих пенсионеров, %

Примечание: □ – работающие пенсионеры; ■ – неработающие пенсионеры

Распределение испытуемых по уровню общей самооценки показал следующее (табл. 4). Работающие пенсионеры в основном позитивно воспринимают и относятся к себе, из них лишь 9 % не принимают себя. В то время как в группе неработающих пенсионеров таких оказалось больше половины (67 %). В группе неработающих пенсионеров у большего количества человек, чем в группе работающих, обнаружена неадекватная самооценка (соответственно у 12 % и 2 %).

Таблица 4

Распределение работающих и неработающих пенсионеров по уровню общей самооценки, %

Группа \ Уровень самооценки	Уровень самооценки			
	Псевдовысокий	Высокий	Средний	Низкий
Неработающие пенсионеры	12	—	21	67
Работающие пенсионеры	2	10	81	7

В данном случае наиболее оптимальным, гармоничным является средний или высокий уровень их выраженности, что, по данным в группе неработающих пенсионеров, нельзя сказать. Тем более, что показатели по факторам: нравственность, воля, и особенно гармоничность находятся на низком уровне. Самооценка гармоничности личности в группе работающих пенсионеров наиболее тесно связана с общей самооценкой, с экстраверсией, волей и нравственностью. Это говорит о том, что люди этой группы считают гармоничность весьма существенной характеристикой положительного развития их личности в целом. В группе неработающих пенсионеров выражен показатель низкой гармоничности.

Самооценка работающих пенсионеров более адекватна и гармонична (более реалистична), чем самооценка неработающих. У неработающих пенсионеров она в целом завышена и отражает скорее желаемое, чем действительное. Все это «лихорадит» психику неработающих и делает ее временно более дисгармоничной, чем обычно, что отражается и на самооценке своих качеств личности. В то же время обостряется и становится сильнее процесс осознания, начинает снова расти сфера осознания себя и мира, наступает привыкание к новым желаниям и новым отношениям, проявляется опыт самоосознания и более глубокого самопонимания.

При анализе общего эмоционально-ценностного отношения к себе (результаты опросника Розенберга) нами были получены следующие результаты: средний балл отношения – 3,35 (у женщин – 3,5; у мужчин – 3,2). Отдельно подсчитывался балл для группы испытуемых с низким уровнем самооценки, выделенной на основании результатов методики Дембо-Рубинштейн. Оказалось, что 69% неработающих пенсионеров имеют низкий уровень самопринятия, самоуважения, что дает основание говорить о том, что низкий уровень когнитивной са-

мооценки в группе неработающих неадаптированных к пенсии, соответствует негативному отношению к себе и более низкому уровню самоуважения.

Анализ продуктивности работы по методике «Кто Я?» обнаруживает ее снижение, о чем свидетельствует среднее количество ответов равное 13,3 при разбросе от 1 до 26. При этом большинство испытуемых отвечали на вопрос «Кем Я был?», а не на вопрос «Кто Я сейчас?». Если говорить о среднем количестве суждений, написанных в настоящем времени, то оно почти вдвое меньше и равно 6,8. Вероятно, что такой уровень продуктивности объясняется произвольным или вынужденным обеднением образа текущей жизни по сравнению с их прошлым. По данным в контрольной группе, можно увидеть, что в ответах не представлен анализ жизненного пути, хотя и не очень много встречается суждений, обращенных в будущее.

Из перечня высказанных суждений, часто упоминаемыми у мужчин являются категории профессиональной сферы, в которую входит перечисление видов работ и занимаемых в прошлом должностей, достижений, места в служебной иерархии, стажа, почти не называются формы деятельности, выполняемой в настоящее время. У женщин особенно высока потребность в раскрытии профессиональной сферы. При описании себя они, в первую очередь, выделяют личностные качества («трудолюбие» и «честность», у мужчинами – «исполнительность», «ответственность» и «трудолюбие»). Некоторые женщины (26%) отмечают изменения в своем характере в отрицательную сторону. Если в группе неработающих пенсионеров просматривается ретроспективная сторона высказываний по поводу работы, то в группе работающих пенсионеров их высказывания по поводу работы всегда в настоящем времени. Но деловая сфера у женщин (как и в экспериментальной группе) значительно беднее.

Сфера склонностей, интересов, увлечений занимает значительное место в жизни неработающих пенсионеров. Чаще всего пенсионеры называют чтение, кино, телевидение, радио и т. п., реже – вязанье, шитье (у 19% женщин) и спорт, шахматы у мужчин (14%). Т. е. в описаниях доминируют пассивные формы проведения досуга по сравнению с активными. В ответах неработающих пенсионеров четко просматривается возрастная динамика активности: в прошлом – предпочтение активным формам занятий, в настоящем – пассивным. Работающие же пенсионеры предпочитают активный вид спорта: шитье, вязание, отдых на природе, рыбалка, настольные игры. Выраженность интересов и увлечений связана с прекращением профессиональной деятельности, и если выход на пенсию не компенсируется какими-либо значимыми для индивида видами деятельности, то это приводит к дезадаптации, к ухудшению физического и психического состояния. Среди неработающих пожилых людей, которые имеют хобби, удовлетворенность жизнью выше, чем у тех, у кого нет любимого занятия.

В самоописании значимой сферы является сфера социальных контактов (результаты методики «Самооценка личности»). Это указывает на то, что одной из базовых характеристик ощущения счастья в старости является удовлетворенность социальными взаимоотношениями. Анализ полученных данных в группе неработающих пенсионеров говорит о том, что для части пенсионеров общение является сложной проблемой («не хочу навязываться», «я не умею общаться в компании»). Данную реакцию можно объяснить тем, что социальные связи сокращаются с возрастом, а особенно в связи с новой социальной ситуацией – выходом на пенсию и вызывают необходимость в новых знакомствах, что бывает не всегда успешным, и как следствие этого – проблема одиночества.

В сфере межличностных коммуникаций важную роль играет семья. В описании испытуемых представлена информация о взаимоотношениях в семье в прошлом и настоящем, характеристика детей или внуков, смерть. Женщины подробнее раскрывают все аспекты этой темы, нежели мужчины, При этом они начинают еще больше заботиться о внуках и правнуках.

Отличительной особенностью в самоописании пенсионеров является ретроспективная направленность. У социально-активных (работающих) пенсионеров присутствует явная тенденция позитивно оценивать себя и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, у неработающих пенсионеров – отрицательно оценивать себя в настоящем и будущем.

Как уже говорилось выше, неработающие пенсионеры, описывая себя, акцентируют внимание на характере, настроении, своих личностных особенностях и т. п. По значимости для мужчин из группы неработающих пенсионеров наиболее важными являются профессиональные качества и уже потом – личностные; для женщин – наоборот. Менее значимыми и для мужчин и для женщин являются: состояние здоровья и эмоции. В группе работающих пенсионеров наблюдается такая же картина. Отличие состоит в том, что все их высказывания отражают настоящее, а в группе неработающих пенсионеров – прошлое. Проведя корреляцию по категориям высказываний, обращенных в настоящее, мы получили значимые различия ($T=2,453$).

Таким образом, обобщив полученные результаты, мы можем сделать вывод о том, что по своему преобладающему вектору самооценка неработающих лиц пожилого возраста имеет склонность к снижению по сравнению с выборкой работающих пенсионеров в том, что относится к целостной конструкции самооценки и к отдельным ее элементам. Уровень реальной самооценки у работающих пенсионеров, как людей с успешной адаптацией к пенсионному возрасту, к социальному статусу, средний; у неработающих пенсионеров, как людей неадаптированных к пенсии, характеризующихся «неврозом отставки», – низкий уровень.

Помимо описанных общих особенностей самооценки у неработающих и работающих пенсионеров обнаружены различия по гендерной принадлежности: у мужчин самооценка несколько выше, чем у женщин (возможно, это объясняется тем, что среди мужчин больше тех, кто продолжает работать); у мужчин более выражена связь между самооценкой личностных качеств и оценкой прожитой жизни.

Совокупность полученных данных служит подтверждением того, что выход на пенсию – это этап не однонаправленного процесса регресса, угасания, а этап дальнейшего развития человека, последующее становление его личности. Полученные результаты исследования, а также имеющиеся данные в научной литературе подтверждают необходимость организации специальной работы по подготовке людей к выходу на пенсию. Основное содержание такой работы может включать поиск путей решения проблемы социального аутсайдерства в среде неработающих пенсионеров; сохранение и поддержание психического здоровья пенсионеров путем формирования их самооценки, создания условий для их самореализации и саморазвития; разработки направлений психологического сопровождения лиц пенсионного возраста как перспективной и активно востребованной социальной группы; разработки эффективных социально-психологических решений, дающих возможность регулирования жизненных стратегий незанятых пенсионеров.

Анализ имеющегося опыта подготовки пожилых людей к выходу на пенсию с учетом полученных результатов позволяет сформулировать следующие рекомендации:

1) необходимо проводить массовое психолого-педагогическое обучение людей предпенсионного возраста с целью ознакомления их с особенностями вхождения в новую для себя социальную среду;

2) организовать индивидуальные консультации специалистами-психологами и специалистами других служб для пенсионеров, а также для руководителей предприятий и организаций по различным вопросам подготовки к выходу на пенсию;

3) организовать групповые консультации для лиц пожилого возраста по специально разработанным программам, направленным на развитие механизмов стимулирования деятельности, на поиск новых путей включения в социальные группы с учетом интересов, на овладение новыми социальными ролями, на активное взаимодействие с миром.

При этом следует учитывать, что каждое из предложенных направлений деятельности психологической службы имеет и недостатки, и преимущества. Первое направление работы является наиболее доступным, но при отсутствии контроля за подготовкой и невозможностью личностно-ориентированного подхода приводит к снижению его эффективности. Поэтому это направление деятельности необходимо сочетать с другими формами и методами работы с людьми пожилого возраста. Достоинство второго направления работы в форме подачи и принципе индивидуального подхода. Третье направление пенсионеров гарантирует эффективность работы благодаря проявляющимся в группе социально-психологическим феноменам. Помимо этого данное направление создает предпосылки интеграции будущих пенсионеров в обществе, что обеспечивает положительное влияние на процесс адаптации их к новому социальному статусу.

Список литературы

1. Бороздина Л. В., Молчанова О. Н. Самооценка в первой половине старости / Л. В. Бороздина, О. Н. Молчанова // Вестник Моск. ун-та, – Психология. – Сер. 14. – 1990. – № 1. – С. 24 – 38.
2. Ермолаева М. В. Практическая психология старости. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
3. Козлова Т. З. Самореализация и самооценка пенсионеров / Т. З. Козлова // Психология зрелости и старения. 2006. – № 2. – С. 35.
4. Малинина О. И. Социальная активность и идентичность в пожилом возрасте / О. И. Малинина // Психология зрелости и старения. 2011. – № 4. – С. 59 – 77.
5. Фирсова Н. Г. Пожилой человек как субъект возрастных изменений: особенности самооценки / Н. Г. Фирсова // Пожилой человек как субъект возрастных изменений: особенности самооценки: материалы III Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2012. – С. 47.

SELF-IMAGE OF ADVANCED AGE PEOPLE AFTER THE RETIREMENT

N. G. Firsova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
firsova@bsu.edu.ru*

This article reflects results of psychological research: studying of features of self-image of elderly people after retirement, The distinctions in assessment of between social and active (working) and social and inactive (unemployed) pensioners are revealed here. This research pays attention to the need of preservation and maintenance of mental health of pensioners by formation of their self-image, creation of conditions for their self-realization and self-development.

Keywords: retirement, self-image, self-relation.

УДК 159.922.736.4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

М. Ю. Худаева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
khudaeva@bsu.edu.ru*

В статье анализируются результаты изучения психологических особенностей развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте. Конфликтологическая компетентность рассматривается как особая функциональная система саморегуляции, обеспечивающая эффективное разрешение конфликтов, показателем которого является самореализация личности и ее саморазвитие. Показано, что развитие конфликтологической компетентности и ее компонентов в подростковом возрасте имеет структурно-содержательные, динамические и гендерные особенности.

Ключевые слова: конфликт, конфликтологическая компетентность, подростки.

В настоящее время достаточно активно исследуется проблема конфликтологической компетентности личности. Это обусловлено тем, что в последние годы отмечен значительный рост конфликтов в различных сферах жизнедеятельности общества, что привело к необходимости развивать умения разрешать конфликты и управлять ими. Конфликтологическая компетентность стала важнейшей характеристикой личности и профессионализма специалистов.

В психологических трудах, посвященных исследованию конфликтологической компетентности, преобладают работы, в которых рассматриваются вопросы определения, содержания, структуры, методов диагностики и развития конфликтологической компетентности в различных видах профессиональной деятельности (В. В. Базелюк, Г. С. Бережная, С. А. Володина, В. Г. Зазыкин, О. И. Денисов, А. А. Деркач, Е. Е. Ефимова, Д. В. Ивченко, Г. Е. Макаренко, К. Э. Маркарова, В. В. Рогачев, С. В. Романов, Н. В. Самсонова, Е. М. Сгонникова, В. В. Шерниязова, О. В. Щербакова и др.). В этих работах конфликтологическая компетентность определяется как составная часть профессиональной компетентности, входящая в структуру профессионализма личности и деятельности.

На сегодняшний момент практически отсутствуют работы, посвященные изучению возрастного аспекта развития конфликтологической компетентности личности, поэтому одной из задач нашего исследования стало изучение особенностей развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте.

Среди научных подходов наиболее концептуально близким к исследуемой нами проблеме является подход Л. А. Петровской [2], согласно которому конфликтологическую компетентность необходимо рассматривать с гуманистической позиции. С точки зрения гуманистического подхода, конфликтологическая компетентность связана с таким завершением конфликта, которое сопровождается самореализацией и личностным развитием его участников.

В нашем исследовании конфликтологическая компетентность рассматривается в контексте личностного подхода, в соответствии с которым она определяется как особая функциональная система саморегуляции, обеспечивающая эффективное разрешение конфликтов, показателем которого является самореализация личности и ее саморазвитие.

В исследовании принимали участие подростки учащиеся пятых – восьмых классов в количестве 287 человек. В качестве основных психодиагностических процедур нами использовались модифицированный опросник по изучению способов поведения подростков в конфликтных ситуациях (О. О. Землянушкина) [1] и «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» (В. В. Бойко).

Все подростки, участвовавшие в исследовании, условно были разделены на три группы. В первую группу с достаточно сформированной конфликтологической компетентностью вошло 7,0 % подростков, во вторую группу – с несформированной конфликтологической компетентностью – 60,3 % подростков, и в третью группу вошли подростки с формирующейся конфликтологической компетентностью. В процессе выделения групп подростков мы опирались на критерии развития конфликтологической компетентности

в подростковом возрасте: понимание сущности конфликта, причин его возникновения и развития; умение понять собственный внутренний мир и свое эмоциональное состояние и внутренний мир и эмоциональное состояние другого человека в конфликте; осознанный выбор способов разрешения конфликтов.

Нами обнаружено, что развитие конфликтологической компетентности и ее компонентов в подростковом возрасте имеет структурно-содержательные, динамические и гендерные особенности.

Выявление психологических особенностей развития конфликтологической компетентности подростковом возрасте потребовало проведения компонентного анализа.

Развитие конфликтологической компетентности в подростковом возрасте имеет следующие структурно-содержательные особенности. Знания подростков о различных способах поведения в конфликтных ситуациях имеют различную выраженность. По мнению подростков, чаще всего разрешению конфликтной ситуации способствует ориентация не только на свои собственные интересы, но и на интересы другого, совместный поиск путей разрешения возникших противоречий. В меньшей степени разрешение конфликтов подростки связывают с их избеганием, с нежеланием вступать во взаимодействие с партнером по поводу возникших разногласий.

Таким образом, подростки ориентированы не только на активное включение в конфликт, но и на его разрешение. С одной стороны, это подтверждает конфликтность подросткового возраста, с другой – свидетельствует о достаточно высоком уровне интеллектуальной готовности подростков к компетентному поведению в конфликтных ситуациях.

Изучение структурно-содержательных особенностей эмоционально-оценочного компонента конфликтологической компетентности позволило обнаружить трудности подростков в рефлексии поведения другого человека в конфликтной ситуации. При этом несколько большую выраженность готовности к пониманию внутреннего мира партнера подростки проявляют по отношению к родителям и сверстникам, а несколько меньшую – по отношению к учителям. Это подтверждает известное в возрастной психологии положение о том, что подростки ограничивают круг потенциальных «объектов» эмпатии своими близкими, родными, друзьями. Им не свойственно обращать внимание на эмоциональные переживания учителей.

Изучение структурно-содержательных особенностей поведенческого компонента конфликтологической компетентности подростков показали, что в случае возникновения конфликтных ситуаций подростки используют различные способы поведения: от избегания до активного включения в конфликт. Сравнение частоты использования различных способов поведения свидетельствует о том, что подростки несколько реже в конфликтных ситуациях используют способы реагирования, направленные на согласование предмета конфликта и поиск путей его разрешения.

Таким образом, обнаружена неравномерность развития отдельных структурных компонентов конфликтологической компетентности в подростковом возрасте: когнитивный компонент опережает в своем развитии эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты, т. е. подростки, в основном, понимают сущность конфликта, знают о причинах его возникновения и развития, но им трудно отразить собственное поведение и поведение другого человека в конфликтной ситуации и выбрать конструктивный для саморазвития и для сохранения взаимоотношений способ поведения в конфликте.

Изучение отдельных компонентов конфликтологической компетентности с точки зрения их динамики позволило определить, что подростки от пятого до восьмого класса готовы к активному включению в конфликтную ситуацию, но способы для этого используют разные. Пятиклассники больше ориентированы на подчинение, уступчивость в конфликтах; шестиклассники – на партнерство и сотрудничество; семиклассники и восьмиклассники интеллектуально готовы использовать различные способы поведения в зависимости от конкретной конфликтной ситуации. Таким образом, пятиклассники, ориентируясь на компромисс в конфликте, стремятся к тому, чтобы быть принятыми в среде сверстников. Шестиклассники интеллектуально готовы к взаимодействию на равных со взрослыми в случае возникновения конфликтной ситуации, что связано с проявлением «чувства взрослости».

Это дает основание для утверждения того, что когнитивная готовность подростков к выбору определенных способов поведения в конфликтных ситуациях связана с реализацией ими психологических задач возраста.

При изучении развития эмоционально-оценочного компонента конфликтологической компетентности установлено, что на протяжении подросткового возраста происходит постепенное увеличение эмоциональной готовности и способности подростков к отзывчивости и

чувствительности в конфликтных ситуациях по отношению к сверстникам и постепенное уменьшение – по отношению к родителям и учителям. Это, во многом, обусловлено возрастными особенностями подростков, а, именно, тем, что одной из главных тенденций переходного возраста является переориентация общения с родителей, учителей и вообще старших на сверстников. Кроме того, подростковый период, это период, когда происходит расширение круга общения со сверстниками, что положительно коррелирует со способностью к переживанию.

Анализ результатов сформированности поведенческого компонента конфликтологической компетентности по классам позволил установить, что подростки разных классов отличаются по частоте использования различных способов поведения в конфликтных ситуациях.

В конфликтных ситуациях подростки пятых классов чаще используют трезвый, проблемно-разрешающий и игнорирующий поведенческие способы. Т. е. в случае возникновения конфликта пятиклассники стараются либо трезво оценить конфликтную ситуацию, ориентируясь при этом на порядочное отношение к противоположной стороне, на нормы и правила поведения, либо согласовывают с противоположной стороной предмет конфликта и совместно пытаются найти пути его разрешения, либо не предпринимают никаких действий по разрешению конфликта.

Шестиклассники в конфликтных ситуациях чаще всего предпочитают игнорировать конфликт либо стараются сгладить противоречия, сохранить добрые взаимоотношения с конфликтующей стороной в ущерб собственным интересам (затушевывающий способ поведения).

Для семиклассников характерно более частое использование в конфликтных ситуациях проблемно-разрешающего, компромиссного и затушевывающего поведенческих способов.

Восьмиклассники в конфликтных ситуациях предпочитают проблемно-разрешающий способ поведения. При этом частота использования этого способа поведения восьмиклассниками выше по сравнению с подростками других классов. Таким образом, можно говорить о том, что к восьмому классу увеличивается частота использования подростками компетентных способов разрешения конфликтных ситуаций.

Сравнительный анализ развития когнитивного и поведенческого компонентов конфликтологической компетентности показал, что поведение пяти- и шестиклассников не соответствует их системе представлений о том, как нужно вести себя в конфликтных ситуациях. Следовательно, система знаний подростков пятых и шестых классов не является реально действующей. Однако к восьмому классу увеличивается степень соответствия между системой представлений подростков о должном поведении в конфликте и их реальным поведением.

Гендерный анализ позволил выявить следующие особенности в развитии конфликтологической компетентности мальчиков и девочек. При изучении когнитивного компонента нами обнаружено, что мальчики проявляют несколько большую готовность к согласованию с партнером по общению предмета конфликта и совместному поиску способов его разрешения. В структуре когнитивного компонента конфликтологической компетентности у девочек отсутствует доминирующее представление о наиболее адекватном способе поведения в конфликтных ситуациях. Девочки в равной степени проявляют готовность к использованию как проблемно-разрешающих способов поведения в конфликте, так и к компромиссу и трезвой оценке сложившейся ситуации, т. е. девочки ориентированы на использование различных способов поведения в зависимости от особенностей конфликтной ситуации.

Исследование особенностей развития эмоционально-оценочного компонента конфликтологической компетентности мальчиков и девочек позволило выявить как общее, так и различное. Общим является то, что и для мальчиков, и для девочек характерны трудности, связанные с направленностью на понимание эмоционального состояния, проблем, поведения взрослых. Различия обнаружены в том, что лучше понять внутренний мир и откликнуться на эмоциональные переживания сверстников удается девочкам.

В ходе исследования выявлены также гендерные особенности развития поведенческого компонента конфликтологической компетентности в подростковом возрасте. Если поведение мальчиков в конфликтных ситуациях отличается использованием различных способов поведения в зависимости от конкретной ситуации, то девочки чаще пытаются найти причину возникших противоречий. Для поиска решения, которое удовлетворяло бы обе стороны в конфликте, они прибегают к совместному обсуждению сложившейся ситуации.

Сравнение результатов изучения когнитивного и поведенческого компонентов конфликтологической компетентности мальчиков и девочек показало, что девочки более компетентны в конфликтных ситуациях.

Выявленные особенности развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте свидетельствуют о необходимости организации специальной работы по формированию положительного опыта взаимодействия подростков в ситуациях конфликта.

Следует отметить, что изучение проблемы развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте не исчерпывается данным исследованием. Перспективным является выявление механизмов и закономерностей развития конфликтологической компетентности в этом возрасте, а также изучение особенностей и психологических условий развития конфликтологической компетентности в различные возрастные периоды. Прогностический потенциал данной работы создает предпосылки для проведения исследований по экспериментальному изучению положения и роли подростков с различным уровнем конфликтологической компетентности в системе межличностных отношений, их успешности в учебной деятельности и личностной успешности.

Список литературы

1. Землянушкина О. О. Конфликты между детьми и их разрешение. Занятие для подростков // Школьный психолог. – 2001. – № 43. – С. 12 – 13.
2. Петровская Л. А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология. – 1997. – № 4. – С. 41 – 45.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DEVELOPMENT OF CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE IN ADOLESCENCE

M. Y. Khudaeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
khudaeva@bsu.edu.ru*

The results of studying of psychological conditions of development of conflictological competence in adolescence are analyzed in article. Conflictological competence is considered as the special functional system of self-regulation providing an effective resolution of conflicts which indicator is self-realization of the personality and its self-development. Shown that the development conflictological competence and its components in adolescence have structural-content, dynamic and gender features.

Keywords: conflict, conflictological competence, adolescents.

УДК 159.9:656.7-051

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ПЕРСПЕКТИВЕ

Т. С. Чуйкова

*Башкирский
государственный
педагогический
университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа*

e-mail: chuikova@zmail.ru

В статье представлен анализ особенностей современного рынка труда, связанных с нестабильной, негарантированной занятостью и безработицей. Эти изменения, осложняя и проблематизируя профессиональное развитие человека, диктуют, в свою очередь пересмотр традиционных подходов в области профориентации и карьерного консультирования. Некоторые особенности таких современных подходов автором обозначены.

Ключевые слова: профессиональное развитие, кризис трудовой занятости, способность к занятости, профессиональная карьера, карьерное консультирование.

Качественные изменения рынка труда, отчетливо проявившиеся в последние два десятилетия в большинстве стран мира, повлекли за собой существенный пересмотр традиционных подходов в понимании процессов профессионального самоопределения со стороны зарубежных и отечественных авторов. Такой пересмотр с нашей точки зрения заключается в отказе от рассмотрения профессионального развития в качестве исключительно поступательного процесса.

В зарубежной литературе [19] отмечается, что рассмотрение этапов профессиональной жизни человека, укладывающееся в традиционную триаду детство – зрелость – старость, перестает отвечать изменившимся реалиям на рынке труда. Эту триаду описывают следующим образом: (1) детство имеет своим содержанием учебу и подготовку к профессиональной деятельности; (2) зрелость предполагает выполнение профессиональной деятельности; (3) старость – время окончания профессиональной карьеры и расширения досуга. По мнению авторов, в настоящее время человек в течение своей профессиональной жизни может несколько или много раз оставлять работу по разным причинам и в различные возрастные периоды: для целей повышения квалификации и приобретения новых навыков, освоения новых технологий в рамках своей профессии; переобучения, получения новой профессии; в связи с семейными обстоятельствами; по причине вынужденной безработицы и пр. Период зрелости в настоящее время далеко не всегда представляет собой поступательное движение к вершинам профессионального мастерства, часто имеет более запутанную траекторию. И период старения, отхода от профессиональных обязанностей, также существенно меняется, растягиваясь во времени. Пожилые люди часто предпочитают отдыху продолжение работы, но на иных, более подходящих для них условиях: неполного рабочего дня, неполной рабочей недели, с несколькими отпусками в течение года, работу по специальному контракту, могут начать «вторую» карьеру или открыть собственный бизнес.

Бендюков М. А. (2009) пишет о «ненормативности и нелинейности профессионального пути индивида» в современных изменившихся условиях, о признании нормативного линейно-стадиального профессионального развития как частного случая [1, с. 32]. Мы также можем сослаться на мнение В. А. Толочек, который отмечает в процессе профессионального становления современного человека и «подъемы», и «плато», и «спуски», смены стадий профессионализации и депрофессионализации [14, с. 211 – 212]. О противоречивом развитии человека в современных условиях, о наличии в этом развитии так называемых «обратных», регрессионных и т.п. формах развития отмечается в исследовании А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко (2008) [7]. Отметим, что в традиционной парадигме линейно-стадиальная траектория профессионального развития абсолютно довлеет над иными частными вариантами развития.

Периодизации профессионального развития стали разрабатываться во второй половине прошлого столетия. В периодизации Дональда Сьюпера, получившей, пожалуй, наиболее полное признание, автор выделил четыре стадии:

- 1) стадия исследования (от 15 до 24 лет), происходит поиск профессии, которая бы соответствовала активно формирующейся в эти годы Я-концепции;
- 2) стадия упрочения (от 25 до 44 лет), достижение успеха в избранной профессии побуждает человека утвердиться в сделанном выборе;

3) стадия сохранения достигнутого (от 45 до 65 лет), человек стремится сохранить свое положение на производстве или службе, побуждаемый растущей конкуренцией со стороны более молодых работников и технологическим прогрессом;

4) стадия спада (после 65 лет), человек все больше дистанцируется с миром труда, переходя из позиции активного участника в позицию наблюдателя (Super, 1957, цит. по [22]).

Приведенные стадии дают достаточно отчетливое представление о линейно-стадиальной траектории профессионального развития человека, которая в настоящее время в связи с кризисными явлениями на рынке труда начинает терять свое абсолютное значение.

Мир труда кардинально изменился и продолжает меняться. Так, если раньше конкретная должность традиционно связывалась с определенным набором должностных обязанностей, то теперь в условиях растущей глобализации труда к этому добавляется существенное требование, а именно требование международной конкуренции. В настоящее время, как отмечают зарубежные авторы, рабочий в США, например, вынужден бороться за рабочее место с рабочими из Франции, России, Тайваня, Китая, Польши, Аргентины и любой другой страны мира, занятыми в той же производственной сфере [18, р. 430].

Точкой отсчета кардинальных изменений трудовой занятости в зарубежной литературе часто называют 70-е годы прошлого столетия, увязываемые с началом наступления кризиса занятости, проявившемся в росте безработицы во многих развитых странах мира. После окончания Второй Мировой войны и до конца 1960-х гг. уровень безработицы в странах Европы был очень низким [15]. В 60-е годы средние за десятилетие уровни безработицы составляли в Германии менее 1%, в Великобритании – 1,8 %, в Нидерландах и Бельгии – 2,1 %, во Франции – около 2,3 %; в США соответствующая цифра достигала 4,5 % [10, с. 82 – 83]. В 1970-е гг. картина меняется. Так отмечается, что в странах Европейского Союза общий уровень безработицы к концу 1970-х гг. вырос до 5 % по сравнению с 2 % в начале десятилетия, при этом во Франции и Италии он превысил 6%, а в Испании – 10%. Безработица продолжала расти в следующее десятилетие, достигнув общего показателя по странам ЕС к концу 1980-х гг. 8 %, пик в 9,5 % наблюдался в 1986 г. [15]. Экономисты отмечают, что причины такого роста многообразны: структурные изменения рабочей силы [10], процессы инфляции и неконструктивные методы борьбы с ней [15], просчеты в выстраивании политики поддержки занятости [15], культурные особенности в восприятии ценности работы [10] и др. Так отмечается, что европейцы, потерявшие работу, предпочитают жить на государственные пособия, к чему располагает система ценностей, характерная для европейцев, в которой работа занимает отнюдь не первую позицию (даже в Германии не более 15 % персонала считают деятельность на своем рабочем месте более важной для собственного развития, чем активность за его пределами; аналогичный показатель для США втрое выше – 48 % (Gorz A., 1994, цит. по [10, с. 83])). Этому способствуют и достаточно твердые социальные гарантии для потерявших работу, а также высокий уровень жизни европейцев. Некоторые авторы указывают на «излишне щедрые» пособия по безработице, что способствует более тщательному поиску нового места работы, но, в то же время, удлиняет период безработицы, что также увеличивает общий уровень безработицы [23]. К середине 90-х годов общий уровень безработицы в странах ЕС превысил 11%, при этом для молодых людей в возрасте 16 – 25 лет он достигал 21,5 %, а в ряде регионов, в частности, в Южной Испании, поднимался до 35 % [10].

Страны Восточной и Центральной Европы (в прошлом примыкавшие к Советскому Союзу) в 1990-гг. также претерпевали процессы безработицы вследствие перехода от плановой к рыночной экономике и связанными с этим глубокими трансформациями в хозяйственном и социальном укладе жизни этих стран. Особенно высокий уровень безработицы отмечался в таких странах как Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша и Румыния. В Венгрии в марте 1993 г. безработица достигала 12 %, при этом она была значительно выше на периферии страны, в Восточной Венгрии, и особенно высокой среди молодежи, тех, кто еще только начинал свою профессиональную карьеру, а также среди неквалифицированных работников [17, р. 99].

Даже в благополучной в отношении трудовой занятости Японии в 1990-е гг. наблюдался рост безработицы, ее уровень достиг беспрецедентных для этой страны 5 %, а система пожизненного найма на работу начала разрушаться [17, р. 99]. Таким образом, безработица к 1990-м гг. приобретает глобальный характер, охватывая большое число стран, превращаясь из циклического в устойчивый процесс, тем самым привлекая к себе более активное внимание со стороны ученых и политиков во всем мире.

В нашей стране процессы безработицы обозначились в начале 1990-х гг. в связи с переходом экономики на рыночные отношения. Пик в 12 % в уровне безработицы в переходное де-

десятилетие был достигнут в 1998 г., хотя по прогнозам экономистов, учитывая масштабы падения производства в этот период, безработица ожидалась более высокой [2; 11].

В конце первого десятилетия XXI в. многие страны, включая США и страны Европы, столкнулись с самым тяжелым кризисом безработицы за последние 70 лет. В США к концу 2009 года уровень безработицы достиг рекордной отметки в 10,0%. Показатель неполной занятости к этому же периоду равнялся 17,3 % [4]. Если сложить два эти показателя, то получится, что почти каждый третий в США к этому времени не имел работу или был частично занят и, поэтому, не располагал устойчивыми перспективами на будущее. Социологи и экономисты говорят о происходящей в настоящее время смене стандартизированной, как правило, полной занятости, гибкими, изменчивыми, индивидуализированными, как правило, неполными формами занятости [12; 13].

В условиях классической, полной занятости человек осуществлял трудовую деятельность в рамках единственной профессии, являвшейся источником доходов и самоидентификации, характеризовавшейся непрерывностью и поступательностью вплоть до выхода на пенсию. В настоящее время все большее распространение получают новые формы занятости: на условиях неполного рабочего дня, неполной недели, работы по совместительству, временной работы, самозанятости и др. Все чаще человек вынужден менять сферы своей деятельности или совмещать их в определенные периоды, сочетая разные источники заработка, не имея гарантий их сохранения. Отчетливая разница между занятостью и безработицей стирается, уступая переходным формам, так называемым комбинированным формам занятости, совмещающим в себе элементы занятости и безработицы, представленными в итоге гибкой неполной, изобилующей рисками занятостью [12, с. 107].

Качественно новые явления, наблюдаемые в сфере занятости, становятся заметными и психологам. Так, А. Н. Демин (2006) предлагает для их описания новый термин «индивидуальный кризис занятости», осознавая реальное разнообразие его проявлений, наиболее выраженным из которых называет ситуацию потери работы. На основе результатов своего исследования он описывает эффективные стратегии преодоления такой отчетливо кризисной для человека ситуации, как потеря работы, что может быть использовано специалистами службы занятости в оказании этим людям организационной и иной помощи [5]. М. А. Бендюков (2009) также определяет безработицу в качестве наиболее очевидного проявления кризисности профессионального развития человека на современном этапе и предлагает к использованию систему психологического профконсультирования безработных на рынке труда. В качестве основных характеристик профессионального развития субъекта труда в современных условиях им называются кризисность, нелинейность и ненормативность [1].

Л. Г. Дикая (2007) выделяет профессиональные стрессоры глобализации, связывая их с появлением выраженных угроз сложившейся ранее системе «человек-профессия-общество», что проявляется, по ее мнению, в искажении профессиональной идентичности, формировании профессионального маргинализма и в социально неадекватных профессиональных действиях; усматривает их также в прогрессирующих процессах автоматизации и роботизации производственных процессов, изменяющих, а подчас почти исключаящих человека из управленческого процесса в случае явного примата технократического подхода. В этой связи ею с сотрудниками разработаны и предложены методы формирования новой системы отношения к стрессогенным факторам, повышения жизнеспособности профессионала, оптимизации его деятельности и неблагоприятных функциональных состояний [6].

Постоянный относительно высокий уровень безработицы порождает напряженность на рынке труда, формируя страх стать безработным у занятого населения, а также «провоцируя» работодателей на увеличение интенсивности труда без соответствующего увеличения вознаграждения. Гимпельсон В. и Монусовой Г. было проведено исследование (2010), основанное на мета-анализе и направленное на межстрановое сравнение уровня страха безработицы и выяснение факторов, обуславливающих этот страх. Авторы, воспользовавшись данными Международной программы социальных исследований (ISSP – International Social Survey Programme) за период с 1997 по 2005 гг. по 30 странам, зафиксировали значительную межстрановую вариацию в значениях индекса страха безработицы. В наименьшей степени, по их данным, ее боятся жители англосаксонских и Скандинавских стран, в наибольшей – постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Такие различия носят, по мнению авторов, достаточно устойчивый характер. На основе анализа данных авторы также отмечают, что фактический уровень безработицы повышает страновой индекс страха. Для постсоциалистических стран эта зависимость слабее, поскольку здесь высокий уровень опасений возможен и при умеренной безработице. Это, по предположению авторов, отражает как более рациональное

отношение населения стран с развитой капиталистической экономикой к реальным рискам на рынке труда, так и наличие в этих странах эффективных механизмов социальной поддержки безработных. Страх безработицы варьирует по отдельным социальным группам между странами и внутри стран. Например, «боящихся», при прочих равных условиях, меньше среди мужчин, обладателей высшего образования, работников в младших и старших возрастных группах, имеющих семью. Занятость в государственном секторе ослабляет опасения потерять работу [3].

Современные зарубежные авторы, работающие в области карьерного консультирования, называют в качестве важного фактора в работе консультанта определение профессиональных интересов клиента. Основным методологическим ориентиром в такой деятельности выступает теория Джона Холланда, в соответствии с которой выделяется шесть типов интересов: реалистический (Realistic – R), исследовательский (Investigative – I), артистический (Artistic – A), социальный (Social – S), предпринимательский (Enterprising – E), конвенциональный (Conventional – C). В соответствии с выделенными типами теория Холланда в зарубежной литературе обозначается как RIASEC-теория (по начальным буквам этих типов). По отношению к сферам занятости или профессиональным средам автором выделяются те же шесть типов (см. [16]). Мера соответствия между типом профессиональных интересов личности и типом профессиональной среды определяет в существенной степени продуктивность и удовлетворенность профессиональной деятельности человека. Можно говорить о некотором сходстве типов, выделенных Холландом, с классификацией типов профессий Е. А. Климова: «человек – человек» (социомический тип) – реалистичный, социальный и интеллектуальный типы; «человек – техника» (технономический тип) – реалистичный тип; «человек – природа» (бионический тип) – реалистичный и интеллектуальный типы; «человек – знаковая система» (сигнономический тип) – конвенциональный тип; «человек – художественный образ» (артономический тип) – артистический тип (см. [8, с.21]).

Типы личности в типологии Холланда соотнесены с отдельными параметрами «Большой пятерки». Готтфредсон с коллегами (Gottfredson et al., 1993 – цит. [8, с. 22; 9, с. 36]) отмечают, что предпочтительный выбор профессий социального или предпринимательского типов можно уподобить экстраверсии, а конвенциональные предпочтения – добросовестности.

На основе теории Холланда разработаны и используются в различных странах (в том числе в России) методики для выявления профессиональных интересов. Причем подобного рода инструментарий используется со школьниками, взрослыми респондентами в ситуации уточнения или изменения профессионального выбора, а также в консультировании безработных. Методики хорошо интегрируются с отечественным инструментарием, логично встраиваясь в диагностические программы, решающие комплекс взаимосвязанных оценочных задач. Кроме того, методики, разработанные в соответствии с типологией Холланда, не только позволяют определить направленность профессиональных интересов клиента, но и ориентируют в направлении оказания консультативной помощи, в частности через установление соответствия профессиональных интересов рабочей среде и проведении мероприятий, способствующих их взаимному сближению. Алгоритм подобной работы логично вписывался в условия стабильной работы, которые в настоящее время в связи с процессами глобализации и информатизации трансформируются в реальность негарантированной, связанной с многочисленными рисками, занятости. Как отмечает Марк Савискас «... для человека, выбирающего род занятий и обдумывающего свою будущую профессиональную карьеру, мир труда XX-го в. вызывает чувства тревоги и неуверенности» [24, р. 13].

Кризисные явления в трудовой занятости, следствиями которых являются недостаток стабильной работы, ее негарантированность, потенциальная угроза ее лишиться, побуждают психологов пересматривать традиционные подходы в области профориентации и психологического сопровождения профессиональной карьеры. В зарубежной психологии предложен новый термин, – способность к занятости (employability), рассматриваемый авторами как комбинация трех компонентов: (1) личностной адаптивности, (2) профессиональной идентичности, (3) социального и человеческого капитала [20]. Адаптивность относится к готовности и способности индивида менять свои поведение, чувства и мысли в соответствии с требованиями среды. Второй компонент – профессиональная идентичность – представляет собой способ, посредством которого индивид определяет себя в контексте профессии, своего рода «когнитивный компас», используемый для управления возможностями, которые предоставляет профессия. Сюда относятся мотивационные установки, личностный смысл и индивидуальные ценности, связанные с профессией. Под человеческим капиталом понимаются образование, опыт работы, навыки, уровень квалификации, профессиональные умения и знания. Вкладывая в свое последующее образование, индивид увеличивает свой человеческий капитал, тем самым развивая способ-

ность к занятости. Социальный капитал отражает интерперсональный аспект в рассматриваемом конструкте, охватывает социальные сети формального и неформального характера, имеющиеся у индивида, и прямо или косвенно относящиеся к его профессиональной деятельности.

Как показывают результаты эмпирических исследований способность к занятости, представленная тремя описанными компонентами, обеспечивает, при прочих равных условиях, не только успешное вхождение в должность, последующую стабильную работу, но и повышает вероятность к возобновлению трудовой занятости после потери работы [21], что побуждает зарубежных специалистов в области организационного консультирования использовать данный конструкт и связанный с ним инструментарий в консультировании и проведении иных поддерживающих мероприятий как с работающим персоналом, так и с безработными.

Зарубежные авторы, отмечая кардинальные изменения, произошедшие в наступившем веке в профессиональной карьере, переосмысливают ее как «карьеру без границ», непостоянную, изменчивую, подстраивающуюся под требования постоянно меняющихся работодателей или, по выражению Чарльза Хэнди, как «портфель работ» (цит. по [24, р. 13]; см. также [12, с. 115 – 116]). Отмечается также, что взамен стабильной работе, когда человек мог в течение 30 лет работать по одной профессии и даже в одной организации, в условиях современного рынка труда работник вынужден будет сменить, по крайней мере, 10 работ [24, р. 13]. Вслед за констатацией признаков кардинального изменения рынка труда эти авторы предлагают и обосновывают необходимость изменений в подходах и технологиях организационного консультирования, отмечая, в частности, что классический подход, принятый в профессиональной ориентации, связанный, прежде всего, с именем Дж. Холланда, должен быть дополнен подходами, учитывающими новые реалии современного рынка труда.

Основное направление в развитии практики организационного консультирования касается изменения позиции клиента консультативного процесса на более активную и рефлексивную. Консультант не столько рекомендует, а тем более не указывает и не диктует, а в большей степени выступает в роли фасилитатора процесса обдумывания, взвешивания всех «за» и «против» и принятия решений клиентом по поводу своей профессиональной карьеры. При этом консультант может использовать диагностические методики, чтобы помочь клиенту прояснить и осознать некоторые его личностные и иные характеристики, значимые для принятия решения. Специальные технологии, используемые консультантом, определяются его теоретической ориентацией. В качестве специфичных для карьерного консультирования организационных форм можно назвать интервенции по планированию карьеры и коучинг.

Изменяющиеся условия, в которых осуществляется время трудовая занятость, настолько диктуют, чтобы современный человек-профессионал мог выполнять функции менеджера в организации собственной профессиональной карьеры: ее планировании, обеспечении соответствующими интеллектуальными, эмоциональными и деятельностными ресурсами, мотивировании и стимулировании ее развития. Условия глобализации, усложняя и проблематизируя профессиональное развитие человека, часто лишая его ясных ориентиров на этом пути, тем самым побуждают к более осознанному формированию профессиональной идентичности, ее постоянному обогащению и укреплению, и выстраиванию на ее основе удовлетворяющей человека и не противоречащей интересам общества траектории своего профессионального пути. Именно на реализацию этих задач, с нашей точки зрения, должны быть направлены различные направления карьерного консультирования.

Список литературы

1. Бендюков М. А. Психология профессионального кризиса у безработных: автореф. дисс. докт. психол. н. – СПб., 2009.
2. Вереникин А. О., Волошин Д. И. Трансформационная экономика нынешней России и США периода «Великой депрессии» // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2003. – № 2. С. 61 – 80.
3. Гимпельсон В., Монусова Г. Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений // Вопросы экономики. 2010. – № 2. – С.117 – 138.
4. Глобализация рынков труда: Динамика, проблемы, перспективы: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. – М., 2010. – 250 с.
5. Демин А. Н. Психологические механизмы поведения личности в условиях безработицы / Психологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 31 – 43.
6. Дикая Л. Г. Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации / Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – №3.
7. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 2. – С. 5 – 15.
8. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. – СПб.: Питер, 2011. – 432 с.

9. Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
10. Иноземцев В. Модели постиндустриализма: сходство и различия // Общество и экономика. – 2003. – № 5. – С. 51 – 96.
11. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2001. – 309 с.
12. Попов Ю. Н., Шевчук А. В. Введение в социологию труда и занятости: учеб. пособие. – М., 2005. – 200 с.
13. Сидорина Т. Ю. Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху / Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 32 – 45.
14. Толочек В. А. Современная психология труда: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 479 с.
15. Blanchard O. European unemployment: the evolution of facts and ideas // Economic Policy. 2006. V. 21 (45). – P. 5 – 59.
16. Bullock-Yowell E., Andrews L., McConnell A., Campbell M. Unemployed adults' career thoughts, career self-efficacy, and interests: any similarity to college students? / Journal of employment counseling. 2012. V.49. – P. 18-30.
17. Career guidance and counseling through the lifespan: systematic approaches // Edwin L. Herr, Stanley H. Gramer, Spencer G. Niles. – 6th ed. Boston: Pearson Education, 2004.
18. Cavanaugh J., Blanchard-Fields F. (Eds.) Adult development and aging. Northampton, MA, US: Edward Elgar Publishing, 2005.
19. Czaja S. J., Sharit J. Introduction. Emerging challenges for organizations and older workers in the twenty-first century // Aging and work: issues and implications in a changing landscape / S.J. Czaja, J. Sharit (eds.) – Baltimore: the Johns Hopkins University Press, 2009.
20. Fugate M., Kinicki A.S., Ashforth B.E. Employability: a psycho-social construct, its dimensions, and applications / Journal of Vocational Behavior. – 2004. – V. 65 (1). 14.
21. McArdle S., Waters L., Brisco J.P., Hall D.T. Employability during unemployment: adaptability, career identity and human and social capital / Journal of Vocational Behavior. – 2007. – V. 71. – P. 247 – 264.
22. Nowlan J. Career management and development // Work psychology: an introduction to human behaviour in the workplace / Matthewman L., Rose A., Hetherington A. (eds.). N. Y.: Oxford University Press, 2009. – P. 182 – 203.
23. Pollmann-Schult M., Buchel F. Unemployment benefits, unemployment duration and subsequent job quality: evidence from West Germany // Acta Sociologica. Vol. 48 (1), 2005. P. 21 – 39.
24. Saviskas M. L. Life design: a paradigm for career intervention in the 21st century / Journal of counseling and development. 2012. V.90. – P. 13 – 19.

VOCATIONAL DEVELOPMENT OF PERSON IN MODIFIED PROSPECTS

T. S. Chuykova

*Bashkir State
Pedagogical University
of Ufa
named after M. Akmullah*

e-mail: chuikova@zmail.ru

The article describes the main distinctive features of contemporary labour-market, such as unsecured employment and unemployment. Contemporary labour-market conditions hamper vocational development of person as well as require new approaches in conducting vocational guidance and career counseling. Some kinds of such contemporary approaches are marked by the author.

Keywords: vocational development, crisis of work employment, employability, vocational career, career counseling.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алешникова Л. П.** – старший преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования Белгородского государственного института искусств и культуры
- Арабият Р.** – аспирант кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Багана Ж.** – профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Биль О. Н.** – старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации международного факультета Белгородского национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Блажевич Ю. С.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Бойченко О. В.** – доцент кафедры психологии Таганрогского государственного педагогического института имени А. П. Чехова, кандидат педагогических наук
- Бондаренко Е. В.** – доцент кафедры второго иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Бондарь М. А.** – заместитель директора Российского центра науки и культуры в Братиславе, Словакия
- Бубырева Ж. А.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Волкова А. Е.** – научный консультант АНО «Институт политического анализа и стратегий», г. Воронеж
- Воронова Н. Г.** – доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии, кандидат филологических наук, г. Барнаул
- Григораш Э. В.** – старший преподаватель кафедры германских языков Военного университета Минобороны России, г. Москва
- Данилова Е. С.** – ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Докучаева И.** – аспирант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ерошенкова Е. И.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Зверева Д. В.** – студентка факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зейналова С. С.** – доцент кафедры иностранных языков Азербайджанского университета языков, кандидат филологических наук, г. Баку
- Исаев И. Ф.** – заведующий кафедрой педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук

- Исаева Н.И.** – профессор кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук
- Ирхина И. В.** – профессор кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Карнаухов В. А.** – доцент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Карпенко И. И.** – доцент кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Колесникова В. В.** – магистрант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Копытина Н. Н.** – старший преподаватель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Короченский А. П.** – заведующий кафедрой журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Кузьмина В. М.** – доцент кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
- Куприева И. А.** – доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Куцова Ю. А.** – ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Медведева Н. Г.** – старший преподаватель кафедры методики начального образования Курского государственного университета, кандидат педагогических наук
- Нечаев Д. Н.** – председатель экспертного совета АНО «Институт политического анализа и стратегий», г. Воронеж, доктор политических наук
- Нойгебауер Т. А.** – учитель немецкого и английского языков гимназии им. Джека Штайнбергера, г. Бад Киссинген, Германия
- Нуриев В. А.** – доцент кафедры иностранных языков Института языкознания Российской академии наук, кандидат филологических наук, г. Москва
- Панченко А. О.** – магистрант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Перкова А. А.** – аспирант кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Питерскова Т. А.** – доцент кафедры немецкого языка и методики преподавания немецкого языка Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского

- Попкова Д. А.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Прохорова О. Н.** – профессор кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Сапронова Е. А.** – студентка педагогического отделения факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Труфанова Е. О.** – магистрант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Турок Е. М.** – доцент кафедры общей и социальной психологии Смоленского гуманитарного университета, кандидат психологических наук
- Фирсова Н. Г.** – ассистент кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии, аспирант заочной формы обучения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Худаева М. Ю.** – доцент кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Цыбуля Н. С.** – аспирант кафедры немецкого языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чекулай И. В.** – профессор кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Черкасов В. А.** – профессор кафедры педагогики и методики начального образования педагогического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Чернова О. О.** – соискатель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чуйкова Т. С.** – заведующая кафедрой практической психологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат психологических наук, доцент, г. Уфа
- Чумак-Жунь И. И.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шеховская Н. Л.** – профессор кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Шпицьина Г. М.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Янутик С. Я.** – старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

1) по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

2) по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с обществом» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	<div style="font-size: 3em; line-height: 1; padding: 0 10px;">}</div> <div style="text-align: center;"> <p><i>на русском
и английском
языках</i></p> </div> <div style="font-size: 3em; line-height: 1; padding: 0 10px;">}</div> <div style="text-align: center;"> <p><i>на русском
языке</i></p> </div> |
|--|---|

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;

- текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – **10 пт.**
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

*Приложение 1. Оформление статьи***УДК 808.2-318+802.0-318****КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Keywords: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Алефиренко Н.Ф.**

– профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение той же таблицы, расположенной на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и подрисуночную подпись, расположенные ниже рисунка и отцентрированные.

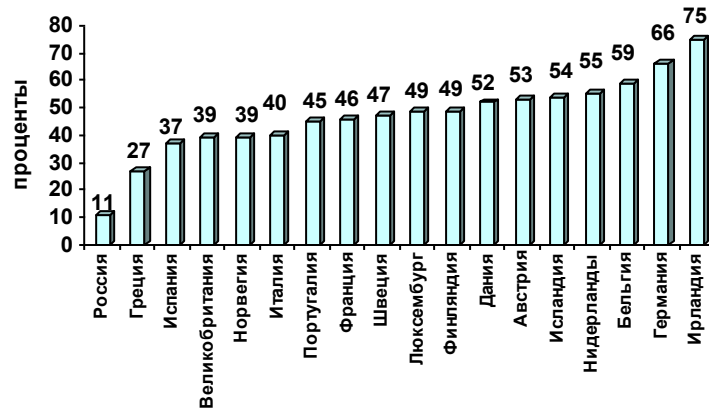

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

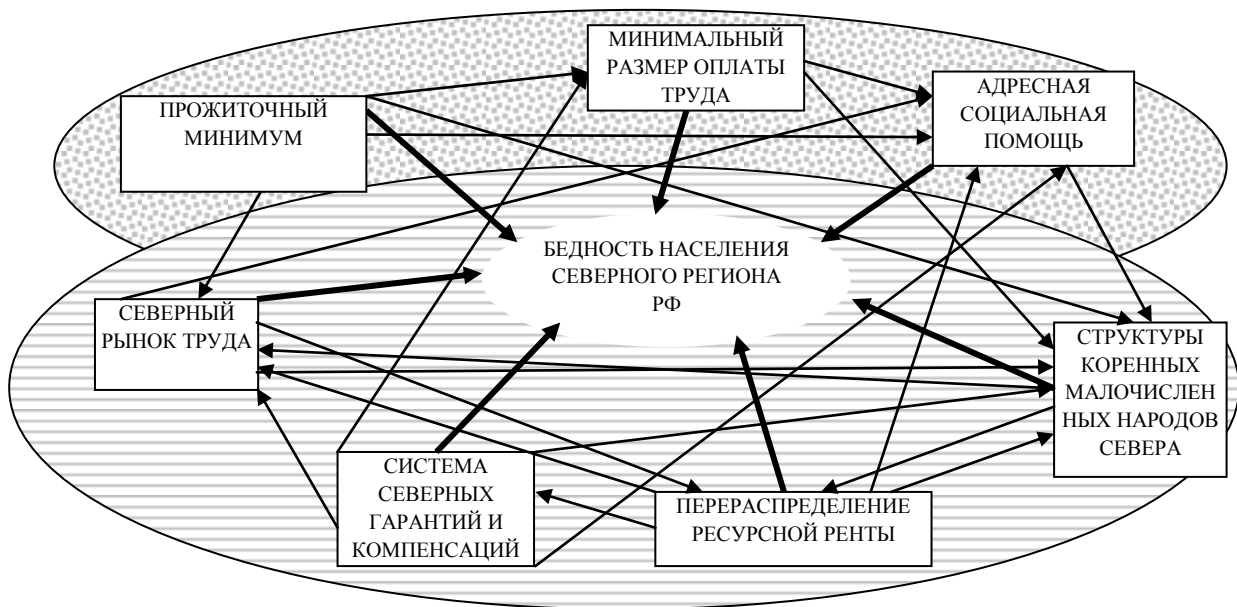

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.